

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ОРЛОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ И.С. ТУРГЕНЕВА»**

Институт иностранных языков

**ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. КОММУНИКАЦИЯ:
ИЗУЧЕНИЕ И ОБУЧЕНИЕ**

Сборник научных трудов
VII Международной научно-практической конференции
12-13 октября 2023 года, г. Орёл

ОГУ имени И.С. Тургенева
Орёл 2023

УДК 811.15 (08)

ББК 81.2

Я 41

Рецензенты:

Зыкова И. В.

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН

Огольцева Е. В.

доктор филологических наук, профессор Московского педагогического государственного университета

Я 41 **Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение.**

Сборник научных трудов VII Международной научно-практической конференции 12–13 октября 2023 г. (г. Орел, ОГУ имени И. С. Тургенева). – Орёл: ОГУ имени И. С. Тургенева, издательство «Картуш», 2023. – 396 с.

ISBN 978-5-9708-1118-4

Сборник научных трудов отечественных и зарубежных ученых посвящен актуальным проблемам лингвистики в аспекте взаимосвязи языка, культуры, коммуникации, проблемам обучения иностранному языку и переводу, проблемам когниции, коммуникации и анализа дискурса.

Издание адресовано лингвистам, филологам, специалистам в области методики, перевода, межкультурной коммуникации, студентам, магистрантам, аспирантам, всем, кто интересуется проблемами языка, культуры, коммуникации в их взаимодействии.

Статьи публикуются в авторской редакции.

УДК 811.15 (08)

ББК 81.2

ISBN 978-5-9708-1118-4

© Коллектив авторов, 2023

© ОГУ имени И.С. Тургенева, 2023

© ООО ПФ «Картуш», 2023

Редакционная коллегия:

- Якушев Максим Валерьевич – директор Института иностранных языков,
кандидат педагогических наук, доцент
- Абакумова Ольга Борисовна – профессор кафедры английской филологии,
доктор филологических наук, доцент
- Бакина Анна Дмитриевна – заведующая кафедрой английской филологии,
кандидат филологических наук, доцент
- Иванова Оксана Юрьевна – заведующая кафедрой иностранных языков,
кандидат педагогических наук, доцент
- Клочков Алексей Валерьевич – заведующий кафедрой немецкого языка,
кандидат филологических наук, доцент
- Ретинская Татьяна Ивановна – заведующая кафедрой романской филологии,
доктор филологических наук, доцент
- Макарова Наталья Анатольевна – заведующая кафедрой иностранных языков
сфере в профессиональной коммуникации,
кандидат филологических наук, доцент
- Щекотихина Ирина Николаевна – заведующая кафедрой английского языка,
кандидат филологических наук, доцент
- Калашникова Лариса Валентиновна – профессор кафедры английского языка,
доктор филологических наук, профессор
- Новикова Татьяна Васильевна – доцент кафедры английской филологии,
кандидат филологических наук, доцент
- Александрова Анжелика Паруйровна – доцент кафедры английской филологии,
кандидат филологических наук, доцент
- Комарова Алла Михайловна – доцент кафедры английской филологии,
кандидат филологических наук, доцент
- Иванишин Дмитрий Александрович – доцент кафедры английской филологии,
кандидат филологических наук, доцент
- Яковлева Юлия Михайловна – доцент кафедры английской филологии,
кандидат педагогических наук, доцент
- Тимошенко Ирина Владимировна – доцент кафедры английской филологии,
кандидат филологических наук
- Кирюхина Надежда Владимировна – ассистент кафедры английской филологии

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ, ПЕРЕВОДА, КУЛЬТУРЫ, КОММУНИКАЦИИ.....	8
Абакумова О. Б. Антропный код культуры в пословицах о счастье: к вопросу о методологии интерпретации пословиц.....	8
Богданова Л. И. Культурные эталоны красоты в русской языковой картине мира.....	15
Боева-Омелечко Н. Б. Антонимия без антонимов.....	21
Бриз Эндрю Чарльз Gytha, English Consort to Vladimir Monomakh (d. 1125) of Kiev.....	27
Иванова С. В. Акциональная бытийность в нарративе песен американского кантри.....	31
Карасик В. И. Осмысление мирной жизни в паремиологии и афористике.....	37
Орлова О. С. О некоторых особенностях не прямых именовании в современном англоязычном интернет-пространстве.....	43
Петрова О. В. О явных и скрытых ошибках машинного перевода.....	49
Савицкий В. М. Соотношение устойчивости и моделированности лингвистических единиц.....	55
Юдкин-Рипун И. Н. Идиоматические антитезы и перипетии как фактор связности повествования в «Жизни Климса Самгина» Максима Горького.....	61
НАУКА МОЛОДЫХ.....	70
Абрамкина А. С. Библиейские имена в польской, русской, английской и французской фразеологии: сходства и различия.....	70
Аксенчикова-Бирюкова А. А. Современный перевод китайской классической поэзии на русский язык.....	75
Гокова Е. И. Невербальные средства утешения как компонент коммуникативной ситуации (на материале произведений англоязычных авторов XXI века).....	79
Егупова А. А., Тимошенко Ю. В. К вопросу о проблеме перевода детерминативов в текстах переводов с русского на английский язык (на материале глав романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»).....	85
Завтрикова П. С. Влияние местоименных распространителей на реализацию значений полисеманта <i>путь</i>	90
Коньгина Е. А. К вопросу о классификации пейоративных синонимов французских аргос.....	96
Кошелев С. С. К вопросу об исследовании эвфемизмов на тему отношений между мужчиной и женщиной в контексте когнитивной лингвистики.....	101
Куликова В. А. Темпоральные характеристики лингвокогнитивных сравнительных моделей с немецкими антропонимами.....	106
Подольская Е. А. Метафорика французского солдатского аргос.....	110
Постерняк К. П. Репрезентация негативных этнических стереотипов в англоязычном сегменте сети «интернет».....	115
Сачиви Родольфо Жан Батист Феномен счастья в пословицах Бенина.....	120
Сапронова П. И. Адекватность и эквивалентность в переводе художественного текста (на примере романа Донны Тартт «Тайная история»).....	126

Цуканов М. В. Числовой код культуры в русском и английском паремическом дискурсе..	133
Е Юй Чизнь Лингвокультурологические сходства и различия в языковой картине мира русско-украинско-китайских пословиц на примере тематической группы активных русских словосочетаний «счастье – беда»	137
СЕКЦИЯ 1: ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, КОММУНИКАЦИЯ: ТРАДИЦИЯ И ИННОВАЦИЯ	143
Азарова И. В., Ромаднинова О. А. К вопросу о влиянии рекламы на процесс инкультурации молодежи в современном обществе	143
Бирюкова И. А. К вопросу об актуальном членении или функциональной перспективе предложения	148
Ващекина Т. В. Возможности русского и испанского языков для выражения «удивления»	155
Волошина С.В. Вербализация концепта «Работа» в делопроизводственных автобиографических текстах	159
Глебова Я. А. Социолингвистическая роль языка дьюла в Кот-д'Ивуаре	165
Коростеньский Йиржи Территориальные и социальные диалекты во взаимодействии (на материале дулебского диалекта и лексики стекольщиков)	168
Кузьмина О.А. Об одном из продуктивных словообразовательных механизмов французского молодежного аргота	172
Лысенко Н. Е. Стилистические особенности формирования экологического сознания в англоязычном произведении Рейчел Карсон «Безмолвная весна»	176
Мартынова Е. М. Ритуал как элемент коммуникативной безопасности	180
Нигматуллина Э. Р. Основные функции метафоры, сопряженной с эмоцией, в тексте политических мемуаров	184
Шашкова В. Н., Пирожкова Ю. С. К вопросу о семантическом наполнении концептов «преступление» и «crime»	188
Щекотихина И. Н., Маслик Е. А. Вежливость по-английски: опыт полиаспектного рассмотрения	194
СЕКЦИЯ 2: ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ: ПОДХОДЫ, ПРОЕКТЫ, РЕСУРСЫ, ТЕХНОЛОГИИ	202
Бондарева Н. А., Замуруева Н. А. Использование искусственного интеллекта в процессе обучения иностранным языкам	202
Борискина О. В. О фонетических упражнениях на занятиях РКИ (элементарный уровень)	210
Пегина Т. П. Особенности изучения лексики русского языка в иноязычной аудитории	214
Терновых Т. Ю., Филиппова Л. Б. Возможности образования креативной иноязычной среды на уроках иностранного языка	219
Шульдешова Н. В. Психолингвистические аспекты многоязычия	222
Яковлева Ю. М. Инновационные процессы в современном иноязычном образовании	227
Якушев М. В., Плахова М. В. Потенциал концептов в формировании содержания обучения иностранным языкам	234

СЕКЦИЯ 3: ПЕРЕВОД В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ.....	239
Говенько А. М. Проблема адекватности перевода в современной лингвистике (на примере стихотворения Р. Бернса “Честная Бедность”)	239
Клочков А. В. О неизбежных потерях при переводе художественного текста.....	243
Кушнина Л. В. К экспликации понятия переводческой стратегии как методологического принципа перевода научных и технических текстов	247
Новиков А. В. Об особенностях и принципах работы нейронного машинного перевода	252
Новикова Т. В., Иванищева П. И. О приёмах перевода фразеологических единиц в художественном тексте	258
Цуканова Е. М. Вариативность способов лингвокультурной адаптации национально-культурного компонента в иноязычном тексте (на материале перевода фразеологизмов) ...	264
СЕКЦИЯ 4: ДИСКУРС И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ	270
Ефимова Т. Г. Структурно-семантические особенности сравнительных конструкций в поэзии И.А. Бродского	270
Зимони-Калинина И. Е. Из опыта перевода на венгерский язык книги митрополита Илариона (Алфеева) «Иисус Христос. Биография»	274
Калашникова Л. В. Когнитивное моделирование концепта «время» в стихотворении “Time” Percy Bysshe Shelley	280
Колышанова Е. Г. Структурно-семантические особенности несогласованных определений (на материале романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо»)	288
Корзинина А. А. Особенность рецепции творчества А.А.Фета в Чехии на фоне исторической и литературной обстановки с конца XIX века до начала XX века.....	294
Скрипкина Г. В. Функции пассива в структуре художественного текста (на примере повести Г. Гессе «Под колесом»)	299
СЕКЦИЯ 5: СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ СМИ И ИНТЕРНЕТ КОММУНИКАЦИИ	308
Анищенко А. В., Диденко В. Д. Устные воспоминания-интервью как медиатекст (на примере немецкого языка)	308
Долгова Е. В., Кравцова А. А. Особенности использования речевых средств в медийном дискурсе	313
Иванишин Д. А., Кононова М. В. Лексические и лексико-синтаксические средства оказания речевого воздействия в англоязычных СМИ	318
Осипова О. С. Когнитивная метафора как средство создания комического образа в американском политическом медиадискурсе (на примере новостных статей)	326
Пакус В. О. Средства реализации стратегии дискредитации в выступлениях Х. Клинтон и Д. Трампа 2016-го года.....	331
Разворотнева И. Н. Топонимы как средство вторичной номинации в испанских медиатекстах.....	337
Филичкина Т. П. Символизм топонимов в англоязычном медийном дискурсе	342

СЕКЦИЯ 6: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФРАЗЕОЛОГИИ И ПАРЕМИОЛОГИИ.....	349
Бакина А. Д. Лингвокогнитивная парадигма исследования библейской фразеологии.....	349
Василенко А. П., Рыбакина В. С. Заварить кашу – и кататься как сыр в масле: о гастрономическом коде культуры в языковых единицах (на материале фразеологизмов)....	355
Загоруй А. А. Переводные эквиваленты пословиц о времени и концептуальные признаки пословичного концепта <i>Время</i>	359
Кирюхина Н. В. Сравнительная динамическая референциальная типология пословиц и антипословиц английского языка, включающих в свою структуру гендерно-маркированный компонент	364
Колесникова А. В. К вопросу о переводимости пословиц (на материале немецких, русских и японских пословиц о правде).....	369
Котова М. Ю. Облик респондентов социолингвистического паремиологического опроса СПбГУ 2022 года	375
Мещерякова О. А. Библейский фразеологизм в художественном тексте.....	379
Мушницкая В. В. Метод компаративизма в паремиографии (на материале сборника И. Я. Франко «Галицько-руські народні приповідки»)	384
Проконина Н. И. Лингвокультурологические аспекты ФЕ-терминов современного делового английского языка в сопоставлении с русскими	389

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ, ПЕРЕВОДА, КУЛЬТУРЫ, КОММУНИКАЦИИ

УДК [811.161.1+811.111]:398.91

Антропный код культуры в пословицах о счастье: к вопросу о методологии интерпретации пословиц

Ольга Борисовна Абакумова

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, Орел, Россия
Доктор филол. наук, доцент, профессор кафедры английской филологии
abakumova-ob@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам декодирования культурных смыслов антропного кода культуры в процессе лингвокультурологического анализа пословиц о счастье. Исследование проводилось на материале русских и английских паремий. Использовался интегральный метод интерпретации паремий при сравнительно-сопоставительном исследовании пословиц тематической группы Счастье.

Ключевые слова: паремии, семантика, культурные коды, счастье, сопоставительный анализ.

Anthropic Code of Culture in Proverbs of Happiness: on Methods of Interpretation of Proverbs

Olga B. Abakumova

Oryol State University named after I.S. Turgenev, Oryol, Russia
Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor of English Philology
Department
abakumova-ob@mail.ru

Abstract. The paper covers the problems of decoding anthropic linguo-cultural analysis of proverbial semantics. The study was based on the data of Russian and English proverbs about happiness. The integral method of interpretation of paremia was used.

Keywords: proverbs, semantics, cultural codes, happiness, cross-cultural analysis.

Интерпретация (interpretation; Interpretation, Auslegung, Deutung; interprétation) – когнитивный процесс и одновременно результат в установлении смысла речевых и/или неречевых действий (1, с. 31). Коды культуры понимаем как систему знаков материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов; способ сохранения и передачи культурной информации

(2, с. 40). Тематическая классификация кодов заключается в объединении общей темой различных по субстанции знаков, отражающих культурную интерпретацию и являющихся модельной сферой для разработки методологии интерпретации фразеологизмов (3). Мы определяем пословицу как самый сложный языковой знак, фразеологизм со структурой предложения, наделенный текстовыми характеристиками и прагматическими функциями, используемый в речи как косвенный речевой акт, тактическое средство реализации коммуникативной стратегии говорящего. Взятые в совокупности своих интертекстуальных связей, образности и оценочности, они передают национально детерминированные представления об абстрактных сущностях и их видение в данной культуре». Пословицы чаще всего метафорически мотивированы, хотя существуют и пословицы-максимы с прямой мотивацией значения. Все пословицы обладают обобщенным, proverbiallyм значением, а также содержат в семантике указание на деонтические нормы социального поведения (4), которые могут быть выражены как эксплицитно, в виде императива, так и имплицитно, и тогда их смысл выявляется в контексте использования.

Предметом анализа в данной статье является декодирование культурных смыслов, закодированных антропной и какой-либо другой метафорой в русских и английских пословицах о счастье. В процессе анализа будем опираться на определение антропного кода в БФСРЯ 2006, модель антропного кода культуры во фразеологической картине мира как иерархию субкодов, предложенную Л.В. Савченко (3), а также на наши исследования пословиц о счастье с применением модели КДМ (5).

Под **антропным**, или собственно человеческим, кодом культуры будем понимать совокупность наименований человека в целом и представлений о нем, связанных с ментальными, интеллектуальными, эмоциональными, деятельностными проявлениями, несущие в дополнение к природным свойствам функционально значимые для культуры смыслы, которые и делают их знаками «языка» культуры (6, с. 47).

Антропный код является ведущим в каждой лингвокультуре, поскольку каждый человек живет и проявляет себя в рамках определенной культуры, он дает имена предметам, явлениям, отношениям, интерпретирует окружающую его действительность и свой внутренний мир, опираясь на существующие в культуре образцы и стереотипы.

Рассмотрим возможные субкоды I и II уровней для представления антропного кода культуры на материале русских и английских пословиц о счастье по материалам наиболее авторитетных словарей пословиц.

1. Антропоморфный субкод выявляется в паремиях, содержащих общие наименования человека, названия по профессии или по социальному статусу, этнонимы, несущие дополнительные культурные характеристики и придающие этим лексемам семиотический статус единиц «языка» культуры:

1.1. антропно-иерархический СК II уровня:

Happiness is up; Счастье на коне, несчастье под конем (квалитатив высокого положения/успеха);

1.2. антропно-социальный СК:

Бедя на тройке, а счастье ходит пешком (квалитатив социальной несправедливости); Who can sing so merry a note, as he that cannot change a groat (квалитатив независимости от социального положения);

1.3. антропно-национальный СК:

Что русскому хорошо, то немцу смерть (квалитатив национальной специфики);

1.4 антропно-профессиональный СК:

Сапожник всегда без сапог (профессиональный негативный квалитатив); Всякий (всяк) своего счастья кузнец; Everyone is an architect of his own happiness (квалитатив творческого созидания/акциональный квалитатив); Счастье и труд рядом живут (квалитатив труда);

1.5. антропно-семейный СКП:

Лучший клад – когда в семье лад (квалитатив семейного счастья); Harry is he, who is happy with his children (квалитатив успеха в детях/детских успехах); Где любовь да совет, там и горя нет (квалитатив доброго согласия); Деньги – прах, одежда тоже, а любовь всего дороже (квалитатив взаимной любви);

1.6. гендерный подкод (СКК П уровня)

Гендер как понятие, возникшее исторически позднее по отношению к понятиям пол и род, является категорией выводного знания, отражающей определенные признаки и свойства последних. Степень их взаимосвязи варьирует и носит индивидуальный характер для каждого отдельно взятого общества, поскольку во многом зависит от особенностей социально-исторического развития, оказывающего непосредственное влияние и предопределяющего ход и направление дальнейших культурно-лингвистических изменений (7, с.8).

1.6.1. гендерный феминативный (женское счастье):

С милым хоть на край света (квалитатив самоотверженности); Не родись красивой, а родись счастливой (квалитатив удачи); Harry is she who marries the son of a dead mother (квалитатив отсутствия свекрови); Муж – голова, жена – шея: куда шея повернет, туда и голова повернется (квалитатив главенства в семейной жизни);

1.6.2. гендерный маскулятивный (счастье мужчины):

A cheerful wife is the joy of life (квалитатив бодрой, неунывающей жены как источника счастья мужчины); Путь к сердцу мужчины лежит через желудок (маскулятивный гастрономический квалитатив); Без жены – как без шапки (квалитатив защиты, здоровья, благополучия);

1.7. антропно-онимный (антропонимический) субкод

Под антропонимическим субкодом культуры будем понимать совокупность собственных имен с конкретной, неопределенно-обобщенной или фикциональной референцией, обозначающих персоны (реальные и вымышленные лица и группы лиц) и персонажи (антропные и антропоморфные), которые были выделены в мировой и/или национальной культуре в качестве мифологем, символов, эталонов и стереотипов [8, с.150].

*Хороша невеста Аннушка: хвалят мать и бабушка (квалитатив невесты);
Счастье тому, у кого Настя в доме (квалитатив жены, хозяйки); На каждого
Ивана своя Марья найдется; Every Jack has his Jill (квалитатив
предрешенности); Merry Andrew (квалитатив напускной веселости); Пока
Иван в дуду играет, Марья с голоду помирает (квалитатив несправедливости);
Каков Ананья, такова у него и Маланья (квалитатив справедливости).*

Коллективный субъект рекомендует в большинстве своем утилитарные нормы социального поведения и видит источники счастья в высоком положении в обществе, в реализации в профессии, в успешной семейной, мирной жизни Англоязыч. Рекомендуемые этические нормы связаны с идеей социальной справедливости, творческим отношением к работе, трудовой деятельностью, самоотверженными и искренними отношениями в семье.

2. Антропно-ментальный субкод это совокупность наименований представлений человека, связанных с ментальными проявлениями и их названиями, несущими дополнительную культурно значимую характеристику и придающими этим номинатамам роль знаков языка культуры (3). Код основан на отражении коллективного сознания этноса в речи. Познавательные процессы охватывают психический уровень, связанный с психическими процессами в различных форматах кодирования. Антропно-ментальный код включает следующие субкоды II уровня:

2.5. мнемонический: *All happiness is in the mind* (квалитатив самовнушения);

2.6. мыслительный: *Счастье без ума – дырявая сума* (квалитатив интеллектуальных ресурсов); *Счастье едет в карете, а с умом идут пешком* (квалитатив социальной несправедливости); *It is comparison that makes people happy or unhappy* (квалитатив мудрости);

2.7. восприятия: *Счастье видишь – смелее идёшь* (квалитатив надежды и поддержки); *A blither heart makes a blooming visage* (квалитатив внешнего проявления внутреннего состояния);

2.8. внимания: *He is happy, that knoweth not himself to be otherwise* (квалитатив неведения);

2.9. воображения: *Счастье не птица: за хвост не поймаешь* (квалитатив свободы, неуловимости); *Счастье – не конь: хомута не наденешь* (квалитатив свободы, неуправляемости); *Счастье – внешнее ведро* (квалитатив изменчивости);

2.10. воли: *Happy is he who chastens himself* (квалитатив самоконтроля, сдержанности);

2.11. речевой: *We should publish our joys and conceal our griefs* (квалитатив осторожности, скрытности);

2.12. сознания: *Mirth without measure is madness* (квалитатив умеренности).

Английский коллективный субъект рекомендует утилитарные нормы восприятия феномена: в самовнушении, в сравнении с жизнью других людей, во внешнем выражении благополучия, даже в неведении, в контроле над эмоциями и провозглашении своих достижений. Русский коллективный субъект советует

как утилитарные нормы реализма (следует знать правду), так и этические нормы жизнеобеспечения (следует надеяться на лучшее).

3. Антропно-интеллектуальный субкод. Тесно связан с антропно-ментальным СКК и включает совокупность номинатом, указывающих на способность человека к выводу на основе аналогии, к формированию «абстрагирования от физических свойств человека как таковых и до их «переноса» в сферу его интеллектуальных характеристик» [6]. Этот субкод непосредственно соотносится с бинарной оппозицией *умный / глупый*.

Глупому – счастье, умному – напасти (квалитатив удачи, везения); Счастье без ума – дырявая сума (квалитатив наличия интеллекта); With happiness comes intelligence to the heart (квалитатив эмоциональной поддержки, вдохновения).

Коллективный субъект русской лингвокультуры часто сетует на социальную несправедливость, но и указывает адресату на необходимость использовать свой интеллектуальный ресурс. Англоязычный субъект связывает эмоциональное состояние с успехами в интеллектуальной деятельности.

4. Антропно-сенсорный субкод. Это чувственный уровень отражения действительности, то есть экстероцептивные ощущения, которые возникают под действием внешних раздражителей. Сенсорным свойствам предоставлен статус СКК II уровня. Сенсорный код в каждой культуре имеет особенности переинтерпретации использования знаков одной сферы для обозначения другой.

4.1. визуальный: *A cheerful look makes a dish a feast (квалитатив бодрости, веселья); Счастливые часов не наблюдают (квалитатив увлеченности);*

4.2. звуковой: *When the man is happy he doesn't hear the clock strike (квалитатив увлеченности);*

4.3. вкусовой: *Mirth is the sugar of life (квалитатив вкуса, гастрономический квалитатив); Mustard is a good sauce but mirth is better (квалитатив вкуса, гастрономический квалитатив).*

Данный субкод представлен в основном в англоязычном паремическом дискурсе и фиксирует физиологические источники получения удовольствия. Единственный русскоязычный пример связан с визуальным восприятием, но и он скорее имеет эмоциональную природу.

5. Антропно-эмоциональный субкод Под антропно-эмоциональным СКК понимаем совокупность номинатом, обозначающих эмоциональные переживания жизненных явлений, чувства человека, обусловленные отношением к потребностям субъекта. По наличию оттенков удовольствия / неудовольствия различают положительные / отрицательные эмоции, которые в определенной степени ассоциируются с пространственными координатами по вертикали и горизонтали, с бинарным противопоставлением *верх / низ*.

Где счастье, там и радость (квалитатив радости); The joy of the heart makes the face fair (квалитатив радости / внешней привлекательности); Content is happiness (квалитатив удовольствия); Sadness and gladness succeed each other (квалитатив печали и радости); Счастье и несчастье в одних саях ездят (квалитатив изменчивости); Печаль в беде не помощник (квалитатив печали);

Кто духом пал, тот пропал (квалитатив силы духа); *Счастье – на крыльях, а несчастье – на костылях* (квалитатив радостного воодушевления); *Счастливей скачет, а несчастный плачет* (квалитатив радостного возбуждения); *Laugh and the world laughs with you, weep and you weep alone* (квалитатив своего пространства, приватности).

Русскоязычный субъект в поговорах данной группы выражает часто контрастные эмоции, чаще даже негативные. Англоязычный опять указывает на получение удовольствия и его внешнее проявление, а также на нежелание людей поддерживать человека в несчастье. В двух лингвокультурах обращают внимание на переменчивость в состояниях счастья и несчастья.

6. Антропно-деятельностный совокупность номинатом, обозначающих действия, выполняемые человеком, присущие ему процессы, физические состояния, жесты и мимические движения, пространственные измерения.

He who leaves his house in search of happiness, pursues a shadow (квалитатив своего пространства); *Москва слезам не верит* (квалитатив деятельности); *Счастье любит смелых* (квалитатив смелости); *Не лови счастье неводом, а лови делом сделанным* (квалитатив трудовой деятельности); *Каждый сам кузнец своего счастья* (и несчастья); *Everyone is an architect of his own happiness* (квалитатив индивидуального творчества); *Кто как сам себя ведет, как живет, таково ему и счастье будет* (квалитатив справедливости).

Категория выражена в большей степени русскими поговорами, чем английскими. Для достижения состояния счастья рекомендуется активная трудовая деятельность, смелость и надежда на социальную справедливость. Англоязычный субъект поговоров советует не искать счастья далеко от родного дома.

7. Антропно-аксиологический – совокупность номинатом, отражающих систему ценностей человека, а также качественные характеристики человека и их оценку.

Счастье дороже денег (квалитатив высокой ценности); *Ум хорошо, а счастье лучше* (квалитатив личного благополучия); *Счастье – полосатое: смотря в какую полосу попадешь* (квалитатив изменчивости, непостоянства); *The mirth of the world dureth but a while* (квалитатив непостоянства); *Better be happy than wise* (квалитатив удачи); *Laughter is the best medicine* (квалитатив здоровья); *You cannot buy happiness* (квалитатив нематериальных ценностей).

Две лингвокультуры сходятся в понимании счастья как нематериального феномена, который нельзя приобрести за деньги, и отмечают его эфемерность и переменчивость.

8. Антропно-независимый субъект – совокупность средств, связанных с внешними обстоятельствами по отношению к человеку. Представлен в русском паремическом дискурсе о счастье.

Счастье повалит, и дураку повезет (квалитатив удачи, везения); *Кому повезет, у того и петух несется* (квалитатив везения); *Лежень лежит, а счастье бежит* (квалитатив удачи, везения).

В результате мы получили целостную картину отражения в поговорах материального и духовного мира человека. Однако поговориный концепт

Счастье/Happiness имеет и определенную культурную специфику, которая проявляется в качественном или количественном различии концептуальных признаков, представленных в паремических знаках двух неблизкородственных языков. В английских пословицах о счастье преобладают антропно-сенсорный и антропно-эмоциональный субкоды. В антропно-эмоциональной категории пословиц русские и английские паремии отличаются культурной коннотацией. В обеих лингвокультурах народная мудрость указывает на эфемерность, изменчивость феномена человеческого счастья. В русских паремиях выделяется качественно отличная, культурно-специфическая категория пословиц, где большое количество единиц представляют зависимость состояния/переживания счастья от внешних обстоятельств: социальной (не)справедливости и/или проявления высших сил (судьбы, везения).

Список литературы

1. Демьянков В.З. Интерпретация // Краткий словарь когнитивных терминов. М.: МГУ, 1996. С.31-33.
2. Ковшова М.Л., Гудков Д.Б. Словарь лингвокультурных терминов. М.:Гнозис, 2017.
3. Савченко Л.В. Модель антропного кода культуры в фразеологической картине мира// *Universum: филология и искусствоведения*, 2014 №7(9). Электронно науч. журнал.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.:Гнозис, 2004.
5. Абакумова О.Б., Сулица О.А. Тематическая группа «Счастье» в русской пословичной картине мира на фоне английского и японского языков // *Русская языковая картина мира в пословицах. Коллективная монография. Под ред. М.Ю. Котовой.* СПб: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2022. С.114-130.
6. БФСРЯ – Большой фразеологический словарь русского языка. Отв. Ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-Пресс-Книга, 2006.
7. Зыкова И.В. Способы конструирования гендера в английской фразеологии. М.: УРРС, 2003.
8. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропонимический код культуры. М.: ЛЕНАНД, 2021.

Информация об авторе:

Абакумова Ольга Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, Орел, Россия, abakumova-ob@mail.ru

Abakumova Olga B., Doctor of Philology, Professor of English Philology Chair, Orel State University named after Turgenev, Oryol, Russia, abakumova-ob@mail.ru

Культурные эталоны красоты в русской языковой картине мира

Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия»

Людмила Ивановна Богданова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, профессор кафедры сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения, доктор филологических наук, профессор, Москва, Россия, libogdanova1@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается формирование культурных эталонов красоты в русской языковой картине мира. Отмечается гендерная асимметричность языкового представления красоты. Особое внимание уделяется проблеме трансляции культурных ценностей.

Ключевые слова: русский язык, культурные эталоны, красота, синонимический ряд, трансляция культурных ценностей

Cultural standards of beauty in the Russian language picture of the world

This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University «Preservation of the World Cultural and Historical Heritage»

Liudmila I. Bogdanova

Lomonosov Moscow State University, Professor of the Comparative Study of Languages Department, the Faculty of Foreign Languages and Regional Studies, Doctor of Philology, full Professor, Moscow, Russian Federation, libogdanova1@mail.ru

Abstract. The article examines the formation of cultural standards of beauty in the Russian language picture of the world. There is a gender asymmetry in the linguistic representation of beauty. The special attention is paid to the problem of transmitting cultural values.

Keywords: Russian language, cultural standards, beauty, synonymous series, translation of cultural values

В настоящей статье на языковом материале словарей и Национального корпуса русского языка (НКРЯ) рассматривается проблема формирования и закрепления в русской лингвокультуре эталонов красоты. Эталон в данном лингвистическом контексте понимается как образная подмена свойства или

качества человека какой-либо реальней, которая «становится знаком доминирующего, с точки зрения обиходно-культурного опыта, свойства» [Телия 1996, с. 242]. Богатый источник выявления национально-культурной специфики эталонов дает анализ метафорической семантики фразеологических единиц, а также углубленное изучение устойчивых сравнений. В языке закрепляются и длительное время сохраняются те образные выражения, которые отражают характерный для данной языковой общности способ мировидения. Красота как сложный лингвокультурный концепт представляет интерес в аспекте изучения национально-культурной специфики эталонов, описывающих внешнюю и внутреннюю красоту человека. Предметом рассмотрения в данной работе являются в основном культурные эталоны внешней красоты. Однако следует сразу отметить, что даже на уровне толковых словарей фиксируется роль нравственного начала в осмыслении русской красоты: *красота* – ‘всё красивое, прекрасное, всё то, что доставляет эстетическое и нравственное наслаждение’ [Ожегов, Шведова 2000]. Значение слова *красота*, отражая понимание красоты как ценности, предполагает связь с «наивной» картиной мира [Апресян 1995, с. 351], в которой можно выделить, наряду с наивной геометрией, наивной физикой, также и наивную этику, и эстетику.

Сопоставление лексических единиц семантического поля «красота» в близкородственных языках позволяет оценить роль культурных смыслов в слове: *urod* (русск.) и *uroda* (польск. ‘красота’) имеют один и тот же общеславянский корень *rod-* (*rod-*), однако на семантической шкале «красоты» занимают полярно противоположные позиции. Этот факт позволяет предположить, что основанием для характеристики красоты / уродства была изначально не положительная / отрицательная оценка внешней привлекательности, а врожденный характер этих качеств. Следует отметить, что «в русской картине мира *красота* как ценность предстает менее значимой, чем счастье, ум, хороший характер» [Богданова 2022, с. 21]: *Не родись красивой, а родись счастливой; С лица воду не пить* и др. Однако, в то же время, красота внутренняя, духовная способна привести в жизнь гармонию и согласие и даже спасти мир: *Красота спасет мир* (Ф. М. Достоевский. Идиот) [НКРЯ]. В русском восприятии *красота* в целом лишена утилитарности, она превозносится как внутренняя сущность человека: красота – «огонь, мерцающий в сосуде» (Николай Заболоцкий, Некрасивая девочка) [НКРЯ]. Однако русская красота всё же не столь однозначно связана с нравственной основой: в русском сознании красота может быть как божественной, ангельской, так и дьявольской: *Нет, что ни говори, а он дьявольски красив* (Александра Маринина. За всё надо платить, 1995); ... *А Татьяна все-таки дьявольски красива* (Леонид Филатов, И. Шевцов. Сукины дети, 1992) [НКРЯ]. Сама возможность дьявольской красоты нередко становится предметом размышлений: *Хотя интересно, почему люди говорят <...> «чертовски красив», а также «дьявольски красив»* (М.М. Задорнов. Египет // Октябрь, 2002) [НКРЯ]. Внешняя и внутренняя красота могут вступить в конфликт, что

проявляется в употреблении эталонов: *Прекрасна как ангел небесный, / Как демон, коварна и зла* (М.Ю. Лермонтов. Тамара, 1841) [НКРЯ].

Анализ синонимов, обозначающих внешнюю привлекательность, обнаруживает гендерную маркированность ряда синонимичных (или квазисинонимичных) наименований. Гендерная ориентированность прилагательных находит отражение и в выборе эталона для «измерения» красоты. По-русски некорректно было бы назвать привлекательного мужчину *очаровательным, обольстительным, соблазнительным, прелестным*. Эти обозначения уместны при описании молодых женщин и девушек. Историческая внутренняя форма этих слов восходит к чарам, волшебству, лести, обману. Согласно исследованиям В. В. Виноградова, в XVIII веке значение слова *прелестный* включало в себя два лексико-семантических варианта с противоположной оценкой: 1) ‘представляющий собой грех, соблазн, обольщение’; 2) ‘обольстительный, очаровательный’ [Виноградов 1968]. В языке А.С. Пушкина представлены оба значения этого слова. С положительной оценкой: *Еще ты дремлешь, друг прелестный – Пора, красавица, проснись* («Зимнее утро»). Слово *прелестный* с отрицательной оценкой: *Теперь вослед тебе лечу / И лиру музы своенравной / Во лжи прелестной обличу* («Руслан и Людмила»).

В современном русском языке прилагательное *прелестный* толкуется через понятие «прелесть»: *прелестный* – ‘полный прелести’, а *прелесть*, в свою очередь, определяется как ‘очарование, обаяние, привлекательность’. Как устаревшее и ироническое отмечается следующее значение: ‘внешние черты женской красоты: женское тело’ (устар. и ирон.) *Увядающие прелести* [Ожегов, Шведова 2000]. В современном употреблении *прелестная* описывает девушку-красавицу: *Через мгновение – она сама, босая, прелестная, загорелая, прямо кинозвезда!* (Леонид Хейфец. Всполохи // «Октябрь», 2013) [НКРЯ].

В языковом представлении культурных эталонов красоты привлекает внимание то, что человек пытается искать образцы красоты чаще всего не рядом с собой, а в других измерениях – далеко или высоко: *неземная красота, божественная красота, ангельская красота* и т.п. Эталонами при этом становятся *божество, бог / богиня, мадонна, ангел, фея, нимфа* и т.п. Высокий статус лица также способствует становлению эталона красоты: *красив как принц, прекрасный принц; красива как принцесса, как королева*. Представители некоторых профессий также могут оказаться привлекательными: *красив как актер, красива как актриса, как фотомодел, как стюардесса*. Примечателен выбор конкретных имен в качестве эталонов красоты: в экспресс-опросах студентов обычно упоминаются имена известных зарубежных артистов. Характеристика мужской привлекательности основывается на сравнении с такими артистами, как *Ален Делон, Антонио Бандерас, Брэд Питт, молодой Леонардо Ди Каприо*. При описании женской красоты обращаются к образам *Мэрилин Монро, Одри Хепберн, Вивьен Ли, Шэрон Стоун, Анджелины Джоли, Моника Беллуччи*. При этом практически не упоминаются имена российских актеров и актрис. Этот феномен требует специального изучения.

В русской лингвокультурной традиции сохранились и эталоны-артефакты, используемые для оценивания красоты: *красивая как картинка* (ср. *писаная красавица*), *как фантик*, *как куколка*.

Признанными эталонами женской красоты являются цветы. В «Словаре устойчивых сравнений» *цветок* описывается как ‘красивый, свежий, пригожий’. Так говорят о девушке, о ребёнке: *Учительница была свежа, как цветок, и приветлива* (Н.И. Кочин. Гремячая поляна); *Спереди против них сидели их дети: разубранная и свеженькая, как цветочек, девочка с распущенными белокурыми волосами и восьмилетний мальчик* (Л.Н. Толстой. Воскресенье) [Огольцев 2001]. В Словаре эпитетов (СЭ) отмечается, в первую очередь, аромат цветка или его отсутствие: *ароматный, благоухающий, душистый, опьяняющий, пряный* [СЭ]. Аромат как признак красоты подчеркивается и при описании привлекательных женщин: *Да, жасмин – красивый, благоухающий цветок, и я стараюсь, чтобы мое имя соответствовало этому* (С. Новикова. Жасмин – девушка-цветок, 2003) [НКРЯ].

Важными параметрами языкового представления цветка являются также фазы его жизни: расцветание и увядание: *распускающийся, распустившийся, свежий, живой, пышный, пушистый, яркий; блеклый, вялый, жухлый, завядший, увядший, засохший, поблекший, поникший, пожухлый, тощий, чахлый* [СЭ]. Данные эпитеты также актуализируют эталонные возможности цветка: *Божественная, милая девушка! И ты погибла, погибла без возврата... один удар – и свежий цветок склонил голову!..* (М.Ю. Лермонтов. Вадим, 1833-1834) [НКРЯ]. Особое внимание привлекают эпитеты, отражающие психологическое восприятие цветов (цветка): *застенчивый, стыдливый, скромный, нежный, ласковый, чистый, милый, несмелый, печальный, понурый, сонный, немой* [СЭ].

Для русской природы характерны неяркие краски, поэтому скромные цветы нередко становятся не только объектами любования, но и эталонами описания неяркой красоты: *Оленька добра, простодушна, приветлива, почти всегда весела; стыдлива и скромна, как застенчивое дитя; <...> она просто – прелестный земной **цветок**, украшение здешнего мира* (М.Н. Загоскин. Рославлев, 1830) [НКРЯ].

Не все виды цветов могут быть культурными эталонами для оценки человеческих качеств, в частности, красивый цветок *пион* используется не для описания красоты человека, а для характеристики цвета его лица, что лишь косвенно указывает на определенные его качества (застенчивость, робость, стыдливость и др.): *Ни с того ни с сего зардеется как пион* (Борис Пастернак. Доктор Живаго, 1945-1955) [НКРЯ].

Признанным эталоном в описаниях красоты девушки во многих культурах является *роза*. В толковом словаре русского языка в дефиниции отмечается красота и аромат этого цветка: ‘Кустарниковое растение семейства розоцветных с красивыми крупными душистыми цветками и со стеблем, обычно покрытым шипами, а также сам такой цветок’ [Ожегов, Шведова 2000]. В русской языковой картине мира *роза* широко представлена в описаниях

женской красоты, при этом особенно подчеркивается такое качество, как свежесть: *Честное слово, она премилая. Свежа, как роза. И какой цвет лица!* (А. Куприн. Мелюзга, 2000) [НКРЯ]. Этот цветок выступает также в качестве эталона внутренней красоты: *Скромная, добрая, симпатичная! – как роза нежная, дивная – где ты?* (Объявления, 08.12.1912 // Брачная газета, 1912) [НКРЯ].

Если *роза* во многих языках используется в качестве эталона для описания женской красоты, то *ромашка* и *василек* обладают выраженной национальной спецификой, которая далеко не всегда отражается в словарных определениях. Ср. *Ромашка* – 1. Травянистое растение семейства сложноцветных с цветками, у которых лепестки обычно белые, а середина жёлтая. *Полевая, садовая ромашка. Гадать на ромашке.* 2. Лекарственный настой или порошок из высушенных цветков ромашки. *Лекарственная (аптечная) ромашка* [Ожегов, Шведова 2000]. Данное толкование не содержит указаний на национально-культурную специфику, которая состоит в том, что *ромашка* часто используется для характеристики милой, скромной и простой девушки с неприметной красотой: *Вокруг невест на выданье – глаза разбегаются, а младшенькому, Васильку, глянулась соседка. Ромашка полевая. Удивлялись все этому выбору голубоглазого красавца.* (А.Г. Асмолов. Принцесса Ро, 2015) [НКРЯ]. Не случайно именно ромашка стала неотъемлемым атрибутом Дня семьи, любви и верности.

Василек можно считать культурным эталоном при описании цвета глаз, как правило, красивых: голубые, синие глаза – как васильки: *Глаза – как васильки, только поздние васильки, отцветающие* (Ольга Некрасова. Платит последний, 2000) [НКРЯ]. Для описания красивых синих глаз используется и устойчивое выражение *васильковые глаза*: *Он не мог оторвать глаз от красавицы. В синих, васильковых глазах под длинными ресницами струилось много света и добра* (Е.А. Федоров. Каменный пояс) [Огольцев 2001].

Национально-специфичным культурным эталоном можно считать и *фиалку*, которая способна выступать образцом скромности и красоты: *Женская красота для Толстого должна быть непременно скромной, как фиалка, и прятаться под большими полями шляпы* (И.Ф. Анненский. Вторая книга отражений, 1909) [НКРЯ]. Фиалка может характеризовать и скромного, застенчивого мужчину – с некоторым оттенком иронии: *Дарьяр за ужином острил насчет барона, говоря, что он скромен, как фиалка* (И.П. Рапгоф, 1904) [НКРЯ].

Подводя итоги, отметим, что в условиях современной России историческое осмысление культурной и когнитивной роли русского языка как носителя культурных ценностей становится особенно необходимо. И в этом смысле изучение культурных эталонов красоты способствует формированию национально-культурной идентичности представителей молодого поколения.

Список литературы

1. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 284 с.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 2000. 944 с.
3. Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. Избр. труды в 2-х тт. Том 2. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.
4. Богданова Л. И. Ценностный потенциал языка и способы его изучения // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение. Сб. научных трудов VI Международной научно-практической конференции. Орёл: ОГУ им. И.С. Тургенева, 2022. С. 17-22.
5. НКРЯ – Национальный корпус русского языка: [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: www.ruscorpora.ru].
6. Виноградов В. В. Проблемы морфематической структуры слова и явление омонимии в славянских языках // Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов (Прага, август 1968 г.). Доклады советской делегации. М., 1968 [Электронный ресурс]. Режим доступа: [URL: www.gufome.turbopages.org].
7. Огольцев В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка. М.: АСТ. Астрель, 2001. 800 с.
8. СЭ – Словарь эпитетов (онлайн) [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: <http://www.DicList.ru>]

Сведения об авторе:

Богданова Людмила Ивановна; доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; 117447, Российская Федерация, Москва, Севастопольский проспект, 12- 4 - 69; libogdanova1@mail.ru ; +7-916-827-5543.

Bogdanova Liudmila Ivanovna; Doctor of Philology, full Professor, Lomonosov Moscow State University; Sevastopolskiy, 12-4-69; Moscow, 117447, Russian Federation; libogdanova1@mail.ru ; +7-916-827-5543.

Антонимия без антонимов

Наталья Борисовна Боева-Омелечко

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Доктор филологических наук, профессор

boeva1961@yandex.ru

Аннотация: Актуальность исследования обусловлена потребностью в расширении представлений об антонимии как языковой категории, представленной на разных уровнях языка. Целью работы является описание способов передачи противоположного значения без участия лексических антонимов. В статье описываются различные виды грамматических и текстообусловленных антонимов русского и английского языков, функционирующих в составе связного текста.

Ключевые слова: антонимия, морфологическая антонимия, синтаксическая антонимия, текстообусловленная антонимия

Antonymy without Antonyms

Natalia B. Boeva-Omelechko

Southern Federal University, Rostov-na-Donu, Russia

Doctor of Philological Sciences, Professor

boeva1961@yandex.ru

Abstract. The relevance of the study is due to the need to expand the understanding of antonymy as a language category represented at different levels of the language. The purpose of the work is to describe ways to convey the opposite meaning without the participation of lexical antonyms. The article describes various types of grammatical and textually-conditioned antonyms of Russian and English, functioning as part of a coherent text.

Keywords: antonymy, morphological antonymy, syntactic antonymy, textually dependent antonymy

В лингвистике на протяжении многих лет, начиная с 50-х гг. XX века, прочно закрепилось определение антонимов как слов одной части речи, имеющих противоположные значения [Новиков, 1998, 35 – 36]. Это определение входит в школьную программу и передаётся из поколения в поколение. Таким образом, способность передавать противоположные значения признаётся прерогативой лексического уровня языка, и важнейшим признаком антонимов признаётся их одинаковая частеречная оформленность. Однако языковая практика свидетельствует об обратном, и наряду с лексической

одночлестеречной антонимией существуют другие виды антонимии, реализуемые в составе связного текста.

Актуальность исследования обусловлена потребностью в расширении представлений об антонимии как языковой категории, представленной на разных уровнях языка. Целью работы является описание способов передачи противоположного значения без участия лексических антонимов.

Речь идёт о видах **грамматической антонимии**, на существование которой первым обратил внимание Ш. Балли [Балли, 1955, с. 102] и наличие которой объясняется изоморфизмом (тождественностью) языковых явлений, обуславливающим «возможность присутствия однородных черт в материале разных уровней» [Боева, 2001, с. 42].

Так, учёные неоднократно обращали внимание на тот факт, что антонимичными могут быть образующие категориальную оппозицию словоформы. Например, А. В. Бондарко считает, что мы имеем дело с антонимической оппозицией в случае противопоставления глагольных форм настоящего времени глагольным формам «ненастоящего» времени, т. е. формам прошедшего и будущего [Бондарко, 1977, с. 91]. М. А. Кулинич относит к грамматическим антонимическим оппозициям прилагательные, образованные из причастий активного и пассивного залога (*unloved – unloving*) (Кулинич, 1978, с. 143), А. И. Эдельштейн – формы активного и пассивного инфинитива (*to lead – to be led*) [Эдельштейн, 1971, с. 11].

Результаты нашего исследования позволяют выделить следующие **грамматические морфологические оппозиции**, члены которых регулярно противопоставляются в речи, передавая значение противоположности.

Антонимические оппозиции первичного времени (настоящее – прошедшее), основанием противопоставления элементов которых выступает отношение к моменту речи [Блох, 2000, с. 95].

Они указывают на изменение ситуации или отношения к кому/чему-либо. Форма прошедшего времени, следующая за формой настоящего, показывает изолированность прошлого от настоящего и имплицитно отрицает значение первого элемента, выраженного формой настоящего времени. Например:

Он любит её. – Любил (= Больше не любит).

У неё есть дом. – Был (= Больше нет).

Если же на первом месте стоит форма прошедшего времени, а на втором – настоящего, то семантика противопоставления другая: первый элемент оппозиции указывает на то, что ситуация осталась в прошлом, а второй позволяет выразить несогласие с данным мнением. Например:

Тогда у нас была надежда. – Она и сейчас есть.

Мой друг жил здесь раньше. – Почему жил? Живёт!

Антонимические оппозиции проспектного времени, одним из элементов которых выступает будущее время, а другим – «небудущее» (прошедшее или настоящее) [Блох, 2000, с. 95]. Гипотетическое предположение о возможности совершения действия в будущем противопоставляется реальному положению дел. Например:

Ваш начальник ещё себя покажет. – Уже показал.

Ивановы купят новый дом. – *Ошибаешься, уже купили.* Это у нас всё в будущем.

Аналогичные грамматические антонимы, представленные временными оппозициями, мы встречаем и в английском языке. Особенностью здесь является то, что противопоставление планов прошедшего и настоящего, а также будущего и настоящего в случае употребления глагола *быть* всегда выражается эксплицитной оппозицией в отличие от русского, где глагол *быть* в настоящем времени часто представлен имплицитно. Например:

“-*She is an English teacher.*

-*She was*” [Block, 1997, p. 117] (= *She isn't an English teacher anymore*).

“-*Everything was easier then, we were young.*

-*You still are*” [Steel, 1993, p. 27].

При противопоставлении планов прошедшего и будущего может использоваться видо-временная форма Present Perfect, отсутствующая в русском языке. Например:

“-*She 'll try and get out of it.*

-*She has already*” [Archer, 1994, p. 143].

Кроме того, в английском языке используется антонимическая оппозиция Past Simple – Past Perfect, основанная на противопоставлении двух действий в прошлом, одно из которых предшествует другому. Действие, выраженное формой Past Perfect, имплицитно отрицается действием, представленным формой Past Simple, что позволяет показать радикальное изменение ситуации. Например:

“*Besides, Gregory liked poetry, or at least he had liked poetry*” [Riley, 1992, p. 367] (probably he didn't like it anymore).

В целом ряде случаев большое значение имеет, совершает (совершил) ли человек действие или является (явился) объектом действия других лиц: человек совершил нападение или стал его жертвой, предпочитает быть лидером, вести за собой других или ему комфортнее быть ведомым, сделал ли он предложение первым или дожидался, когда сделают предложение ему и т.д. Таким образом возникают противоположные друг другу ситуации, репрезентируемые в языке с помощью антонимических оппозиций форм залога (обе формы связаны с одним подлежащим). Например:

Боец победил. – *Боец был побеждён.*

Преступник обезоружил охранника. – *Преступник был обезоружен охранником.*

«Мы выбираем – Нас выбирают,

Как это часто не совпадает» (Э. Колмановский).

Иногда антонимичные формы залога участвуют в создании комического эффекта, если в форме пассивного залога употребляется глагол, для которого эта форма нормативно невозможна. Например:

Он поступил или его поступили?

Она сама ушла или её ушли?

Антонимические оппозиции залога широко представлены в англоязычных произведениях. Например:

*"If you **turn**, or you **are turned**, there's no appeal"* [Ludlum, 1996, p. 89].

*"Isabel's day was divided between **supervising** and **being supervised**"* [Segal, 1995, p. 315].

Антонимические оппозиции наклонения, образуемые формами изъявительного наклонения, репрезентирующими действие как реальный факт, и сослагательного наклонения, представляющими его как воображаемое или желательное, но не соответствующее реальности (contrary-to-fact-situation) [Stevenson, p.134], и содержащие имплицитное отрицание.

*Итак, мальчик **проходил** здесь. – Если бы **проходил**, мы бы его заметили* (Если бы проходил = Не проходил).

*Ты **можешь** мне всё рассказать. – **Мог бы**, да рассказывать не о чем* (Мог бы = Не могу).

Аналогичные оппозиции встречаются и в англоязычных произведениях. Например:

*"It would appear that **we have** a miscarriage of justice here. Or **we would have had**, if we had gone any further"* [Steel, 1993, p. 368].

Говоря о грамматических антонимах, нельзя не упомянуть антонимические пары, элементы которых представлены разными частями речи и являются **межчастеречными антонимами**, представляющими противоположные фрагменты действительности в разной категориальной форме. Именно благодаря таким антонимам образуются оксюмороны. Например: *отвратительная красота, нахальная скромница, умно сглупил* и под.

Элементы этих оксюморонов принадлежат антонимичным парадигмам номинации, т. е. противопоставленным по значению рядам однокоренных слов, объединяющих четыре знаменательные части речи: существительное – глагол – прилагательное – наречие [Блох, 2000, с. 78]. Это значит, что в рамках одной парадигмы элемент оппозиции может быть, например, существительным, а антонимичный ему элемент в противопоставленной парадигме – прилагательным.

Но межчастеречные антонимы встречаются не только в оксюморонах, они широко используются в художественных произведениях, СМИ и разговорной речи как в русском, так и английском языке. Например: *Ты **соврал**, что сказал **правду**. **Умный человек** такую **глупость** не скажет. Не вздумайте **болеть**, вы мне нужны **здоровые**. "He was **healthy** and **healthy people** are embarrassed by **sickness**, she could remember that"* [Atwood, 1984, p. 35]. *"Only the more complicated organisms **die**. Simple cells are **immortal**"* [Contemporary British Stories, 1994, p. 80].

Наряду с морфологическими антонимами в речи регулярно используются и **синтаксические антонимы** – предложения с одинаковым лексическим наполнением, противоположность значений которых обусловлена антонимичностью моделей, по которым они построены. В частности, это модели, одна из которых отличается от другой наличием оператора отрицания (под оператором имеется в виду средство трансформации одной модели в другую). Например:

*Дети пошли в кино. – Дети **не** пошли в кино.*

Работу завершили вовремя. – Работу не завершили вовремя.

“- They'll never clear it, Dill said.

- They'll clear it', Dolan said, his tone confident” [Thomas, 1987, p.136].

В качестве оператора, способствующего образованию антонимичной модели, может выступать и порядок слов. Так, в случае, когда субъект и объект действия меняются ролями без изменения формы сказуемого, отношения между моделями в семантическом плане эквивалентны отношениям между моделями, сказуемые которых представлены формами активного и пассивного залога, т. к. субъект действия превращается в его объект и наоборот. Например:

Сергей обогнал Василия. – Василий обогнал Сергея.

Мальчик догонял собаку. – Собака догоняла мальчика.

“- Would he shoot you ?

- Depends.

- Would you shoot him ?

- Depends” [Parker, 1997, p. 193].

И, наконец, противоположное значение может передаваться **текстообусловленными субституционными антонимами**, реализуемыми в синтагматике высказываний. В этом случае вместо лексического или синтаксического антонима в тексте появляется языковая единица, не называющая антонимичный предмет, признак или действие, но чётко указывающая на них, или единица с имплицитным отрицанием. В качестве таких антонимов могут быть использованы такие слова, как *в отличие от – unlike, противоположное – the opposite, наоборот, иначе – otherwise*). Например:

Виктор работает хорошо. В отличие от Вас (= Вы работаете плохо

Мне надо было остаться дома. Я сделал противоположное (= Я покинул дом

Вы предпочитаете работать много или наоборот? (=мало).

“Most of your wife's friends – married or otherwise – are lousy lays” [Ludlum, 1989, 231] (= single).

“Taiwan Is a Country – and a Free One, Unlike China” (nationalreview. 28.05.2021) (= China is not a free country).

“in this context, it is undoubtedly true that ethical internationalism has legitimized the rewriting of the rules of the international order, facilitating a return to Great Power intervention and the overturning of the political gains of the ... Indeed the opposite is true” (thirdworldtraveler.com. 12.04.18) (the opposite = it is not the ethical internationalism that has legitimated it).

Также к текстообусловленным антонимам относятся следующие:

- союзы *иначе и otherwise*, обозначающие альтернативную противоположность. Например:

Ему придётся принять лекарство. Иначе всё лечение насмарку (иначе = если он не примет).

“The country basically has until April 24th, when the Eurozone finance ministers meet, to come up with a proposal that they will accept. Otherwise a default

seems inevitable” (Iron FX Daily Commentary.30.03.15) (otherwise=if they don't accept);

- предлог *кроме*, союзы *but* и *except*, передающие значение исключения. Например:

*Все пошли в дом **кроме** Ольги* (= Ольга не пошла).

*Все, **кроме** Ивана, улыбались* (= Иван не улыбался).

*“Everybody was scared of him, **but me**”* [Parker, 1997, p. 147 (= I was not scared)..

- наречие *нормально*, передающее значение отрицания. Например:

*Тяжело. – **Нормально**. Справимся* (нормально=нетяжело).

*Плохо всё. – **Нормально**. Было и похуже* (нормально=неплохо).

Результаты проведённого исследования убедительно доказывают, что в составе связного текста значение противоположности может передаваться без участия лексических антонимов с помощью морфологических, синтаксических и текстообусловленных антонимов. Данные антонимы не являются окказиональными образованиями, они регулярно используются в устной речи, СМИ и художественных произведениях. Их дальнейшее изучение предполагает проведение исследования на материале других языков.

Список литературы

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
2. Блох М. Я. Теоретические основы грамматики. – М.: Высш. шк., 2000. – 160 с.
3. Боева (Боева-Омелечко) Н. Б. Грамматическая антонимия в современном английском языке: дис. ... д-р филол. наук. – М., 2001. – 360 с.
4. Бондарко А.В. Грамматические категории и контекст. – Л.: Наука, 1977. – 115 с.
5. Кулинич М. А. Отрицание в системе словообразования: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1978. – 230 с.
6. Новиков Л. А. Антонимия // Большой энцикл. словарь: Языкознание. – М.: Большая рос. энцикл., 1998. – С.35 – 36.
7. Эдельштейн А. И. Антонимия английского глагола (на материале трёх семантических полей): дис. ... канд. филол. наук. – М., 1971. – 149 с.
8. Archer J. First Among Equals. – New York: Pocket Books, 1985. – 435 p.
9. Archer J. Honour Among Thieves. – New York: Harper Paperbooks, 1994. – 464 p.
10. Atwood M. Bodily Harm. – Toronto: Seal Books, 1984. – 301 p.
11. Block L. The Burglar in the Closet. – New York: A Signet Book, 1997. – 316 p.
12. Boeva-Omelechko N.B. Unusual Antonyms: Inter-Part-Of-Speech Interaction in English Fictional Discourse / N. B. Boeva-Omelechko, M. R. Zheltukhina, O. P. Ryabko, G. G. Matveeva, E. V. Murugova, I. A. Zyubina // Space and Culture, India. – 2018. – Т. 6. – № 4. – P. 112–121.

13. Contemporary British Stories. – Oxford: Perspective Publication LTD, 1994. – 222 p.
14. Ludlum R. The Apocalypse Watch. – New York: Bantam Books, 1996. – 751 p.
15. Ludlum R. The Scarlatti Inheritance. - New York: Bantam Books, 1989. – 354 p.
16. Parker R. Chance. – New York: Berkley Books, 1997. – 328 p.
17. Riley J.M. In Pursuit of the Green Lion. – New York: A Dell Book, 1992. –453 p.
18. Segal E. Prizes. – New York: Ballantine Books, 1995. – 500 p.
19. Stevenson M. English Syntax. – Boston; Toronto: Little Brown & Company, 1987. – 389 p.
20. Thomas R. Briarpatch. – Harmondsworth: Penguin Books, 1987. – 370 p.

Сведения об авторе:

Боева-Омелечко Наталья Борисовна; доктор филологических наук, профессор, Южный федеральный университет, 344006, Российская Федерация, Росьов-на-Дону, ул. Большая Садовая д.105/42; nboeva-omelechko@sfedu.ru. 8(863) 218 40 00, 305 1990.

Boeva-Omelechko 'Natalya Borisovna; Doctor of Philology, Professor, Southern Federal University, 105/42 Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation; nboeva-omelechko@sfedu.ru. 8(863) 218 40 00, 305 1990.

УДК 930.2

Gytha, English Consort to Vladimir Monomakh (d. 1125) of Kiev

Andrew Charles Breeze

University of Navarra, Pamplona

PhD, Professor

abreeze@unav.es

Summary. Gytha was an English princess, daughter to the Harold II who fell in 1066 at Hastings. Although she eventually married Vladimir Monomakh, Prince of Kiev, this is doubted in at least one handbook. Hence the need to restate the facts. She is said as well to have influenced her husband's writings by making known to him the Old English poem *Precepts*. The background to this is also set out here to enable a lasting solution as to whether this is so or not.

Keywords: Princess Gytha; Vladimir Monomarkh; Kiev; Old English; *Precepts*

Introduction

Amongst the surprises of Anglo-Russian history is Gytha, daughter to the Harold slain at Hastings in 1066. Even though tragedy clouded her childhood, she ended her days as Consort to Vladimir Monomakh (1053-1125), Prince of Kiev. So much is certain. All the same, because some writers show confusion here, there is a need to restate the biographical facts. In our first part we thus deal with early discussion of Gytha and (another surprise) her possible influence on Vladimir's *Testament*, allegedly derived from *Precepts*, an English poem known to Gytha. In the second part we summarize recent accounts of Gytha. In the third we assemble information on Vladimir's writings. In the fourth we do the same for *Precepts*, an Old English poem known from the tenth-century Exeter Book. Researchers can thus now go to the sources and discover whether a famous Russian text really does have Anglo-Saxon symptoms.

Part 1

We begin with early comment on Gytha, which (for non-Russians) fortunately includes statements in English. In a Royal Historical Society lecture given in 1946 (and republished in 1968), the Czech scholar Francis Dvornik (1893-1975) noted the international marriages of Kiev princes and princesses, including 'the famous Vladimir Monomakh'. He 'found a wife in distant England, when he married Gytha, daughter of Harold, the last Saxon king, and niece of Sven, the king of Denmark.' In an 'additional note' to the 1968 text, Dvornik cited a 1935 paper by the Soviet literary historian M. P. Alekseev on how, thanks to Gytha, Vladimir used the English poem *Precepts* as a main source for his 'admonition to his sons'. Dvornik was yet not convinced by the arguments of Alekseev, or by similar ones in a 1936 article of D. V. Ainalov, together (one assumes) mentioned in Alekseev's 1943 study of Old English literature. Despite 'interesting details' presented by Alekseev and Ainalov, Dvornik thought that Vladimir Monomakh (whose mother was a Greek princess) more probably used similar works in Byzantine literature, where they were 'numerous'.

References (part 1)

1. M. P. Alekseev, 'Anglo-Saksonskaia Paralleli k Poucheniyu Vladimiri Monomarkha', Institut Russkoy Literatury: Trudy Otdela Drevne-Russkoy Literatury, ii (1935), 39-80.
2. D. V. Ainalov, 'K Istorii Drevne-Russkoy Literatury', Institut Russkoy Literatury: Trudy Otdela Drevne-Russkoy Literatury, iii (1936), 5-10.
3. M. P. Alekseev, 'Narodnie Eposy', in Istoriiia angliiskoi literatury, i/1 (Moskva, 1943).
4. F. Dvornik, 'Byzantine Political Ideas in Kievan Russia', *Dumbarton Oaks Papers*, ix-x (1956), 73-121.
5. F. Dvornik, 'The Kiev State and its Relations with Western Europe', in *Essays in Medieval History*, ed. R. W. Southern (London, 1968), 1-23.

Part 2

Now for later discussion of Gytha. Dmitri Obolensky (1918-2001), Oxford professor (and Russian prince), was here quite sure, declaring that 'Vladimir's own wife

was the daughter of King Harold of England.' That might seem plain enough. But, despite the assurance of Dvornik and Obolensky, another observed in 1999 that 'Harold's daughter is said to have married Vladimir Monomakh, prince of Kiev'; as if there was some doubt. Better are the words of Venning. After her father's death, Gytha 'joined her grandmother in exile in Denmark', then ruled by her uncle, Swein Estrithson. She eventually married Vladimir Monomakh of Kiev (reigned 1113-25), with unexpected consequences. 'Through her, the later English sovereigns were descended from Harold as well as William [the Conqueror].' A further surprise, then. King Charles III (b. 1948) can trace his ancestry to Vladimir, Russian prince. It modifies slightly Morris's judgement on 1066 as a disaster for the English ruling class, and specifically for Harold's 'grieving mother', dying 'in foreign exile'. Her fate was hard, naturally. All the same, from her granddaughter were to descend emperors and kings in Europe east and west.

References (part 2)

6. Dmitri Obolensky, *The Byzantine Commonwealth* (London, 1971), 295.
7. Ann Williams, 'Harold II', in *The Blackwell Encyclopaedia of Anglo-Saxon England*, ed. Michael Lapidge, John Blair, Simon Keynes, Donald Scragg (Oxford, 1999), 228-9.
8. Timothy Venning, *The Kings and Queens of Anglo-Saxon England* (Stroud, 2013), 198.
9. Marc Morris, *The Anglo-Saxons* (London, 2021), 404.

Part 3

As for Vladimir himself, Russian readers need no telling who he was. But they may be intrigued by the following. An Oxford professor refers to his statesmanship and how his people 'respected and loved' him, and, on his *Testament*, how its language is 'fresh and exhilarating', even if its precepts were '*loci communi* in the Byzantine translated literature of the time.' Still more useful is a text of Monomakh's Poucheniie after the edition of D. S. Likhachev. For those not at home in Old Russian, there is a modern Polish translation. Dmitri Likhachev (1905-99), a scholar (as Russian readers will know) of almost superhuman courage and integrity (and who survived the most harrowing experiences of the gulag), quoted Count A. I. Musin-Pushkin on Vladimir's *Testament* as a 'spiritual primer', but disagreed with this view. He claimed that 'we have no knowledge of any similar "testaments" or "primers" for children' other than the Old English *Precepts*, with which Vladimir 'was undoubtedly acquainted'; even so, Likhachev thought that Monomakh's *Instruction* 'differs sharply from such paternal works of precept'. An interesting judgement. A Polish history of Kiev has further brief (but useful) observations on Monomakh ('talented prince') and the culture in his day of Russia and beyond.

References (part 3)

10. J. L. I. Fennell, 'Vladimir Monomakh', in *The Penguin Companion to Literature: European*, ed. Anthony Thorlby (Harmondsworth, 1969), 810.

11. M. E. Fedorova and T. A. Sumnikova, *Khrestomatiia po drevnerusskoi literature* (Moskva, 1969), 40-6.
12. *Literatura Staroruska Wiek XI-XVII*, ed. Wiktor Jakubowski and Ryszard Luzny (Warszawa, 1971), 34-9.
13. D. S. Likhachev, 'Byzantium and the Emergence of an Independent Russian Literature', in *The Mediaeval World*, ed. David Daiches and Anthony Thorlby (London, 1973), 163-90.
14. Leszek Podhorodecki, *Dzieje Kijowa* (Warszawa, 1982), 45, 53.

Part 4

Finally, *Precepts*. There is one edition, without translation, by two professors of Columbia University, New York. Another professor in the USA dismissed its ninety-four lines as 'uninspired' and 'platitudinous'. Yet another professor, in Oxford, was more polite and styled it as 'somewhat gnomic'. It was then re-edited and translated, its opening lines being rendered in prose as 'This is how the father, a man of experience with an intelligent mind, a man who had grown old in good qualities, this is how he taught his noble son, giving him sensible advice, so that he would get on well.' Alekseev's paper on Russian circulation of *Precepts* was then listed (in a bibliography of 1980) with comment on its 'parallel passages in *Precepts* and in the twelfth-century Russian poem *Poucheniie* of Vladimir Monomakh, Prince of Kiev, written for the author's sons by Ghita, daughter of King Harold of England.' *Precepts* now appears in a verse translation, with its final lines as:

*Always remember your father's instruction.
Follow this wisdom and withstand sin.*

References (part 4)

15. *The Exeter Book*, ed. G. P. Krapp and E. V. K. Dobbie (New York, 1936), 140-3.
16. S. B. Greenfield, *A Critical History of Old English Literature* (New York, 1965), 202.
17. C. L. Wrenn, *A Study of Old English Literature* (London, 1967), 158.
18. T. A. Shippey, *Poems of Wisdom and Learning in Old English* (Cambridge, 1976), 48-53.
19. S. B. Greenfield and F. C. Robinson, *A Bibliography of Publications on Old English Literature to the End of 1972* (Toronto, 1980), 255.
20. *The Complete Old English Poems*, tr. Craig Williamson (Philadelphia, 2017), 463-6.

Conclusion

There is a fundamental task here for Russian scholars, since few Anglo-Saxonists know Russian. It will be thanks to the work of scholars in Russia that we shall be able to say whether or not some of the earliest literature in their language does or does not borrow from a poem surviving uniquely in the tenth-century Exeter Book, and perhaps communicated to Russian literature in twelfth-century Kiev.

Акциональная бытийность в нарративе песен американского кантри

Светлана Викторовна Иванова

Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра иностранных языков в сфере экономики и права, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербург, Россия, svet_victoria@mail.ru

Аннотация. Представление бытийности и акциональности, как и их соотношения варьируют в различных лингвокультурах. Исследование текстов американских песен кантри подводит к заключению, что их нарратив сфокусирован на действии героя. При этом даже бытийность становится начальной точкой движения. Анализ показывает, что в нарративе американских песен кантри человек бытует в движении, и бытийность смыкается с акциональностью.

Ключевые слова: нарратив, бытие, бытийность, акциональность, песни американского кантри.

Existentiality as Actionality in the Narrative of American Country Songs

Svetlana V. Ivanova

Saint Petersburg State University, the Department of foreign languages in the sphere of economics and law, doctor of Philology, professor, St. Petersburg, Russia, svet_victoria@mail.ru

Abstract. The representation of existentiality and actionality, as well as their relationships, vary in different linguistic cultures. A study of the lyrics of American country songs leads to the conclusion that their narrative is focused on the action of the personage. In this case, even existence becomes the starting point of movement. The analysis shows that in the narrative of American country songs, a person exists in movement, and existentiality merges with actionality.

Keywords: narrative, existence, existentiality, actionality, American country songs.

Лингвокультурологический подход в жанроведении позволяет выделять жанры, отмеченные национально-культурной спецификой или даже уникальностью, то есть те жанры, которые типичны в одной лингвокультуре и отсутствуют в других [Иванова 2003, с. 31]. Так, жанром, уникальным для британской лингвокультуры, является британский лимерик [Артемова 2004; Иванова, Артемова 2005], в такой же мере лингвоспецифичны русская частушка, японский хокку [Иванова 2003]. Наряду с вышеперечисленными несомненной национально-культурной уникальностью характеризуется жанр песни американского музыкального стиля кантри. Рассмотрение данных текстов с точки зрения бахтинской теории жанров позволяет выделить их как

самостоятельный текстотип (а именно таковым статусом обладает жанр) с точки зрения тематики, композиции и используемых в них лексико-грамматических средств и стилистических приемов.

Как отмечает энциклопедия Британника, жанр песен кантри возник в аграрных штатах Юга и Запада США в начале XX века. Его основой стали баллады и народные песни английских, шотландских и ирландских поселенцев [Country music]. Тематически данный жанр сосредоточен вокруг некоего героя, который не может похвастаться материальным достатком (*not a shirt on my back, not a penny to my name*¹), чаще всего он пускается в путь или уже находится в пути. Композиционно текст песни представляет собой довольно обезличенный нарратив некоей драматичной истории [Country music], которая строится вокруг самого нарратора (или героя нарратива), хотя и он может быть обезличен.

Нарративный характер изучаемых текстов влечет за собой не только особенности построения сюжета повествуемого, но и обуславливает выбор как лексических, так и грамматических языковых средств. Прежде всего, нарративность подразумевает событийность [Тюпа 2010, с. 8]. Событийность, в свою очередь, предполагает наличие субъекта, выступающего источником акциональной деятельности [Радбиль 2017, с. 438], и место (пространство), где происходит это событие и где бытует герой. Таким образом, в основе нарратива оказываются категории бытийности, акциональности и пространства (что касается времени, то оно в данных текстах чаще всего выражается относительно, то есть через отношение одного действия / события к другому действию / событию). Перечисленные выше категории выступают основополагающими для реконструкции языковой картины мира и составляют интерес при проведении лингвокультурологических исследований. Однако в данной статье хотелось бы остановиться на языковой составляющей, связанной со спецификой функционирования бытийных предложений в нарративе американских песен кантри, ибо, как отмечает Н.Д. Арутюнова, опыт исследования данных предложений весьма «поучителен», поскольку раскрывает семантические и коммуникативные потенции предложений этого типа [Арутюнова 2003, с. 210-211] как базовых для любого языка [Existential Constructions 2023]. Исследовательский ракурс данной работы продиктован интересом, связанным с тем, насколько жанр текста может влиять на особенности семантики и функционирования языковых форм. Цель данной статьи состоит в выявлении своеобразия в передаче бытийности на фоне событийности нарратива текста песни стиля кантри. Достижение поставленной цели предполагает ответ на вопрос о том, как взаимодействуют бытийность и акциональность в рассматриваемом текстотипе.

Материалом проведенного исследования послужили 100 американских песен музыкального стиля кантри. Объектом исследования явились бытийные конструкции. Предмет исследования составила особенность передачи бытийности и акциональности в нарративе американских песен стиля кантри.

¹ 500 Miles. URL: <https://www.azlyrics.com/lyrics/hooters/500miles.html> (дата обращения 09.09.2023).

Полученные результаты базируются на использовании таких исследовательских методов, как нарративный, интерпретативный и контекстуальный типы анализа. Языковой материал был собран посредством сплошной выборки. Необходимость нарративного анализа обусловлена обращением к изучению нарратива на материале текстов песен американского стиля кантри. Данный тип анализа позволяет восстановить связь между нарратором, временем, событием и пространством [Леонтович 2011, с. 98–101]. Интерпретативный анализ отвечает за «проникновение в мотивы» речи нарратора [Сафронова 2003, с. 220], что требуется для уточнения смысловой стороны анализируемого текста. Контекстуальный анализ способствует выявлению влияния контекста на функционирование языковых знаков, поскольку именно в результате контекстуализации высказывание получает свой окончательный смысл [Молодыхенко, Чернявская 2022, с. 112].

Для проведения исследования важно понимание лингвистической сути и назначения бытийных конструкций. В самом широком смысле бытийными именуется предложения, которые говорят о бытии [Борщев, Парти 2002, с. 67]. Они могут выражаться через конструкцию неканонического морфосинтаксиса, которая представляет пропозицию о существовании или наличии кого-либо или чего-либо в контексте и может быть представлена как expletive *there* + copula *was* + pivot *a flower* + coda *in her hair* [Francez 2009, с. 1]. В русской лингвистической традиции к экзистенциальным также относят и номинативные предложения со значением «состояния среды» [Арутюнова 2003, с. 229]. Структурная детерминированность бытийных предложений базируется на заложенных в их основу смысловых отношениях [Арутюнова 2003, с. 212]: бытийное предложение связывает три компонента: локализатор (обстоятельство места, указывающее на область бытия), бытийный глагол и имя «бытующего предмета» [Арутюнова 1997, с. 57].

Казалось бы, в силу своей структуры (наличие локализатора, глагола и имени бытующего предмета) бытийные предложения должны были быть востребованы в текстах песен кантри стиля, как минимум, для введения персонажа. Однако анализ текстов показывает, что нарратив, прежде всего, строится на событийных глаголах, а это глаголы действия, которые по законам рассматриваемого жанра нанизываются один на другой: *He looked down into her brown eyes And said, "Say a prayer for me."* *She threw her arms around him, Whispered, "God will keep us free"*² или *Then I fumbled through my closet, for my clothes and found my cleanest dirty shirt And I shaved my face and combed my hair and, stumbled down the stairs to meet the day*³ или *An old cowboy went ridin' out one dark and windy day Upon a ridge he rested as he went along his way When all at once a mighty herd of red-eyed cows he saw Plowin' through the ragged skies, and*

² Seven Spanish Angels. URL: <https://www.azlyrics.com/lyrics/raycharles/sevenspanishangels.html> (дата обращения 05.09.2023).

³ Sunday Morning Coming Down. URL: <https://www.azlyrics.com/lyrics/kriskristofferson/sundaymorningcomingdown.html> (дата обращения 05.09.2023).

*up a cloudy draw*⁴. Частотность бытийных предложений в рассматриваемых текстах минимальна. Более того, в некоторых текстах они могут отсутствовать как таковые.

На начальном этапе исследования необходимо уточнить назначение бытийных конструкций в нарративе американских песен кантри. Бытийные предложения могут описывать фрагмент мира, который находится в непосредственном восприятии продуцента текста (*There wasn't anyone around 'cept this old man and me*⁵), они могут давать оценку окружающего или его элементов (Almost heaven, West Virginia, Blue Ridge Mountains, Shenandoah River Life is old there, older than the trees, younger than the mountains⁶; *And the beer <...> wasn't bad*⁷), состояния героя (*I'm glad to be here, happy to be alive*³; *I'm so tired of crying*⁷; *'Cause there's something in a Sunday Makes a body feel alone*³) или другого человека (*you're my every dream*⁸; *you are my sunshine*⁹; *It don't matter if you're by my side I'm satisfied*¹⁰), от лица которого ведется рассказ, к которому обращаются или о ком говорят. Назначением бытийных предложений также может быть описание или идентификация местоположения человека (*Is on the road again*¹¹; *There were seven Spanish Angels At the Altar of the Sun*²). Тем не менее, нельзя не подчеркнуть, что репрезентативность бытийных предложений в рассматриваемых текстах чрезвычайно низка.

Очевидно, причину минимальной представленности бытийных конструкций в текстотипе песни стиля кантри надо искать в природе нарратива, который характеризуется событийностью и, соответственно, выдвигает событие, а не бытие на первый план. А событийность, что естественно, требует реализации акциональности. Соответственно, для песен стиля кантри характерно минимальное количество бытийных предложений, которые находятся в тесном взаимодействии с глаголами действия. При этом типичным

⁴ (Ghost) Riders In The Sky. URL: <https://www.azlyrics.com/lyrics/johnnycash/ghostridersinthesky.html> (дата обращения 04.09.2023).

⁵ Old dogs, children & watermelon wine. URL: <https://www.lyrics.com/lyric/10684229/Old+Dogs%2C+Children+and+Watermelon+Wine> (дата обращения 09.09.2023).

⁶ Take Me Home, Country Roads. URL: <https://www.azlyrics.com/lyrics/johndenver/takemehomecountryroads.html> (дата обращения 09.09.2023).

⁷ On the road again. URL: <https://www.azlyrics.com/lyrics/bobdylan/ontheroadagain.html> (дата обращения 04.09.2023).

⁸ Cold cold heart. URL: <https://www.azlyrics.com/lyrics/hankwilliams/coldcoldheart.html> (дата обращения 04.09.2023).

⁹ You are my sunshine. URL: <https://www.azlyrics.com/lyrics/johnnycash/youaremysunshine.html> (дата обращения 04.09.2023).

¹⁰ End of the Line. URL: <https://www.azlyrics.com/lyrics/travelingwilburys/endoftheline.html> (дата обращения 04.09.2023).

¹¹ On The Road Again. URL: <https://www.azlyrics.com/lyrics/willienelson/ontheroadagain.html> (дата обращения 04.09.2023).

для данного текстотипа является использование бытийных конструкций как обоснования действия или как его триггера (*Because you're mine, I walk the line*¹²; *I'm hungry as a hog So I get brown rice, seaweed And a dirty hot dog*¹³), реже как результата совершения действия или фона, на котором действия завершились (*When the battle stopped and the smoke cleared, There was thunder from the throne, And seven Spanish angels took another angel home*²). Но даже и в этом последнем случае действие (*took another angel home*) инициировано тем, что передается бытийной конструкцией.

Востребованность акциональных предложений, кроме предопределенной нарративом событийности, также вызвана базовым мотивом песен стиля кантри, которым является дорога. Данное обстоятельство также диктует построение высказываний, в которых оказываются активно задействованными глаголы движения. Более того, благодаря лексико-грамматическим возможностям английского языка сама бытийная конструкция может приобретать значение движения: *I'm out on the road again*¹⁴. Движение в данном случае запускается посредством бытийной конструкции, и далее оно направлено на достижение точки как конечного пункта следования. Такой точкой зачастую служит понятие, передаваемое лексемой *home* (*country roads, take me home to the place I belong*⁶). Соответственно, окружающий мир предстает дорогой к этой практически недостижимой точке принадлежности героя (*Lord I'm one, Lord I'm two, Lord I'm three, Lord I'm four, Lord I'm 500 miles away from home*¹). Лексическая единица *home* чаще и, пожалуй, наилучшим образом воплощает обетованное место, которое ищет рассказчик – это то самое «правильное» место, место принадлежности нарратора или героя нарратива [Иванова 2023, с. 11-12].

Таким образом, нарративная природа изучаемых текстов обуславливает специфику передачи категории бытийности. Бытийность тесно взаимодействует с акциональностью – более того, в определенном смысле они смыкаются в своем взаимодействии, что позволяет говорить о некоей акциональной бытийности в нарративе американских песен стиля кантри. Так, проведенное исследование дает основания утверждать, что жанровый канон, как «алгоритм построения текста» [Карасик 2018, с. 896], предопределяет функционирование языковых категорий в рамках того или иного текстотипа.

¹² I Walk The Line. URL: <https://www.azlyrics.com/lyrics/johnnycash/iwalktheline.html> (дата обращения 09.09.2023).

¹³ On The Road Again. URL: <https://www.azlyrics.com/lyrics/bobdylan/ontheroadagain.html> (дата обращения 02.09.2023).

¹⁴ Medley – Back Out On The Road – On The Road Again. URL: <https://www.azlyrics.com/lyrics/cannedheat/medleybackoutontheroadontheroadagain.html> (дата обращения 11.09.2023).

Список литературы

1. Артемова О.Е. Лингвокультурная специфика текстов прецедентного жанра ЛИМЕРИК (на материале английского языка): дисс. ... канд. филол. н. Уфа, 2004. 257 с.
2. Арутюнова Н.Д. Бытийные предложения // Энциклопедия «Русский язык». Москва: Большая Российская энциклопедия, 1997. С. 57-59.
3. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы). М.: Едиториал УРСС, 2003. 384 с.
4. Борщев В.Б., Парти Б.Х. О семантике бытийных предложений. Семиотика и информатика. Вып. 37. Москва: ВИНТИ, 2002. С. 59-78.
5. Иванова С.В. Вербализация бытийности и акциональности: мир как путь и как действие в нарративе американского кантри // Terra Linguistica. 2023. Т. 14. № 2. С. 7–14. DOI: 10.18721/JHSS.14201
6. Иванова С.В. Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2003. 41 с.
7. Иванова С.В., Артемова О.Е. Сценарный фрейм как когнитивная основа текстов прецедентного жанра «лимерик» // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 3. С. 46-52.
8. Карасик В.И. Алгоритмы построения комических текстов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. 2018. Т. 22. No 4. С. 895—918. DOI 10.22363/2312-9182-2018-22-4-895-918.
9. Леонтович О.А. Методы коммуникативных исследований. М.: Гнозис, 2011. 224 с.
10. Молодыхенко Е.Н., Чернявская В.Е. Социальная репрезентация через язык: теория и практика социолингвистики и дискурсивного анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2022. Т. 19, № 1. С. 103–124. DOI: 10.21638/spbu09.2022.106
11. Радбиль Т.Б. Язык и мир : парадоксы взаимоотражения. Москва: Языки славянской культуры (ЯСК), 2017. 593 с.
12. Сафронова И.Н. Интерпретация // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяевой и др. М.: Флинта : Наука, 2003. С. 219–221.
13. Тюпа В.И. Драма как тип высказывания // Новый филологический вестник. № 3 (14). М.: РГГУ, 2010. С. 7-16.
14. Country music // Encyclopedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/art/country-music> (дата обращения 04.09.2023).
15. Existential Constructions across Languages / ed. L. Sarda, L. Lena. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2023. [X], 352 pp.
16. Francez I. Existentials, predication, and modification // Linguistics and Philosophy. 2009. № 32. P. 1-50.

Сведения об авторе:

Иванова Светлана Викторовна; доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-

Петербург, Университетская наб., д. 7–9; svet_victoria@mail.ru; +7 (812) 329–08–92.

Ivanova Svetlana Viktorovna; Doctor of Philology, Professor, Saint Petersburg State University, 7–9 University Embankment, St. Petersburg, 199034, Russian Federation; svet_victoria@mail.ru; +7 (812) 329–08–92.

УДК 81'27

Осмысление мирной жизни в паремиологии и афористике

Владимир Ильич Карасик

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия
доктор филологических наук, профессор
vkarasik@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается концепт «мирная жизнь», выраженный в пословицах и афоризмах. Показано, что в универсальных высказываниях, продвигающих базовые ценности, мир однозначно оценивается как благо. Специфика осмысления мира в пословицах состоит в подчеркивании усилий, требуемых для поддержания мирной жизни, в акцентировании необходимости идти на примирение ценой уступок, в констатации неизбежности конфликтов и войн, в осуждении чрезмерных амбиций как причины, ведущей к потере мира. Отмечена идеологическая маркированность пословиц о мире применительно к советской эпохе. В афористике выделяются высказывания, в которых сказано о неразрывной связи мира и справедливости, подчеркивается идея обманчивости разговоров о мире, критически оценивается примирение с врагами, обсуждается человеческая природа в связи с выбором мира.

Ключевые слова: лингвокультурология, ценность, концепт, мирная жизнь, пословица, афоризм.

Conceptualization of Peace in Proverbs and Aphorisms

Vladimir I. Karasik

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia
Doctor of Philological Sciences, Professor
vkarasik@yandex.ru

Abstract. The paper deals with the concept “peace” expressed in proverbs and aphorisms. The analysis shows that peace is categorically assessed in paroemia as a terminal basic value of human life. Specific features of conceptualization of peace in proverbs consist in the emphasis of efforts needed to ensure peaceful life, in the idea of compromise which is necessary for keeping peace, in the assertion of inevitability

of conflicts and wars, in reprobation of excessive ambition as the main cause of loss of peace. During the Soviet epoch Russian proverbs about peace were ideologically charged. Aphoristic sentences bring to the fore the ideas of inseparable connection of peace and justice, of manipulative nature of political appeals to peace, of deceptive reconciliation proposals, and of qualities connected with the price of peace.

Key words: language and culture studies, value, concept, peace, proverb, aphorism.

Аксиологическая лингвистика – изучение языка, направленное на выявление и систематизацию ценностей, норм и обыкновений, закодированных в содержании языковых единиц и коммуникативных паттернов – является одним из наиболее активно развивающихся направлений современной антропологической лингвистики. Аксиологическая лингвистика пересекается с лингвокультурологией и описанием лингвокультурных концептов – квантов переживаемого знания, в содержании которых можно выделить понятийные, образные и ценностные характеристики. Не менее значимым оказывается дискурсивное осмысление коммуникативного поведения, поскольку в любом типе общения можно охарактеризовать его смыслообразующие ценности. Можно выделить три основных вектора аксиологического описания языка: 1) вертикальное измерение – характеристики типов ценностей (витальные, утилитарные, моральные и терминальные), 2) горизонтальное измерение – характеристики ценностей по количеству носителей языка и культуры (общечеловеческие, цивилизационные, национально-культурные, групповые, микрогрупповые, индивидуально-личностные), 3) сагиттальное измерение – конкретизацию выражения ценностей (ценности, нормы, традиции / обыкновения). Аксиологическая лингвистика сориентирована на описание жанров речи, созданных для выражения и продвижения ценностей, т.е. аксиогенных текстов (мифы и легенды, сказки, притчи, пословицы и поговорки, анекдоты и шутки, индивидуальные аксиогенные нарративы).

Мирная жизнь является одной из витальных общечеловеческих ценностей, базовых смыслообразующих ориентиров поведения. Мир как спокойная жизнь, противопоставляемая конфликтам – от ссоры до войны, – находит закономерное осмысление в различных ценностно-маркированных, или аксиогенных, текстах. Паремиологические тексты играют особую роль в продвижении ценностей и норм поведения [1; 2; 3; 5; 7; 10; 15; 18; 20].

В паремиологии сформулированы следующие установки и предписания поведения, относящегося к поддержанию и сохранению мирной жизни.

Мирная жизнь есть благо:

Мир да лад - божья благодать. Где мир да лад, там не нужен и клад. Где мир, там и радость. Мир — дело великое. Цветам нужно солнце, а людям — мир. Мирно жить — счастливым быть. Кто сеет мир, пожинает счастье.

Нужны усилия для поддержания мира:

Мира не ждуют, за мир борются. Мира не ждуют, его в свои руки народы берут. Мира не ждуют, его завоевывают.

Всякая ссора и война завершаются миром:

Мир лучше ссоры. С кем поборюсь, с тем и помирюсь. Свет победит тьму, а мир — войну. Всякая ссора красна миром.

Следует поддерживать даже непрочный мир:

Худой мир лучше доброй драки. Соломенный мир лучше железной драки. Еще не было хорошей войны и плохого мира.

Следует идти на примирение даже ценой уступок:

Хоть на себя попустишь (поступишь собою), да помиришь.

Мир неразрывно связан с войной:

Вечный мир до первой драки. Мир строит, а война разрушает. Мир созидает, распря разрушает. Живя в мире, не забывай о войне.

Труд способствует мирной жизни:

В труде победить — мир укрепить. Мир и труд в ногу идут. Мир делают трудом, а не словами.

Правда способствует мирной жизни:

Дело мира правдою сильно.

Мир в семье зависит прежде всего от женщины:

Мир в семье женой держится. Мир и любовь — всему голова.

Вместе с тем иногда женщины лишают своих мужей покоя:

Смирен топор, да веретено бодливо.

Мир после ссоры не очень крепок:

Надсаженный конь, надломленный лук да замиренный друг.

В Советском Союзе появились идеологически маркированные речения:

Миллионы — за мир, миллионеры — за войну. Народам нужен мир, а не военный мундир. Голубь мира вьется, а капиталист трясется.

В пословицах разных народов можно найти предписания поведения, уточняющие и дополняющие приведенные выше.

Амбиции лишают человека мира в душе:

Честолюбцам плохо спится (чадск.).

Чтобы жить в мире с другими, не нужно беспокоить их:

Тот, кто любит мир, не лезет не в свое дело (кит.). Тому, кто хочет жить в покое, нужно быть слепым, глухим и немым (перс., турецк.). Древо молчания приносит плоды мира (араб.).

Мир не может длиться вечно:

Никто не будет жить в мире дольше, чем захочет сосед (голланд.).

Есть гендерная специфика поведения в семье:

Мужу мудрость, жене терпение, и в доме будут мир и счастье. (голланд.).

Для сохранения мира нужно идти на некоторые жертвы:

*Лучше хлеб с луком и мир, чем фаршированная птица и распри (араб.).
Лучше сухой хлеб и мир, чем мясо и война (венг.).*

Для сохранения мира иногда поступаются правдой:

Лицемерие позволяет миру сохраняться (мавр.).

Мир должен быть в душе у человека:

Если у тебя нет мира внутри, бессмысленно искать его снаружи (франц.).

В пословицах и поговорках показано, что мир является безусловным благом, что для его сохранения нужны усилия и он не может длиться вечно. Отметим, что одним из этнокультурных индикаторов в паремиологии является не только наличие обобщающих высказываний на определенную тему, но и значимое отсутствие в корпусе пословиц тех речений, которые в других сообществах продвигают и закрепляют иные нормы поведения. Это касается, в частности, предписания не лезть в чужие дела. В русской культуре это не одобряется, но и не настолько строго осуждается, как в других культурах. Идеологически маркированные пословицы являются особым типом паремий – они использовались только в лозунгах и официальной пропаганде.

Высказанные в пословицах идеи уточняются и развиваются в афористике. Отметим, что в пословицах и поговорках отражается коллективная мудрость народа, и поэтому можно делать выводы о доминантах культуры, выраженных в паремиологии. Афоризмы являются авторскими речениями, и поэтому в меньшей мере отличаются этнокультурной спецификой [4; 6; 8; 9; 11; 12; 13; 14; 16; 17; 19].

В афоризмах подчеркивается идея значимости мира для человечества:

Мир — это единственная битва, которую стоит вести (А. Камю).

Подчеркивается, что мир – это состояние души:

Мир – это не отсутствие войны, это добродетель, состояние души, склонность к доброжелательности, уверенности, справедливости (Б. Спиноза). Мир, как и милосердие, начинается дома (Ф.Д. Рузвельт).

Акцентируется важность справедливости для установления и сохранения мира:

Мир и справедливость – это две стороны одной медали (Д. Эйзенхауэр).

Устанавливаются условия поддержания мира:

Только мир между равными может быть прочным (В.Т. Вильсон).

При этом в афористике проводится идея обманчивости разговоров о мире:

Если то и дело твердить о мире, — это так же неизбежно приведет к войне, как если твердить о войне (Л. Фейхтвангер). Чем больше разговоров о миролюбии, тем глубже роются бункеры (Д. Квиллар). Мир в международных делах – период обмана между двумя периодами борьбы (А. Бирс).

Сказано, что есть то, что важнее мира:

Мир, если это возможно, правда - любой ценой (М. Лютер). Мир бесценен, но не любой ценой (Р.Э. Гонсалес). Различие между миром и рабством огромно. Мир – это спокойная свобода, рабство же – это худшее из всех зол, от которого мы должны отбиваться не только войной, но и ценой жизни (М.Т. Цицерон).

Заслуживают внимания изречения о примирении с врагами:

Примирение с врагами говорит лишь об усталости от борьбы, о боязни поражения и о желании занять более выгодную позицию (Ф. де Ларошфуко). Наши мирные договоры бессмысленны: мы не прекращаем, а лишь откладываем войны (Исократ). Мир делает народы счастливее, а людей слабее (Л. де Клапье).

Высказана критическая оценка о компромиссах:

Мир, достигнутый путем компромисса, обычно является недолговечным достижением (У. Скотт).

Обратим внимание на суждения о человеческих качествах, связанных условиями мира:

Во время смут и беспорядков чем хуже человек, тем легче ему взять верх; править же в мирное время способны лишь люди честные и порядочные (Тацит). Есть две мирные формы насилия: закон и приличия (И.В. Гёте). В мирной обстановке воинственный человек нападает на самого себя (Ф. Ницше). Откровенно говоря, я не вижу особого смысла превозносить смиренных и кротких. Когда их превозносят, они перестают быть смиренными и кроткими (С. Батлер).

Можно заметить, что в афористике преобладают речения, критически оценивающие реальность достижения мира и способы его сохранения. Такое различие между пословицами и афоризмами можно объяснить тем, что пословицы сориентированы на выражение практических советов, в то время как в афористике доминирует критическая оценка человеческой природы.

Резюмирую.

В универсальных высказываниях, продвигающих базовые ценности, мир однозначно оценивается как благо. Специфика осмысления мира в пословицах состоит в подчеркивании усилий, требуемых для поддержания мирной жизни, в акцентировании необходимости идти на примирение ценой уступок, в констатации неизбежности конфликтов и войн, в осуждении чрезмерных амбиций как причины, ведущей к потере мира. Отмечена идеологическая маркированность пословиц о мире применительно к советской эпохе. В афористике выделяются высказывания, в которых сказано о неразрывной связи мира и справедливости, подчеркивается идея обманчивости разговоров о мире, критически оценивается примирение с врагами, обсуждается человеческая природа в связи с выбором мира.

Список литературы

1. Абакумова О.Б. Пословицы в языке, сознании и коммуникации: монография. СПб.: Алеф-Пресс, 2012. 354 с.
2. Бочина Т.Г. Стилистика контраста: Очерки по языку русских пословиц. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2002. 196 с.
3. Бурмистрова Л.В. Структурные, семантические и прагматические характеристики комических пословиц: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2018. 19 с.
4. Ваганова Е.Ю. Афоризм как тип текста в аспекте интертекстуальности: автореф. дис. ...канд. филол. наук. СПб., 2002. 20 с.
5. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Антипословицы русского народа. СПб: Изд. дом «Нева», 2005. 576 с.
6. Гонгало В.М. Природа и ценностная интенциональность философской афористики: автореф. дис. ...канд. фил. наук. Омск, 2007. 18 с.

7. Дмитриева О.А. Культурно-языковые характеристики пословиц и афоризмов (на материале французского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1997. 16 с.

8. Дядык Н.Г. Гносеологический анализ афоризма как специфической семиотической системы: автореф. дис. ...канд. фил. наук. Челябинск, 2011. 20 с.

9. Землянская Е.В. Структурно-семантические и функциональные особенности стилевой интертекстуальности в англоязычном афоризме: автореф. дис. ...канд. филол. наук. СПб., 2004. 18 с.

10. Иванова Е.В. Пословичные картины мира (на материале английских и русских пословиц). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. 160 с.

11. Карлик Н.А. Теоретические основы выявления суггестивного потенциала малоформатных афористических текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2013. 28 с.

12. Кулишкина О.Н. Русский афоризм XIX – начала XX веков: эволюция и сферы влияния: автореф. дис. ...д-ра филол. наук. СПб., 2004. 41 с.

13. Манякина Т.И. Языково-стилистическая характеристика жанра афоризмов (на материале немецкого языка): автореф. дис. ...канд. филол. наук. Киев, 1981. 24 с.

14. Мартемьянов Ю.С. Афоризм: проблема построения имплицитного текста // Имплицитность в языке и речи. М.: Языки русской культуры, 1999. С.115-123.

15. Пермяков Г.Л. Пословицы и поговорки народов Востока. Систематизированное собрание изречений двухсот народов. Научная редакция Е.М. Мелетинского и Г.Л. Капчица. М.: Изд-во «Лабиринт», 2001. 624 с.

16. Полчанинова Е.О. Афоризм во фразеологии и фразеологизм в афористике современного немецкого языка: лингвокультурологический аспект: автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 2012. 22 с.

17. Сазбандян Т.В. Функции афоризмов в структуре и динамике познавательной деятельности человека: автореф. дис. ... канд. фил. наук. М., 2008. 28 с.

18. Сидоркова Г.Д. Прагматика паремий: пословицы и поговорки как речевые действия. Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 1999. 249 с.

19. Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И. Афористика. М.: Наука, 1990. 419 с.

20. Фролова О.Е. Мир, стоящий за текстом: Референциальные механизмы пословиц, анекдота, сказки и авторского повествовательного художественного текста. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 320 с.

О некоторых особенностях не прямых именовании в современном англоязычном интернет-пространстве

Ольга Сергеевна Орлова

Институт языкознания РАН, младший научный сотрудник отдела теории и практики коммуникации им. Ю.С. Степанова, кандидат филологических наук, Москва, Россия, OrlovaOlgaS@list.ru

Аннотация. Статья посвящена непрямым номинациям в пространстве интернета. Основное содержание исследования составляет анализ не прямых номинаций, употребляющихся при обсуждении актуальных проблем в современном англоязычном интернет-пространстве (в социальных сетях, на форумах и др.) в когнитивно-культурологическом ключе; на конкретных примерах выявляются и описываются основные особенности не прямых именовании, используемых в интернет-коммуникации; посредством когнитивного и культурологического анализа раскрывается механизм создания рассмотренных не прямых именовании.

Ключевые слова: не прямая номинация, интернет, когнитивно-культурологический анализ.

On Some Peculiarities of Up-to-date Indirect Nominations in the English-speaking Segment of the Internet

Olga S. Orlova

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, junior researcher, Yuri Stepanov Department for Theory and Practice of Communication, candidate of Philology, Moscow, Russia, OrlovaOlgaS@list.ru

Abstract. The paper deals with indirect nominations used in the Internet. The research is mainly concentrated on cognitive-cultural analysis of indirect nominations used in discussions of relevant, up-to-date issues in the English-speaking segment of the Internet (social networks etc.). Specific examples are used to illustrate the basic features of the indirect nominations under consideration. The combination of cognitive and cultural analyses results in a successful description of the mechanism of the formation of indirect nominations under review.

Keywords: indirect nomination, the Internet, cognitive-cultural analysis.

Современное англоязычное интернет-пространство, несмотря на присущую большинству пользователей интернета прямоту в высказываниях, характеризуется употреблением большого числа не прямых номинаций. Не прямые номинации, функционирующие в интернете, включают эвфемизмы

— «разрешенные слова и выражения, которые употребляются вместо тех, которые запрещены или ограничены в употреблении этикетными, этическими, правовыми, идеологическими нормами и обычаями, принятыми в данном культурно-языковом сообществе» [Ковшова 2019: 36], использующиеся для смягчения речи и вуалирования существа дела, — и эмоционально окрашенные слова и выражения, экспрессивную лексику, которая употребляется с целью не «замаскировать», а подчеркнуть положительное или отрицательное отношение пользователя к предмету высказывания, привлечь внимание других пользователей к публикации или комментарию. Ср.: эвф.: *Native Americans* вместо «Indians», *New Australian* вместо «immigrants», эвфемизм «*minority groups*», употребляющийся для непрямого именованя людей, которые могут подвергаться дискриминации по тем или иным признакам, и др.; неэвф.: американское «*Chicano*», употребляющееся для непрямого именованя американцев мексиканского происхождения, австралийское *pot / pomegranate* вместо «British» / «British immigrant» [wavelengthmag.com], «*Vexit*» — о гипотетическом выходе Виктории (штат на юго-востоке Австралии) из состава Содружества (the Commonwealth) [theage.com.au] и др.

Особый интерес вызывают не прямые именованя, употребляющиеся в англоязычном интернет-пространстве, которые часть пользователей рассматривает как эвфемистические замены менее подходящих в данной ситуации слов или выражений, а другие пользователи, считают оскорбительными или, по крайней мере, не смягчающими высказывание. Одним из таких примеров является не прямое именоване людей с тёмным цветом кожи «*people of color*» (ед.ч. «*person of color*») или «*POC*». Так, «*people of color*» / «*POC*» употребляется в качестве эвфемизма в сочетании с эвфемистическим выражением «*diverse hiring*» в «*Many companies, including NPR, struggle when it comes to diverse hiring. In 2019, 28 percent of the newsroom at NPR was made up of people of color, while just below 71 percent of the newsroom was white*» [npr.org]. Данное именоване воспринимается как приемлемое многими англоговорящими представителями расовых меньшинств, в то время как другие считают его оскорбительным, о чём свидетельствуют многочисленные дебаты среди пользователей в англоязычном интернет-пространстве по этому поводу (см., например, такие интернет-источники, как reddit.com, npr.org, blog.ongig.com и др.). Ср.: «*I like POC because it evokes an image of us, unlike the terms nonwhite or minority, where whiteness is front and center.*» — Javier Pineda, 35 years old [npr.org]; «*Whenever I'm called a "person of color," it reminds me of when segregation was the norm, and people were divided into "white" and "colored people"*» [reddit.com].

Проанализируем не прямое именоване «*people of color*» (ед.ч. «*person of color*») или «*POC*» в значении ‘люди с тёмным цветом кожи’, которое употребляется англоязычными пользователями интернета в качестве замены для прямого именованя *black people*, с помощью когнитивно-культурологического подхода (см. подробнее об этом в [Орлова 2022]), чтобы показать «устройство» не прямой номинации и объяснить причину такого восприятия данного именованя пользователями. Применение когнитивно-

культурологического подхода в исследовании непрямых номинаций предполагает их описание в два этапа, первым из которых является их фреймовый анализ, а последующим, уточняющим и дополняющим когнитивное описание — культурологический комментарий. В основе фреймового анализа лежит классическая когнитивная структура фрейма (см. труды Н.Н. Болдырева, Е.Е. Голубковой, В.З. Демьянкова, О.К. Ирисхановой, Ч. Филлмора, А.П. Чудинова и др.). Формализация фрейма в виде таблицы позволяет раскрыть когнитивное «устройство» данного знака, давая наглядное представление взаимодействия двух областей — области-источника и области-цели. Под культурологическим комментарием понимается, вслед за [Ковшова, Гудков 2017], модель культурной интерпретации языковых знаков, которая позволяет репрезентировать их культурную значимость.

Для наглядности описания фреймовый анализ представим в таблице (см. таблицу 1).

Таблица 1

POC (people of color). Фреймовый анализ

	<i>POC (people of color)</i>	Конституирующие признаки	<i>Black people</i>
	Область-источник		Область-цель
	Антропная, цветовая (определённый цвет)	Антропная, цветовая	Антропная, цветовая (тёмный, не белый цвет)
Типовые сценарии	Люди с определённым цветом кожи	Элемент 1 обладает характеристикой, которая отличает его от элемента 2 (цвет)	Люди с тёмным цветом кожи
Элементы ситуации	Человек с определённым цветом кожи	Элемент 1	Человек с тёмным цветом кожи
	Определённый цвет кожи	Отличительная характеристика элемента 1	Тёмный цвет кожи
	Человек с белым цветом кожи	Элемент 2	Человек с белым цветом кожи
	Белый цвет кожи	Отличительная характеристика элемента 2	Белый цвет кожи

В таблице представлена область-источник – антропная, цветовая (определённый цвет); область-цель – антропная, цветовая (тёмный, не белый)

цвет); и показаны конституирующие признаки, составляющие основу для кодирования денотата в непрямом именовании. Таблица позволяет наглядно прояснить ключевую когнитивную стратегию в кодировании денотата — опустить существенные детали исходной ситуации, обобщить описание, “очистить” ситуацию от нежелательных элементов, при этом сохранить её онтологические характеристики, самый общий ‘каркас’. Для этого лакунизируется область-цель (снят параметр «тёмный цвет»); подменяется типовой сценарий (снят существенный параметр «обладание тёмным цветом кожи»); лакунизируются элементы ситуации (снята характеристика «тёмный»).

Дополним фреймовый анализ культурологическим комментарием. Изначально не прямое именование «*people of color*» (ед.ч. «*person of color*») или «*POC*» возникло в английском языке как эвфемистическая замена для «*black people*». Ср.: «*We know that people of color are more likely than white households to be extremely low-income renters and that people of color disproportionately struggle to pay rent compared to white households*» [opportunityhome.org]. Причины выбора словосочетания *people of color* для замены словосочетания *black people* и подобных ему именовании, которые могут восприниматься представителями расовых меньшинств как оскорбительные, продиктованы особенностями англоязычной культуры. Словосочетание *of color* в меньшей степени обладает отрицательными коннотациями, чем *black*, поскольку в фокусе находится указание на наличие цвета, а не на конкретный цвет кожи. Замена слова *black* словами *of color* отвечает получившим распространение в англоязычной культуре принципам политической корректности, языковая сторона которой характеризуется отсутствием в коннотативном значении языковой единицы идей дискриминации по какому-либо признаку, в том числе по признаку расовой или этнической дискриминации. В силу особенностей интернет-коммуникации, которая характеризуется большим количеством использования сокращений и аббревиатур, на форумах и в социальных сетях вместо *people of color* активно употребляется вариант *POC*. Ср.: «*I'm a POC and I'm way too used to white people caring about shit that us POC would never care about because of the whole "White Savior" complex*» [Reddit.com]. Отметим, что благодаря отсутствию указания на конкретный цвет кожи в не прямой номинации *people of color* (*POC*), данная единица также употребляется для непрямого именовании не только чернокожих, но и других представителей расовых меньшинств. Ср.: «*Why are other POC so nasty towards Black people?*» [Reddit.com]. Однако, как это часто происходит с эвфемизмами, со временем словосочетание «*people of color*» и аббревиатура «*POC*» стали приобретать отрицательные коннотации, и со временем могут превратиться в дисфемизмы. Причиной тому, во многом, служат негативные ассоциации, которые вызывает слово «*color*» у чернокожих представителей англоговорящей культуры из-за связи с пренебрежительным «*colored*», активно использовавшемся во времена сегрегации. В настоящее время в англоязычном интернет-пространстве нет единства в вопросе, всегда ли приемлемо употреблять «*people of color*», «*person of color*» и «*POC*» по отношению к представителям расовых меньшинств. Однако несмотря на то, что примеры эвфемистического употребления «*people of color*» и «*POC*» в

интернете всё ещё многочисленны, в современном английском языке уже появляются заменяющие их слова и выражения, которые ещё не обладают отрицательными коннотациями. Одним из получивших распространение примеров является аббревиатура «*BIPOC*», которая расшифровывается как «*Black, Indigenous, and people of color*». Ср.: «*Hate to be "that guy", but as a BIPOC, I think the LMG team could use some more BIPOC people*» [reddit.com]. Употребление данной аббревиатуры в качестве эвфемизма для обозначения представителей расовых меньшинств, возможно, позволит сгладить возникшие у них разногласия относительно того, как следует их называть, поскольку «*POC*» в составе «*BIPOC*» используется для именованя не чернокожих, а представителей расовых меньшинств с другими цветами кожи, в то время как афроамериканцы обозначены в данной аббревиатуре «*B*» (*black*), что, по мнению ряда пользователей интернета, в современной культуре вполне приемлемо и не нуждается в эвфемистической замене, как это было раньше, возможно благодаря популярности движения «*Black Lives Matter / BLM*», которое борется за права чернокожего населения.

Таким образом, применение когнитивно-культурологического подхода в исследовании не прямых номинаций, употребляющихся при обсуждении актуальных проблем в современном англоязычном интернет-пространстве, позволяет раскрыть механизм их создания. Фреймовый анализ выявляет сценарий, лежащий в основе создания не прямых именованй, и их конституирующие признаки; показывает их когнитивную структуру; культурологический комментарий объясняет их появление и функционирование в данном языке и культуре. Одна из ключевых особенностей не прямых именованй в англоязычном интернет-пространстве связана с возможностью масштабного обсуждения в интернет-коммуникации статуса данного не прямого именованя, что может повлиять на его употребление в сети.

Список литературы

1. Ковшова М.Л., Гудков Д.Б. Словарь лингвокультурологических терминов. — М.: Гнозис, 2017. — 192 с.
2. Ковшова М.Л. Эвфемизмы и фразеологизмы: устойчивые структуры в аспекте эвфемизации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 4. — С. 35 – 48.
3. Орлова О.С. Эвфемизмы и загадки о рождении и смерти в русской и англоязычной культурах: принцип не прямой номинации. Когнитивно-культурологическое исследование. — ЛЕНАНД Москва, 2022. — 240 с.
4. Fillmore Ch. J. Frames and the semantics of understanding // *Quaderni di semantica*. Vol. VI, no. 2, 1985. — Pp. 222 – 254.

Источники примеров

1. Reddit.com

URL:

https://www.reddit.com/r/acotar/comments/120jckb/about_poc_and_terminology/
(дата обращения: 1.10.2023)

URL:

https://www.reddit.com/r/TrueOffMyChest/comments/1vlec5/im_a_minority_and_i_hate_being_called_poc/ (дата обращения: 1.10.2023)

URL:

https://www.reddit.com/r/blackladies/comments/z062vp/why_are_other_poc_so_nasty_towards_black_people/ (дата обращения: 1.10.2023)

URL:

https://www.reddit.com/r/whitepeoplewritingPOC/comments/mxqgdc/are_the_people_on_this_sub_actually_poc_or_just/ (дата обращения: 1.10.2023)

URL:

https://www.reddit.com/r/LinusTechTips/comments/15wv4un/hate_to_be_that_guy_but_as_a_bipoc_i_think_the/ (дата обращения: 1.10.2023)

2. Opportunityhome.org

URL: <https://www.opportunityhome.org/resources/racial-equity-housing/>
(дата обращения: 1.10.2023)

3. Theage.com.au

URL: <https://www.theage.com.au/national/victoria/victoria-and-the-federation-is-it-time-for-a-vexit-20220406-p5ab9w.html>
(дата обращения: 1.10.2023)

4. URL: <https://wavelengthmag.com/why-do-aussies-call-brits-poms/> (дата обращения: 1.10.2023)

5. Npr.org

URL: <https://www.npr.org/2020/09/29/918418825/is-it-time-to-say-r-i-p-to-p-o-c>
(дата обращения: 1.10.2023)

URL: <https://www.npr.org/2020/09/10/911464100/how-to-survive-in-a-mostly-white-workplace-tips-for-marginalized-employees>
(дата обращения: 1.10.2023)

6. Blogongig.com

URL: <https://blog.ongig.com/diversity-and-inclusion/is-poc-friendly/> (дата обращения: 1.10.2023)

Сведения об авторе:

Орлова Ольга Сергеевна; кандидат филологических наук; Институт языкознания РАН, 125009 Москва, Россия, Большой Кисловский пер., 1 стр. 1; OrlovaOlgaS@list.ru

Olga S. Orlova; candidate of Philology; Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 1 bld. 1 Bolshoy Kislovsky lane, 125009 Moscow, Russia; OrlovaOlgaS@list.ru

УДК 81'25

О явных и скрытых ошибках машинного перевода

Ольга Владимировна Петрова

Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н .А. Добролюбова, начальник международной научно-исследовательской лаборатории «Теоретические и прикладные проблемы переводоведения», профессор кафедры теории и практики английского языка и перевода, кандидат филологических наук, Нижний Новгород, Россия, o.v.petrova.nn@gmail.com

Аннотация. Поскольку студенты имеют доступ к различным программам машинного перевода и пользуются ими при выполнении домашних заданий, необходимо использовать это в качестве методического инструмента при подготовке профессиональных переводчиков. Особое внимание следует уделить выявлению тех скрытых ошибок в машинном переводе, которые не всегда замечаются при легком постредактировании.

Ключевые слова: машинный перевод, ошибки, постредактирование, обучение профессиональному переводу.

On Obvious and Hidden Errors in Machine Translation

Olga V. Petrova

Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov, head of the International research laboratory “Theoretical and applied issues in translation studies”, professor of the department of English, Translation and Translatology, candidate of Philology, Nizhny Novgorod, Russia, o.v.petrova.nn@gmail.com

Abstract. Since students have access to various programs of machine translation and use them when doing their home assignments, it is necessary to use it as a

methodological instrument in training professional translators. Special attention should be paid to revealing those hidden mistakes in machine translations that are not always noticed during light post-editing.

Key words: machine translation, mistakes, post-editing, training professional translators.

Доступность программ машинного перевода (в том числе и их бесплатных версий) привела к тому, что студенты-переводчики во многих случаях используют их при выполнении домашних заданий. А если преподаватели не предпринимают специальных мер, делающих невозможным их использование в учебной аудитории при написании зачетных и экзаменационных работ, то и в этом случае на проверку иногда сдаются не собственные переводы студентов, а переводы, выполненные компьютерной программой (чаще всего DeepL или Google Translate). Более того, некоторые студенты используют машинный перевод даже на конкурсах перевода, явно не понимая, что в этом случае просто не может быть победителей, поскольку все, воспользовавшиеся одной и той же программой, сдадут совершенно одинаковые переводы.

Эта ситуация вызывает определенное напряжение у преподавателей, причем у преподавателей как перевода, так и иностранных языков, поскольку она затрудняет оценку сформированности компетенций у студентов (см., например, [Глухова 21]). Но в отношении студентов-переводчиков никаких рациональных объяснений того, почему им нельзя пользоваться машинным переводом, просто не существует. Профессиональный переводчик не только может, но иногда, по требованию работодателя, просто обязан брать за основу машинный перевод. По сути дела, машинный перевод может быть таким же инструментом, как всевозможные бумажные и электронные словари, системы переводческой памяти и прочие помощники переводчика. И хотя машинный перевод – это, в отличие от так называемых кошек (CAT- tools), система автоматического, а не автоматизированного перевода, при грамотном использовании он может стать вспомогательным средством в руках переводчика-человека. Дело только в том, чтобы переводчик понимал все возможности и ограничения программ машинного перевода и использовал их не вместо собственного перевода, а именно как инструмент.

Таким образом, речь должна идти не о том, разрешать или не разрешать студентам пользоваться программами машинного перевода, а о том, чтобы научить их делать это грамотно.

Обычно, говоря о недостатках машинного перевода с русского языка на английский и с английского на русский, прежде всего называют ошибки в согласовании и управлении, в формах рода, в актуальном членении и прочие ошибки, вполне поддающиеся так называемому легкому постредактированию, для которого постредактору, собственно говоря, не требуется быть ни переводчиком, ни специалистом в соответствующей предметной области. Более того, для такого постредактирования даже не всегда требуется сопоставление текста перевода с текстом оригинала. Полное же постредактирование требует

от постредактора не только знания двух языков, специальных знаний в той области, к которой относится содержание текста, но еще и многих других знаний и умений, которыми не владеют и не могут владеть студенты-переводчики, если в программу их обучения не входит курс постредактирования. Как отмечают Н. В. Нечаева и С. Ю. Светова, «процесс и результат постредактирования машинного перевода значительно отличаются от традиционного («человеческого») перевода и редактирования традиционного перевода, поэтому для успешного постредактирования требуется специальная подготовка» [Нечаева, Светова 2018, с. 69].

Поэтому, если студенты даже как-то и редактируют текст компьютерного перевода перед тем, как сдать его преподавателю (т. е., по сути, своему работодателю), то ограничиваются легким постредактированием, а строго говоря, даже не постредактированием, а обычным редактированием, фактически ничем не отличающимся от редактирования текста, написанного человеком. Помимо грамматических и пунктуационных ошибок, они иногда исправляют неверную лексическую сочетаемость и в ряде случаев даже неточно найденные лексические соответствия. Так, скажем, в компьютерном переводе «*Такаси Кавамура, мэр японского города Нагоя, вызвал ярость в Интернете, когда опустил маску и укусил медаль спортсменки по софтболу Миу Гото*» практически все студенты отметили, что укусить можно кого-то, но не что-то. А комментируя предложение «*Олимпийская золотая медалистка получит новую медаль*», заметили, что глагол «получить» в данном случае неуместен, поскольку «получить медаль» означает ее завоевать, тогда как здесь идет речь о замене уже полученной медали. Но при этом студенты не понимают, что практически любой компьютерный перевод содержит ошибки, не воспринимаемые при чтении этого текста без сопоставительного анализа его с оригиналом и с общим контекстом, в котором оригинал был написан.

Так, например, при легком постредактировании не вызовет никаких подозрений следующее предложение:

*Дети, воспитываемые только одним родителем, чаще сталкиваются с насилием, алкоголем, наркотиками и **нежелательной** беременностью* (переведено программой DeepL).

Прочитав его, ни постредактор, ни тем более студент даже не станет обращаться к оригиналу ввиду кажущейся очевидности сказанного. Однако в оригинале сказано отнюдь не *unwanted*, а *unwed pregnancy*, что существенно для понимания общей мысли автора.

Совершенно правильным выглядит и перевод такого предложения из текста о проблемах присуждения Нобелевской премии:

*Возьмем, к примеру, премию по физике этого года, которая была присуждена Питеру Хиггсу за предсказание существования частицы, **обладающей большой массой**, которая теперь носит его имя.* (переведено программой DeepL).

Даже у человека, обладающего какими-то знаниями в области физики элементарных частиц, это предложение не вызовет никаких подозрений: бозон Хиггса — это действительно элементарная частица, обладающая большой

массой. Только в оригинале говорится не об этом его свойстве, а о его способности придавать массу другим частицам (*the mass-bestowing particle*). Вполне естественно, что никто из студентов, воспользовавшихся этим переводом, ошибки не заметил.

Совсем другая, но не менее опасная ситуация возникает, когда понимание смысла сказанного зависит от контекста статьи в целом. В оригинале глава компании-поставщика школьной формы в Великобритании говорит:

I have every sympathy with the move towards a gender-neutral school uniform and we're in the process of removing all references, direct and indirect, to boys and girls in the lines that we sell.

Программа Google Translate переводит:

Я полностью поддерживаю переход к гендерно-нейтральной школьной форме, и мы находимся в процессе удаления всех ссылок, прямых и косвенных, на мальчиков и девочек в линиях, которые мы продаем.

Даже если иметь перед глазами оригинал этого предложения, можно не усомниться в допустимости, приемлемости такого перевода. Но анализ всей статьи показывает, что говорящий нигде ни разу не выражает своей собственной точки зрения на необходимость перехода к гендерно-нейтральной форме. Он лишь констатирует наличие такой тенденции в обществе и говорит, что относится к этому с пониманием, а поэтому и перестраивает работу компании. Никакое легкое постредактирование, никакая проверка текста перевода на соответствие нормам и узусу русского языка и даже сопоставление этого конкретного предложения с соответствующим предложением в оригинале этого выявить не могут. Естественно, не выявили этого и студенты, использовавшие перевод, выполненный программой Google Translate.

Совершенно правильным, на первый взгляд, выглядит и перевод такого предложения:

Among Californians aged 18-50, the college-educated were far more likely than those with no college degree (85% to 69%) to agree that we should celebrate the diversity of family structures, including single parenthood, unmarried parents, and other alternative family structures.

И DeepL, и Google Translate перевели *college degree* как **высшее образование**. Несомненно, в определенных контекстах это было бы правильно. Но в тексте, где ранее было сказано, что речь идет о людях *with at least a college degree*, это не просто неверно, но и искажает всю статистику, на которой основаны рассуждения и выводы автора. Компьютерная программа не в состоянии определить, в каком из значений здесь употребляется слово *college*. Как известно, колледжами в США называют широкий спектр учебных заведений, которые дают образование по программам разного уровня – от старшей школы и среднего профессионального образования до магистратуры. Фраза *with at least (хотя бы) a college degree* подсказывает переводчику-человеку (но не компьютеру!), что в данном случае речь явно идет не о высшем образовании. И выявить это можно только на основе анализа всего текста в целом, чего компьютер, разумеется, сделать не может.

При всей кажущейся правильности искажает ситуацию и перевод фразы *has been removed from the job* сразу двумя компьютерными программами: *сняли с работы* (DeepL) и *уволнили с работы* (Google Translate), поскольку *снять* (или *уволнить*) можно только с постоянной работы, тогда как в тексте речь идет о разовом заказе на перевод и аннулировании этого заказа.

Даже студент, не очень внимательно просматривающий полученный машинный перевод, не сможет не заметить стилистически неуместного слова в предложении *«Когда дело касается их собственных семей, – обнаружили авторы, – калифорнийская элита с детьми в подавляющем большинстве случаев "живет правильно" в частном порядке, предоставляя своим детям возможность расти в двухдетной семье»* (переведено программой DeepL). И не задумываясь, даже не обращаясь к оригиналу, исправит это на что-нибудь типа *«в семье с двумя детьми»*. Но в оригинале-то *in a two-parent family!*

Даже, казалось бы, чисто грамматические ошибки бывают не всегда заметны при отсутствии знаний в предметной области. Показателен случай, когда программа «Google Translate» при переводе с русского языка на английский сделала типичную для таких программ ошибку в форме залога, в результате чего в математическом тексте поменялось направление зависимости функции и аргумента. Само предложение при этом было построено совершенно правильно, так что у редактора (не математика) даже не возникло желания сравнить перевод с оригиналом.

Почему возникают такие ошибки – это отдельная тема. В данном случае важно, чтобы студенты осознали, что они с большой вероятностью возникают. Причем возникают практически в любом тексте. И очень важно, чтобы студенты понимали, что кажущаяся «гладкость» текста – это не показатель правильности перевода.

Для того, чтобы студенты могли использовать машинный перевод как вспомогательный инструмент профессионального переводчика, их нужно этому учить. Прежде всего необходимо, чтобы студенты поняли, что использование компьютерной программы для перевода целого текста не только не избавляет пользующегося ею переводчика-человека от необходимости делать полный переводческий анализ оригинала, но и требует тщательного анализа текста перевода, причем анализа в сопоставлении с оригиналом. Таким образом, использование машинного перевода **вместо** своего становится неоправданно трудоемким. Либо нужно овладеть профессией постредактора, либо использовать компьютерные программы лишь как вспомогательный инструмент в процессе собственного перевода. Тому, как это делать, студентов можно и нужно учить – так же, как мы учим их пользоваться словарями и системами переводческой памяти. Одновременно необходимо привлекать внимание студентов к тому, чем компьютерный перевод отличается от перевода человеческого, и почему, оценивая студенческие работы, преподаватели нередко говорят, что студенты переводят, как компьютер, т. е. плохо. Будущие переводчики должны знать, какие у компьютерных программ есть недостатки и ограничения, и научиться именно эти недостатки искоренить у себя, в собственных переводах.

В процессе подготовки профессиональных переводчиков тексты машинных переводов можно использовать в качестве методического инструмента, предлагая студентам задания на анализ и корректировку таких текстов, на сопоставление переводов, сделанных разными программами (что позволяет выявлять общие для них ошибки и недостатки). Подробнее об этом см. [Петрова 23]. Главное, чтобы студенты поняли принципиальную, качественную разницу между машинным переводом и переводом, выполненным профессиональным переводчиком. Поняли, что переводчика, который переводит, как компьютер, машина очень скоро вытеснит с рынка переводческих услуг. Хорошего переводчика она не вытеснит никогда, потому что переводчик-человек может учитывать, понимать и делать то, чего машина не может делать в принципе.

Список литературы

1. Глухова Ю. Н. Стратегии и критерии оценивания уровня владения иностранным языком в цифровую эпоху (на примере французского языка) // Языковая картина мира в условиях мультилингвизма и мультикультурализма: переводческий, лингвистический и дидактический аспекты: материалы Международной научно-практической конференции (Воронеж, 16-19 декабря 2020 г.). – Воронеж: Издательство «Истоки», 2021. С. 149-154.
2. Нечаева Н. В., Светова С.Ю. Постредактирование машинного перевода как актуальное направление подготовки переводчиков в вузах // Вопросы методики преподавания в вузе. 2018. Т. 7. № 25. С. 64–72. DOI: 10.18720/HUM/ISSN 2227-8591.25.07.
3. Петрова О. В. Может ли машинный перевод быть полезным при обучении переводчиков? // Иностранные языки в диалоге культур : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием), 8–10 дек. 2022 г. [Электронный ресурс]. – Саранск : Мордовское книжное издательство, 2023. – 344-350.

Сведения об авторе

Петрова Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н .А. Добролюбова, начальник Международной научно-исследовательской лаборатории «Теоретические и прикладные проблемы переводоведения», профессор кафедры теории и практики английского языка и перевода, 603155, Российская Федерация, Нижний Новгород, Провиантская, 20, кв. 153; o.v.petrova.nn@gmail.com; +7 905 865 86 32; o.v.petrova.nn@gmail.com

Olga V. Petrova; Cand. Sc. (Philology), Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N. A. Dobrolyubov, head of the International research laboratory “Theoretical and applied issues in translation studies”, professor of the department of English, Translation and Translatology, 153 – 20 Proviantkaya Street, Nizhny Novgorod, 603155, Russian Federation; o.v.petrova.nn@gmail.com; +7 905 865 86 32.

Соотношение устойчивости и моделированности лингвистических единиц

Владимир Михайлович Савицкий

Самарский государственный социально-педагогический университет, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, доктор филологических наук, Самара, Россия, lampasha90@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются лексико-синтаксические модели словосочетаний и выявляется обратно пропорциональная зависимость между продуктивностью этих моделей и устойчивостью порождаемых ими словосочетаний. Исследование проведено на материале английского и русского языков.

Ключевые слова: лексико-синтаксическая модель словосочетаний, строгий / эвристический алгоритм порождения словосочетаний, модельный ряд словосочетаний, закон коммутации, устойчивость лингвистических единиц.

Correlation between Stability and Modelledness of Linguistic Units

Vladimir M. Savitsky

Samara State University of Social Sciences and Education, Professor, Chair of English Philology and Cross-cultural Communication, Doctor of Philology, Samara, Russia, lampasha90@mail.ru

Abstract. The author examines lexico-syntactic models of word combinations and reveals the inverse proportion between the models' productivity and stability of the word combinations generated by them. The research is based on the English and Russian language material.

Keywords: lexico-syntactic model of word combinations, strict / heuristic algorithm for generating word combinations, model range of word combinations, commutation law, stability of linguistic units.

Как известно, принадлежность словосочетания к системе языка или же к стихии речи определяется тем, обладает ли оно устойчивостью. Устойчивые словосочетания считаются единицами языка, а неустойчивые – единицами речи.

Однако устойчивость – величина градуальная, а потому вхождение словосочетаний в состав языка или же речи есть вопрос степени. Граница между корпусом языковых единиц и корпусом речевых единиц размыта. В порядке обобщения в дальнейшем мы будем пользоваться наименованием *лингвистическая единица*.

Мы поставили задачу проследить постепенный переход от полностью устойчивых словосочетаний к полностью неустойчивым, от языковых единиц в единстве их вариантов к лексико-синтаксическим моделям речевых единиц. Это один из участков градуального перехода «язык ↔ речь» в рамках лингвистического континуума (детальное толкование этого понятия см. в работе [Савицкий, Кулаева 2004]).

Вариативность словосочетаний, обладающих устойчивостью, ограничена; ее диапазон существенно ниже, нежели у свободных словосочетаний. Входящие в состав устойчивых словосочетаний синтаксические и лексические переменные чередуются на основе синонимии: лексемы заменяются синонимами, а морфосинтаксическая конструкция заменяется иной, эквивалентной конструкцией. Приведем ряд примеров из английского языка: *not to lift (= raise) a finger; a stony heart = a heart of stone; Achilles' heel = the heel of Achilles; to bring one's pigs (= hogs) to market*.

В этих случаях лингвистическая единица не утрачивает свою идентичность и существует как единство вариантов. Это связано с тем, что в случае чередования синонимов изменения происходят в основном только в плане выражения, тогда как в плане содержания единица остается неизменной либо трансформируется несущественно. Данное утверждение согласуется с законом коммутации [Ельмслев 2006], гласящим: если мутация в одном из планов не коррелирует с мутацией в другом, то анализируемые единицы не коммутируют (то есть совместно не изменяются) и, значит, представляют собой не разные знаки, а варианты одного и того же знака.

В тех случаях, когда лексические переменные не являются синонимами, а всего лишь принадлежат к одной тематической зоне, варьирование происходит в обоих планах. Тогда, согласно закону коммутации, перед нами не варианты лингвистической единицы, а разные лингвистические единицы: *to produce an effect ≠ to produce a sensation ≠ to produce an impression; to render aid ≠ to render a service ≠ to render pressure; heavy rain ≠ heavy fog ≠ heavy snowfall, etc.*

Такие словосочетания не могут считаться вариантами одной единицы; это разные единицы. Но они обладают сходством: они сконструированы на основе одной и той же лексико-синтаксической модели. Этим термином мы называем порождающую модель, которая содержит семантическую, лексическую и морфосинтаксическую константы, задающие границы вариативности лексических переменных. Например: *bad* ('интенсивный') + <существительное> ['нечто негативное'].

В этой модели курсивом дана лексическая константа, в круглых скобках – ее значение, в угловых – константа морфосинтаксическая, в квадратных же скобках – константа семантическая (общая часть значений, которыми обладают лексические переменные). По вышеприведенной модели сконструированы словосочетания *bad frost, bad headache, bad pain, bad need, bad illness* и несколько десятков других. Совокупность сочетаний слов, сконструированных на основе одной и той же лексико-синтаксической модели, в нашей работе носит название *модельный ряд*.

Лексико-синтаксические модели относятся к числу генеративных (порождающих); они суть не что иное как алгоритмы построения сочетаний слов. Алгоритмы делятся на строгие и эвристические. На основе строгого алгоритма конструируются сочетания, полностью отвечающие тем требованиям, которые заложены в модели. А. В. Кунин называл строгими алгоритмами модели свободных сочетаний, которые обеспечивают их «регулярное образование ... по определенной синтаксической схеме вокруг опорного знаменательного слова» [Кунин 2005, с. 100]. Однако, по нашим наблюдениям, отнюдь не все генеративные модели свободных сочетаний представляют собой вполне строгие алгоритмы. Ряд алгоритмов имеет условные ограничения, которые снижают степень строгости этих алгоритмов.

Так, по английской модели *strong* ('интенсивный') + <существительное> [явление] образуется модельный ряд сочетаний: *strong appetite*, *strong difference*, *strong challenge*, *strong effort*, *strong merit*, *strong pleasure*, *strong responsibility*, *strong feelings*, *strong impression* и др. Но эта модель не генерирует такие сочетания, как **strong rain* (ср. рус. *сильный дождь*), **strong frost* (ср. рус. *сильный мороз*), **strong pain* (ср. рус. *сильная боль*), **strong heat* (ср. рус. *сильная жара*) и т. п.

В свою очередь, аналогичная русская модель *сильный* ('интенсивный') + <существительное> [явление] не порождает словосочетания **сильная разница* (нормативно *большая разница*), **сильное удовольствие* (нормативно *большое удовольствие*), **сильный аппетит* (нормативно *большой аппетит*), **сильная ответственность* (нормативно *большая ответственность*) и т. п. Этим русская модель отличается от английской, которая, как показано выше, порождает такие сочетания.

Наличие пробелов в модельном ряду, то есть нестрогость (эвристичность) алгоритма порождения, свидетельствует о том, что генерируемые сочетания слов не столько создаются в речи каждый раз заново по порождающей модели, сколько воспроизводятся в готовом виде по памяти. Это обусловлено тем, что избирательность работы порождающей модели придает словосочетаниям большую или меньшую конвенциональность, а она, в свою очередь, придает им устойчивость.

Степень строгости алгоритма определяется тем, насколько полон модельный

ряд и сколько имеется в нем лакун. С учетом этого можно считать, что величина устойчивости сочетания слов (S) состоит в обратной пропорции со степенью строгости (R) того алгоритма, по которому оно сконструировано: $S = 1 / R$.

Иначе говоря, чем меньше словосочетаний сконструировано по определенной модели, тем большей устойчивостью обладают продукты ее работы. Напротив, чем имеется больше словосочетаний, созданных по этой модели, тем ниже их устойчивость. Отсюда следует вывод: если модель не имеет условных ограничений и может генерировать теоретически неограниченное число сочетаний ($R \rightarrow \infty$), то устойчивость генерируемых речевых оборотов стремится к нулю ($S \rightarrow 0$). Но когда, наоборот, алгоритм

высоко специфичен, когда на его основе не способны регулярно возникать словосочетания ($R \rightarrow \emptyset$), устойчивость его немногочисленных продуктов (порой единственного продукта) неограниченно возрастает ($S \rightarrow \infty$).

Л. В. Уваров справедливо отметил, что структура отдельного, единичного объекта не может сама по себе считаться моделью. Моделью может считаться лишь инвариант структуры нескольких объектов [Уваров 1974, с. 40]. Из этого можно заключить: уникальные по своим структурно-семантическим свойствам сочетания слов не моделированы. Они обладают максимальной устойчивостью. Таким образом, намечается шкала сочетаний слов по степени устойчивости. На одном ее полюсе располагаются сочетания, лексико-синтаксически не моделированные (максимально устойчивые), а на другом – сочетания абсолютно моделированные (неустойчивые). Между ними находятся словосочетания разной степени устойчивости; чем больше есть ограничений на свободное варьирование переменных, тем выше устойчивость словосочетания и, соответственно, тем ниже его моделированность.

Максимальной устойчивостью обладают **фразеологические сращения**: ввиду того, что мотивационная связь между их планом содержания и планом выражения утрачена, не приходится говорить о какой бы то ни было регулярности в их знаковом строении. Изменение внешней формы при таких условиях недопустимо, так как оно привело бы к отрыву условного значения от формы и разрушению самоидентификации знака. Этим вызвана непроницаемость и нетрансформируемость фразеологических сращений.

Несколько меньшей, но всё же высокой устойчивостью характеризуются те **фразеологические единства**, в структуре которых есть средства стилистического повтора. Повтор создает ограничения на варьирование переменных. Например, во фразеологизме *to sink or swim* имеет место аллитерация, ассонанс, односложность семантически коррелирующих лексем (*sink – swim*), 2-стопный ямб. Это не позволяет заменять лексические компоненты тематически близкими словами. Вариативность таких фразеологических единств несколько выше, чем у сращений.

Далее следуют такие фразеологические единства, в структуре которых нет ярко выраженных средств повтора. Их вариативность, чем при наличии повтора. Например: *to eat the leek* (= *dog / dirt / crow / dust*); *to throw out* (= *venture*) *a sprat* (= *a small fish*) *to catch a herring* (= *mackerel / big one*).

Фразеологические сочетания создаются по малопродуктивным моделям, у которых модельный ряд включает от 2 до 6 членов. Ср.: *to produce an impression / effect*; *to render aid / assistance / service*; *to inflict a blow / damage / pain / trauma*. Ма-лая продуктивность таких моделей придает фразеологическим сочетаниям устойчивость достаточно высокую, чтобы они считались единицами языка. Однако в этой сфере не наблюдается сколько-нибудь отчетливой границы между сочетаниями системно-языковыми и нормативно-речевыми: мы обнаружили модели, по которым созданы 7, 8, 9, 10 и т.д. словосочетаний, вплоть до таких, по которым строятся десятки и сотни сочетаний. Но это не полностью регулярные алгоритмы, а значит, не полностью

свободные сочетания слов. Установить, где на этом участке кончается язык и начинается речь, невозможно; границу можно провести лишь условно.

Будучи нестрогими, такого рода алгоритмы **не** могут служить продуцентам речи в качестве надежных моделей порождения словосочетаний в единичных актах речи. Так, речевая норма допускает словосочетание *acute anxiety*, но не допускает **acute interest* (принято говорить *keen interest*). По-видимому, в онтогенезе речи и в дальнейшем освоении речевых стилей носители языка скорее запоминают наизусть и воспроизводят в готовом виде словосочетания нестроого-алгоритмического характера, нежели производят их по моделям в каждом отдельном акте речи.

Сопоставим две лексико-синтаксических модели: англ. *strong* ('intensive') + <noun> и рус. *сильный* ('интенсивный') + <существительное>. Порожденные ими модельные ряды характеризуются наличием как совпадений, так и расхождений. Это невозможно объяснить исходя из экстралингвистического фактора (логики внеязыковой реальности) или из значений лексических компонентов (словарные дефиниции слов *strong* и *сильный* совпадают по содержанию). Значит, специфика состава модельных рядов определяется культурно-исторически: эти ряды сложились в ходе формирования речевой нормы в рамках функциональных стилей.

На втором полюсе шкалы устойчивости / неустойчивости словосочетаний располагаются единицы, внутри которых сочетаемость лексем обусловлена лишь внеязыковыми факторами. В порядке иллюстрации приведем английскую лексико-синтаксическую модель <adjective> ['colour'] + *car*. Она порождает столько словосочетаний, сколько имеется расцветок у автомобилей. Продукты ее работы имеют буквальное значение, полностью семантически мотивированы, не обладают приращенным смыслом, не являются терминами, трансформируемы, проницаемы, допускают замену лексем-компонентов, описательны, а потому неустойчивы.

Однако, по нашим наблюдениям, таких словосочетаний меньше, чем может казаться. Дело в том, что даже широкозначные слова обнаруживают своеобразие сочетаемости, которое несколько снижает строгость алгоритма порождения. Так, модель *little* + <noun> имеет комбинаторные лакуны (здесь и далее сочетаемость слов проверена по словарю [Убин 2007]): ненормативно **little business / farmer / investor* (нормативно *small business / farmer / investor*); ненормативно **little amount / number / stature* (нормативно *small amount / number / stature*) и нек. др.

То же можно сказать о модели *small* + <noun>: ненормативно **small importance* (нормативно *little importance*); ненормативно **small period* (нормативно *little / short period*); ненормативно **small rest* (нормативно *little / short rest*) и т. п.

Ср. с русской моделью *большой* + <существительное>: нельзя сказать **большая улыбка* (нормативно *широкая улыбка*, ср. англ. *big smile*); **большая причина* (нормативно *веская причина*, ср. англ. *big reason*); **большая талия* (нормативно *толстая талия*, ср. англ. *big waist*). Приведенные примеры призваны подтвердить, что нерегулярность (неполная регулярность) модели

обуславливает частичную конвенциональность порождения словосочетаний; она, в свою очередь, придает бóльшую или меньшую устойчивость создаваемым словосочетаниям и вызывает необходимость их фиксации в языковой памяти и воспроизводства в готовом виде,

а не порождения в единичных актах речи вновь и вновь по модели.

Всё сказанное выше позволяет прийти к выводу: этническая лингвокультура на каждом историческом этапе располагает обширным, но всё же конечным фондом словосочетаний разной степени устойчивости; этот фонд упорядочен системой лексико-синтаксических моделей. Большинство этих словосочетаний находятся на слуху у языкового коллектива и воспринимаются как знакомые независимо от того,

воспроизводятся ли они как готовые или создаются каждый раз в актах речи.

Средний носитель английского языка хранит в памяти определенное число привычных сочетаний, употребление которых в речи придает ей естественность, аутентичность и должное этнолингвистическое и этнокультурное своеобразие.

Список литературы

1. Савицкий В. М., Кулаева О. А. Концепция лингвистического континуума. Самара: изд-во «НТЦ», 2004. 177 с.
2. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. М.: КомКнига, 2006. 248 с.
3. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. Дубна: Феникс+, 2005. 479 с.
4. Уваров Л. В. Моделирование и познание. Минск: Наука и техника, 1974. 210 с.
5. Убин И. И. Словарь усилительных словосочетаний. Англо-русский. Русско-английский. М.: Р. Валент, 2007. 552 с.

Сведения об авторе:

Савицкий Владимир Михайлович; доктор филологических наук, профессор, Самарский государственный социально-педагогический университет, 443099, Российская Федерация, г. Самара, ул. Максима Горького, 65; lampasha90@mail.ru; +7-909-344-32-61.

Savitsky Vladimir Mikhailovich; Doctor of Philology, Professor, Samara State University of Social Sciences and Education, 65 Maxim Gorki St., Samara, Russian Federation; lampasha90@mail.ru; +7-909-344-32-61.

Идиоматические антитезы и перипетии как фактор связности повествования в «Жизни Клим Самгина» Максима Горького

Игорь Николаевич Юдкин-Рипун

Институт искусствоведения, фольклористики и этнологии НАН Украины, ведущий научный сотрудник, доктор искусствоведения, член-корреспондент Национальной Академии Художеств Украины dr.iyudkin@gmail.com

Аннотация. Эпопея М. Горького имеет черты драмы, где семантические сдвиги в деталях реплик влекут за собой возникновение ситуативных антонимов (явление энантиосемии), выражающееся, в частности, противительными отношениями. Поляризация значений сообщает эпизодам повествовательного текста свойства драматических перипетий. Прозаические эпизоды обретают облик сцен с драматическими способами мотивировки, усиливающими их связность.

Ключевые слова: семантическая поляризация, мотивировка, реплика, гendiадес, энантиосемия, противительные отношения

Idiomatic Antitheses and Peripety as the Factor of Narrative Cohesion in M. Gorki's "The Life of Klim Samgin"

Igor N. Yudkin-Ripun

Institute for Art Studies, Folkloristics and Ethnology of the NAS of Ukraine, leading researcher, habilitated doctor of arts, corresponding member of the National Academy of Arts of Ukraine

Abstract. M. Gorki's epic work bears the evident traits of a dramatic play where the semantic shifts in the details of cues entail the formation of situational antonyms (the phenomenon of enantiosemy) that are revealed in particular with the adversative relations. The polarization of meanings endows the episodes of a narrative text with the properties of dramatic peripety. Prosaic episodes acquire the outlook of scenes with the dramatic devices of motivation that intensify their cohesion.

Key words: semantic polarization, motivation, cue, hendiadys, enantiosemy, adversative relations

Одну из загадок эпопеи Максима Горького составляет вопрос о мотивировке повествования, отличающегося сплошным построением. Проблематична уже фабульно-сюжетная основа произведения и его жанровая принадлежность. В качестве исторической хроники оно представляется бессюжетной прозой: Ю. С. Степанов, например, отметил, что в последней части «неожиданные появления и исчезновения персонажей ... начинают

свидетельствовать уже не о чрезвычайности событий, а о постоянном хаосе жизни» [Степанов 1985, с. 269]. Однако возможен иной подход, если принять во внимание предложенное А. А. Реформатским различение построения сюжетов имманентного, где «внутренняя поэтическая форма адекватна предметности», в частности, включает «структуру поэтической биографии» и трансцендентного, которое «выхватывает какой-либо момент..., не прибегая ни к какой реальной мотивировке» [Реформатский 1987, с. 181 - 182]. В горьковском тексте имманентный сюжет биографии оказывается оболочкой для событийного ряда, не сводимого к линейной зависимости. Тогда особую значимость обретает парадокс главного героя, который оказывается идеальным наблюдателем, чей внутренний мир является сценой для разворачивания событий, что отмечено Ю. С. Степановым: «Смысл речей, которые слышит Клим, перестает играть определяющую роль» [Степанов 1985, с. 270]. Свообразный паралич главного героя, неспособного к активному действию и ограничивающегося созерцанием, передачей и переработкой засвидетельствованного им, явился следствием начального «грехопадения» (провалом при попытке спасти утопающего товарища), что постоянно отзывается в лейтмотиве «*а был ли мальчик*» (единственная попытка самостоятельного действия оборачивается новым «грехопадением» – предательством товарища полицейской провокаторше Никоновой).

Эта пассивность как следствие изначальной травмы обосновывает вывод о том, что «Клим Самгин – прямой наследник “лишних людей”», откуда и проистекает роль героя как идеального наблюдателя: «Рефлексия, фактически, и стала ... доказательством его существования» [Маркович 2013, с. 34 - 35]. В этом же ключе и та особенность эпопеи, что «сюжетообразующее ... значение приобретает столкновение идей, воплощённое в событии диалога», откуда парадоксальность повествования: «Событийная сторона ... проходит за рамками текста» [Маркович 2013, с. 26, 20]. Между тем эти свойства текста позволяют усматривать в нем черты драматического произведения, причем монодрамы, где событийная основа передается во внутренней речи героя, а сюжетную основу составляет противостояние протагониста и антагониста. Этот подход оправдан и потому, что опыт написания монодрамы у М. Горького уже имелся. Это поэма «Человек» (1902), основанная как раз на драматическом конфликте – откликом на дискуссии о нищезанстве: «Антиподом героя ... является мещанин» [Крутикова 1978, с. 176]. Тогда представляется целесообразным проследить особенности горьковского текста, обусловленные драматическими свойствами, и в частности, исследовать перипетии как драматические единицы, представляющие конфликтные ситуации, и языковые средства их выявления. Освещение такой основы текста даст возможность выявить способы мотивировки повествования, в частности, в соотношении с тем событийным рядом, который подразумевается вынесенным за текст.

Уже отмечалось [Юдкин 2023], что обособленные детали, обозначения частностей (меронимы) кладутся в основу повествовательных мотивов, а тематические рамки, образованные соотношением таких мотивов на расстоянии, по принципу анафоры, оказываются важной связующей силой,

обеспечивающей сквозное развитие текста и сдерживающей его от распада на ряд новелл. Теперь уместно привлечь внимание к еще одному аспекту связности текста – к той функции, которую в построении отдельных эпизодов повествования выполняют семантические переходы деталей, превращающие нейтральные отношения подробностей в выявление внутренних конфликтов и осуществляющие тем самым задачу мотивировки событий.

Как пример рассмотрим эпизод встречи Самгина с Дуняшей [Горький 1975, т. 23, с. 151 - 152]. Вначале герой готовится к приему гости: *«На столе стоял самовар, коптила неуклюжая лампа, – Самгин деловито убавил огонь»*. После того, как Дуняша выказала недовольство и вышла умываться, *«Самгин зажег две свечи, а лампу погасил»*, а воротившись, Дуняша выразила одобрение. Здесь два меронима – части комнатной обстановки свеча и лампа, в парадигматике выступающие как гипонимы класса средств освещения, подчеркнута противопоставлены как ситуативные антонимы. Но и смысл их – уже не светильников, а предметов, причастных беседе. Свеча вместо лампы знаменует близость партнеров. На сближение указывает и характерная деталь в облике певицы: *«Хотя Дуняша не улыбалась, но неувимые, изменчивые глаза ее горели радостью и как будто увеличились вдвое»*. Здесь уже антонимами становятся обозначения частей лица – улыбка рта и увеличение глаз, где последние обретают смысл передачи симпатии, причем характерный штрих предрасположенности к общению выражается через противопоставление горящих глаз отсутствию улыбки. Следующий шаг в общении – реплика Дуняши, в которой содержится показательное признание: *«Какие-то морды, животы перед глазами, а я – пою»*. Здесь уже меронимы частей тела (*tombra corporis*) публики, выставленных напоказ в театральном зале, противопоставляются пению как частному действию, осуществляемому на сцене того же театрального пространства. Реплика прямо указывает на конфликт персонажа с окружением, причем сообщение об этом конфликте – откровенность, ожидающая сочувственного отклика героя.

Однако Самгин отчуждается, и сразу вслед за признанием Дуняши стоит показательная его реплика *«в сторону»*, представленная как несобственно-прямая речь, переданная автором: *«Вином от нее не пахло, только духами»*. Высказывание, во-первых, содержит противопоставление вина и духов, оказывающиеся здесь ситуативными антонимами, а во-вторых, свидетельствует о подозрительности в ответ на откровенность. Так намечается микроскопический конфликт персонажей, разрешающийся показательным жестом: Дуняша *«пересела на колени к нему, сняла очки и, бросив их на стол, заглянула в глаза»*. Однако далее в ответ на ее вопрос о впечатлении от концерта последовало молчаливое возражение: *«Протянув руку за очками, Самгин наклонился так, что она съехала с колен»*. Использование мотива очков как идиоматического обозначения препятствия в общении соотносится с его упоминанием в реплике жены Самгина Варвары (во 2-й ч.): *«У тебя от очков краснеет кончик носа»* [Горький 1974, т. 22, с. 401]. В данной же сцене противопоставление частных движений – сесть (на колени) и наклониться (и съехать с колен) – уникально лишь для данной ситуации, где из-за наклона

собеседница «съезжает», поскольку герой восстанавливает это препятствие. Гипонимы класса *verba movendi* становятся тут меронимами, обозначающими компоненты мизансцены, и в качестве таковых они предстают далее как антонимы. То же касается и жестов относительно очков: бросить их и протянуть руку за ними являются идиоматическими антонимами лишь *hic et nunc* как устранение и восстановление барьера между взглядами.

Итак, уже на протяжении нескольких предложений возникает целый ряд таких идиоматических превращений меронимов в антонимы, которые допустимы лишь для данной сцены. Особенно существенно, что такие превращения становятся мотивирующей силой продвижения повествования. Переходы от одного частного противопоставления к другому складываются в перипетию, сообщая повествованию черты драмы. Можно было бы говорить о своеобразных «микрперипетиях», обозначающих частные противопоставления деталей и складывающихся в драматические конфликты, присутствующие данной сцене. Происходит поляризация смыслов, приуроченная только к данной ситуации и становящаяся основой мотивировки событий. Между тем подобные явления семантическое поляризации хорошо известны в этимологии (хрестоматийный пример – общность происхождения слов *конец*, *закон* и *начать*, *искони*, восходящих к одному корню с чередованием *к / ч*) и в паремиологии [Юдкин 2022], где в пословичном контексте антонимами оказываются меронимы, отношения которых нейтральны (напр., «*не бойся улицы, бойся щели*»), где в основных значениях оба имени как обозначения ландшафта не противопоставлены). Эта смысловая поляризация, именуемая энантиосемией, обретает особую мотивировочную функцию. Такая производная антонимия пересекается с тем, что Ю. С. Степанов определял как конверсные антонимы (напр., *купить – продать*), которые «обозначают одну и ту же ситуацию, рассматриваемую с разных точек зрения» [Степанов 1981, с. 64]. Между тем именно определяющая роль субъектного фактора в построении перипетий повествования позволяет связывать такую антонимию с мотивировкой событийного ряда.

Иллюстрацией того, как антитезы становятся движущей силой развития текста, запуская процесс поиска аргументов *pro et contra*, могут служить размышления Самгина над сообщением в материнском письме о кончине Тани Куликовой [Горький 1974, т. 21, с. 499]: «*Пред Климом встала бесцветная фигурка человека, который, ни на что не жалуясь, ничего не требуя, покорно служил*». Уже в первом предложении «бесцветность» предстает как синоним «покорности», и эта пара осмысливается как антоним другой фигуры гендиадес – «жалоба и требование». Примечательна тут и замена женского пола мужским при аттестации Тани как «человека». Далее Самгин думает о ней как о «*странном существе, которое не философствуя, не раскрашивая себя словами, бескорыстно заботилось*». Здесь еще один сдвиг в определении пола – средний, Таня названа «существом», а гендиадес составляют «странность и бескорытность» в противоположность паре «философия и красное слово (красноречие)». И далее рефлексия Самгина приводит к мысли, что «*ему нельзя остановиться на этой эпитафии, ведь животные – собака, например – тоже*

беззаветно служат людям». Таким образом, мысли героя неумолимо подводятся к возможности сопоставления оплакиваемой покойницы с собакой. Так накопление антитез приводит к самокритике, к отрицанию высказанного.

Особенно показательно для мотивировочного назначения смысловой поляризации широкое использование противительной связи (с союзами *а, но, однако*) и уступительной (*хотя, несмотря на*) в горьковском тексте. Такова, например, реплика Дуняши, ее признание Самгину: «– Я люблю тебя за то, что ты все знаешь, но молчишь» [Горький 1975, т. 23, с. 136]. Здесь противопоставление «знание – молчание» обозначено противительной связью и выступает в качестве именно мотивировки любви. Противительной связью отмечено и одно из первых впечатлений Самгина в совместной жизни с женой Варварой в начале свадебного путешествия: «*Во сне Варвара была детски беспомощна, свертывалась в маленький комок ... Но часто казалось, что полукрытые губы ее улыбаются хитровато*» [Горький 1974, т. 22, с. 303]. Идиоматические антонимы «маленький комок» – «полукрытые губы» отмечают зарождающиеся отношения и сказываются в дальнейшем в качестве мотивировки. Образ первой брачной ночи в преобразенном виде возвращается Самгину после похорон Варвары, когда «*память показывала темное, острое лицо Варвары, с плотно закрытыми глазами, с кривой улыбочкой на губах; неплотно сомкнутые с правой стороны, они открывали три неприятно белых зуба*» [Горький 1975, т. 24, с. 193]. Еще более существенными оказывается противопоставление в мышлении Варвары слова и образа, о котором она сама признается в своей реплике в свадебном путешествии: «... я не умею рассказывать. Но не могу я! Мне теперь кажется, что видела я этот сон не один раз, а – часто. Еще до рождения видела» [Горький 1974, т. 22, с. 306]. Антонимами становятся тут «рассказ – сон» или, с учетом использования их как синекдох, «слово – видение». Именно это женское чутьё вспоминается Самгину в конце, как во время кончины музыканта Спивак накануне свадебного путешествия «... *над трубой флигеля струился гретый воздух, Варвара, заметив это едва уловимое глазом колебание прозрачности, заставила его почувствовать тоже что-то неуловимое словами*» [Горький 1975, т. 24, с. 32]. Итак, неуловимое глазом оказывается и неуловимым словом. Иначе говоря, противопоставляется вербальное и эйдетическое мышление.

Антитезой ознаменовано и начало отношений Самгина с Мариной, с которой будет связан после разрыва с женой. Одно из первых его впечатлений состоит в том, «*что она говорит яростно, и хоть незгромко, на низких нотах, однако способна оглушительно закричать, затопать ногами*» [Горький 1974, т. 21, с. 234]. Подчеркнутое уступительным «хоть» и противительным «однако» противопоставление идиоматических антонимов «на низких нотах» и «затопать ногами» становится выражением той внутренней проблематичности характера, которая привлекает героя и получает развитие в межличностных отношениях. Подобное противоречие в облике выявляет Варвара и в облике общей знакомой Никоновой (которой впоследствии доверится герой), высказывая подозрение в своей реплике: «*Есть в ней что-то темненькое, бережно хранимое только для себя. Искорки в глазах есть*» [Горький 1974, т. 22, с. 260]. Только вслед за

женой герой также замечает, после упоминания в беседе с Никоновой о давней встрече с ней, что *«белки глаз ее были сероватые, как будто чуть-чуть припудрены пеплом, и это несколько обесцвечивало голубой блеск зрачков»* [Горький 1974, т. 22, с. 261]. Высказанная Варварой идиома «искорки» становится теперь обозначением внутренней проблемности персонажа, внешне выявленной идиоматическими антонимами «пепел (белков глаз)» – «блеск (зрачков)». Этим мотивируется необходимость быть настороже, беспечно игнорируемая героем. Так антитезы в облике персонажей становятся отправными точками перипетий.

Мотивирующая роль частных противопоставлений наглядно обнаруживается в развитии отношений героя с его последней возлюбленной Еленой. Одно из первых впечатлений от нее отражено в ее манере общаться: *«Она со вкусом, но и с отменком пренебрежения произносила слова “придворные сферы”, “наша аристократия”, и можно было подумать, что она “вращалась” в этих сферах и среди аристократов»* [Горький 1975, т. 24, с. 277]. Приведенная реплика – явно из внутренней речи Самгина, она передает его частное впечатление. Примечательно, что тут именно антонимия «вкус – пренебрежение» оказывается той чертой загадочности, которая привлекает внимания: перечисленные коллоквиализмы из речи Елены дополняются еще взятым наблюдателем из того же ряда – «вращаться». Пробуждение интереса подмеченным противоречием далее усиливается еще репликой Елены – признанием в симпатии: *«Одним словом, вы нравитесь мне. Ничему не учите ... От учителей я тоже устала»* [Горький 1975, т. 24, с. 289]. Антитеза выражена здесь идиоматически противопоставлением «навязываться в учителя» и «нравиться (за отсутствие принуждения)». Наконец, услышав от Елены новые суждения после встречи с Крэйтоном, Самгин сталкивается с неожиданностью и приходит в недоумение, обнаружив новые проблемы в характере Елены, очерченные в реплике его внутренней речи: *«Как могло хвастовство Крэйтона задеть ее, невичку ... ? Он целовал ее, когда хотел, но никогда не слышал от нее суждений о политике ... Он очень верил в свою изоциренную способность наблюдать ... В Елене он что-то недосмотрел»* [Горький 1975, т. 24, с. 492]. Здесь уже разочарование оказывается предзнаменованием крушения самого героя. Таким образом, ряд идиоматических антонимов, относящихся как к Елене (вкус – пренебрежение, учить – нравиться, глуповатая – задетая хвастовством), так и к самому герою (недосмотр – наблюдательность), определяет перипетии отношений между Самгиным и Еленой, выявляя мотивировку событийного ряда.

Продемонстрированное создание и разрешение микроскопических конфликтов позволяет представлять строение текста как цепочку альтернатив. Образцовым примером тут могут служить сцены ночных видений Самгина (ч. 3), восходящие к известным прецедентным текстам Ф. М. Достоевского. После встречи с Дуняшей начинается первое из таких видений [Горький 1975, т. 23, с. 139 - 140]: *«С бурною быстротой, возможной только в сновидениях, Самгин увидел себя на безлюдной, избитой дороге ... рядом с ним шагал еще один Клим Самгин ... ни сам Клим, ни двойник его не имели тени»*. Отсылка к

мифологическим образам потустороннего мира (отсутствие теней) тут очевидна. Но особенно существенно, что между героем и двойником возникает конфликт, они действуют как антагонисты: *«Двойник молчал, толкая Самгина ... Клим тоже толкнул его»*. Идиома толчка передает исходное значение слова конфликт – столкновение, а разрешением этого конфликта оказывает умножение (мультипликация) двойников: *«... вокруг Самгина размножились десятки фигур, совершенно подобных ему; ... и хотя все были невесомы, пронцаемы, как тени, но страшно теснили его»*. В свою очередь, эта борьба с двойниками противопоставляется также и окружению, уже вышедшему за пределы дороги: двойники *«окружали его и гнали ... к дымчатому небу»*, где *«пылало другое солнце, без лучей ... похожее на жерло печи»*. Картина адского мира тут очевидна. Примечательно также, что театральным прием мультипликации персонажей у М. Горького перекликается с подобной сценой из вышедшего в свет четырьмя годами ранее «Степного волка» Г. Гессе.

Во втором видении [Горький 1975, т. 23, с. 166-167] развертывание альтернатив начинается с размышлений о Марине, причем в реплике прямая речь незаметно выводится из несобственно-прямой речи: *«Верует в Бога. И, кажется, иронизирует над собой? Неужели – в церковного бога? В сущности, она, несмотря на объем ее, тоже – нереальна. Необычна, – уступил он кому-то, кто хотел возразить»*. Здесь вначале возникает раздвоение внутри самого понимания Бога, причем прямо названа ирония как источник антитезы, а далее вводится альтернатива для характеристики самой Марины – ее нереальность или необычность, и открыто указывается на возражения и уступки в воображаемом споре с Некто, т.е.с двойником. Более того, альтернатива обычность – реальность противопоставляется «объемности». Итак, уступительные и противительные отношения провозглашены в самом тексте, а с появлением некоего оппонента размышления о Марине переносятся на самого размышляющего героя: Следующий шаг – это взгляд через окно на ночное небо и оборачивание этого оппонента в самого себя, так что, как высказано во внутренней речи, *«стоит и смотрит в мертвое лицо луны некто Клим Самгин»*. Луна оказывается зеркалом, удваивающим и расщепляющим героя: *«... Клим Самгин остался, и было совершенно ясно, что и это тоже какой-то нереальный человек, очень неприятный и даже как бы чужой тому, кто думал о нем»*. Так осуществляется отчуждение, вводящее далее спор между двумя голосами расщепленного сознания. Более того, в этот спор *«вмешался Самгин третий – Самгин мелких мыслей»*, причем *«новый Самгин явно одолевал»*. И наконец, сам спор становится лишь одной стороной более объемного противоречия, где с другой стороны выступает тишина: *«Было непоколебимо тихо, и тишина эта требовала, чтоб человек думал о себе»*. Очевидно, что непоколебимая тишина есть не что иное, как идиома небытия.

Эти примеры свидетельствуют, что горьковская «нарративная стратегия» не уместается в рамках линейной упорядоченности и предстает как дерево выборов, как последовательность ветвлений («точек бифуркации»), отмеченных идиоматическими антонимами. В уста Тагильского (ч. 4) автором вложены слова, которые, вероятно, можно рассматривать и как относящиеся к

самому тексту: «Русский интеллигент живет в непрерывном состоянии самозащиты и непрерывных упражнении в эристике» [Горький 1975, т. 24, с. 140]. Употребленный тут термин эристика (искусство спора), отсылая, в частности, к популярной в те годы работе С. И. Поварнина «Спор» (1918), характеризует и само строение эпопеи как непрерывного драматического диалога. Альтернативы, образуя перипетии повествования, мотивируют развертывание текста как критики возможностей с противоположных позиций. Когда Самгин уходит после встречи с Лидией, своей первой возлюбленной, уже после ее замужества и пребывания у Елены (ч.3), он *«шел не спеша и заставляя себя смотреть прямо в глаза всем встречным, мысленно ссорясь с каждым»* [Горький 1975, т. 23, с. 185]. Между тем по существу во всей эпопее ведется непрерывный спор, вырастающий из мелких противопоставлений, ситуативных антонимов, накопление которых дает сценические перипетии.

Таким образом, в построении горьковского текста значимыми являются цепочки альтернатив, сообщающие повествованию облик дерева выборов. Поляризация значений (энантиосемия) деталей становится отправной точкой в разрастании ситуативных антонимов, знаменующих конфликтные ситуации, составляющие основу повествования. Создаются перипетии, оказывающиеся существенной силой мотивировки повествовательного потока. Проза обретает драматические свойства, заключенные в зародышевом виде в ситуативной антонимии и создающие широкие возможности для сцены и экрана. В заключение представляется уместным привести афоризм Ф. Кафки из сборника заметок 1920 года “Er” (“Он”): “Die Kraft der Verneinung, dieser natürlichsten Äußerung des immerfort sich verändernden, absterbend auflebend menschlichen Kämpferorganismus, haben wir den Mut aber nicht, während doch Leben Verneinen ist, also Verneinung Bejahung” (‘У нас нет духа для силы отрицания, этого наиболее естественного выражения постоянно изменяющегося, умирающего и оживающего человеческого организма борьбы, в то время как жизнь есть отрицание, следовательно, отрицание – утверждение’). Литературное завещание Максима Горького свидетельствует, что эта сила и этот дух у писателя были.

Список литературы

1. Горький М. Жизнь Клима Самгина. Ч. 1. / Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения в 25 т. Т. 21. М.: Наука, 1974. 576 С.
2. Горький М. Жизнь Клима Самгина. Ч. 2. / Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения в 25 т. Т. 22. М.: Наука, 1974. 688 С.
3. Горький М. Жизнь Клима Самгина. Ч. 3. / Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения в 25 т. Т. 23. М.: Наука, 1975. 416 С.
4. Горький М. Жизнь Клима Самгина. Ч. 4. / Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения в 25 т. Т. 24. М.: Наука, 1975. 592 С.
5. Крутикова Н. Е. В начале века. Горький и символисты. Киев: Наукова думка, 1978. 308 С.

6. Маркович А. В. С кем спорил Клим Самгин? Благовещенск: Изд. Благовещенского Государственного Педагогического Университета, 2013. 208 с.
7. Реформатский А. А. Структура сюжета у Л. Толстого / Реформатский А.А. Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1987 – С. 180 – 259
8. Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения. (Семиологическая грамматика). М.: Наука, 1981. 360 С.
9. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка. (Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства). М.: Наука, 1985. 336 С.
10. Юдкин-Рипун И. Н. Меронимы как источник пословичных антитез./ Общая и русская фразеология: из прошлого в будущее : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти доктора филологических наук, профессора Валентина Ильича Зимина, г. Москва, 26 ноября 2021 г. / под общ. ред. О. И. Авдеевой. – М.: МПГУ, 2022. – С. 422 – 430
11. Юдкин-Рипун И. Н. Меронимы и мотивная структура повествования в «Жизни Клим Самгина» Максима Горького / Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы XV Международной научной конференции, посвященной 70-летию кафедры русского языка ВлГУ (Владимир, 26–28 сентября 2023 года). Владимир: Транзит-ИКС, 2023.С. 542 – 549

Сведения об авторе:

Юдкин-Рипун Игорь Николаевич доктор искусствоведения, член-корреспондент Национальной Академии Художеств Украины, Институт искусствоведения, фольклористики и этнологии НАН Украины, dr.iyudkin@gmail.com +38091 3132310 (viber) +380509408815 (whatsapp)...

Yudkin-Ripun, Igor N. habilitated doctor of arts, corresponding member of the National Academy of Arts of Ukraine, Institute for Art Studies, Folkloristics and Ethnology of the NAS of Ukraine, dr.iyudkin@gmail.com +38091 3132310 (viber) +380509408815 (whatsapp)

НАУКА МОЛОДЫХ

УДК 811.162.1+ 811.133.1+ 811.111

Библейские имена в польской, русской, английской и французской фразеологии: сходства и различия

Александра Сергеевна Абрамкина

Санкт-Петербургский государственный университет, обучающаяся 2 курса магистратуры, Санкт-Петербург, Россия, st110619@student.spbu.ru

Аннотация. Данная статья посвящена сопоставительному анализу фразеологических единиц, включающих в свой состав компонент антропоним-библейзм в польском, английском, и французском языках. В ходе исследования были рассмотрены некоторые интересные расхождения во фразеологии различных языков, отражающие некоторые особенности восприятия носителями польского, русского, английского и французского языков одних и тех же библейских имен.

Ключевые слова: библеизмы, антропонимика, фразеология, польский язык, английский язык, французский язык

Biblical names in Polish, Russian, English and French phraseology: similarities and differences

Aleksandra S. Abramkina

St. Petersburg State University, master's degree student St. Petersburg, Russia, st110619@student.spbu.ru

Abstract. This article is dedicated to comparative analysis of idioms including biblical anthroponyms in Polish, English, Russian, and French languages. The research has examined some curious differences between phraseology of different languages, demonstrating some features of perception of the same biblical names by Polish, Russian, English and French language speakers.

Key words: biblical expressions, anthroponymics, phraseology, Polish language, English language, French language

В реалиях современного мира очень важно достижение максимального уровня взаимопонимания с представителями зарубежных культур. Однако культурные различия зачастую оказываются непреодолимой преградой для эффективного взаимодействия. Фразеология является одной из тех сфер, в которой правильное восприятие иноязычной картины мира затруднено в силу образности фразеологических единиц. Несмотря на то, что фразеологизмов с компонентом-антропонимом существует не так уж много, очень часто именно

по фразеологии можно определить, например, какие имена были распространены в ту или иную эпоху. Также часто во фразеологический фонд языка переходят сочетания с прецедентными именами, например, персонажами из литературных произведений или мифологии. Тем не менее, в большинстве христианских стран наибольшее количество фразеологизмов с компонентом антропонимом восходят к библейским историям и именам, что обусловлено значительным влиянием Библии на повседневную жизнь верующего населения этих стран. Таким образом, Библию можно назвать самым значимым прецедентным текстом в мировой культуре [Бакина, 2020]. Как отмечает А. Д. Бакина, в составе библейских фразеологических единиц с компонентом-антропонимом именно этот компонент и является маркером прецедентного библейского текста [Бакина, 2022]. Чаще всего эти фразеологизмы приблизительно совпадают как по форме, так и по значению, однако в некоторых случаях наблюдаются довольно интересные расхождения. В своей работе «Непереводимое в переводе» известные болгарские ученые С. П. Флорин и С. И. Влахов выделяют три основных способа перевода фразеологизмов:

- При помощи фразеологического эквивалента
- При помощи фразеологического аналога
- Нефразеологическими средствами [Влахов, Флорин, 2009]

Таким образом, и сами фразеологизмы можно разделить на две категории – имеющие иноязычный аналог и не имеющие аналога.

Категория фразеологизмов библейского происхождения, имеющих полные эквиваленты или хотя бы приблизительный аналог в различных языках довольно обширна. Сюда можно отнести такие фразеологизмы, как *поцелуй Иуды* (*a Judas kiss, Baiser de Judas, Pocałunek Judasza*), *Адамово яблоко* (*Adam's apple, pomme d'Adam, Jabłko Adama*), *Каинова печать* (*Brand (mark) of Cain, marque de Caïn znamię Kaina*), *Фома неверующий* (*a doubting Thomas, Niewierny Tomasz*). Однако в последнем случае во французском языке скорее будут использоваться выражения *foi de Saint Thomas – вера святого Фомы – недоверие* и *faire le saint Thomas – быть святым Фомой* (дословно *делать святого Фому*) – быть недоверчивым.

Тем не менее наибольший интерес для лингвистических исследований представляют различия фразеологизмов в разных языках. Эти различия могут выражаться, например, в использовании различных антропонимов во фразеологизмах, восходящих к одному и тому же эпизоду Библии, или различных коннотациях, связанных с одним и тем же именем.

Рассмотрим, например, фразеологизмы, означающие безрезультатные действия, ситуацию, когда одного человека безрезультатно гоняют из одного места в другое. Все варианты этого фразеологизма с библейской основой восходят к одному и тому же эпизоду Библии - после ареста Иисуса Христа ни первосвященники, ни Понтий Пилат, ни правитель Галилеи Ирод не хотели брать на себя ответственность за решение этого дела и передавали его из рук в руки. Таким образом, в польском языке закрепился вариант, восходящий к Евангелию от Иоанна: “Następnie Annasz wysłał Go związanego do arcykapłana

Kajfasza” [J,18:24]. И сейчас поляки говорят в случаях безрезультатного хождения человека по различным инстанциям что он *chodzi od Annasza do Kajfasza*.

Несмотря на то, что французы, как и поляки являются католиками, для них более значимым оказалось другое упоминание пересылания от одного представителя власти к другому, в Евангелии от Луки: “Apprenant qu’il relevait de l’autorité d’Hérode, il le renvoya devant ce dernier, qui se trouvait lui aussi à Jérusalem en ces jours-là.” “Hérode, ainsi que ses soldats, le traita avec mépris et se moqua de lui: il le revêtit d’un manteau de couleur éclatante et le renvoya à Pilate.” [Лс, 23:7], [Лс, 23:11]. То есть, Пилат, не желая брать на себя ответственность, передал суд над Иисусом правителю той области, в которой Он родился, а Ирод, так и не добившись ни чудес, ни ответов, отослал Его обратно к Пилату. Таким образом, участие Ирода в этом деле особого влияния не имело, однако немного потянуть время Пилату удалось. Поэтому французы в такой ситуации бессмысленного хождения по инстанциям говорят *renvoyer d’Hérode à Pilate*. [Гак, 2006] Стоит отметить, что глагол *renvoyer* имеет значение повторности действия, «переслать» или «отправить обратно».

Также во французском языке можно встретить вариант *renvoyer de Caïphe à Pilate*, что соответствует моменту, присутствующему во всех четырех Евангелиях, когда первосвященник Каифа, посчитав вину Христа доказанной, отправил его к назначенному римлянами правителю – Понтию Пилату.

Наиболее интересную форму данный эпизод Библии принимает в русской фразеологии. Такое бесцельное перемещение от одного к другому, причем как физическое, так и в переносном смысле, обозначается носителями русского языка, как *от Понтия к Пилату*. Причина такой формы может быть обусловлена тем, что в то время, когда это выражение только возникло, люди не до конца осознавали, что Понтий и Пилат это не два человека, а один. Однако с большой долей вероятности, именно то, что Понтий и Пилат — это одно и то же лицо, подчеркивает бессмысленность такого перемещения. Все-таки то, что носители других языков восприняли это правильно, как одно имя, а русские нет, представляется маловероятным. Тем более, что именно эту форму данного фразеологизма можно найти в немецком и английском языках – *Von Pontius zu Pilatus schicken* и *to send smb. from Pontius to Pilate* [Адамия, 2019]. Такое совпадение может говорить о заимствовании данного выражения из одного языка в другой, однако стоит отметить английский вариант менее употребителен.

Таким образом, обобщая все вышесказанное, можно сделать вывод, что выражение *от Понтия к Пилату* в иронической форме подразумевает, что с чего начали, к тому и вернулись. То есть лишний круг без особого результата. Как уже упоминалось, в русском языке данное выражение может употребляться как в буквальном смысле пространственного перемещения, так и в тех случаях, когда может употребляться и другой фразеологизм *переливать из пустого в порожнее*. Привязка к конкретному библейскому тексту отсутствует, в то время как в польском и французском языках аналогичные фразеологизмы восходят к конкретным моментам в Евангелиях – в польском языке источником

фразеологизма *od Annasza do Kajfasza* послужило Евангелие от Иоанна, а французский вариант с Иродом восходит к 23 главе Евангелия от Луки. Так же стоит отметить, что оба этих варианта имеют значение именно пространственного перемещения, в отличие от русского. Стоит отметить, что в английском языке более употребителен не связанный с библией фразеологизм *from pillar to post*, происхождение которого, по одной из версий возводят к средневековым методам наказания преступников. Однако англичане могут назвать Понтием Пилатом кого-то, кто понимает, что в данной ситуации правильно, но не имеет моральной силы, чтобы это выполнить.

Упоминание имени Понтия Пилата можно встретить и в польской фразеологии. *Jak Pilat w Credo* — значит, что кто-то случайно оказался там, где не должен был и попал в неловкую ситуацию [Гюлумянец, 2004]. Как известно, в «Символе Веры» Пилат упоминается именно как человек, имеющий непосредственное отношение к распятию Христа (“...ukrzyżowany również za nas pod Poncjuszem Piłatem...”), хотя сам Пилат и пытался сложить с себя ответственность, демонстративно умыв руки (от чего и произошел еще один фразеологизм, имеющий примерно одинаковую форму во всех языках христианских стран) и объявив «невиновен я в крови Праведника Сего» [Мф, 27:24]. Таким образом, для поляков значимым оказывается именно негативный образ самого Пилата.

Подобные примеры различной интерпретации одного и того же библейского имени в разных языках можно найти и в выражениях, связанных с Ветхим Заветом. Например, в русском языке словосочетание *Иосиф Прекрасный* может употребляться в шуточном контексте по отношению к человеку, который действительно красив или настолько же добродетелен, как Иосиф. Французское же выражение *faire son Joseph* означает разыгрывать из себя скромника, притворяться целомудренным человеком, на самом деле таковым не являясь. Таким образом во французском отсылка к библейскому Иосифу имеет более негативную окраску.

В польской фразеологии нет выражений непосредственно с именем Иосифа, однако есть выражения, связанные с его историей – *Żona Potifara* – женщина-соблазнительница (согласно Библейской истории, проданного в рабство Иосифа пыталась соблазнить жена его хозяина, а когда ей это не удалось, выдала потерянный им при побеге от нее плащ за доказательство того, что это он ее соблазнил), *Lata thuste i chude* – время благоденствия, за которым следуют несчастья.

В английском языке присутствует выражение *a Joseph's coat*, означающее роскошное богатое одеяние и *to wear Joseph's coat*, которое значит, что человек проявляет присущие Иосифу качества, такие как, например, целомудрие. Таким образом, по форме оно ближе к французскому, но по значению скорее займет промежуточное положение между негативно-оценочным французским и шутливым, но положительно окрашенным, русским.

В этом примере можно так же отметить различное отношение носителей разных языков (и представителей различных ветвей христианства) к одной и той же библейской истории. Также возможно, что во французском языке связь с

оригинальным текстом утратилась, так как существует эквивалент женского рода – *faire sa Joséphine*. То есть изначальный фразеологизм, непосредственно связанный с библейским Иосифом, трансформировался, точнее приобрел дополнительную форму, уже не имеющую никакой связи с изначальным текстом. Это вполне объяснимо тем, что во Франции и Жозеф и Жозефин – распространенные и современные имена. В Англии имя Джозеф также достаточно популярное мужское имя, а его женский аналог, заимствованный из французского, встречается реже. В русском же имя Иосиф звучит либо архаично, либо считается «типично еврейским» и ассоциируется у обывателей преимущественно с иудаизмом, а женская форма данного имени в русском языке отсутствует.

Также различия можно найти во фразеологизмах, связанных с Иовом. В русском языке наиболее частотными являются выражения *беден как Иов* и *многострадальный Иов*, относящиеся к испытаниям, непосредственно пережитым самим праведником. В польской фразеологии появляются *poconszyciel Nioba*, который своими «утешениями» делает только хуже и *Niobowa wieść* – дурная весть, как те, которые совершенно внезапно получил Иов, до того ведший праведную и счастливую жизнь. Таким образом акцент уже смещается с самого Иова на его окружение. То же самое происходит и во французском языке, в который вошли фразеологические единицы *La femme à Job* и *Les amis de Job*, последнее может означать не только не помогающих «утешителей», но и неверных друзей вообще. Как ни странно, такую женщину, которую французы называют «женой Иова», поляки могут назвать *Herod-baba*, то есть баба-Ирод. Также, как и в русском, во французском языке есть фразеологизм *Pauvre comme Job*.

В английском языке присутствуют такие выражения как *Job's news, as poor as Job* и *Job's comforters* (и по форме, и по содержанию соответствующее его польскому эквиваленту и более узкое, нежели французский аналог). Также в тех ситуациях, в которых русский человек будет говорить об ангельском терпении, англичанин скажет *patience of Job*. [Кунин, 2007]

Таким образом между четырьмя рассматриваемыми языками наблюдаются частичное совпадение фразеологизмов, относящихся к Иову, причем наименьшее количество таких фразеологизмов присутствует в русском языке, что можно объяснить большим интересом русских православных людей к Новому Завету, чем к Ветхому и несмотря на наличие выражения *беден как Иов*, более частотными по употреблению будут *беден как Лазарь* и *Лазаря неть*, восходящие к новозаветной притче о богаче и Лазаре.

В заключение можно сказать, что стопроцентного совпадения между фразеологизмами разных языков не бывает в принципе, но тем не менее можно выявить некоторые фразеологизмы, очень близкие по смыслу и форме (фразеологические эквиваленты), и приблизительные аналоги, существование которых обусловлено предпочтительностью того или иного источника семантически близких выражений. Как например в случае с Пилатом и первосвященниками, источниками семантически сходных фразеологизмов в

разных языках являются разные Евангелия – у поляков от Иоанна, у французов – от Луки.

Список литературы:

1. Бакина, А.Д. К вопросу о библейской фразеологии в контексте современных фразеологических исследований // Славянская фразеология и паремология: традиционные и новаторские решения проблем. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины. 2020. – С. 42–46.
2. Бакина, А.Д. Библейские фразеантропонимы как знаки культурного универсума // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики: материалы ежегодной международной конференции. Екатеринбург, 4-5 февраля 2022 г. Ч. III / Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург, 2022. - С.12-16.
3. Влахов, С. И., Флорин, С. П. Непереводимое в переводе. – Изд. 4-е. – М.: «Р. Валент», 2009. – 360 с.
4. Гак, В. Г. Новый большой французско-русский фразеологический словарь. М., 2006.
5. Адамия, З. К. Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках: в 2 т. Т. 2: П–Я / авт.-сост.: З. К. Адамия [и др.]; под общ. ред. Е. Е. Иванова [и др.]. – Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. – 308 с
6. Гюлумянц, К. М. Польско-русский фразеологический словарь: в 2 т. Т. 1. А—М. Минск., 2004.
7. Кунин, А. В. Англо-русский фразеологический словарь. М., 2007.
8. Ewangelia według św. Jana [Электронный ресурс] – <https://biblia.deon.pl/rozdzial.php?id=357> – дата обращения: 22.04. 2023
9. Evangile de Jésus-Christ selon Saint Luc [Электронный ресурс] – <https://Www.Aelf.Org/Bible/Lc/23> - дата обращения: 24. 04. 2023

УДК 811.581'25:821.581-1:811.161.1

Современный перевод китайской классической поэзии на русский язык

Ангелина Александровна Аксёничева-Бирюкова

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, аспирант, ассистент кафедры русского, общего и славянского языкознания, г. Гомель, Республика Беларусь, angelaleks99@mail.ru

Аннотация. Целью исследования является рассмотрение различных подходов к переводу китайской классической поэзии на современном этапе. Материалом послужили поэтические переводы Н. Азаровой и А. Алексеевой. Отмечены две

тенденции, существующие в переводческом процессе китайской классической поэзии в начале XXI – классический перевод и авангардный.

Ключевые слова: китайская классическая поэзия, перевод, Ду Фу, Ли Цинчжао

Modern Translation of Chinese Classical Poetry into Russian

Aksionchikova-Biryukova A. Anhelina

Gomel State University named after Francisk Skorina, assistant of the Department of Russian, General and Slavic Languages, Gomel, Belarus, angelaleks99@mail.ru

Abstract. The purpose of the study is to consider various approaches to the translation of Chinese classical poetry at the present stage. The material was the poetic translations of N. Azarova and A. Alekseeva. Two trends are noted that exist in the translation process of Chinese classical poetry at the beginning of the 21st century – classical translation and avant-garde.

Keywords: Chinese classical poetry, translation, Du Fu, Li Qingzhao

Поэзия в Китае всегда имела огромное значение в духовной жизни страны. Изучение и перевод китайской классической поэзии дает возможность иностранным читателям лучше понять культуру, обычаи, быт и менталитет китайского народа. По мнению академика В. М. Алексеева (1881–1951), это возможно «только при помощи подлинно художественного и в то же время научного перевода» [Алексеев 1978, с. 95]. При работе с текстами китайской классической поэзии переводчик должен исследовать биографию поэта, стихотворения которого он переводит; понять отличительные черты менталитета китайцев; ознакомиться с лингвокультурологическими особенностями древнего Китая.

Китайский ученый Сюй Юаньчунь (1921–2021), предложил правило трех критериев – «трех красот», говоря о красоте смысла стихотворения, красоте звука, заключающейся в сохранение фонетики и красоте формы, имеющей ввиду лаконичность и завершенность произведения. В книге «*Вэньсюэ юй фань*» «文学与翻译» «Литература и перевод» Сюй Юаньчунь пишет: *И ши яо сянь юань ши уянь нэн ганьдун дучжэ дэ синь, чжэ ши и мэи; сянь янь ши уянь юэр дэ юньлу, чжэ ши инь мэи; хай яо цзинь кэнэн баочи юань ши дэ синши, чжэ ши син мэи* 译诗要像原诗一样能感动读者的心, 这是意美; 像原诗一样有悦耳的韵律, 这是音美; 还要尽可能保持原诗的形式, 这是形美 – Переводное стихотворение должно согревать душу читателя, как и оригинальное, в чем красота смысла; в переводе необходимо сохранить приятный ритм оригинала, в чем заключается красота звука; оно также должно сохранить, насколько это возможно, его структуру, в чем заключается красота формы [Сюй Юаньчунь 2003].

Трудность перевода китайской классической поэзии, прежде всего, содержится в особенностях китайской письменности, где каждый иероглиф может иметь разные значения и относиться к разным частям речи. Переводчик-китаист Л. Н. Меньшиков указывал на присутствие в китайской поэзии сложных поэтических образов, которые созданы такими средствами, как метафора, метонимия, олицетворение. Он отмечал, что в связи с особенной образностью стихотворений, которая требует глубоких знаний культуры, истории, быта китайского народа, возникают трудности при их переводе [Меньшикова 2001]. С. А. Торопцев отмечал, что перевод китайской поэзии «совершенно адекватным быть не может». По его мнению, в русскоязычных переводах утрачивается смысловая насыщенность китайской поэзии, что связано с огромными различиями лингвокультурологии китайского и русского языков [Торопцев 2014].

Целью исследования является рассмотрение различных подходов к переводу китайской классической поэзии на современном этапе. Материалом послужили поэтические переводы Н. Азаровой [Азарова 2012] и А. Алексеевой [Алексеева 2019].

Можно отметить две тенденции, существующие в переводческом процессе китайской классической поэзии в начале XXI. С одной стороны, это традиционный перевод, приверженцем которого следует назвать А. Алексееву. В 2019 году вышла книга «Яшмой звенящие цы», в которой представлены стихотворения китайской поэтессы эпохи Сун Ли Цинчжао (1084–1151) в переводах Алёны Алексеевой. Переводчица в своей работе руководствовалась такими принципами, как сохранение рифмы, благозвучие, исключительная точность в передаче подлинника.

Переводы многих произведений Ли Цинчжао снабжены комментариями. А. Алексеева выявляет в них аллюзии на стихотворения великих предшественников: Ли Бо, Лю Фанпина, Тао Юаньмина, Бо Цзюйи. Переводчица большое внимание уделяет пояснению древних китайских праздников (Ханьши – праздник холодной пищи, Цинмин – день поминовения предков, Чунъян – праздник двойной девятки, Юаньсяо – праздник фонарей), топонимов, известных личностей и мифологических героев, упоминаемых в стихах Ли Цинчжао. Все это помогает читателю, не знающему китайского языка и не владеющему историческими и культурными коннотациями глубже вникнуть в смысл стихотворений.

Иной подход к переводу китайской поэзии демонстрирует Наталья Азарова. В книге «Ду Фу. Проект Наталии Азаровой» она обращается к стихам «священномудрого» поэта эпохи Тан Ду Фу (712–770). Как отмечает немецкий литературовед Хенрике Шталь, перевод Н. Азаровой, которая использовала приемы и стратегии современной поэзии, вышел за рамки традиций перевода китайских классиков. Она называет поэтику переводов Н. Азаровой транскультурной [Азарова 2019, с. 20]. В то же время, по мнению профессора Гу Юя, увлечение модернизацией лишило переводы Азаровой «китайского духа» и не внесло в них «русского духа» [Гу Юй 2015].

Переводчица строго следует принципу, предложенному академиком В. М. Алексеевым, согласно которому количеству слов в строке перевода должно соответствовать количеству иероглифов в строке оригинала. В то же время Н. Азарова вводит понятие «графический дизайн», уделяя большое внимание оформлению стихотворений. В своих переводах она отказывается от использования прописных букв и знаков препинания, оставляя лишь вопросительный знак. Переводчица обосновывает это тем, что точки и запятые начали применяться только в новейших записях китайской поэзии. Понятие «прописного» иероглифа, по мнению автора, является абсурдным для китайского языка [Азарова 2012, с. 237]. Однако, следует отметить, что подобные приемы затрудняют понимание читателем текста стихотворения. Рифма в ее переводах также отсутствует.

этой ночью
 наверно в фучжоу луна
вижу тебя
 одинок глядишь на неё
милых детей
 вдали уложила спать
они и во сне
 не вспомнят отца в сиане

Переводы Н. Азаровой отличает практически дословная точность, однако встречаются ошибки в написании имен собственных. Например, столица эпохи Тан Чанъань переводится как Сиань, несмотря на то что это название появилось намного позже, в эпоху Мин.

Переводчица активно использует пояснения и комментарии к стихотворениям, которые помогают читателю глубже понять эпоху, в которую жил и творил Ду Фу, культурные и исторические реалии того времени.

Следует отметить, что Н. Азарова и А. Алексеева большое внимание уделили пониманию образов китайской классической поэзии, биографии поэтов, чьи стихи они переводили, эпохе, в которую они творили, но в то же время работы переводчиков отражают особенности их мировоззрения. Нельзя не согласиться с утверждением В. М. Алексеева, который был убежден, что для китайских стихотворений «не существует каких-либо стабилизированных принципов перевода: каждый из них отвечает своему читателю и назначению, и мастерство переводчика индивидуально. Конечно, вопрос о грамотности перевода, как ясный, из дискуссий исключается» [Алексеев 2003, с. 139].

Список литературы

1. Алексеев В. М. Китайская литература. Избранные труды. М., 1978. 595 с.
2. 许渊冲. 文学与翻译. 北京: 北京大学出版社, 2003 年. 84 页. / Сюй Юаньчунь. Литература и перевод. – Пекин: Издательство Пекинского университета, 2003. 84 с.

3. Чистый поток: Поэзия эпохи Тан (VII — X вв.) / в пер. Л. Н. Меньшикова. – СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2001. 315 с.

4. Торопцев С. А. Интервью URL: <http://politics.ntu.edu.tw/RAEC/comm2/InterviewRFESAT.pdf>. (дата обращения: 15.08.2023).

5. Ду Фу. Проект Наталии Азаровой; пер. с кит. – М.: ОГИ, 2012. 296 с.

6. Ли Цин-чжао Л. Яшмой звенящие цы. В переводах Алёны Алексеевой / Л. Цинчжао – «Издательские решения», 2019. 37 с.

7. Ду Фу. Проект Наталии Азаровой; пер. с кит. – М.: ОГИ, 2019. – Текст парал. рус., кит. – 374 с.

8. Гу Юй О переводе Ду Фу Наталией Азаровой // Общество и государство в Китае. Т. XLV, ч. 2 / Редколл.: А.И. Кобзев и др. – М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН), 2015. – С. 993–1004.

9. Труды по китайской литературе. В 2 кн. Кн. 2 / В. М. Алексеев; Сост. М. В. Баньковская; Отв. ред. Б. Л. Рифтин. – М.: Вост. ЛИТ., 2003. 511 с.

Сведения об авторе

Аксёнчикова-Бирюкова Ангелина Александровна; Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, ассистент кафедры русского, общего и славянского языкознания, 246053, Республика Беларусь, Гомель, ул. Мазурова, д. 61, кв. 52; angelaleks99@mail.ru; +375 44 726 40 71.

Aksionchikova-Biryukova Anhelina Alexandrovna; Gomel State University named after Francisk Skorina, assistant of the Department of Russian, General and Slavic Languages, Belarus, Gomel, Mazurova st., 61/52; angelaleks99@mail.ru; +375 44 726 40 71.

УДК 81

Невербальные средства утешения как компонент коммуникативной ситуации (на материале произведений англоязычных авторов XXI века)

Екатерина Ильинична Гокова

Южный федеральный университет, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, аспирант 3 курса, Ростов-на-Дону, Россия, ул. Большая Садовая 105/42, gokovae@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена интересом лингвистов к функционированию невербальных средств в рамках различных коммуникативных ситуаций, в том числе и в коммуникативной ситуации утешения. Целью работы является описание невербальных средств утешения, употребляемых как самостоятельно, так и совместно с вербальными. Автором

выделяются проксемические, кинесические, окулесические и гаптические средства утешения.

Ключевые слова: утешение, коммуникативная ситуация, невербальные средства, интенсивность

Non-verbal means of comforting as a component of the communicative situation (based on the material of English fiction of XXI century)

Ekaterina I. Gokova

Southern Federal University, Institute of Philology, Journalism and Intercultural communication, Postgraduate Student in the Department of Theory and Practice of the English language, Russia, gokovae@mail.ru

Abstract. The relevance of this article is due to the interest of linguists in the functioning of non-verbal means in different communicative situations, including the situation of comforting. The aim of the article is to describe non-verbal means of comforting, used both independently and in combination with verbal means. The author singles out proxemic, kinesthetic, oculesic and haptic means of comforting.

Keywords: comforting, communicative situation, non-verbal means, intensity

Начиная с 50-х годов XX века растёт интерес ученых к особенностям невербальной коммуникации. Являясь изначально объектом исследования антропологов и психологов, невербальная коммуникация сегодня привлекает внимание лингвистов [Ахьямова 2009, с. 123].

В рамках лингвистики учёные анализируют, каким образом те или иные невербальные особенности поведения участников общения способствуют или препятствуют достижению коммуникативной цели. Исследователями отмечается важность рассмотрения невербальных сигналов в их взаимосвязи друг с другом и с вербальными действиями коммуникантов [Мальшева 2011, с. 145].

В лингвистике не существует единой классификации невербальных средств. Однако одна из наиболее полных классификаций была предложена филологом Крейдлиным Г. Е. В своей работе «Невербальная семиотика» он называет четыре типа средств невербального общения, которые являются особенно значимыми. К ним относятся кинесические средства (мимика и жесты), окулесические (движения глаз), проксематиические (расположение в пространстве) и гаптические (тактильная коммуникация) [Крейдлин 2002, с. 200].

В ряде работ отмечается особое значение невербальных действий в коммуникативной ситуации утешения [Переверзева 2009]. В данной коммуникативной ситуации адресат испытывает негативные эмоции, вызванные той или иной травмирующей ситуацией. Утешающий же своими

действиями старается улучшить его эмоциональное состояние [Burlison 2003, p. 552].

Лингвисты также уделяют внимание невербальным средствам утешения. Так, С. И. Переверзева исследует невербальный акт утешения и отмечает свойственные ему мануальные жесты, особенности мимики, взгляда и движений тела, а также комплексные поведенческие акты [Переверзева 2009, с. 387]. Е. В. Малышева рассматривает невербальные средства утешения, используемыми русскоязычными говорящими и анализирует частотность их сочетания с теми или иными вербальными средствами [Малышева 2011, с.144].

Таким образом, актуальность исследования обусловлена интересом лингвистов к функционированию невербальных средств в рамках различных коммуникативных ситуаций, в том числе и в коммуникативной ситуации утешения. Целью работы является описание невербальных средств утешения на материале англоязычных художественных произведений XXI века.

Материалом исследования послужили произведения следующих авторов: А. Хэйзелвуд, Д. Сильвер, Д. Сеттерфилд, Д. Брукс.

В результате исследования были выделены четыре типа невербальных средств, использующихся англоговорящими в коммуникативной ситуации утешения.

1. Проксематические средства.

Учёные отмечают, что интимизация общения, создание атмосферы психологической близости повышают эффективность утешающих действий [Шерягина 2009, с. 213]. Сближение с собеседником может достигаться проксематически, посредством сокращения физической дистанции с ним.

Анализ примеров показал, что говорящий может подойти к утешаемому (*reach, take a step towards smb*), сесть рядом с ним (*sat by me*) наклониться в его сторону (*hunker down next to smb, lean towards smb, crouch down, move closer*) стать лицом к лицу (*face-to-face*).

Так, в следующем примере утешающий приближается к собеседнику, садится рядом с ним:

1. *You're safe, he said. He hunkered down next to the car so they were face-to-face. You've got us* [Moriarty 2021, p. 302].

2. Окулесические средства.

Учёными отмечается, что в акте утешения важна ориентация утешающего на горяющего и проявление заинтересованности [Шерягина 2009, с. 220]. Этому может способствовать зрительный контакт с утешаемым, открывающий возможность психологического сближения с собеседником [Auyeung 2015, p. 3].

Установление зрительного контакта (*catch smb's eye, turn face to*) может предшествовать вербальному утешению, что способствует привлечению внимания адресата, а значит, повышает его восприимчивость к утешающим действиям. Так, это можно наблюдать в следующем примере:

2. *I cut across her, my eyes nailed to hers because I need her to listen to me. Don't say it. Don't even think it. It's going to be okay* [Silver 2020, p 87].

К невербальным средствам, которые используют утешающие, относится взгляд прямо в глаза (*look straight in the eye*). Анализ примеров также показывает, что в процессе утешения желательны сохранять зрительный контакт, долгий взгляд предпочтителен (*look steadily in the eye, not breaking eye contact, didn't look away, my eyes held his, eyes nailed to hers*).

Так, в следующем примере герой утешает свою подругу, указывая на готовность друзей поддерживать её в беде. При этом он не прерывает зрительный контакт с утешаемой:

3. ***He didn't break eye contact. I care. Anh cares. Anh would have chosen you over Jeremy. We all care about one another, and I'm still here*** [Hazelwood 2021, p. 118].

3. Гаптические средства.

Различного рода прикосновения могут как сопровождать утешающие высказывания, так и использоваться как самостоятельные средства утешения.

а. Прикосновение к руке.

Утешая собеседника, говорящий может взять его за руку (*take smb's hands*) или накрыть его руку своей (*cover smb's hand*). В анализируемых источниках на английском языке описывается долгое и интенсивное рукопожатие (*squeeze smb's arm, grab smb's hand, take smb's hand tightly, his hand tightened on hers*). Также возможны прикосновение, поглаживание, сжатие, похлопывание по плечу утешаемого (*touch/squeeze/pat smb's shoulder*).

К невербальным действиям, усиливающим интенцию утешения, относятся поглаживания волос, щеки, спины, рук объекта утешения (*stroke smb's hair, rub smb's back, dragged her fingertips down her cheeks*). Кроме того, утешающий может вытереть его слезы (*brush smb's tears away, dry smb's tears with the sleeve, wipe smb's eyes with one's thumb*).

Так, в следующем примере утешающий вытирает слезы плачущей подруги, приобнимает её за плечи:

4. ***Please don't cry. I'm not a hard-faced bastard, so I brush her tears away with my fingertips, my other arm still round her shoulders. It's okay, honestly it is*** [Silver 2020, p. 34].

б. Объятие.

Объятие является одним из самых распространённых утешительных жестов. Оно активизирует физиологические системы, отвечающие за регуляцию стресса, а также успокаивает, уменьшая частоту сердечных сокращений [Shamay-Tsoory 2021, p. 268].

В анализируемых примерах на английском языке авторами описывается долгое (*arm still around her shoulders, huddled together*) и крепкое объятие (*wrap an arm around smb, pulling in for an embrace, pull into a hug, clasp smb in one's arms, squeeze smb against oneself, hug tightly, hang on tight to each other*). При утешении ребёнка объятие иногда сопровождается успокаивающим укачиванием (*seized the little girl and rocked her*). Данный жест может усиливать вербальные действия по утешению собеседника, а также употребляться самостоятельно.

Так, в следующем примере герой крепко обнимает своего товарища, который потерял отца:

5. *Fred from the bakery dropped in to clasp him in his arms and nearly lifted him off the ground* [Setterfield 2013, p. 58].

с. Поцелуй.

Данный невербальный жест возможен только в рамках интимно-личностного общения. В анализированных источниках авторами описывались поцелуй в щеку (*started to place small kisses on her cheeks*), ухо (*presses his lips to my ear*) и лоб (*pressing his lips against her forehead*).

В ниже приведенном примере герой, утешая подругу, обещает помочь ей справиться со всеми возникшими трудностями, а также обнимает и целует ее в лоб:

6. *He pulled her closer, pressing his lips against her forehead. It doesn't matter. Whatever it is that you're crying about, I will fix it* [Hazelwood 2021, p. 124].

4. Кинесические средства.

а. Мимика.

Утешая, говорящий может проявлять сочувствие к собеседнику, а также выражать собственные негативные эмоции по поводу его горя. Различные мимические сигналы способствуют достижению данной цели.

В рассмотренных примерах описывается, что утешающий выглядит расстроенным (*looks upset*), причем подчеркивается искренность такой реакции (*looked properly, genuinely upset*). Ему также свойственно понимающее выражение лица (*understanding expression*), которое способствует валидации чувств утешаемого [Burlison 2003, p. 581].

В данном примере героем не только используется стандартное выражение сочувствия (*I'm sorry*) и соболезнования (*May I offer my condolences?*), но также выражение его лица смягчается и выражает негативные эмоции по поводу произошедшего:

7. *Her face softened into sad sympathy. I am sorry. May I offer you my condolences?* [Setterfield 2019, p. 330].

Другой особенностью мимики утешающего является улыбка, в том числе ласковая (*smile softened*) и широкая (*grin, face split into a grin*). Улыбка усиливает указание на позитивные элементы ситуации, она нацелена на поднятие настроения собеседнику и на ободрение его (*smile reassuringly, encouraging smile*).

Например, в примере № 8 герой призывает утешаемую не отчаиваться, сопровождая свои слова улыбкой:

8. *Do not despair!* he said, *struggling to smile* [Brooks 2020, p. 75].

Таким образом, в коммуникативной ситуации утешения используется широкий спектр невербальных средств, которые могут как сопровождать утешающие высказывания, так и употребляться самостоятельно. Перспективу дальнейшего исследования мы видим в изучении взаимодействия вербальных средств утешения с невербальными.

Список литературы

1. Ахьямова И. А. Основные подходы к исследованию невербального поведения: история и современность // Образование и наука. 2009. № 7. С. 122 – 130.
2. Малышева Е. В. Кинестетическое сопровождение вербальных действий в английском диалоге // Известия ЮФУ. Филологические науки. 2011. № 4. С. 142 – 147.
3. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М., Новое литературное обозрение, 2002. 592 с.
4. Переверзева С. И. Невербальный коммуникативный акт утешения: материалы к построению словаря невербальных коммуникативных актов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2009. № 8(15). С. 384 – 389.
5. Burlison B. R. Emotional support skill // Handbook of communication and social interaction skills. – New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 2003. P. 551 – 595.
6. Шерягина Е. В. Проективная методика исследований стратегии утешения // Московский психотерапевтический журнал. 2009. № 4. С. 212 – 224.
7. Moriarty L. Apples never fall. New York, Henry Holt and Co, 2021. 480 p.
8. Auyeung B. et al. Oxytocin increases eye contact during a real-time, naturalistic social interaction in males with and without autism // Translation Psychiatry. 2015. № 5. P. 1 – 6.
9. Silver J. One day in December. New York, Ballantine Books, 2020. 528 p.
10. Hazelwood A. The Love Hypothesis. New York, Berkley, 2021. 400 p.
11. Shamay-Tsoory S. G., Eisenberger N. I. Getting in touch: A neural model of comforting touch // Neuroscience and Biobehavioral Reviews. 2021. № 130. P. 263 – 273.
12. Setterfield D. Bellman and Black. New York, Atria, 2013. 337 p.
13. Setterfield D. Once Upon a River. New York, Atria, 2019. 496 p.
14. Brooks J. Year of Wonders. London, Penguin Books, 2020. 528 p.

Сведения об авторе:

Гокова Екатерина Ильинична; аспирант 3 курса ИФЖиММК, Южный федеральный университет, 344006, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая 105/42; gokovae@mail.ru; +79281355116.

Gokova Ekaterina Ilyinichna; postgraduate student, Southern Federal University, 105/42 Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation; gokovae@mail.ru; +79281355116.

К вопросу о проблеме перевода детерминативов в текстах переводов с русского на английский язык (на материале глав романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»)

Ирина Владимировна Тимошенко¹, Анастасия Александровна Егупова²

¹Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, доцент кафедры английской филологии, кандидат филологических наук, PhD в области филологии, Орел, Россия, timoshenko@outlook.com

²Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, студент 1 курса магистратуры, Орел, Россия, egupovanastasia@gmail.com

Аннотация. Исследование посвящено рассмотрению способов указания на тип референциального значения имен при переводе с безартиклевого на артиклевый язык как прикладной и методической проблемы. Были рассмотрены способы указания на категорию референции в неблизкородственных языках. Выявлена потребность в создании тематических учебных материалов для формирования у студентов-переводчиков навыка работы с данной языковой категорией.

Ключевые слова: артикль, референция, детерминатив, указательное местоимение, проблема выбора, переводческая сложность.

On the problem of translation of determinatives in the texts of translations from Russian into English (on the material of chapters of F. M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment")

Irina V. Timoshenko, Anastasia A. Egupova

¹Oryol State University named after I.S. Turgenev, Oryol, Russia, PhD, Associate Professor, timoshenko@outlook.com

²Oryol State University named after I.S. Turgenev, Oryol, Russia, student, egupovanastasia@gmail.com

Abstract. The article describes the ways of indicating the type of referential meaning of names when translating from an articleless language into an article language as an applied and methodological problem. The ways of indicating the referential category in non-related languages were considered. The need for the creation of thematic teaching materials for the formation of students-translators' skill of working with this linguistic category was revealed.

Key words: article, reference, determinative, demonstrative pronoun, choice problem, translation difficulty.

В последнее время в связи с возрождением интереса к русской классической литературе в мировом сообществе наблюдается потребность в новых переводах произведений, наличие которых позволяет нам проанализировать подход современных специалистов к проблеме перевода языковых единиц, не представленных в языке оригинала, но присутствующих в переводящем языке. Очевидно, что процесс перевода скрытой языковой категории в явную представляет значительную переводческую сложность, в том случае, когда переводчик не может проконсультироваться с автором оригинала произведения. В предыдущем исследовании [1] мы рассмотрели феномен выбора детерминатива при переводе с безартиклевого языка на артиклевый как собственно лингвистическую трудность, в рамках этой работы мы выявляем педагогическую сущность данной проблемы, решение которой мы видим в разработке тематического сборника упражнений для студентов высших учебных заведений. Целью внедрения такого пособия мы видим овладение будущими специалистами, обучающимися по специальности «Перевод и переводоведение», навыками для успешной работы с ранее указанной переводческой трудностью.

Объектом изучения выступили указательные местоимения и артикль в английском языке и их функциональные аналоги в русском языке. Выбор этих частей речи обусловлен различиями в грамматических системах двух языков, а также принципиальными отличиями в языковой картине мира их носителей. Категория референции в русском языке является скрытой, ее маркирование в высказывании является необязательным для говорящего и относится к зоне коммуникативной ответственности адресата текста. В английском языке категория с соответствующим значением относится к эксплицитным и получает явное выражение в предложении или ином сверхфразовом единстве, что подразумевает ответственность адресанта текста за адекватное указание на тип референции имен и именных групп. Такое несовпадение в способах маркирования референциального значения номинативных единиц составляет очевидную сложность как для студентов без опыта профессиональной деятельности, так и для начинающих специалистов, в связи с тем, что в процессе профильной подготовки обучающихся категории референции и тонкостям ее перевода уделяется недостаточно времени и внимания.

Предметом исследования является функционирование артиклей и указательных местоимений в текстах перевода на английский язык и их категориальных соответствий в оригинальном тексте произведения на русском языке.

Категория референции является лингвистической универсалией. Средства ее выражения присутствуют в языках разных групп и семей, однако, наблюдается значительное различие в способе выражения указанных единиц, что может проявляться как в эксплицитности/имплицитности категории, так и в грамматических и морфологических средствах (артикли, постфиксы, местоимения, синтаксические и иные средства).

В английском языке для выражения референциального значения имени существует отдельная часть речи — артикли. В рамках данного исследования

мы придерживаемся классификации М. Я. Блоха [2], согласно которой в английском языке выделяют 3 инварианта артикля (определенный, неопределенный и нулевой). Вопрос о количестве грамматических и смысловых единиц в этой части речи все еще остается дискуссионным. Некоторые исследователи, например, Н. Л. Огуречникова [3] не включают нулевую форму в систему английского артикоя. Схожей точки зрения придерживается Ю. И. Назмутдинова [4], которая не считает использование термина «нулевой артикль» правомерным, поскольку в этом случае он выступает в качестве нулевого слова, чье существование не соответствует идее самооптимизации языковой системы.

Однако, например, А. И. Смирницкий [5] убедительно доказывает существование нулевого артикля, называя его также «значащим отсутствием артикля». Автор выделяет слова, при которых используется «неупотребление» артикля, к ним относятся обозначение веществ и абстрактных категорий, например, *water, beauty, love* и т. д.

Помимо артиклей, в рамках этого исследования мы рассматриваем указательные местоимения и прилагательные, поскольку они также являются средствами выражения референциального значения имени существительного и могут создавать трудности при переводе, что связано в первую очередь с особенностями системы исходного безартиклевого языка.

В качестве материала исследования выступили переводы [1 часть 3,7 глава; 3 часть 5 глава; 6 часть 1,2 глава] глав романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» [6] на английский язык [7,8], а также текст оригинала произведения. Все переводы выполнены профессиональными переводчиками-носителями языка перевода.

Прежде всего, следует рассмотреть способы выражения категории референции имени существительного в русском языке, поскольку, как было указано ранее, они являются имплицитно выраженными в рамках рассматриваемого языка и при переводе имени могут возникнуть расхождения.

В. В. Гуревич в статье «Есть ли артикли в русском языке?» [9] рассматривает местоимения *какой-то, некий, некоторый*, которые выступают в роли функционального аналога неопределенного артикля.

(1) *внизу из какой-то квартиры // out of a flat below, // Down below <...> out of a flat* (часть 3, глава 5).

Автор также считает, что уточняющие слова *данный, упомянутый, указанный* выполняют функцию определенного артикля.

В. Д. Аракин [10] выделяет лексические средства выражения категории референции имени существительного:

1. прибавление частицы *-то* в случаях, когда необходимо индивидуализировать имя.

(2) *В эту-то ночь, перед утром, он и проснулся в кустах, // That night he woke up before morning among some bushes // It was during the night, before dawn, that he woke up among the bushes* (часть 6, глава 2).

2. Числительное *один*, которое соответствует неопределенному артиклю.

(3) *Один раз, зайдя куда-то за заставу, // Walking outside the city gates one day, // Once, walking outside the city* (часть 6, глава 1).

3. «Инвертированный» порядок слов, то есть подлежащее стоит после сказуемого.

И. В. Углева [11] также изучает расположение имени в рамках предложения в качестве указания на тип его референции. Исследователь считает, что существительное, стоящее в абсолютной постпозиции следует считать неопределенным, в то время как имя, находящееся в препозиции, автор предлагает рассматривать как определенное.

В. И. Томашпольский [12] выделяет расположение фразового ударения (интонационно выделенное слово становится определенным) и контекст (ранее упомянутое в тексте существительное рассматривается в качестве определенного) помимо описанных другими авторами средств указания на определенность/неопределенность имен и именных групп. Это выражение средства типа референции имени является скрытым, что осложняет выбор единицы, указывающих на категорию детерминацию существительного.

Указательные местоимение также могут выступать в роли средств выражения категории референции имени. Роджер Берри [13] предлагает использовать термин «указатели» в качестве синонима. Упомянутые единицы употребляются перед именем при необходимости точного указания на предмет или явление, в этом случае они рассматриваются в качестве указательных прилагательных. В случаях, когда местоимения заменяют само имя, они являются указательными местоимениями.

Выделенные детерминативы подразделяются на две группы: указательные местоимения ближней (this, these) и дальней дистанции (that, those) по отношению к пространству и времени, например:

(4) *Он схватил шляпу и вышел, на **этом** раз уже не опасаясь с кем-нибудь встретиться на лестнице; // He took up his hat and went out, **this** time without dread of meeting any one; // He seized his hat and went out, **this** time without fearing to meet anybody on the stairs;* (часть 1, глава 7).

К. Е. Майтинская [14] выделяет еще один признак, связанный с пространственным расположением имени - противопоставление «видимость/невидимость».

Схожей точки зрения придерживается И. А. Галкина [15], которая предлагает рассматривать анализируемую часть речи в качестве указателя на видимый или невидимый реальный объект.

При переводе имен и именных групп, употребляемых с указательными местоимениями, также наблюдается сложность в выборе единицы, поскольку переводчик может интерпретировать заложенное автором произведения значение по-другому в силу различий восприятия или возможного недопонимания.

(5) *в **этом** месяц поминутно приезжала в город, // and **that** month she was continually coming into the town // and she spent all **that** month running about the town* (часть 1, глава 3).

В двух вариантах переводчики рассмотрели указательное местоимение *этот* в качестве средства, указывающего на прошедшее время, однако в тексте оригинала речь идет о настоящем.

При анализе отобранного языкового материала была выявлена особенность замены указательного местоимения на определенный артикль в варианте перевода на английский язык. Найденное расхождение не является переводческой ошибкой, поскольку оба вышеупомянутых средства передают значение определенности.

(6) *Представь себе, что этот сумасброд давно уже возымел к Дуне страсть, // Would you believe that the crazy fellow had conceived a passion for Dounia from the beginning, // Can you believe that he had long since conceived an extravagant passion for Dunya (часть 1, глава 3).*

(7) *весь тот день. // over the whole day. // the whole day (часть 1, глава 7).*

Таким образом, мы можем говорить о том, что проблема перевода имен и именных групп с безартиклевого языка на язык, в котором присутствует специальная речевая категория для обозначения типа референции существительного все еще остается актуальной. Мы предлагаем решение данной переводческой трудности путем разработки набора упражнений для студентов направления «Перевод и переводоведение» в рамках последующей научно-исследовательской работы.

Список литературы

1. Егупова А. А. Сравнительный анализ функционирования детерминативов в текстах переводов с русского на английский и французский языки (на материале глав романа Ф.М. Достоевского "Преступление и наказание"): ВКР студента 4 курса: 45.03.02 / Егупова Анастасия Александровна. - Орел, 2023. - 92 с.
2. Блох М.Я. Теоретическая грамматика английского языка: учебное пособие / М.Я. Блох. – М.: Высшая школа, 1993. - 383 с.
3. Огуречникова Н.Л. Английский артикль: к вопросу о количественности в языковом мышлении / Н.Л. Огуречникова. - М.: Наука, 2006. - 559 с.
4. Назмутдинова, Ю.И. Трудности передачи значения артикля при переводе с английского на русский язык / Ю.И. Назмутдинова // Экономические и социально-гуманитарные исследования. - 2019. - №2 (22). - С. 179-182.
5. Смирницкий А. И. Морфология английского языка / А. И. Смирницкий. – М. : Издательство литературы на иностранных языках, 1959. – 440 с.
6. Достоевский, Ф.М. Собрание сочинений в 15-ти томах. - Л.: Наука, 1989. - 5 т.
7. Dostoevsky, F. Crime and Punishment / F. Dostoevsky, translated by J. Coulson, with an introduction and notes by R. Peace. - New York: Oxford University Press Inc., 1998. – 537 с.
8. Dostoevsky, F. Crime and punishment: 12 v. / F. Dostoevsky, C. Garnett - New York: The Macmillan Company, 1919. V 4.

9. Гуревич, В.В. Есть ли артикли в русском языке? / В.В. Гуревич // Русская речь. - 1968. - №3. - С. 57-59.

10. Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков / В. Д. Аракин. – М.: Просвещение, 1989. – 256 с.

11. Углева, И.В. О способах выражения категории определенности/неопределенности в современном русском языке / И.В. Углева // Вестник Югорского государственного университета. - 2006. - Выпуск 5. - С. 125-127.

12. Томашпольский, В.И. Сравнительная типология французского и русского языков: учеб. пособие / В.И. Томашпольский. - Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. - 288 с.

13. Берри, Р. Детерминативы и квантификаторы: справочник по английскому языку / Р. Берри: пер. с англ. Е.В. Глушковой. - М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2004 – 221, [3] с.

14. Майтинская, К.Е. Местоимения в языках разных систем / К.Е. Майтинская. - М.: Наука, 1969. - 308 с.

15. Галкина, И.А. Роль указательных местоимений в выражении пространственных отношений (на материале древнеанглийского языка) / И.А. Галкина // Язык и культура. - 2009. - №1(5). - С.5-11.

Сведения об авторах:

Тимошенко Ирина Владимировна; кандидат филологических наук, PhD, Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, Российская Федерация, 302005, г. Орел, ул. Садовского, д.2, кв. 73; timoshenko@outlook.com; +79200844323.

Timoshenko Irina Vladimirovna; Candidate of Philology, PhD, Orel State University, 2/73 Sadovskogo str., Orel, 302005, Russian Federation; timoshenko@outlook.com; +79200844323.

Егупова Анастасия Александровна; студент 1 курс магистратуры, Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, 302026, Российская Федерация, Орел, ул. Планерная, д. 62, кв. 120; egupovanastasia@gmail.com; +79200831804.

Egupova Anastasia Alexandrovna; 1st year Master's student, Orel State University, 302026, Orel, 62/120 Planernaya st., Orel, Russian Federation; egupovanastasia@gmail.com; +79200831804.

УДК 811.161.1'42'373'367.626

Влияние местоименных распространителей на реализацию значений полисеманта *пут*

Полина Сергеевна Завтрикова

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины,

аспирант, Гомель, Беларусь, tumanika1@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена вопросу о влиянии притяжательных местоимений на реализацию значений полисеманта *путь*. На основе анализа контекстов Национального корпуса русского языка делается вывод о том, что местоименные распространители не сокращают спектр значений полисеманта *путь*, но определяют частотность реализации слова в том или ином значении.

Ключевые слова: полисемант, значение, притяжательное местоимение, распространитель, Национальный корпус русского языка

The influence of pronominal distributors on the realization of meanings of the polysemant *path*

Polina S. Zavtrikova

Francisk Skorina Gomel State University, postgraduate, Gomel, Belarus,
tumanika1@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the question of influence of possessive pronouns on the implementation of meanings of the polysemant *path*. Based on an analysis of the contexts of Russian National Corpus, it is concluded that pronominal distributors do not reduce the range of meanings of the polysemant *path*, but determine the frequency of implementation of the word meanings.

Keywords: polysemant, meaning, possessive pronoun, distributor, Russian National Corpus.

В современной лингвистике общепринятой является точка зрения о том, что контекст позволяет определить, в каком из значений употреблено многозначное слово. Такой подход отражен в классическом определении «Лингвистического энциклопедического словаря», согласно которому, *контекст* – ‘фрагмент текста, включающий избранную для анализа единицу, необходимый и достаточный для определения значения этой единицы, являющегося непротиворечивым по отношению к общему смыслу данного текста’ [ЛЭС 1990]. Выбор необходимого значения многозначного слова для понимания смысла высказывания «осуществляется на основе указаний, содержащихся либо в самом тексте, в речевом произведении (лингвистический контекст), либо вне текста, в реальной ситуации (внелингвистический контекст)» [Литвин 2005].

В настоящей работе ставится вопрос о том, в какой степени влияют на реализацию значений полисемантов притяжательные местоимения, используемые в качестве распространителей. Объектом анализа было выбрано многозначное слово *путь*. Источником фактического материала послужили тексты Национального корпуса русского языка [НКРЯ]. Сочетание слова *путь* с

притяжательным местоимением фиксируется более чем в 11 тысячах корпусных контекстов.

Решение поставленного вопроса возможно при выполнении двух задач:

- 1) провести анализ лексикографической репрезентации полисеманта *путь*;
- 2) найти в НКРЯ иллюстрации употребления слова *путь* в как можно большем количестве значений в сочетании с притяжательными местоимениями.

В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова слово *путь* представлено семью значениями:

- 1) 'то же, что дорога (в 1 знач.)' ['полоса земли, предназначенная для передвижения, путь сообщения'];

- 2) 'место, линия в пространстве, где происходит передвижение, сообщение';

- 3) 'железнодорожная колея, линия';

- 4) 'то же, что дорога (во 2, 3 и 4 знач.)' ['место, по к-рому надо пройти или проехать, путь следования'; 'путешествие; пребывание в пути'; 'образ действия, направление деятельности'];

- 5) 'польза, толк';

- 6) '(предлог с Р. п.) посредством, при помощи чего-н.';

- 7) '(дыхательные пути) полые органы, проводящие воздух к легким' [СРЯ].

В «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова у слова *путь* выделено одиннадцать значений:

- 1) 'полоса земли, служащая для передвижения (езды и ходьбы); дорога';

- 2) 'железнодорожная или трамвайная колея, линия';

- 3) 'пространство, по которому осуществляется транспортное сообщение';

- 4) 'место для прохода, проезда куда-л.';

- 5) 'расстояние, которое проходит или проезжает кто-л.';

- 6) 'орган в виде канала, в котором совершается какая-л. деятельность';

- 7) 'передвижение куда-л.; поездка, путешествие';

- 8) 'направление движения, маршрут';

- 9) 'направление деятельности, развития кого-, чего-л.';

- 10) 'средство, способ достижения чего-л.';

- 11) 'жизнь человека, ее течение' [БТС].

Отметим два значительных отличия в описании семантики слова толковыми словарями. Во-первых, к моменту составления современного словаря выходит из употребления значение слова *путь* 'польза, толк', конструкции типа «в нем будет путь» устаревают. Последняя фиксация данного значения представлена в НКРЯ в тексте конца XIX в.:

Родственники Ивана Алексеевича, кроме Сенатора, видя безмерную избалованность Шушки, предрекали, что в нем не будет пути (Е. Соловьев-Андреевич. Александр Герцен. Его жизнь и литературная деятельность (1897)) [НКРЯ].

Представление о пути как пользе и толке проявляется в значении прилагательных *путевый*, *непутевый*, употребляемых носителями языка, согласно Корпусу, с середины XIX в. по настоящее время.

Во-вторых, в словаре под редакцией С. И. Кузнецова фиксируется значение слова *путь* ‘жизнь человека, ее течение’, которое, пожалуй, нельзя назвать абсолютно новым, ведь оно было представлено и в более ранних словарях в качестве примера употребления в словосочетании *жизненный путь*. Однако выделение значения свидетельствует о постепенном стирании метафоры и увеличении количества употреблений слова в данном значении.

Стержневой для слова *путь* является пространственная сема. По замечанию Ю. М. Лотмана, «семиотика пространства имеет исключительно важное, если не доминирующее, значение в создании картины мира той или иной культуры» [Лотман 1996, с. 205]. Обращаясь к понятию «путь», говорящий акцентирует внимание на направлении движения или развития чего-либо. И это неудивительно, ведь представления о пространстве и движении находятся в неразрывной связи. Исследователь И. И. Кузьмин выражает однозначную мысль о том, что «связь Пространство – Время фактически является связью Пространство – Движение (Скорость)» [Кузьмин].

Употребляя слово *путь* в сочетании с притяжательным местоимением, говорящий ведет речь либо о физическом пути следования куда-то, о своем путешествии, например: *Онежский почтовый тракт с этого места уходит на юг, а мой путь – на север, через Унскую губу* (М. Пришвин. Колобок (1906)) [НКРЯ], либо об умозрительной сущности, к примеру: *К концу моего долгого жизненного пути химический и физический, геологический и политический лик Земли прояснился окончательно* (Л. Гумилевский. Судьба и жизнь (1969)) [НКРЯ].

Несмотря на то что «физическому» денотату посвящено подавляющее большинство словарных значений, «метафизический» путь в самых разных формах также часто оказывается предметом речи.

Путь – 1) ‘полоса земли, служащая для передвижения (езды и ходьбы); дорога’:

Веками тут кочевали эвены с оленями, потом неумные казаки проложили свой путь, ища выход к океану (В. Ремизов. Воля вольная // «Новый мир» (2013)) [НКРЯ].

Путь – 2) ‘железнодорожная или трамвайная колея, линия’:

Воинские уездные начальники, служившие Директории, могли стягивать мобилизованных только через наш район и, следовательно, по нашим железнодорожным путям (Н. Махно. Воспоминания (1929)) [НКРЯ].

Путь – 3) ‘пространство, по которому осуществляется транспортное сообщение’:

Новгородские мужи понимали, что сила государства в единении всех русских областей, и могли с одинаковым упорством сражаться за Киев и Тмутаракань, как и за свой город и его торговые пути (А. Ладинский. Анна Ярославна – королева Франции (1960)) [НКРЯ].

Путь – 4) ‘место для прохода, проезда куда-л.’:

Ежели камень преградил твой путь на тропе горной, – столкни его в пропасть (В. Шишков. Ватага (1923)) [НКРЯ].

Данные четыре значения непосредственно не соотносятся с человеком, поэтому представлены небольшим числом реализаций.

Путь – 5) ‘расстояние, которое проходит или проезжает кто-л.’:

Филатов обратил внимание, что они стараются сократить свой путь по кругу, едут не вдоль барьера, а направляют машину к центру, вертятся на небольшом пятачке (К. Ганешин. Весь вечер на арене // «Наука и жизнь» (2007)) [НКРЯ].

Пятое значение слова напрямую связано с субъектом, преодолевающим путь, поэтому является одним из частотных среди отобранного фактического материала.

Путь – 6) ‘орган в виде канала, в котором совершается какая-л. деятельность’:

<...> так как воздух не проходит ни через какой фильтровочный аппарат, то и зародыши болезней тоже прямо попадают в наши дыхательные пути (В. Попов, В. Преображенский. Бой-скауты. Руководство самовоспитания молодежи по системѣ «скаутинг» сэра Роберта Бадень-Поуэлла применительно къ условиямъ русской жизни и природы (1917)) [НКРЯ].

Специальное значение слова *путь* при сочетании с местоименными посессивами представлено в НКРЯ всего несколькими реализациями, однако примечательно, что даже это научное значение в тексте способно приобрести переносный характер:

Страдание есть как бы раскаленный зонд, очищающий и расширяющий наши духовные дыхательные пути и тем впервые открывающий нам свободный доступ к блаженной глубине подлинной реальности (С. Франк. Непостижимое (1938)) [НКРЯ].

Путь – 7) ‘передвижение куда-л.; поездка, путешествие’:

Полторы тысячи лет прошло с тех пор, как гунны, пронесаясь меж отрогов Саян, стронули ненцев с их пастбищ в верховьях Оби и Иртыша и загнали в леса, откуда начался их долгий путь на Север (В. Голованов. Остров, или оправдание бессмысленных путешествий (2002)) [НКРЯ].

Седьмое значение слова *путь* пересекается с пятым, что нередко проявляется в контекстах:

Эта уверенность укреплялась видом ликующего народа по городам и станциям на всем протяжении нашего десятитысячьеверстного пути на запад (Г. Семенов. О себе. Часть I. Революция (1938)) [НКРЯ].

Путь – 8) ‘направление движения, маршрут’:

Мой путь лежал через укрытый теплыми сумерками маленький парк (Б. Грищенко. Посторонний в Кремле (2004)) [НКРЯ].

На восьмом заканчиваются конкретные, «физические» значения слова *путь*. Дальнейшее словарное описание представляет абстрактные значения.

Путь – 9) ‘направление деятельности, развития кого-, чего-л.’:

По поводу «жестикующий», так язвивших бедного словоохотливого обвинителя, я должен заметить, что всегда считал вполне неуместным всякие жесты и говорил свои речи, опираясь обеими руками на поставленную стоймя

книгу судебных уставов, купленную в 1864 году, тотчас по выходе ее в свет, и прошедшую со мною весь мой сорокалетний судебный путь (А. Кони. Приемы и задачи обвинения (1912–1913)) [НКРЯ].

В связи с тем, что в данном значении также представлен притяжательный компонент, оно регулярно реализуется в корпусных контекстах. Носители языка осмысливают свое и чужое личностное, образовательное, творческое, профессиональное становление и развитие конкретных социальных групп или организаций.

Путь – 10) ‘средство, способ достижения чего-л.’:

Так что же такое жизнь в Любви и как этого достичь? Каждый идет к ней своим путем (Л. Бови. Любовь как образ жизни // «Пятое измерение» (2003)) [НКРЯ].

В контекстах, представляющих это значение, используется в основном притяжательное местоимение *свой*. Конкретный путь достижения чего-либо не указывается, но говорится о том, что субъект шел к чему-то *своим путем*, то есть путем уникальным и особенным.

Путь – 11) ‘жизнь человека, ее течение’:

Опасности, сопровождавшие их жизненный путь, были в то же время светочами их любви (Ф. Степняк-Личкус. Андрей Кожухов (1898)) [НКРЯ].

Анализ корпусных контекстов показал, что полисемант *путь* в сочетании с притяжательными местоимениями реализуется во всех описанных в толковом словаре значениях. Наиболее частотными становятся значения ‘расстояние, которое проходит или проезжает кто-л.’, ‘передвижение куда-л.; поездка, путешествие’, ‘направление движения, маршрут’, ‘направление деятельности, развития кого-, чего-л.’, ‘жизнь человека, ее течение’.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что притяжательные местоимения как распространители при полисеманте *путь* не сокращают его спектр значений. Притяжательные местоимения указывают на принадлежность пути определенному субъекту, переносят фокус внимания с широких характеристик пути на более узкие, а также определяют частотность реализации слова в том или ином значении.

Список литературы

1. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990 // URL: <https://les.academic.ru/532/Контекст> (дата обращения: 19.09.2023).

2. Литвин Ф. А. Многозначность слова в языке и речи (на материале английского языка). М.: КомКнига, 2005 // URL: <https://urss.ru/cgi-bin/db.pl?lang=Ru&blang=ru&page=Book&id=27354> (дата обращения: 19.09.2023).

3. Национальный корпус русского языка // URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 13.09.2023).

4. Словарь русского языка / сост. С. И. Ожегов // URL: <https://slovarozhegova.ru> (дата обращения: 21.09.2023).

5. Большой толковый словарь русского языка / сост. С. А. Кузнецов // URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov> (дата обращения: 17.09.2023).

6. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.

7. Кузьмин И. И. Суть связи пространства, времени и скорости света // URL: http://www.chronos.msu.ru/old/discussions/kuzmin_prostranstvo.htm (дата обращения: 21.09.2023).

Сведения об авторе:

Завтрикова Полина Сергеевна; аспирант, Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины, 246019, Республика Беларусь, Гомель, ул. Советская, д. 108; tumanika1@gmail.com; +375444534938.

Zavtrikova Polina Sergeevna; postgraduate, Gomel State University, Sovetskaya st., 108, Gomel, 246019, Belarus; tumanika1@gmail.com; +375444534938.

УДК 811.133.1'37

К вопросу о классификации пейоративных синонимов французских аргю

Екатерина Алексеевна Коньгина

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, ассистент кафедры романской филологии, аспирант кафедры романской филологии, Орел, Россия, katyakonygina@gmail.com

Аннотация. В статье представлена характеристика синонимического потенциала арготического вокабуляра с пейоративной оценкой. Изучение этого аспекта неконвенционального лексического фонда в диахронии и синхронии, позволяет систематизировать лексемы, эксплицирующие природу арготического словотворчества. Особое внимание уделяется синонимам, образованным посредством метафоры. Материалом для проведения исследования послужили арготографические издания.

Ключевые слова: аргю, арготическое словотворчество, синонимика, метафора, пейоративные синонимы

To the question of the classification of pejorative synonyms of French argots

Ekaterina A. Konygina

Orel State University names after I.S. Turgenev, assistant at the Department of Romance Philology, graduate student, Orel, Russia, katyakonygina@gmail.com

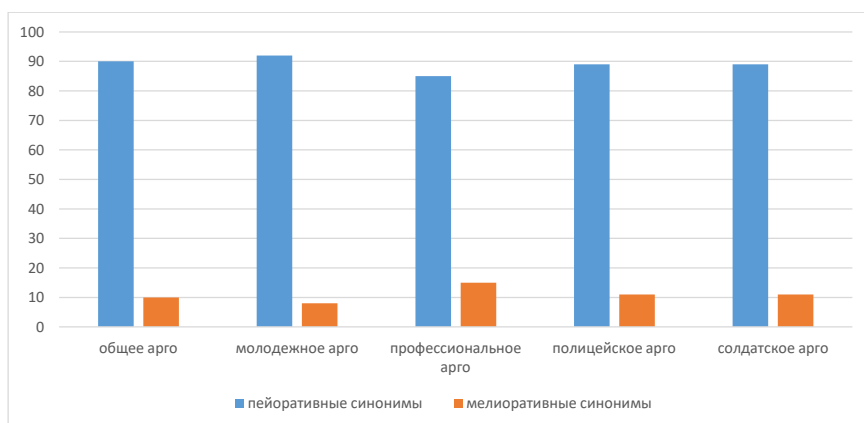
Abstract. The article presents a characteristic of the synonymous potential of argotic vocabulary with pejorative evaluation. The study of this aspect of the non-conventional lexical fund in diachrony and synchrony makes it possible to systematize lexemes that explicate the nature of argotic word creation. Particular attention is paid to synonyms formed through metaphor. Argotographic publications served as the material for the study.

Keywords: argot, argotic word creation, synonymy, metaphor, pejorative synonyms

Общеизвестно, что для выражения эмоций и отношения к окружающей реальности говорящий может обращаться к неконвенциональным лексическим единицам. При этом отметим, что отдельные арготизмы утратили свою первоначальную функцию – функцию пароля, и служат «<...> средством эмоционального, образного словоупотребления» [Ретинская 2022, с. 62]. Вместе с тем следует подчеркнуть тот факт, что арготирующий воспринимает мир через призму «зеркального отражения», в котором традиционные этические и социальные ценности воспринимаются негативно. Упомянем о том, что пейоративность – это свойство языковых единиц, проявляющееся в способности реализовывать семантику негативного или презрительного отношения к предмету, явлению или человеку. Арготические лексемы, обладающие подобной семантикой, именуется пейоративными.

Проведенный анализ четырех арготографических изданий [АТ; СМ; FD; JPG; РN; РР] показывает явное преобладание синонимических объединений, включающих лексемы с пейоративной коннотацией, что говорит о частотности эмоционально-отрицательных лексических единиц в различных арго (Схема 1).

Схема 1. Пейоративные и мелиоративные синонимические объединения французских арго

Анализ показывает, что всякая инвектива по самой своей природе отражает агрессивное действие адресанта и имеет целью катарсис, т.е. психологическую разрядку, а значит содействует психическому развитию индивида [Жельвис 1990, с. 7-16].

Так, описывая в середине XIX века арго игроков в азартные игры, Л. Верон упоминал о том, что при проигрыше игрок предпочтет использовать профессиональный арготизм, а не общепринятые лексемы [Veron 1856, p. 31; цит. по Ретинкая 2011, с. 169]. Для иллюстрации вышесказанного, процитируем субстандартные синонимы, употребляемые арготирующими для обозначения недостатков в профессиональной деятельности [PN; PP]:

- *bitouiller – patauger dans le clafoutis – pédaler dans la choucroute – ramer* «появление трудностей в ходе расследования»;

- *avocaillon – avocassier – avocat à la mie de pain – comique d'office – baveux en chewing-gum – plaidailon* «юрист, который регулярно проигрывает дела».

Принимая во внимание утверждение Н. В. Пазыч о том, что любая пейоративная коннотация проявляется как противопоставление общепринятой норме и разработанную классификацию пейоративных синонимов, приведем примеры синонимических рядов, включающих исследуемый нами языковой материал [Пазыч 1986, с. 5-19] (Таблица 1):

Таблица 1. Классификация синонимических объединений арго, состоящих из пейоративов

Не соответствующий:	Синонимический ряд парольных слов [AT; CM; JPG]
1) социальной норме	«лживый» → <i>bidon, dombi, donbi</i> ; «трудный» → <i>auch, chaud, chaudard, dar, darre, hard</i>
2) моральной норме	«отравленный наркотиком» → <i>accro, camé, chiré, chlague, déchiré, défoncé, dépouilmé, foncedé, guédro, gueuche, gueuchla, junkie, junky, pété, pouilledé, schlague, shité, shooté, speedé, stone, tox, toxico</i>
3) определенным требованиям	«плохой» → <i>à chier, merdique, naze, nullard, nullos, ripou</i>
4) ожидаемым результатам	«некомпетентный» → <i>baltringue, bille, bite, bitte, brêle, burne, gland, nullard, nullos</i>
5) определенному моменту	«глупый» → <i>bite, bitte, blair, blaire, blaireau, blairote, branque, con, con comme la lune, couillon, deb, dèbe, gogol, gol, golio, golmon, mongol, mongolito, nazebroque, nazebrok, nouille</i>
6) ввиду своей неправильности	«потайной» → <i>clandé, clando</i>

7) своему целевому назначению	«нулевой» → <i>à chier, donbi, nullard, nullos, pérave pourave, pourrave, tache</i>
8) требованиям в параметрическом плане	«в плохой физической форме» → <i>mal foutu, patraque</i>

По мнению В. И. Карасика, целесообразно разделить пейоративы на две группы: общие и специальные [Карасик 1991, с. 271-272]. Так, общие пейоративные синонимические ряды представляют собой объединения неконвенциональных лексем с оценочно-статусной инвективой. К данной группе относятся нижеследующие синонимические группировки:

- «гомосексуалист» → *chbeb, dép, fiotte, foc, folle, homo, lope, lopette, pédale, pédé, pédoque, rasdep, razdep, tafiole, tafiotte, tante, tantouse, tantouze, tapette, tarlouze, tarlouze, zamel* [AT];

- «дурак» → *bille, brêle, con, connard, conneau, conno, couillon, emmanché, gland, manche, naze, nez-de-boeuf, trou de balle, trouduc, trou-du-cul* [AT];

- «злой человек» → *chanmé, enfoiré, vache* [AT].

Вторая группа пейоративов подразделяется на объективные и субъективные [Карасик 1991, с. 271-272]. К объективным синонимам следует отнести арготические единицы, обозначающие человеческие пороки: гордость, жадность, похоть и т. п.:

- «глупость» → *carabistouille, conceté, couillonnade, cucuterie, joberie* [AT].

Под субъективными пейоративами понимаются парольные синонимы с идеологической критикой: [Карасик 1991, с. 271-272]:

- «буржуа» → *boss, bourge, galure, pékin, riflard* [СМ];

- «начальник» → *caïd, coq, mec, sachem* [СМ].

Показательно, что в арготическом словотворчестве особое внимание уделяется образам с целью усиления воздействия на чувства [Грачев 1997, с. 55]. Таким образом, субстандартная лексема содержит в себе элемент экспрессии и смешного, расчленив которые довольно трудно [Елистратов 1995, с. 188].

Подводя итог вышесказанному, нам предоставляется обоснованным утверждение, согласно которому при описании пейоративных синонимов необходимо обратиться к метафоре, способствующей созданию мощного ассоциативного поля с помощью ограниченного диапазона средств выразительности, в частности образов и символов. Согласно представленной ниже классификации метафор [Опарина 1990, с. 14-15] пейоративные арготизмы разделяются на три группы (Таблица 2):

Таблица 2. Классификация арготических пейоративов, образованных посредством метафоры

Вид метафоры	Синонимическое объединение неконвенциональных лексем [AT; СМ; JPG; PN; PP]
индикативная, или	«пуля» → <i>abeille 'оса' – mouche à miel</i>

идентифицирующая, метафора [Арутюнова 1990, с. 8] – наименование класса конкретных предметов	‘пчела’ – <i>mouche à guêpe</i> ‘оса’ – <i>mouche à merde</i> ‘навозная муха’; «бутылка» → <i>aubergine</i> ‘баклажан’ – <i>betterave</i> ‘свекла’
эвалюативная, или оценочно-экспрессивная, метафора [Телия 1988, с. 29] выражение эмоционально-оценочной модальности	«ничтожный актер» → <i>légume</i> ‘зелень, овощ’ – <i>végétal</i> ‘растение’; «злой человек, злока» → <i>bourrique</i> «ослица» – <i>vache</i> ‘корова’
концептуальная метафора	«нищета» → <i>mouise</i> (от нем. <i>mues</i> ‘каша’ – <i>panade</i> ‘хлебная похлебка’ – <i>purée</i> ‘пюре’; «удача» → <i>cerise</i> ‘вишня’ – <i>oignon</i> ‘лук’

В данной статье была предпринята попытка систематизировать пейоративные синонимы разных арго. Приведенные примеры показывают, что пейоративы, входящие в состав синонимических рядов, являются средством уникального отражения языковой картины мира арготирующих и возможностью обозначить общечеловеческие проблемы.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5-33.
2. Елистратов В. С. Арго и культура / В. С. Елистратов. – М.: МГУ, 1995. – 231 с.
3. Жельвис В. И. Эмотивный аспект речи / В. И. Жельвис. – Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 1990. – 81 с.
4. Карасик В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик – М.: Институт языкознания АН СССР, Волгоградский педагогический университет, 1991. – 495 с.
5. Пазыч Н. В. Средства языковой номинации отрицательной оценки в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1986. – 22 с.
6. Ретинская Т. И. Социолингвистический и функционально-стилистический анализ французских профессиональных арго / Т.И. Ретинская – Орел: ОГУ, 2011. – 284 с.
7. Ретинская Т.И. Французское молодежное арго: опыт анализа механизмов словотворчества: учебное пособие / Т.И. Ретинская – Орел: ОГУ, 2022. – 163 с.
8. Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивнооценочная функция / В. Н. Телия // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 26-51.

Список источников

- AT – Tengour A. Tout l'argot des banlieues. Le dictionnaire de la zone en 2 600 définitions. – P. : Opportun, 2013.
- CM – Colin J.-P., Mével J.-P. Dictionnaire de l'argot. P. : Larousse, 1992.
- FD – Déchelette F. L'argot des poilus. Dictionnaire humoristique et philologique du langage des soldats. – P. : Jouve et Cie, 1918.
- JPG – Goudaillier J.-P. Comment tu tchatches ? Dictionnaire du français contemporain des cités. – P. : Maisonneuve et Larose, 1998.
- PN – Normand Ph. Dictionnaire des mots des flics et des voyous. – P. : Balland, 2010.
- PP – Perret P. Le parler des métiers. P. : Robert Laffont, 2002.

УДК 81

К вопросу об исследовании эвфемизмов на тему отношений между мужчиной и женщиной в контексте когнитивной лингвистики

Сергей Сергеевич Кошелев

Институт языкознания Российской академии наук, аспирант, 125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., д. 1, стр. 1, Российская Федерация, s.koshelev@iling-ran.ru

Аннотация. В статье приводится пример анализа эвфемизмов на тему отношений между мужчиной и женщиной с помощью методов когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Данный анализ предполагает описание языкового способа создания эвфемизма, механизма кодирования денотата и интерпретацию эвфемизма в пространстве культуры. Исследование эвфемизмов в данном ключе позволяет создать их интегративное описание как особых знаков языка и культуры.

Ключевые слова: эвфемизм, концептуальная метафора, фреймовый анализ, фрейм, слот, культура

On the issue of studying sexual euphemisms in the context of cognitive linguistics

Sergey S. Koshelev

The Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Postgraduate, 1 bld. 1 Bolshoi Kislovsky pereulok, Moscow 125009, Russian Federation

Abstract. The article presents a sample analysis of sexual euphemisms within the frameworks of cognitive linguistics and cultural linguistics. The analysis provides a description of linguistic devices for euphemism formation and denotation encoding mechanisms as well as cultural interpretation of the euphemisms. This integrative

approach offers insight into such euphemisms as special signs of language and culture.

Keywords: euphemisms, conceptual metaphor, frame analysis, frame, slot, culture

Развитие науки о языке и различных её направлений предполагает появление связанных с ними новых методов анализа языкового материала, которые открывают новые возможности для многогранного и глубокого описания эвфемизмов как особых знаков языка и культуры.

Так, в настоящее время активно развивается инструментарий когнитивной лингвистики, которая предлагает использовать в описании эвфемизмов такие методы, как концептуальный анализ и фреймовый анализ (см., например, труды Н.Н. Болдырева, Ю.В. Алексиковой, О.С. Орловой и др.).

В рамках коммуникативной лингвистики и лингвокультурологии эвфемизмы понимаются как «разрешённые слова и выражения, которые употребляются вместо тех, которые запрещены или ограничены в употреблении этикетными, этическими, правовыми, идеологическими нормами и обычаями, принятыми в данном культурно-языковом сообществе» [Ковшова 2019: 36]. При этом эвфемизация изучается не только как лексическое явление, но и коммуникативная стратегия, характерная для множества разнообразных языков и культур [Ирисханова 2011].

С точки зрения когнитивной лингвистики эвфемизм — это когнитивный процесс концептуализации запретной реальности [Gómez 2012: 43]. Для этого необходимо наличие концептуальных связей между когнитивной структурой источника эвфемизма и когнитивной структурой цели эвфемизации. Взаимодействие этих двух структур в результате метафорической проекции позволяет актуализировать экстралингвистические знания и привнести информацию, не представленную непосредственно в концептуальных структурах, проявляя свойство эмерджентности и порождая новые смыслы [Болдырев, Алексикова 2010].

Подробно описать составляющие области-источника и области-цели позволяет фреймовый анализ, который представляет эвфемизм, в качестве особой структуры — фрейма [Baker, Fillmore, Lowe 1998]. В свою очередь, фрейм состоит из элементов, которые раскрывают те или иные его аспекты.

Фреймовый анализ эвфемизма составляет основу его описания, однако, часто такое описание, хоть и является достаточно подробным, нуждается в дополнении, поскольку не объясняет причину использования образов, формирующих метафору, на которой построены многие эвфемизмы. Таким образом, чтобы представить более полное описание эвфемизмов, необходимо привлечь инструментарий лингвокультурологии, который поможет дать интерпретацию эвфемизма в пространстве культуры, которой он принадлежит (об этом см. подробнее в [Орлова 2019]). Сочетание когнитивного и лингвокультурологического подходов в исследовании эвфемизмов позволит выявить конституирующие признаки эвфемизмов и объяснить использование тех или иных образов в создании эвфемизма [Там же].

Примером для иллюстрации когнитивного подхода в сочетании с лингвокультурологическим комментарием может служить анализ эвфемизмов на тему отношений между мужчиной и женщиной. Данная тема, с одной стороны, касается основ человеческого бытия, а с другой — по-разному трактуется в разных культурах и раскрывается порой в сходных, а порой в различных образах.

Проанализируем эвфемизм русской культуры *чай* и эвфемизм англоязычной культуры *Netflix and chill*, которые употребляются в значении «интимная близость» в русском и английском языках соответственно: приведём примеры употребления эвфемизмов в контексте, укажем языковые способы их создания, проведём их когнитивный анализ и дополним его интерпретацией эвфемизмов в пространстве культур, которым они принадлежат.

Чай

Пример употребления: *«Бывают, конечно же, редкие случаи, когда девушка идет к тебе на чай, или наоборот – приглашает к себе, не подразумевая секс»* [vk (28.09.2018) на материале текстов Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru)].

Значение эвфемизма: интимная близость.

Прямое значение: метонимически от «чаепитие» — «приём гостей с угощением (обычно чаем)» [Большой толковый словарь русского языка].

Языковой способ создания эвфемизма: метафора + импликация (на основе классификации К. Линфут-Хэм [Linfoot-Ham 2005]).

Когнитивный механизм: проецирование табуированной темы сексуальных отношений на не табуированный домен похода в гости и импликация «желание провести время вдвоем => стремление к интимной близости».

Netflix and chill

Пример употребления: *«Malik also notes that he and his girlfriend Gigi Hadid are devoted practitioners of "Netflix and chill." (They have sex.) (A lot of it)»*. [Jezebel // 2016 (16-06-20) на материале текстов The Corpus of Contemporary American English (COCA) <https://www.english-corpora.org/coca/>].

Значение эвфемизма: интимная близость «*Netflix and chill* — (slang, euphemistic) Sexual intercourse, especially casual sex» [Wiktionary, the free dictionary https://en.wiktionary.org/wiki/Netflix_and_chill].

Прямое значение: отдых у телевизора, букв. «Нетфликс и отдых».

Языковой способ создания эвфемизма: метафора + импликация (на основе классификации К. Линфут-Хэм [Linfoot-Ham 2005]).

Когнитивный механизм: проецирование табуированной темы сексуальных отношений на не табуированный домен похода в гости и импликация «желание провести время вдвоем => стремление к интимной близости».

Когнитивная модель с точки зрения фреймового анализа пары данных эвфемизмов может быть построена следующим образом:

Когнитивная модель				
Фрейм		интимная близость / <i>sexual intercourse</i>		<i>чай / Netflix and chill</i>
		Область-источник	Конституирующие признаки	Область-цель
		Антропная Физиологическая	Антропный признак выступает конституирующим, физиологический подменяется социальным.	Антропная Социальная
Элементы ситуации	Участник 1	Участник 1	Элемент 1	Хозяин
	Участник 2	Участник 2	Элемент 2	Гость
	Место	Место для интимной близости	Место действия	Место проживания хозяина
	Цель	Получение удовлетворения от физической близости	Получение удовольствия и положительных эмоций	Приятное времяпровождение в компании
	Домен (источник) – Длительность (цель)	Интимная близость	Совместное действие	Приём гостя
	Домен (источник) – Длительность (цель)	Отсутствие обязательств	Отсутствие стабильности	Временное пребывание в гостях
Типовой сценарий		Интимная близость [The Berkeley FrameNet project http://framenet.icsi.berkeley.edu]	Элемент 1 и элемент 2 совершают совместное действие с целью получения удовольствия и положительных эмоций	Приём гостей [The Berkeley FrameNet project http://framenet.icsi.berkeley.edu]

Таким образом, эвфемизмы *Netflix and chill* и *чай* показывают сходные механизмы кодирования, однако конституирующие признаки анализируемых эвфемизмов выражены с помощью различных образов. Данные образы интерпретируются в пространстве культур, которым принадлежат эвфемизмы.

Компания Netflix является одним из самых старых и популярных стриминговых сервисов в США, поэтому её название используется в эвфемизме *Netflix and chill* метонимически как «просмотр сериалов и кино дома» — популярное времяпрепровождение и отсюда потенциально не вызывающий

удивления у собеседника предлог зайти в гости. Первоначально выражение использовалось исключительно в своем денотативном, неэвфемистическом, значении и означало проведение времени за просмотром Нетфликса или телевизора в целом, в том числе наедине.

В русской культуре принято приглашать гостя на чай. При этом не представляется невероятным постепенное устаревание данной традиции. В таком случае, эвфемистическое значение выражения «пригласить на чай» будет всё больше эксплицироваться.

Таким образом, сочетание методов когнитивного и лингвокультурологического анализа позволяет комплексно описывать эвфемизмы разноязычных культур на тему отношений между мужчиной и женщиной.

Такой анализ затрагивает языковой, когнитивный и культурный уровень и позволяет изучить языковой способ создания эвфемизма, механизм кодирования денотата, сценарий, лежащий в основе создания эвфемизма, и его интерпретацию в пространстве культуры.

Список литературы

1. Болдырев Н. Н., Алексикова Ю. В. Когнитивный аспект эвфемизации (на материале английского языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. №2. С. 5–11.
2. Орлова О. С. Когнитивно-лингвокультурологическое исследование эвфемизмов на тему рождения // Когнитивные исследования языка. — 2019. — Т. 36. — С. 403–413.
3. Ковшова М. Л. Эвфемизмы и фразеологизмы: устойчивые структуры в аспекте эвфемизации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. — 2019. №4. С. 35–48.
4. Ирисханова О. К. Коммуникативная стратегия эвфемизации как "игры фокуса" в языке // Вестник МГЛУ, 617, 2011. — С. 172–184
5. Gómez M. C. The Expressive Creativity of Euphemism and Dysphemism. *Lexis. Journal in English Lexicology* №7, 2012. Pp. 43-64
6. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов ; РАН, Ин-т лингвист. исслед. – Санкт-Петербург : Норинт, 1998.
7. Davies, Mark. (2008-) The Corpus of Contemporary American English (COCA). Available online at <https://www.english-corpora.org/coca/>.
8. Wiktionary, the free dictionary [Электронный ресурс]. URL: https://en.wiktionary.org/wiki/Netflix_and_chill
9. Linfoot-Ham K. The Linguistics of Euphemism: A Diachronic Study of Euphemism Formation. *Journal of Language and Linguistics* Vol. 4 No. 2, 2005. Pp. 227–263.
10. Collin F. Baker, Charles J. Fillmore, and John B. Lowe. 1998. The Berkeley FrameNet Project. In 36th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics and 17th International Conference on Computational Linguistics, Volume 1, pages 86–90, Montreal, Quebec, Canada. Association for Computational Linguistics.

11. The Berkeley FrameNet project [Электронный ресурс]. URL: <http://framenet.icsi.berkeley.edu>, свободный.

12. Национальный корпус русского языка. 2003—2023. Доступен по адресу: ruscorpora.ru

УДК 81

Темпоральные характеристики лингвокогнитивных сравнительных моделей с немецкими антропонимами

Валерия Александровна Куликова

Московский государственный лингвистический университет, старший преподаватель кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка, Москва, Россия, val.kulikova@hotmail.com

Аннотация. Настоящее исследование посвящено анализу лингвокогнитивных сравнительных моделей (ЛкСРМ), объектом и эталоном которых выступают немецкие антропонимы. Целью исследования является выявление и описание темпоральных особенностей функционирования ЛкСРМ.

Ключевые слова: сравнение, категоризация, антропоним, лингвокогнитивная сравнительная модель, темпоральные характеристики

Temporal characteristics of linguocognitive comparative models

Valeriya A. Kulikova

Moscow State Linguistic University, senior lecturer of the Department of German Lexicology and Stylistics, Faculty of the German Language, Moscow, Russia, val.kulikova@hotmail.com

Abstract. The article is devoted to the analysis of linguocognitive comparative models, the object and standard of which are German anthroponyms. The aim of the study is to identify and describe the temporal features of linguocognitive comparative models.

Keywords: comparison, categorization, anthroponym, linguocognitive comparative model, temporal aspect

Современная когнитивная лингвистика продолжает исследовать взаимосвязь языка и когнитивных процессов. Через обращение к языковым структурам становится возможным получить доступ к структурам знания [Болдырев 2008; Болдырев 2013] и найти ответы на некоторые вопросы, связанные с функционированием человеческого сознания. К сфере интересов когнитивной лингвистики относится категоризация и концептуализация, т. е. как человек на основе своих ощущений и опыта классифицирует и

систематизирует объекты окружающего мира и информацию о них [Кубрякова и др. 1996, с. 45-46].

Точка зрения, что знание имеет линейную структуру [Демьянков 1994, с. 26], т. е. организовано в соответствии с тем, в какой последовательности оно было обработано человеком, во многом объясняет, почему по мере изменения окружающей действительности, меняются и наши представления о мире. Человек пользуется не заранее «расфасованными данными, а какой-то пока еще не вполне ясной их организацией, позволяющей применять знание в новых контекстах и генерировать новое знание» [там же].

Категория сравнения является одной из базовых ментальных и языковых категорий, благодаря которой человек способен интерпретировать окружающую действительность, обобщать информацию и получать новые знания. Через сравнение осуществляется выражение существенных свойств объектов и явлений, связей между ними, черт сходства или различия. Сравнение активизирует лингвокогнитивные процессы детализации и конкретизации объектов действительности и их признаков, что обуславливает активное использование сравнений в языке.

В основе идеи о том, что язык не просто отражает структуру мира, но и сам активно формирует мировоззрение человека, лежит интерпретирующая природа познавательных процессов. С точки зрения прагматики, человек, сравнивая, получает и сообщает новую информацию об окружающей действительности на фоне уже известных получателю образов, его фоновых знаний. Создавая образы и порождая новые значения, сравнение выполняет когнитивную, эмоционально-экспрессивную и смыслообразующую функции.

Процессы концептуализации, категоризации и интерпретации играют важную роль в процессе формирования и передачи знаний о мире и тесно связаны с процессом номинации. По мнению исследователей, языковая интерпретация мира делится на два типа: первичную и вторичную. Объектом первичной языковой интерпретации выступает сам окружающий мир и его изменения, а результатом «становится появление системы категоризации естественных объектов, окружающих человека, что в языке представлено в системе лексически репрезентированных концептов и лексических категорий» [Болдырев, Блохина 2022, с.1715]. Вторичная языковая интерпретация связана уже с осмыслением и переосмыслением информации об этих элементах в контексте разных систем знаний. Благодаря своей способности уточнять и расширять знание о мире сравнение выступает механизмом вторичной интерпретации мира.

Сравнение представляется традиционно в виде трехчленной модели, состоящей из сравниваемого объекта (или *объекта сравнения*); объекта, с которым сравнивают, (или *эталона сравнения*) и *общего признака*, присущего этим объектам и служащим основанием сравнения [Гулыга, Шендельс 1969, с. 115]. Лингвокогнитивные сравнительные модели (ЛкСРМ) могут содержать как эксплицитно (например, сравнительные конструкции с вербализованной трехчленной структурой), так и имплицитно (например, антономасия) выраженное сравнение. Материалом для анализа в нашей работе служат

ЛкСРМ, элементом которых выступают антропонимы, т. е. наименования лица, которые в когнитивной лингвистике понимаются как формат знания [Болдырев 2006], т. е. некое знание, в котором на основе внутренних связей объединяется ряд контекстов, отвечающих за адекватное восприятие языковой единицы.

1) Auch **Mesut Özil** kehrt nach einer Verletzungspause zurück. **Der Arsenal-Profi** [*Mesut Özil*] hat wie **Schweinsteiger** zuletzt im WM-Finale für Deutschland *gespielt*. (Die Zeit, 23.03.2015 (online))

В контексте (1) реализуется ЛкСРМ **A1 V wie A2**, где: A1 – объект сравнения, выражен антропонимом; V – общий признак, выражен глаголом; *wie* – оператор сравнения, выражен союзом; A2 – эталон сравнения, выражен антропонимом.

На основе общего для двух антропонимов контекста *sport*, конструируемого тематически связанными лексическими единицами (см. *nach einer Verletzungspause, im WM-Finale, für Deutschland spielen*) происходит универсальное для языка сравнение: вернувшись после травмы на поле, футболист Арсенала *Mesut Özil*, он же *Arsenal-Profi*, сыграл в финале чемпионата мира по футболу, как и его коллега *Bastian Schweinsteiger*.

2) Im Grunde genommen ist **Lanz** der **Barack Obama** des deutschen Fernsehens. (Spiegel Online, 09.11.2014)

В контексте (2) реализуется частный случай автономасической ЛкСРМ **A1 = A2**, где: A1 – объект сравнения, выражен антропонимом; A2 – эталон сравнения, выражен антропонимом. Универсальная модель **A1 = A2** подвергается модификации: следующее за эталоном определение в форме родительного падежа указывает в контексте (2) на место: телеведущий *Markus Lanz* воспринимается как *Barack Obama* немецкого телевидения. Контекст (2) представляет собой имплицитно выраженное сравнение, в котором опущено основание сравнения. В контексте речь идет о закрытии в 2014 г. программы *Wetten, dass..?* после почти 34 лет вещания. Маркус Ланц, последний ведущий программы, принимает эту новость покорно, как и Барак Обама конец своего президентского срока. Отмечается, что за время работы ведущим волосы Ланца поседел, а среди руководства канала большинство было не на его стороне и проводить «реформы» не планивало.

Целью нашей работы является изучение темпоральных характеристик ЛкСРМ, элементом которых выступают антропонимы. Под темпоральными характеристиками ЛкСРМ мы понимаем эксплицитно и имплицитно выраженные способы реализации и передачи временных отношений между элементами сравнения, связанными между собой функционально и семантически. Темпоральная направленность сравнения, или соотнесенность времени действия, категориально соотносится с предшествованием, одновременностью и следованием, т. е. сравниваем ли мы объекты и/или явления в определенный момент или в разные моменты времени.

Анализ темпоральных характеристик ЛкСРМ в контексте (1) показал, что при эксплицитно выраженном сравнении указание на время реализуется за счет: 1) уточняющего контекста до и после сравнения, что свидетельствует в том числе и об особой текстообразующей роли сравнения; 2) видовременной

формы глагола (*hat gespielt*); 3) семантически связанных, культурно релевантных словосочетаний (*nach einer Verletzungspause, im WM-Finale*), косвенно и прямо указывающих на временной период.

Темпоральные характеристики антономасической ЛкСРМ в контексте (2) реализуются имплицитно, так как сама трехчленная структура сравнения предстает в свернутом виде. Зачастую ключ к пониманию основания такого сравнения содержится в фоновых знаниях реципиента и/или в контексте вокруг сравнения.

Заметим, что темпоральные характеристики изначально «заложены» в самих антропонимах и связаны с такими параметрами, как известность среди носителей языка; роль в исторической и культурной жизни общества; предполагаемый смысловой объем. Обратимся к контексту (3):

(3) *Es gab Zeiten, da war er fast so bekannt wie Albert Einstein: Emanuel Lasker war Deutschlands einziger Schachweltmeister und verteidigte seinen Titel 27 Jahre lang. 2018 jährt sich sein 150. Geburtstag.* (focus.de, 21.12.2018; dw.com, 21.12.2018)

В 2018 г. в средствах массовой информации был широко освещен юбилей *Эмануэля* (также *Эмануил*) *Ласкера*, известного немецкого шахматиста рубежа XIX – XX вв. *Ласкер* сравнивается с *Альбертом Эйнштейном* на основе времени, места и рода деятельности. Темпоральная характеристика выражена в главном предложении (*Es gab Zeiten*) и указывает на то, что существовало такое время, когда в мире жили такие великие умы как Альберт Эйнштейн и Эмануэль Ласкер. В своей *деятельности* шахматист Ласкер был практически также известен, *fast so bekannt*, как и Эйнштейн на основе, разумеется, их выдающихся интеллектуальных способностей. Контекст (3) представляет собой сложное многоуровневое темпоральное взаимодействие: 1) в 2018 г. отмечается 150-летие Ласкера; 2) на протяжении 27 лет Ласкер был гроссмейстером; 3) Ласкер и Эйнштейн жили в XIX – XX вв.

Антономасическая ЛкСРМ может трансформироваться за счет указания на время: $A1 = A2 + gt$, где: $A1$ – объект сравнения, выражен антропонимом; $A2$ – эталон сравнения, выражен антропонимом; gt – определение с темпоральным значением.

(4) *Wie können wir uns die Marie Curie von heute vorstellen? Vielleicht so: als Kandidatin für eine Juniorprofessur.* (Die Zeit, 09.05.2008, Nr. 03)

В контексте (4) эталоном сравнения выступает Мария Склодовская-Кюри, лауреат нобелевских премий по физике (1903) и химии (1911), первая женщина, ставшая преподавателем Парижского университета. Расширение значения достигается за счет темпоральной характеристики *von heute* – Мари Кюри сегодняшнего дня. Таким образом, подчеркивается не только особая связь с настоящим, но и происходит формирование нереальной действительности, альтернативной реальности.

Анализ корпуса исследования показал, что сравнительные модели, элементом которых выступают антропонимы, представляют собой сложный лингвокогнитивный конструкт, который отличается универсальным характером и обладает воспроизводимостью. Способы реализации и передачи временных

отношений между элементами сравнения репрезентируются в особых темпоральных характеристиках, которые указывают на наличие связей с глубинными категориями языка и мышления.

Список литературы

1. Болдырев Н. Н. Принципы и методы когнитивных исследований языка // Принципы и методы когнитивных исследований языка: сб. науч. тр. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. С. 11-29.
2. Болдырев Н. Н. Теоретические основы и методологические принципы когнитивного исследования языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 24 (315). С. 7-13
3. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С.Кубрякова, В.З.Демьянков, Ю.Г.Панкрац, Л.Г.Лузина. М., 1996., С. 45–46.
4. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания, 1994. № 4. С.17-33.
5. Болдырев Н. Н., Блохина Е. Д. Сравнительные конструкции как механизм вторичной интерпретации знаний о мире // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. 2022. №11. С. 1713-1722.
6. Гулыга Е. В., Шендельс Е. О. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М.: Просвещение, 1969. 184 с.
7. Болдырев Н. Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. Вып. 2. С. 5–22.

Сведения об авторе:

Куликова Валерия Александровна; старший преподаватель кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка, Московский государственный лингвистический университет, 119034, Российская Федерация, г. Москва, Остоженка 38, стр. 1 val.kulikova@hotmail.com, +79153501112.

УДК 811.133.1

Метафорика французского солдатского арга

Евгения Александровна Подольская

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, соискатель, Орел, Россия, e-mail: eugenie.podolskaia@yandex.ru

Аннотация: В статье анализируются такие компоненты тропологического пространства французского солдатского арга, как перифразы-загадки и однословные тропы, образованные посредством антономасии. Определяется ряд факторов, от которых зависит использование контекстуальных метафор обозначенного некодифицированного вокабуляра. Помимо этого, выделяется ряд метафорических сочетаний, которые могут быть восприняты и поняты на уровне смысловых контекстов, зачастую связанных с черным юмором.

Ключевые слова: Первая мировая война, солдатское аргот, фразеологизмы, тропологическое пространство.

The Metaphor of the French Soldier's Argot

Evgenia A. Podolskaya

Orel State University named after I.S. Turgenev, applicant, Orel, Russia, e-mail: eugenie.podolskaia@yandex.ru

Abstract: The article examines paraphrases-riddles and one-word paths formed through anthomasy. All these are components of the tropological space of the soldier's argot. A number of factors are determined on which the use of contextual metaphors within the soldier's argot depends. In addition, there are a number of metaphorical combinations in the French soldier's argot that can be perceived and understood at the level of semantic contexts, often associated with black humor.

Keywords: World War I, soldier's argot, phraseological units, topological space.

Специфика солдатского аргот является актуальным объектом для лингвистических исследований, что обусловлено возникновением лексико-фразеологических единиц, зависящих от множества факторов, в том числе от активизации языковых процессов внутри военного дискурса. Естественно, что рассматриваемое нами французское солдатское аргот в период Первой мировой войны имеет ряд специфических особенностей. Прежде чем приступить к характеристике объекта исследования, необходимо привести теоретическое определение понятия «солдатское аргот». Солдатское аргот представляет собой разновидность языка, которая используется преимущественно в социально замкнутой структуре – военных структурах, в частности, в целостной армии. Примечательным является то, что рассматриваемое нами аргот употребляется между военными в большинстве случаев в разговорных актах, которые касаются повседневного быта или профессиональной деятельности. В свою очередь, оно тесно переплетается с другими языковыми явлениями, поэтому может иметь синтезированный лингвистический характер.

По нашему мнению, солдатское аргот распространяется на достаточно масштабном уровне именно в период Первой мировой войны, которая стала своеобразным катализатором для реформации многих слоев общества в государстве. При этом военное аргот стало встречаться не только в речи солдат, но и в коммуникации мирных граждан, что считалось своеобразным социально-лингвистическим феноменом. Во французском солдатском аргот наблюдается также наличие метафорических элементов, позволяющих на уровне образной семантики определять те или иные явления окружающей действительности.

Как отмечает Ретинская Т.И., арготизмы, возникшие на основе переосмысления единиц общенационального лексического фонда, формируют своеобразное тропологическое пространство, которое состоит из однословных

тропов, тропологических перифраз-загадок (термин Э.М. Береговской) и однофразовых юморесок [Ретинская, 2012: 25].

Использование контекстуальных метафор в содержании высказываний в рамках изучаемого нами аргю зависит от ряда факторов, среди которых выделим следующие:

- 1) наименование окружающей действительности в юмористическом, упрощенном спектре, что способствует психологической разгрузке в критических ситуациях военной деятельности;
- 2) использование метафорического контекста для процесса стилистической репрезентации наименований военных орудий и самих военнослужащих;
- 3) метафорическая актуализация в использовании солдатских клише по отношению к противнику;
- 4) употребление контекста солдатского аргю в игровой стилистической форме.

Таким образом, нами было выделено несколько функций употребления функциональной метафоризации в контексте французского солдатского аргю особого типа лексико-фразеологических единиц. Выделим на конкретных примерах исследуемого аргю явление языковой антропонимизации, выражающейся в том, что французские военные использовали имена-антропонимы для наименования боевых орудий. Этот факт воспринимается на уровне юмористической интерпретации окружающей действительности:

- 1) *Jacques Déloge* (досл. «Жак Делож») – «удирать, сматываться»; арготизм имеет очень интересное происхождение, связанное с игрой слов, основанной на значении глагола *déloger*, «переезжать на новую квартиру»; имя Жак в данном случае использовано, поскольку оно является одним из наиболее распространенных во французской лингвокультуре, и по этой причине стало нарицательным (по аналогии с русским именем Иван);
- 2) *mère Thomas* (досл. «матушка Тома») – дырявый стул, дырявое место;
- 3) *pardon, Madame Jules !* (досл. «Извините, мадам Жюль!») – ну, я вам скажу; представьте себе! *saint-jean* (досл. «Святой Жан») – безупречный человек, человек без недостатков; в этом примере имеется в виду Святой Жан, это реально существующая личность – основатель ордена тринитариев XII века, который позже был причислен Римско-католической церковью к лику святых; он прославился главным образом тем, что выкупал христиан-невольников на Востоке, собирая деньги на это при помощи милостыни; необходимо акцентировать внимание, что его имя употребляется именно с маленькой буквы, то есть оно стало нарицательным, что, на наш взгляд, говорит о высокой степени уважения, которое питают французы к этой исторической личности, поскольку такое глубокое вхождение в лингвокультуру невозможно без сильных эмоций, испытываемых к этой фигуре; свидетельством этому и наличие довольно большого количества других метафорических выражений, связанных с этим же святым, примером чему является и нижеследующий пример;

- 4) *en saint-jean* (досл. «как Святой Жан») – в чем мать родила;
- 5) *Saint-Luc* (досл. «Святой Люк») – задница; может также означать и плохое течение каких-либо дел;
- 6) *marmites* (досл. «чугунки») – наименование крупнокалиберного снаряда; в данном случае метафорический перенос произошел по причине того, что эти снаряды делались с применением сплава «чугун»;
- 7) *Monsieur Dubois, dont on a fait les flûtes* (досл. «Месье Дюбуа, из которого мы сделали флейты») – быть услужливым, сговорчивым, никому не противоречить;
- 8) *marguerite* (досл. «Маргерит») – водка;
- 9) *Michel* (досл. «Мишель») – 1) богач, 2) дурак, тупой;
- 10) *louise* (досл. «Луиза») – 1) опасность, 2) донос;
- 11) *Martin* (досл. «Мартен») – 1) план;
- 12) *Isabelle* (досл. «Изабель») – штык, сабля;
- 13) *Charlotte* (досл. «Шарлотт») – наименование полевой пушки;
- 14) *petit Français* (досл. «маленький француз») – наименование небольшой полевой французской пушки.

Прочитированные лексемы зафиксированы в двух артографических изданиях [Cassagne, 2007; Esnault, 1919].

Следует подчеркнуть, что далеко не всегда удается выявить этимологию значений таких выражений, то есть сам механизм метафорического переноса. Вероятно, это связано с тем, что изначально это были окказиональные метафорические выражения-восклицания, которые или из-за их звучания, или по причине остроумного смысла «ушли в народ».

Таким образом, приведенные примеры свидетельствуют о том, что французские солдаты присваивают реальным военным объектам личные имена. Такое функциональное использование солдатского арго обусловлено с практической точки зрения тем, что подобные наименования представляют собой узуальные единицы, непонятные при этом людям из других социальных кругов или недоступные для понимания противника [Ярцева, 1998: 74]. В свою очередь, выражается также юмористический контекст жизни французских военнослужащих в период Первой мировой войны.

Наблюдаемая в языке метафоризация всегда представляет собой субъективное явление, в котором отражается картина мира говорящего в конкретном коммуникативном акте. Поэтому обращение к метафоре имеет не только рационально-логическую, но и скрытую психологическую мотивацию, концепт которой можно понять исключительно с точки зрения говорящего. Метафора скорее не индивидуальная, а коллективная, распространенная в речевом потоке не одного носителя языка, а целой замкнутой социальной группы. Языковая лексико-фразеологическая функция во многом обусловлена аффективной потребностью человека мысленно соотносить те предметы, с которыми он находится в тесном взаимодействии. При этом наблюдаемая метафоризация синтезируется также с психологическими аспектами жизни человека. Поэтому особенно востребованной метафоризация становится в экстремальных условиях военной жизни, что лишает человека полноценного

общения со своим ближайшим окружением: концепт юмора и иронии дает возможность проявлять целостные аспекты коммуникации человека с внешним миром.

Выделим также ряд метафорических сочетаний во французском солдатском аргю, которые могут быть восприняты и поняты на уровне смысловых контекстов, зачастую связанных с черным юмором:

1) *sercueils d'acier* (досл. «стальные гробы») – подобным образом стали именоваться подводные лодки из-за несчастных случаев;

2) *four crématoire* (досл. «кремационная печь») – французские солдаты так называли легко воспламеняющие самолеты времен Первой мировой войны;

3) *Avec Rosalie !* (досл. «С Розали!») – винтовочный штык; в данном случае имеется весьма сложный пример метафоризации, с использованием прецедентного феномена: изначально данная метафоризация появилась в патриотической песне Теодора Ботреля, в которой штык уподобляется оружию Роланда и Карла Великого, знаковых фигур для Франции, трансформируясь в символ славы и доблести: – *Rosalie ! Sœur glorieuse / De Durandal et Joyeuse* (– Розали, славная сестра / Дюрандаля и Жуайез);

4) *tête de boche* (досл. «твердая голова», иносказательно – тупая, упрямая голова) – в данном случае лексема *boche* имеет первоначальное значение *boule* (досл. «шар») – деревянный шар для игры, то есть глупый человек метафорически уподобляется дереву;

5) *boule de suif* (досл. «пышка») – этот пример демонстрирует метафорический перенос с изначального значения на именование солдата противника;

6) *aller au séchoir* (досл. «идти в сушилку») – метафоризация действия военных, когда приходится идти на позиции противника, защищенные колючей проволокой [Оришак, 2008: 110].

В приведенных выше словосочетаниях французские солдаты используют прием метафоризации явлений, связанных с военными действиями. Таким образом совмещается реалистичность внешней языковой картины мира и черный юмор.

Следует отметить, что результатом постепенного формирования аргю французского солдата во время Первой мировой войны стало множество арготизмов за несколько лет войны, которые закрепились в повседневной французской разговорной речи, и многие из них используются до сих пор, при этом в большинстве арготических сочетаний прослеживается использование метафорических элементов. Специфические лексемы, обозначающие военную технику и оснащение, продукты, определенные военные и повседневные действия, военнослужащих и противника, в той или иной степени описывающие службу и повседневную жизнь французских солдат Первой мировой войны, а также узко употребляемые слова и выражения способствовали развитию современного французского языка. При этом на примере развития французского солдатского аргю наблюдается связь языковых метафор с событиями и объектами реальной жизни.

Значение изучения аргю трудно переоценить. Э.М. Береговская в ряде своих статей, посвященных аргю во французском и русском языках, также приходит к выводу о том, что «арго, как его не называй – жаргон, сленг или социолект – это не вредный паразитарный нарост на теле языка, ... а органическая и в какой-то мере необходимая часть этой системы» [Береговская, 1996: 20]. Для лингвиста она интересна как лаборатория, в которой многие языковые процессы происходят быстрее, так как они не сдерживаются нормой.

Литература

1. Береговская Э.М. Молодежный сленг: формирование и функционирование // *Вопр. языкознания*. – М.: Наука, 1996. – С. 20-26.
2. Оришак О. В. Профессиональная речь российских и французских военнослужащих (сопоставительный аспект) // *Армия и общество*. – 2008. – № 4 (16). – С. 108-115.
3. Ретинская Т. И. Социолингвистический и функционально-стилистический анализ французских профессиональных аргю: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Москва, 2012. – 45 с.
4. Ярцева В.Н. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
5. Cassagne J.-M. *Le grand dictionnaire de l'argot militaire*. Paris : Ed. LBM, 2007.
6. Esnault G. *Le poilu tel qu'il se parle*. Paris : Bossard, 1919.

УДК 81

Репрезентация негативных этнических стереотипов в англоязычном сегменте сети «интернет»

Кирилл Павлович Постерняк

Южный федеральный университет, аспирант 2го курса кафедры языкознания и литературоведения, Ростов-на-Дону, Россия, kir-posternyak@yandex.ru

Аннотация. В политической борьбе между странами сегодня чувствуют не только правительства, но и обычные люди, которые взаимодействуют через социальные сети в интернете. Это позволяет им выражать свои негативные мнения о других странах и их жителях, часто основываясь на стереотипах, формируемых СМИ. Цель исследования заключается в изучении языковых средств, которые используются в интернет-дискуссиях на английском языке. Анализ показывает, что англоговорящие пользователи интернета имеют крайне негативные стереотипы о русских, китайцах, иранцах и северокорейцах. Это

свидетельствует о том, что этностереотипы являются частью коллективного сознания в современных обществах, где сильно ощущается влияние интернета.

Ключевые слова: Имагология, этнический стереотип, интернет-дискурс, языковые средства, социальные сети

Representation of negative ethnic stereotypes in the English-language segment of the Internet

Kirill Pavlovich Posternyak

Southern Federal University, postgraduate student of 2nd course, Department of Linguistics and Literary Studies, Rostov-on-Don, Russia, kir-posternyak@yandex.ru

Abstract. The political struggle between countries today involves not only governments, but also ordinary people who interact through social networks on the Internet. That allows them to express their negative opinions about other countries and their people, often based on stereotypes formed by the media. The purpose of the study is to investigate the linguistic means that are used in Internet discussions in English. The analysis shows that English-speaking Internet users have extremely negative stereotypes about Russians, Chinese, Iranians and North Koreans. This indicates that ethnostereotypes are part of the collective consciousness in modern societies where the influence of the Internet is strongly felt.

Keywords: Imagology, ethnic stereotype, internet discourse, language tools, social media

В современных политических реалиях противостояние между странами проходит не только в политическом пространстве, но и среди обычных людей, которые имеют возможность общаться с помощью социальных сетей в интернете. Находясь в интернете, они могут высказывать свое отрицательное мнение о другой стране, о её людях, что может отражать имеющиеся у них стереотипные образы о представителях других этносов (этностереотипы), сформированные в массовом сознании усилиями различных СМИ. Основой данных стереотипов является оппозиция «свой-чужой».

Эта оппозиция является объектом исследования такой междисциплинарной науки как имагология, научного направления, которое изучает ментальные образы о странах, народах и культурах, которые формируются в сознании людей. Данные образы изучаются как репрезентанты дискурсивных стратегий, актуализаторы стереотипов и этностереотипов (Leerssen, 2007, с. 159). Этностереотипы – одни из имагологических продуктов, среди которых выделяются также понятийно-логические структуры и имиджи (Королева, 2014, с. 16)

Лингвистическая имагология, в рамках которой выполняется наше исследование, изучает языковые средства, которые формируют образы других народов и стран в общественном и индивидуальном сознании. В центре

внимания данной работы находятся языковые средства, которые используют представители англоязычного интернет-сообщества для вербализации негативных стереотипов, имеющиеся в массовом сознании.

Выбор данного интернет-сообщества и **актуальность** данной работы обусловлены тем, что в настоящее время остро встал вопрос о противопоставлении англосаксонского менталитета менталитету других этносов (Задорожнюк, 2021, с. 106). **Цель** работы состоит в выявлении языковых средств английского языка, которые используются в комментариях и дискуссиях, публикуемых в блогах, социальных сетях, «имиджбордах», чатах, интернет-форумах и других местах сетевого взаимодействия пользователей, при выражении мнения об этносах, считающихся врагами Британии.

Интернет-дискурс представляет собой уникальное для нашего века образование. До появления интернета простые люди никогда не имели возможности высказать свое мнение на столь широкую аудиторию (Мечковская, 2009, 584). Уникальность интернет -дискурса заключается также в некой гибридности устной и письменной речи (человек пишет в своих “коментах” так, как сказал бы в устной речи (Ушаков, 2010, с. 170)) и его анонимностью, позволяющей пользователю высказывать свой мнение без всяких ограничений.

Материалом исследования являются высказывания англоязычных интернет-пользователей из 126 «твитов», отобранных методом сплошной выборки из социальной сети “X” и включающих этнонимы «Russians», «Iranians», «Chinese» и «North Koreans».

Анализ данных высказываний позволил выявить следующие языковые средства репрезентации этностереотипов в англоязычном сегменте сети «Интернет»:

а) **оценочные эпитеты**, в которых отрицательная оценка входит в денотативно-сигнификативный компонент значения, что отражается в их определениях в толковых словарях. Это лексемы, в структурах значения которых содержатся семы «трусость», «проклятие», «лицемерие», «дикость», «жадность», «жестокость». Например:

(1) Coward Chinese can't even give respect to dead soldiers and talking about strength. Bring it on. Let's see what happens [@insomniacladka, 3.07.2020].

(2) Iranians faking as Americans & Power drunk senator cheers them. Bloody hypocrite Iranians [@US1USA, 11.03.2020].

(3) You're lying again, Babak. The prisoners escaped, not freed, after the savage Russians bombed the prison. [@OGHARIT, 14.03.2019].

(4) Once you let those greedy Chinese commies come into your beautiful island to build naval bases, all ethical principles fly out of the window. [@BraneRunner, 16.06.2018].

(5) Remember how Trump celebrated the release of Mr Warmbier from N Korea, peppering it with shots against the cruel North Koreans that did it to him. The next month he's telling us what a great guy Kim Jong Un is. [@sockalexis2003, 13.10.2018].

Одним из самых эмоциональных языковых средств является **гипербола**, которая понимается как превышение нормы (Потебня, 1990, с. 259). В частности, для её создания используются превосходные степени сравнения прилагательных, позволяющие сделать оценку образа врага максимально негативной. Речь идёт об оценочных прилагательных, в структурах значения которых присутствуют семы «мерзость», «лживость», «плохое» «жестокость», «безжалостность».

(6) Iranians are the ugliest people in the world. The mistreatment, beatings and humiliation of Afghans by the Iranians indicate that they are not yet civilized. This behavior of Iranians will never be forgotten. [@MostafaNajafi20, 8.04.2022]

(7) That's their habit. The Iranians are the biggest liars in history. And the ruling is Turkish. We don't expect an other result than thisThe game union is a shame for the game, it's a shame. [@Swah113, 7.08.2021].

(8) The Chinese are the worst racists people ever, and someone is expecting us to treat them good in SA, Chinese must Voetsek [@CrownNkhwashu, 4.09.2021].

(9) Chinese are the most cruel unethical society on the planet! [@VeganDog_Stocks, 1.08.2021].

(10) Russians are the most ruthless group of ppl on earth I'm convinced [@rlpjr_, 2.05.2021].

В высказываниях интернет-пользователей присутствуют когнитивные **метафоры**, понимаемые как образные построения, которые в качестве когнитивной основы имеют уподобление объектов, принадлежащих к разным категориям (Кобозева, 2001, с. 136-137). К ним относятся следующие:

а) **социоморфные плебиарные метафоры**, сферой-источником которых выступает тематическая группа «Социальная стратификация общества». Так, в следующем примере пользователь называет иранцев рабами, всегда готовыми к войне:

(11) Look at Iranian slaves. They want war, they always do [@negiiiny, 27.09.2021];

б) **зооморфные метафоры**, уподобляющие этносов-врагов животным. Например:

(12) Times change, but the russian beasts are still the same. This is not civilization. These are animals. [@RuchOsmiuGwiazd, 3.04.2022];

в) **зооморфные метафоры в сочетании с криминальными**, для которых сферой-источником выступает тематическая группа «Преступность»:

(13) The god damned russians in ukraine. war criminal pigs. [@NoseBrothers5, 17.10.2022];

г) **метафоры пути**, позволяющие, например, изобразить представителей определенного этноса как препятствие на пороге истории человечества:

(14) North Koreans are like some sort of roadkill on the highway of history [@loulouguinness, 26.06.2022].

Метафоры могут входить в состав **сравнений**, определяемых в лингвистике как грамматически оформленное образное сопоставление (Никитина, 1996, с. 172). При этом используются следующие метафоры:

а) **зооморфные**. Например:

(15) Chinese are like hyenas of human species. #chinahyena [@Cheems_56, 16.08.2020].

(16) We have learnt the only lesson to be learnt- Chinese are like rabid dogs, don't trust them just shoot and kill them. [@pesteradicator, 11.09.2020].

(17) North Koreans are like guard dogs barking when someone walks by the property line fence. Frightening for a moment and soon forgotten. [@typo_cat, 8.03.2023];

б) **криминальные**. Например:

(18) Bad news, Iranians are like Nazis, I hate to hear about them [@rou0bA1596982r, 10.06.2021].

(19) The Russians are like modern day movie villains, assassinating people and invading countries like we're stuck in World War two. [@Sportsnatio, 29.06.2020].

Таким образом, анализ языковых средств, используемых англоязычными интернет-пользователями, свидетельствует о наличии в англосаксонской ментальности крайне негативных этностереотипов русских, китайцев, иранцев и северокорейцев. Это стереотипы именно навязаны, потому что в своем подавляющем большинстве авторы-комментаторы не имели личного контакта с представителями этих национальностей. При этом они используют оценочные эпитеты с отрицательными оценками, гиперболы, позволяющие передать предельно отрицательную оценку, плебиарные и зооморфные метафоры, в том числе, в сочетании с криминальными, а также метафоры пути для выражения негативной оценки в образной форме. Зооморфные и криминальные метафоры могут входить в состав сравнений, уподобляющих этносы животным и преступникам.

Список литературы

1. Leerssen J. *Imagology: History and method* // *Imagology*. – Brill, 2007. – С. 17-32.
2. Королева С.Б. Миф о России в британской литературе XII-XX веков/ автореф. дис...доктора филол. наук.. Нижний Новгород, 2014
3. Задорожник Э. Г. О новом подходе к изучению политического менталитета профессора н.м. ракиятянского // *Вестник Московского университета*. Серия 12. Политические науки. – 2021. – №. 3. – С. 98-112.
4. Мечковская Н.Б. История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета. М.: Наука, 2009. 584 с.
5. Ушаков А. А. Интернет-дискурс как особый тип речи (Рецензирована) // *Вестник Адыгейского государственного университета*. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2010. – №. 4. – С. 170-174.
6. Потеня А.А. Теоретическая поэтика. М.: Высш. Шк., 1990.
7. Кобозева И.М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // *Вестник МГУ*. Серия 9: Филология. - 2001. - № 6. - С. 132-149.
8. Никитина, С. Е. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные

статьи / С. Е. Никитина, Н. В. Васильева. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. – 172 с.

Сведения об авторе:

Постерняк Кирилл Павлович; аспирант, Южный федеральный университет, 344092, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Добровольского 1/2, кв. 42; kir-posternyak@yandex.ru ; +7-989-6163-633.

Kirill Pavlovich Posternyak; Postgraduate student, Southern Federal University, 344092, Russian Federation, Rostov-on-Don, Dobrovolsky st. 1/2, Ap. 42; kir-posternyak@yandex.ru; +7-989-6163-633.

УДК 81

Феномен счастья в пословицах Бенина

Сачиви Акует Родольфо Жан-Батист

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, Орел, Россия, студент 2 курса магистратуры, baptistesatchivi@gmail.com

Анотация. В данной статье речь пойдет о выявлении концепта счастья в бенинских пословицах. Мы проводим анализ значения и смысла бенинских пословиц на языке Мина и дадим толкование африканских пословиц на английском и русском языках.

Ключевые слова. Пословица, счастье, бенинский язык мина, пословичный концепт

Phenomenon of Happiness in Benin Proverbs

Satchivi Akouete Rodolpho Jean Baptiste

Oryol State University named after I.S. Turgenev, student, Oryol, Russia, baptistesatchivi@gmail.com

Abstract. This article will focus on identifying the concept of happiness in Beninese proverbs. We will also analyze the meaning of Benin proverbs in the Mina language and give interpretations of African proverbs in English and Russian.

Key words: proverb, happiness, Benin language mina, proverbial concept

Актуальность темы данной статьи заключается в том, что в лингвистических исследованиях очень мало внимания до сих пор было уделено африканским пословицам, особенно бенинским пословицам. Существует мало работ по африканской паремииологии. В коллективной монографии «Wise words.

How to do things with proverbs» (1994) под редакцией В.Мидера приводится только одна статья об африканских пословицах.

Определение пословицы. Прежде всего следует уделить внимание самому понятию пословица. Многие авторы дали определение этого термина, например В. И. Даль писал в своем словаре: «Пословица — краткое изречение, поученье, более в виде притчи, иносказанья или в виде житейского приговора; пословица есть суть языка, народной речи, не сочиняется, а рождается сама; она переходит в поговорку или простой оборот речи, а сама о себе говорит: Пословица недаром молвится. Пень не околица, глупая речь не пословица» [Даль 2001, с. 500].

Согласно определению В. П. Жукова: «Пословица — краткое, устойчивое в речевом обиходе, как правило, ритмически организованное изречение назидательного характера, в котором зафиксирован многовековой опыт народа; имеет форму законченного предложения, выражает суждение или побуждение [БЭС 1998, с. 389].

А. В. Кунин [Кунин 1996, с.] причисляет пословицы к IV классу фразеологических единиц и называет их коммуникативными фразеологическими единицами. Под пословицами исследователь понимает афористически сжатые изречения с назидательным смыслом в ритмически организованной форме. Пословицы разнообразны по своему содержанию и охватывают все стороны жизни народа.

По мнению В. М. Мокиенко, пословица — это «законченное образное или безобразное изречение, имеющее назидательный смысл и характеризующееся особой ритмической и фонетической организацией» [Мокиенко 2010, с. 12].

В. Н. Телия считает пословицы «мощным источником интерпретации, поскольку они есть по традиции передаваемый из поколения в поколение язык веками сформировавшейся обыденной культуры, в котором в сентенционной форме отражены все категории и установки этой жизненной философии народа — носителя языка» [Телия 1996, с. 241].

О.Б. Абакумова определяет пословицу как «замкнутую предикативную единицу гибридного типа, совмещающую признаки языкового знака и мини текста и используемую в речи для достижения разных коммуникативных целей и реализации соответствующих коммуникативных стратегий» [Абакумова 2010, с. 105].

Анализ и сравнение значений пословиц интересны во многом благодаря фиксированным в их семантике ценностям отдельной культуры и народного опыта, мировоззрению, т.е. т.н. пословичной картине мира.

Определение концепта. В конце XX века ученые пришли к выводу о том, что носитель языка является также и носителем определенных концептуальных систем. Каждый концепт содержит принципиально важные для человека знания о мире, игнорируя несущественные представления. Система концептов составляет картину мира (взгляд на мир, мировосприятие), в которой отражается понимание индивидуумом реальной действительности.

В Русскую науку термин «концепт» ввел С. А. Аскольдов-Алексеев в 1928 г. в статье «Концепт и слово». Ученый дал термину «концепт» следующее определение: «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода». [Аскольдов – Алексеев 1997, с. 156].

Несмотря на то, что термин «концепт» прочно утвердился в современной науке о языке, он все еще не имеет универсального определения. Исследованием концептов занимались такие лингвисты как Н. Д. Арутюнова, А. П. Бабушкин, Е. С. Кубрякова, С. Е. Никитина, В. Н. Телия, и многие другие. Отсутствие единого определения обусловлено тем, что концепт имеет сложную, многомерную структуру, включающую, кроме понятийной основы, и социо-психо-культурную составляющую, которая не только мыслится, но и переживается носителями языка, охватывая ассоциации, эмоции, оценки, образы и коннотации, присущие той или иной культуре.

По мысли В. А. Масловой, термин «концепт» служит объяснению единиц ментальных или психических ресурсов человеческого сознания. В своей книге «Введение в когнитивную лингвистику» В. А. Маслова [Маслова 2004, с. 16].

Е.С. Кубрякова определяет концепт как «оперативную содержательную единицу памяти ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова и др., 1996, с. 90]. По ее мнению, концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения значения слова с личным и народным опытом человека, то есть концепт является посредником между словами и действительностью.

По мнению В. Н. Телия, концепт – это продукт человеческой мысли и явление идеальное, таким образом, присущее человеческому сознанию вообще, а не только языковому. Концепты не создаются исследователями, но реконструируются через свое языковое выражение и внеязыковое знание [Телия 1996, с. 27].

Следует отметить, что понятие концепта пришло из философии, где оно является фундаментальной формой человеческого мышления. Философский словарь дает следующее определение понятию концепт – это «формулировка, умственный образ, общая мысль, понятие». Различные определения концепта позволяют выделить его следующие имманентные признаки:

- 1) концепт представляет собой минимальную единицу человеческого опыта в его идеальном представлении
- 2) концепт обладает определенной структурой и актуализируется в языке с помощью слова;
- 3) концепт обладает конкретными функциями;
- 4) концепт социален, его ассоциативное поле обуславливает его прагматику;
- 5) концепт является основной ячейкой культуры [14].

Концепты представляют мир в сознании человека, образуя концептуальную систему, а знаки человеческого языка кодируют в слове содержание этой системы. Следовательно, можно определить концепт как

ментальное образование, он в большинстве своем универсален. А есть еще лингвокультурный концепт, вот он наделен культурной спецификой. У В.И. Карасика есть такое определение концепта как категории лингвокультурологии: концепт – это многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны [Карасик 2002, с. 129].

Определение пословичного концепта. В целях реконструкции пословичной картины мира – представления людей о мироустройстве, нашедшего отражение в пословицах – применяется понятие пословичного концепта.

О. Б Абакумова выделяет два типа пословичного концепта, во-первых, «концепт-стереотип, отражающий культурное представление о ценности, названной данным абстрактным именем. В данном случае это целостная ментальная единица, конфигурация культурно значимых признаков, онтологических, аксиологических, модальных, функциональных, выявить которые можно через анализ семантических ролей, выполняемых именем в пословичных текстах, представляющих типовые ситуации (фреймы)» [Абакумова 2013, с. 60].

Второе определение пословичного концепта «имеет в большой степени индивидуальную природу и напоминает реализуемый замысел говорящего, в котором соединяются его коммуникативная стратегия и тактика, обобщённая оценка ситуации, которую говорящий хочет передать или внушить слушающему в определенном контексте общения, и иллюкативная сила высказывания, связанная с намерением говорящего» [Абакумова 2013, с. 60]

Пословичный концепт есть совокупность когнитивных, имеющих отношение к объекту. На основе анализа когнитивных уровней значения и внутренней формы можно описать пословичный концепт богатства, бедности, любви, дружбы и т. п. Опираясь только на когнитивный уровень внутренней формы, мы можем описать концепты лошади, лисы, волка и пр. [Телия 1996, с.112].

Е.В. Иванова определяет термины *когнитема* и *прототип* как показатели особенностей паремиологической картины мира. «Когнитема – это пропозициональная единица знания, реконструируемая при анализе семантического пространства одной или нескольких пословиц и функционально значимая для описания когнитивной модели одной пословицы, фрагмента пословичной картины мира или всей пословичной картины мира» [Иванова 2002, с. 62].

Под паремиологическим прототипом понимаются частотные когнитемы, которые имеют наиболее выраженное воздействие на носителей той или иной культуры» [Иванова 2002, с. 62]

Можно говорить о репрезентации концепта в отдельных пословицах. См. пословичный концепт 2 у О.Б. Абакумовой.

В этом подходе нет противоречия, так же как снимается и противоречие между взглядами В. Н. Телия и Д. С. Лихачева, если прибегнуть к существующему в лингвистике разделению концепта на концепт-минимум и концепт-максимум.

Концепт-минимум – это минимальный набор признаков, необходимый для опознания сущности и понимания смысла слова, ее обозначающего.

Концепт-максимум включает все знание о сущности, доступное рядовому носителю языка.

Следовательно, когда говорят об описании концепта всеми пословицами, мы используем понятие концепта-максимума. Рассматривая одну пословицу и входящие в ее когнитивную модель концепты, мы прибегаем к понятию концепта-минимума. Для реконструкции пословичного концепта нужно установить весь набор формирующих его когнитивных элементов.

Приведем примеры бенинских пословиц про счастье, которые дают возможность выявить бенинский пословичный концепт Счастье и получить представление о том, как его понимают носители одного из африканских языков *мина*.

1. Amè Ké Kpò Agbé Bada Kpó a, Eyé Djénasi Agbé Gñuin!

We can only know happiness if we have known misfortune

Only those who were unhappy sincerely appreciate happiness, it is said to those who do not appreciate good moments, that is, you will understand that you were happy only when this happiness passes. (Sebastien Ekanhoui)

Мы можем познать счастье только в том случае, если испытали несчастье

Только тот, кто был несчастен, может по-настоящему оценить счастье, (говорится тем, кто не ценит хорошие моменты), то есть ты поймешь, что ты был счастлив, только когда это счастье пройдет.

Опишем смысл пословицы с помощью когнитивно-дискурсивной модели КДМ (Абакумова 2015):

Kommunikativa

Желая, чтобы ты был доволен своей жизнью

Konstativa

Я говорю: Счастье – это отсутствие несчастья

Representativa

Думаю, что ты понимаешь, что это правильно

Regulativa

Сделай вывод: Умей оценить по достоинству то что у тебя есть, счастье это мудрость (мужество)

2. Agbé Gñuin a, Emondji Yiyi é bégñi!

Happiness is not a destination, it's a journey

This proverb reminds us that happiness is a continuous process, not a goal to be achieved. It is said to those who are chasing happiness, not realizing that happiness is built gradually (Sebastien Ekanhoui). Букв. ***Счастье-это не пункт назначения, это путешествие***

Эта пословица напоминает нам, что счастье - это непрерывный процесс, а не цель, которую нужно достичь. Говорится тем, кто гонится за счастьем, не понимая, что счастье строится постепенно.

Анализ смысла пословицы с помощью модели КДМ:

Kommunikativa

Желая, чтобы ты был счастлив

Konstativa

Я говорю: Счастье – это не цель, а путешествие, непрерывный процесс, работа над собой, отношениями, поиск смысла и радости жизни

Representativa

Я думаю, что ты понимаешь, что это справедливо

Regulativa

Сделай вывод: Цель не оправдывает средства (не будь слишком целеустремленным) счастье – это заслуженный успех.

Заключение. Мы рассмотрели семантику и смысл только двух бенинских пословиц. Этого пока недостаточно, чтобы описать бенинский пословичный концепт полностью. Продолжение в следующей статье.

Список литературы

1. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия, 2001. 500 с.
2. БЭС — Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М.: Изд. «Большая Российская энциклопедия», 1998.
3. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин. М.: Феникс, 1996.
4. Мокиенко В. М. Современная паремиология (лингвистические аспекты) // Мир русского слова № 3 / 2010. С. 6-20.
5. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический, лингвокультурно-логический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
6. Абакумова О.Б. Пословичный концепт, деонтические нормы и языковая личность // Вестник Орловского государственного университета: Федеральный научно-практический журнал. — Серия «Новые гуманитарные исследования». — № 3(11). — Орел, ОГУ, 2010. — С.130-137.
7. Абакумова О.Б. Пословицы в языке, сознании и коммуникации. СПб: Алет-пресс, 2012/2013.
8. Абакумова, О.Б. Пословицы в паремическом дискурсе субъекта//Паремиология в дискурсе: Общие и прикладные аспекты паремиологии. Пословица в дискурсе и в тексте. Пословица и языковая картина мира. М.: ЛЕНАНД, 2015. – С.67-84.
9. Аскольдов, С.А. Концепт и слово. Статья. Опубликовано в книге: Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: Антология / Под общ. ред. В.П. Нерознака. - М.: Academia, 1997. - 267-279с.
10. Маслова, В. А. Введение в лингвокультурологию. М. : Наука, 2004. 208с.
11. Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина: Краткий словарь когнитивных терминов /; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – 245 с.
12. В.И. Карасик. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

13. Иванова Е.В. Пословичные картины мира (на материале английских и русских пословиц). СПб.: Филол. фак-т Санкт-Петерб. гос. ун-та, 2002.

14. *Lingua mobilis* №4 (23), 2010 URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-strukturnye-harakteristiki-kontsepta/viewer> (дата обращения: 29.09.2023).

Сведения об авторе:

Сачиви Акует Родольфо Жан-Батист Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, студент 2 курса магистратуры, Орел, Россия, baptistesatchivi@gmail.com

УДК 81

Адекватность и эквивалентность в переводе художественного текста (на примере романа Донны Тартт «Тайная история»)

Полина Ивановна Сапронова

Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, студент 1 курса магистратуры, Орел, Россия, polina-s-2001@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено проблеме сохранения эквивалентности и адекватности в переводе художественного текста. В рамках исследовательской работы предпринята попытка определения лучшей стратегии и способов переводов художественного текста, опираясь на два русских перевода американского романа Донны Тартт «Тайная история».

Ключевые слова: художественный текст, адекватность, эквивалентность, доместикация, форенизация.

Adequacy and equivalence translation of the fictional text (based on the Novel by Donna Tartt "The Secret History)

Polina I. Saproнова

Orel State University, 1st year Master's student, Orel, Russia, polina-s-2001@mail.ru

Abstract. The research is devoted to the problem of preserving equivalence and adequacy in the translation of a literary text. As part of the research work, an attempt was made to determine the best strategy and methods of translating a literary text, based on two Russian translations of the American novel by Donna Tartt "The Secret History".

Keywords: literary translation, adequacy, equivalence, domestication, foreignization

С ростом и развитием интереса к иностранным языкам и литературе увеличивается спрос на качественный перевод зарубежных художественных текстов. В литературном мире большинство книг имеют два перевода и даже более. Это может быть связано как с годом выпуска первоисточника, так и успешностью и качеством самого первого перевода. Чем больше переводов того или иного текста, тем с большей степени они отличаются с точки зрения адекватности и эквивалентности. Переводческие решения напрямую зависят от времени выполнения перевода, личности переводчика и его стремления представить содержание оригинала средствами современного языка. Как правило, для успешного результата своей деятельности переводчик должен четко и ясно представлять себе цель и пути ее достижения.

Из теории перевода нам известно, что эквивалентность – максимальная лингвистическая общность содержания текста перевода и тексту оригинала [2, с. 51]. Адекватность – функционально-прагматическая категория, ориентированная на намерения отправителя сообщения на исходном языке и реакции получателей этого сообщения на переводящем языке [1, с. 138]. Равновесие перевода и оригинала зависит не только от предметно-логического, но и коннотативного значения соотнесенных слов, отражающего характер восприятия говорящими содержащейся в слове информации. Эквивалентность может быть представлена в разной степени – близость текста перевода и оригинала разнится не столько от ситуации, сколько от сложности языковых средств выражения. Однако адекватность менее гибкое понятие: перевод либо адекватен, либо нет. Следовательно, любой перевод носит компромиссный характер, поскольку в тексте перевода допускаются значительные отступления от оригинала в пользу сложившихся во вторичной коммуникации особых условий.

Проблему соотношения адекватности и эквивалентности рассмотрим на примере двух переводов знаменитого дебютного романа американской писательницы Донны Тартт «Тайная история» [6]. Исследование проводится на материале двух переводов: 1999 года Ю.Рыбаковой, М.Поповец [5] и 2008 года Д. Бородкина, Н. Ленцман [4]. Прежде чем перейти к сравнительно-сопоставительному анализу, следует обратиться к общей характеристике данного произведения.

Познание себя и мира, взросление – это центральные темы творчества Донны Тартт. «Тайная история» является неофициальным основоположником поджанра *темная академия*. Именно этот роман стоит на первом месте в подборках данной эстетики. Основным фундаментом *темной академии* можно считать романтизацию учебной жизни, частные школы, увлечение греческой литературой, эстетику библиотек и музеев, рассуждение о жизни и смерти, атмосферу закрытых сообществ и т.п. Любому переводчику перед началом работы над художественным текстом следует ознакомиться с стилистическими особенностями произведения, чтобы лучше передать образы и подобрать подходящие эквиваленты.

Отличительные аспекты произведений такого поджанра принято считать следующие характеристики:

1. тема поиска своего места в мире
2. яркий внутренний конфликт
3. одиночество
4. нравственный упадок
5. мистицизм
6. трагические отношения
7. убийства
8. наличие и раскрытие той самой темной человеческой сущности

Значительное место в подобных произведениях занимают философские рассуждения героев, которых, как правило, связывает дружба, зачастую переходящая в любовь или даже в одержимость. Нередко в таких романах один из героев не рожден в богатой семье, а его товарищи принадлежат к знатному роду. Главные герои *темной академии* курят, пьют много кофе, совмещая его с алкоголем, страдают бессонницей, а иногда даже другими психическими заболеваниями [7,8].

Читая «Тайную историю», можно понять, что все основные аспекты нового популярного поджанра художественной литературы были взяты из этого романа. Таким образом, дебютное произведение Донны Тартт породило целое эстетическое направление, тем самым повысив интерес читателей к более глубокой и возвышенной литературе, которой так восхищаются сами герои книги.

Переводчики 1999г. и 2008г. применяли различные стратегии, способы и приемы перевода, поэтому при анализе текстов отмечается существенная разница между вариантами перевода, на которую могли повлиять ряд обстоятельств субъективного и объективного характера.

С целью иллюстрации соотношения адекватности и эквивалентности в двух различных переводах было проанализировано определенное количество отдельных слов, словосочетаний и целых предложений.

Перевод имен существительных и глаголов

В большинстве случаев переводчики 1999 и 2008 года одинаково переводят имена существительные, используя словарные значения. Однако в отдельных случаях мы можем наблюдать существенную разницу между переводами, которая является следствием выбранной стратегией перевода, а также времени выполнения самого перевода.

Хочется обратить внимание на перевод слова *Bursar*. В данном случае переводчики 1999 года воспользовались транслитерацией *Бурсар*, в отличие от переводчиков 2008 года, которые, очевидно, воспользовались дополнительной литературой для точной передачи смысла этого слова. *Bursar* – это бухгалтерия в учебных заведениях. В более современном переводе Д. Бородкина и Н. Ленцман мы можем наблюдать словосочетание *финансовый отдел* – это словарное значение данного термина для русскоязычных читателей. Таким образом, перевод 2008 года исключил возможное непонимание значения данного слова. Можно сделать вывод, что Ю.Рыбакова и М.Поповец (1999) были просто ограничены узким на то время информационным пространством,

хотя они никак не исказили смысл содержания, в то время как перевод Д. Бородкина и Н. Ленцман (2008) полностью адекватен и эквивалентен.

Нельзя не отметить тот факт, что переводчики 1999 года особенно часто применяли стратегию доместикации, при этом приближая текст для русского читателя. Особенно сильно подобный подход отразился на различной терминологии и специальной лексике. Например, слово *ablative* перевели как *творительный падеж* (1999) и *аблатив* (2008). В данном случае отлично видна разница уровня эквивалентности двух переводов. Современные переводчики решили сохранить стилистическую особенность оригинала, применив форенизацию, и это помогло сохранить стиль писателя. Слово *epigram* также было переведено с использованием разных стратегий: *пословица* (1999) и *эпиграмма* (2008). Как было уже отмечено, специальные языковые единицы чаще всего ставили перед выбором стратегии перевода. В качестве заключительного примера применений данных стратегий обратим внимание на термин *archaic locative*, который также отличился в каждом из анализирующих переводов: *устаревший местный (падеж)* (1999) и *архаичный локатив* (2008).

Переводчики 1999 года также прибегают к конкретизации, без которой вполне можно было обойтись. Например, *advance* в переводе 1999 – *деньги за работу вперед*. Русский читатель прекрасно понимает, что такое аванс, а применение конкретизации в данном случае – достаточно необоснованное решение, которое только отдаляет текст от эквивалентности. Поэтому использование словарного значения в переводе 2008 года – *аванс* – отличный вариант для сохранения стилистики оригинала и высокого уровня эквивалентности.

С категорией глаголов ситуация немного меняется. Применяются словарные значения намного реже, поскольку переводчики в данном случае чаще руководствовались контекстом и эмоциональным фоном. Переводчикам 2008 года успешно удается сохранить высокий уровень эквивалентности и адекватности, совмещая стратегию форенизации с конкретизирующим переводом, а иногда и со словарными значениями. Переводчики 1999 года в данном случае комбинируют доместикацию с словарными значениями, незначительно снижая эквивалентность перевода.

Например, для глагола *to attack* переводчики 1999 года применили словарное значение, когда переводчики 2008 года конкретизируют, вводя слово *штурмовать*. Даже сам персонаж в сцене конкретизирует действие греков, говоря, что они направляются в Карфаген не просто так, а плывут его штурмовать. Переводчики 2008 года достаточно грамотно подошли к слову с широкой семантикой, усилив эмоциональность и значение сцены в романе.

Также хочется уделить внимание на еще один случай, когда снижение степени эквивалентности придает русскому тексту необходимую эмоциональность. К примеру глагол *to murmur*. Переводчики 1999 года в данном случае решили сохранить словарное значение слова – *бормотать*. Однако в переводе 2008 слова мы можем наблюдать *щебетать* – в данном

случае переводчики применили эмфатизацию, передав метафорическим приемом волнение персонажа.

Перевод словосочетаний и предложений

Анализ словосочетаний дополнил предыдущие две категории, поскольку в отдельных фразах мы смогли лучше видеть взаимовлияние переводов существительных и глаголов.

Переводчики 1999 года решили дословно не переводить фразу *pressed the tips of his fingers together*, а обобщить ее, используя генерализацию - *жестом руки*. Это не особо мешает пониманию текста, и никак не искажает сюжет. Однако, имея при себе оригинал, можно задуматься о таком переводческом решении. В первоисточнике нам четко описывают жест руки героя, что может помочь нам понять его характер с первых этапов знакомства. С этим отлично справились переводчики 2008 года, найдя русский эквивалент такому жесту - *сложил руки домиком*.

Анализируя перевод фразы *long-dead celebrants from some forgotten garden party*, можно заметить, как по-разному переводчики решили передать необычное сравнение Донны Тартт. Ю.Рыбаковой и М.Поповец (1999) удалось отлично подобрать эквивалент, не потеряв при этом сравниваемый образ – *приедения из давно ушедших времен*. Что касается Д. Бородкина и Н.Ленцман (2008), то они смогли великолепно сохранить авторский стиль – *призраки гостей давным-давно минувшего чаепития в саду* – практически дословно перевода оригинал, что можно назвать хорошим примером адекватного и эквивалентного перевода.

Со словосочетанием *Platonic microcosm* переводчики «обошлись» достаточно интересно. В переводе 1999 года мы можем наблюдать конкретизацию – *теплица*, что в данном случае совершенно оправдано и адекватно, поскольку это упрощает понимание для читателя, который может быть далек от этого термина. Однако переводчики 2008 года применили семантический перевод – *платоновский микрокосм* – это вполне эквивалентно, но не любой читатель может понять значение. В переводе 2008 года сохранилась уникальность повествования, а также это в стиле главного героя «бросаться» такими непростыми сравнениями. Данная ситуация – это отличный пример того, что эквивалентный перевод – не всегда адекватно.

Анализируя целые предложения, мы можем еще лучше рассмотреть существенную разницу между переводами. Анализ предложений показал на разное отношение переводчиков к структуре предложений в оригинале. Переводчики 2008 года, придерживаясь форенизации, чаще всего стараются сохранить стилистику и ритм автора, в отличие от переводчиков 1999 года. Более того переводчики 1999 года допустили ошибки при переводе метафор и передаче прямой речи, что существенно отдаляло перевод как от эквивалентности, так и от адекватности.

He'd been dead for ten days before they found him, you know.

Он был мертв уже десять дней, когда его тело обнаружили. (1999)

Кстати, нашли его только через десять дней после гибели. (2008)

По этим двум примерам можно заметить, что современные переводчики стараются сохранить структуру предложений оригинала. Это помогает нам лучше прочувствовать стилистику Донны Тартт, автора романа.

It was a small, wise face, as alert and poised as a question; and though certain features of it were suggestive of youth – the elfin upsweep of the eyebrows...

Я увидел лицо, маленькое, умное и очень подвижное, и далеко не молодое, хотя некоторые черты его казались удивительно молодыми – взлет бровей...(1999)

...и я увидел обращенное ко мне лицо – небольших пропорций, умное, настороженное и полное сдержанного ожидания, словно знак вопроса. Некоторые черты казались почти что юношескими – высокие, как у эльфов, брови... (2008)

В оригинале романа есть сравнение внешности героя с эльфом, что опустили в переводе 1999 года. Также в этот перевод не внесли «озадаченность» персонажа, который показывает ее своей яркой мимикой. Это не является смысловой ошибкой, никак не искажает понимание, однако благодаря переводу 2008 года читатели, не имеющие возможность ознакомиться с оригиналом романа, могут лучше представить лицо нового героя, имея перед собой больше описательных и сравнительных моментов. Это еще одно доказательство высокого уровня адекватности и эквивалентности перевода Д. Бородкина и Н. Ленцман (2008).

Beside her Charles, who was still standing, smiled too and raised a polite eyebrow – a gesture, which might have been nervous, might have meant anything, really, but which I took to mean Is that all?

Чарльз рядом с ней тоже улыбнулся и поднял бровь. Это могло означать, что угодно, но я принял это за внимание.

– Ну что, все? (1999)

Чарльз тоже улыбнулся – вежливо, слегка вскинув брови. Это легкое движение бровей могло быть произвольным, могло, по правде говоря, означать все что угодно, но я увидел в нем только одно: «Надеюсь, это все?» (2008)

Обращая внимание на данный пример, мы можем увидеть ошибку переводчиков или редакторов 1999 года. Внутренняя реакция главного героя вынесена как отдельная реплика уже другого персонажа. Подобные ошибка искажает смысл, из-за чего у читателей может сложиться неправильное представление о героях. Казалось бы, небольшой недочет, может никто и не обратит должного внимания на такое, однако это совершенно не адекватно и не эквивалентно.

В переводе 2008 года удалось сохранить структуру оригинала, ничего не исказив и при этом отлично применив модуляцию к словосочетанию **a nervous gesture – движение могло быть произвольным.**

If there's one thing I'm good at, it's lying on my feet. It's sort of a gift I have.

Я вообще был легок на подъем, это одно из моих достоинств. (1999)

Если я что-то и умею, так это врать на ходу. Тут у меня своего рода талант. (2008)

В переводе 1999 года допущена грубейшая ошибка в передаче метафоры *lying on my feet – легок на подъем*. Подобный выбор переводчиков никак не соответствует смыслу и контексту оригинала. В романе герой совершает авантюру, чтобы получить необходимые деньги, и он гордится своим талантом быстро врать. В переводе 1999 года применили совсем иную по смыслу метафору, что сбивает во время чтения произведения. В таком случае это ни адекватны, и ни эквивалентный перевод.

В переводе 2008 года переводчикам удалось отлично подобрать метафору, которая во всех аспектах соответствует оригиналу текста – *врать на ходу*. Этот выбор никак не искажает понимание и полностью передает «коронный момент» главного героя. Перевод данной фразы переводчиками 2008 года можно оправдано назвать и адекватным, и эквивалентным.

Таким образом, проанализированные переводы хорошо воспринимаются читателями на русском языке. Эти переводы адекватны, однако перевод 2008 года можно считать более эквивалентным, чем перевод 1999 года. Переводчики 1999 придерживались стратегии доместикации, приближая текст для восприятия русского, что неизбежно снижает уровень эквивалентности. Чрезмерная доместикация искажает уникальный стиль писателя, однако в то же время фраза должна звучать по-русски. Этот баланс тяжело сохранить, и понятное дело, что фразу другого языка нельзя переводить слово в слово. Но, как отмечает Нора Галь, у каждого автора свой замысел, свой ритм и логика, и нарушать их переводчик не вправе [2, с. 114-115]. С позиции начинающего переводчика следует отметить необходимость анализа текста оригинала в сопоставлении как минимум с двумя вариантами его перевода, чтобы понять сложность перевода художественного текста, не впадая при этом ни в доместикацию, ни в форенизацию. Мы, переводчики, должны быть надежными «посланцами» для читателей, не знающих иностранный язык и полностью доверяющих нам.

Список литературы

1. В.В. Сдобников, О.В. Петрова Теория перевода: Учебник для переводческих факультетов и факультетов иностранных языков. Н.Нов город: Изд-во НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2001. - 306 с.
2. Галь, Нора. Слово живое и мертвое – Москва: Издательство «АСТ», 2020– с.
3. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб.для ин-тов и фак. иностр. яз. - М.: Высш. шк., 1990. - 253 с.
4. Тартт, Донна. Тайная история/Донна Тартт, пер. с англ. Д.Бородкина. Н.Ленцман. – Москва: Издательство «АСТ»: CORPUS, 2022 – 592 с.
5. Тартт, Донна. Тайная история/Донна Тартт, пер. с англ. Ю.Рыбаковой, М.Поповец – Москва: Издательство «Новости», 1999 – 608 с.
6. Tartt Donna, *The Secret History* Published by Penguin Books, London (1993)

7. Анцыферова О. Ю. Античный код в университетском романе Донны Тартт «Тайная история» // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 2 (2). С. 22–27.

8. Шалимова Н. С. Романы Д. Тартт в контексте феномена «young adult literature» // <https://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia1/article/view/5749>

9. Шелестюк Е.В. О форенизации и доместикации в переводе и возможностях их лингвистической оценки / Е.В. Шелестюк, Э.Д. Гриценко // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки (вып. 100). – Челябинск: Издательство Челябинского государственного университета, 2016. – №4. – С. 202-207.

Сведения об авторах:

Сапронова Полина Ивановна, студент 1 курса магистратуры, Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, 302026, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 39Б; polina-s-2001@mail.ru; 89200867576

Sapronova Polina Ivanovna; 1st year Master's student, Orel State University, 302026, Russian Federation, Orel, Komsomolskaya st., 39B; polina-s-2001@mail.ru; 89200867576

УДК 81

Числовой код культуры в русском и английском паремическом дискурсе

Михаил Викторович Цуканов

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, Орел Россия
аспирант 1-го курса института иностранных языков, super-super-mikhail@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются русские и английские пословицы, репрезентирующие числовой код лингвокультуры неблизкородственных языков. Основное внимание уделяется его представленности в единицах русской и английской фразеологии, а также выявлению культурной коннотации чисел в рамках сопоставляемых лингвокультур. Целью исследования является раскрытие сущности часто встречающихся чисел в фразеологических единицах русского и английского языка. Объектом исследования являются пословицы русского и английского языков, а его предметом - числовые коды русской и английской лингвокультуры, проявляющиеся в этих фразеологических единицах.

Ключевые слова: лингвокультурология, числовой код, пословица, паремии, межкультурная коммуникация.

Numerical code of culture in Russian and English paremic discourse

Mikhail V. Tsukanov

Oryol State University named after I.S. Turgenev, Oryol, Russia

1st year post-graduate student, super-super-mikhail@yandex.ru

Abstract: The article discusses Russian and English proverbs representing the numerical code of the linguoculture of unrelated languages. The main attention is paid to its representation in units of Russian and English phraseology through a comparative analysis of phraseological units and paroemias containing components of numerological nature, as well as to the identification of the cultural connotation of numbers within the framework of the compared linguistic cultures. The purpose of the research is to reveal the essence of frequently occurring numbers in phraseological units of the Russian and English languages. Russian Russian and English proverbs are the object of the study, and its subject is the numerical codes of Russian and English linguoculture, manifested in these phraseological units.

Key words: linguoculturology, numerical code, proverb, paremia, intercultural communication.

Код позволяет выразить значимые для людей и, следовательно, зафиксированные особенности взаимоотношения с окружающей средой, а также взгляды на реальность. Емкость кодов характеризует их выразительный потенциал, то есть способность полностью, точно и надежно передавать информацию об определенных аспектах реальности, передающиеся с помощью национального языка, отражающиеся в многочисленных текстах, включая пословицы, поговорки и национальную классику. Так изучение фольклорных текстов и национальной литературной классики поможет понять национальный культурный код и сохранить его в безопасности [2].

Мы будем определять пословицы как коммуникативные фразеологизмы, имеющие структуру предложения, текстовые характеристики и прагматические функции, ведущей из которых является дедуктивная, которая эксплицитно проявляется в дискурсе в форме косвенного речевого акта, чаще директивного [1].

Число – понятие, служащее выражением количества, т.е. то, при помощи чего производится счет предметов, явлений, и являющееся одним из способов проявления категории количества в языке. В связи со всем вышесказанным, существует необходимость упомянуть понятие «числового кода», которое и будет основным понятием, рассматриваемым в данном исследовании на материале фразеологических и паремических единиц.

Числа и операции с ними представляют собой одну из наиболее универсальных категорий человеческого мышления и обладают особой абстрактно-конкретной, идеально-материальной природой. Как пишет Н. Д. Арутюнова, «число являет собой, возможно, наиболее отвлеченный от материальной и событийной реальности концепт, и в то же время в жизни и в сознании человека число тесно связано и постоянно взаимодействует с

предметным миром» [3, с. 6]. Подобная амбивалентность числа находит выражение в различных мифологических и мифопоэтических, религиозных и философских системах, воззрениях, концепциях (см. об этом, например, [7, с. 129–174; 6, с. 487–536]). В языке абстрактно-конкретная сущность чисел и операций с ними отражается, в частности, в том, что их наименования могут представлять собой как результат, так и основу метафорических переосмыслений, т.е. относиться как к «области цели», так и к «области источника» метафорической модели (по терминологии Дж. Лакоффа) [5].

Значения нумерологических фразеологизмов основываются на семантических преобразованиях признаков, связанных с операцией счета. Числа могут иметь мифопоэтический символический смысл, который прослеживается в различных культурах и языках. Например, число 7 в христианской традиции символизирует совершенство и полноту, так как Бог создал мир за 7 дней. В исламской традиции число 99 символизирует имена Аллаха, а число 40 - время, которое пророк Мухаммед провел в пустыне, прежде чем получить от Бога первые откровения.

Числовые символы также находят отражение в пословицах и поговорках разных культур и языков. Например, в русской культуре число 3 часто используется для обозначения полноты и завершенности какого-либо действия или процесса, как в пословице "*Всякое дело - три дня красно, три дня бело, а потом - как пойдет*". В английской культуре число 13 считается несчастливым, что находит отражение в поговорке "*Friday the 13th*" (пятница 13-е).

Числа натурального ряда от 1 до 9 связаны с буквами русского алфавита по так называемой девятиарканной системе.

Для британского народа цифры всегда имели большое значение, обращение к ним связано с жизнедеятельностью человека, его опытом и особенностями быта. В британских пословицах представлены не все единицы числового кода, характерные для фольклора в целом. К регулярно встречающимся в британском паремическом дискурсе единицам числового кода относятся, прежде всего, количественные числительные первого десятка («two», «three», «four», «seven», «nine»): *Cousin seven times removed* (дальний родственник; ≈ седьмая вода на киселе); *It takes two to make a quarrel*; *Saying and doing are two things*, *Fish and company stink in three days*, а также обозначения круглых десятков «forty», «hundred», однако их количество сравнительно меньше: *Every man is a fool or a physician at forty* (каждый мужчина в сорок является дураком или своим собственным врачом); *Fear hath a hundred eyes*.

К особенностям представления числового кода в британском паремическом дискурсе можно отнести тот факт, что единицы числовой номинации характеризуются меньшей степенью выраженности символической составляющей, нежели в фольклоре в целом, например, в сказках. Кроме того, числовые представления в британских паремиях часто подчиняются рациональной логике и здравому смыслу: *Clear as that two and two make four*; *As-plain as two and two make four*; *For eyes see more (better) than two*, редко характеризуются символическим или сакральным смыслом.

К особенностям представления числового кода в британском паремическом дискурсе также относится низкая частотность числительного «one» по сравнению с русскими паремиями: *Один в поле не воин; Семеро одного не ждут; Одной рукой в ладоши не хлопнешь* и т.д. Подобная ситуация объясняется омонимией форм местоимения «one» и количественного числительного «one». По этой причине в ряде примеров достаточно проблематично определить частеречную принадлежность лексической единицы «one»: *Between two stools one falls to the ground.*

Также низкая частотность количественного числительного «one» в британском паремическом дискурсе связана с квантитативной семантикой артикля «a (an)», произошедшего от числительного «one» и способного передавать значение единичности при артиклевой детерминацией существительных единственного числа: *A wonder lasts but nine days* [4, с. 54]; *A bird in the hand is worth two in the bush* [4, с. 10]. Значение единичности, вербализующееся через артиклевую детерминацию существительных единственного числа, нередко встречается в британских паремиях, содержащих противопоставление или сравнение числительных «one» и «two»: *Show somebody a thing or two* [4, с. 263]; *A gift in the hand is better than two promises* [4, с. 20].

Универсальное для единиц различных паремических дискурсов противопоставление единичности и двойственности в британском паремическом дискурсе характеризуется не только устойчивостью, но и частой экспликацией обоих компонентов оппозиции: *One pair of heels is often worth two pair of hands.* При этом языковыми средствами вербализации семантики единичности в британских паремиях могут быть: количественное числительное «one», местоимения «one» и «every», сочетание неопределенного артикля и существительного в единственном числе: *Kill two birds with one stone; Never make two bites of a cherry; There are two sides to every question* [4, с. 292].

Таким образом, числовые символы имеют важное значение в культуре и языке, и часто находят отражение в пословицах и поговорках. Однако, следует помнить, что значение и употребление числовых символов может различаться в разных культурах и языках, и для полного понимания пословиц и поговорок необходимо учитывать контекст и культурные особенности.

Список литературы

1. Абакумова О.Б. Пословица в паремическом дискурсе субъекта // Паремииология в дискурсе: общие и прикладные вопросы паремииологии. Пословица в дискурсе и в тексте. Пословица и языковая картина мира. Под ред. О.В. Ломакиной. М.: ЛЕНАНД, 2015. С.67-84.
2. Абакумова, О.Б., Цуканов М.В. Нумерологический код культуры и его использование в преподавании иностранного языка и межкультурной коммуникации (на материале английского и русского языков и лингвокультур) - 2023. - № 1(18). - С.4-24.
3. Арутюнова Н. Д. Логический анализ языка: квантификативный аспект

языка / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания; отв. ред. - Москва: Индрик, 2005 (ППП Тип. Наука). - 671 с.

4. Английские пословицы и поговорки и их русские соответствия = English proverbs and sayings with their russian equivalents / В. С. Модестов. - 4-е изд., стер. - Москва: Рус. яз. Медиа, 2004 (ОАО Можайский полигр. комб.). - 467 с.

5. Дж. Лакофф, М. Джонсон Метафоры, которыми мы живем /; пер. с англ. А. Н. Баранова и А. В. Морозовой; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. - Москва: УРСС, 2004 (ООО РОХОС). - 252 с.

6. Степанов Ю. С. Счет, имена чисел, алфавитные знаки чисел в индоевропейских языках // ВЯ, 1989, №4. С. 46–72.

7. Топоров В. Н. Числа. // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. М.: Москва. Сов. энциклопедия, 1980-1982. С. 629- 631.

8. Топоров В. Н. Мировое дерево: универсальные знаковые комплексы / В. Н. Топоров. - Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. С. 514

9. Кузьмин, С.С. Русско-английский словарь пословиц и поговорок / С.С. Кузьмин, Н.Л. Шадрин. – СПб: МИК: Лань, 1996. – 352с.

10. Кунин, А.В. Англо-русский фразеологический словарь /А.В. Кунин. – М.: Просвещение. – 1984. – 944с.

11. Рейдаут Р., Уиттинг К. Толковый словарь английских пословиц / Р. Рейдаут, К. Уиттинг. – СПб: Лань. – 1997. – 256с.

12. Ammer Christine. The American heritage dictionary of idioms. -Boston: American Heritage, 1997. -1190 p. 9

13. Dictionary of Symbols and Imagery, Boris Avraamovich Trakhtenbrot, Anne de Vries, Elsevier Science Publishing Co, Ad de Vries, Jan M. Barzdiñ, Ya. M. Barzdiñ'

14. Oxford Dictionary of Phrasal Verbs by A. P. Cowie, 1993.

Сведения об авторе:

Цуканов Михаил Викторович; аспирант 1 года обучения, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 95; super-super-mikhail@yandex.ru; +79996021307.

Tsukanov Mikhail Viktorovich; Graduate Student, Oryol State University named after I. S. Turgenev, Orel, Komsomolskaya str., 95; 302028, Russian Federation, super-super-mikhail@yandex.ru; +79996021307.

УДК 81

Лингвокультурологические сходства и различия в языковой картине мира русско-украинско-китайских пословиц на примере тематической группы активных русских пословиц «счастье – беда»

Е Юй Чизнь

Санкт-Петербургский государственный университет

г. Санкт-Петербург, Россия, аспирант, st095967@student.spbu.ru

Аннотация: В статье рассматриваются русские пословицы тематической группы «Счастье – Беда» и их украинские и китайские пословичные параллели. Исследуется сходство и различие языковых картин мира, отражающиеся в пословицах, данных языков. В результате исследования выделены следующие категории пословичных соотносительных параллелей: полные эквиваленты, относительные эквиваленты и аналоги.

Ключевые слова: пословица, пословичная параллель, китайский язык, русский язык, украинский язык, языковая картина мира.

Linguocultural similarities and differences in the linguistic picture of the world of Russian-Ukrainian-Chinese proverbs on the example of the thematic group of active Russian proverbs 'happiness – misfortune'

Yeh Yu Chien

Saint-Petersburg State University

Saint-Petersburg, Russia, postgraduate student, st095967@student.spbu.ru

Abstract: This article examines Russian proverbs within the thematic group of "Happiness – Misfortune" along with their corresponding Ukrainian and Chinese proverbial parallels. The study delves into the similarities and distinctions found in the linguistic worldviews conveyed through proverbs in these languages. As a result of this research, the following categories of proverbial comparative parallels are identified: full equivalents, relative equivalents, and analogs.

Keywords: proverb, proverbial parallel, Chinese language, Russian language, Ukrainian language, linguistic worldview

Данная работа проводится в лингвокультурологическом аспекте, используя трёхязычные пословицы в качестве материала, стремясь выявить заложенные в них культурные факторы. Языковая картина мира, как сумма простых концептуальных представлений определенного языкового сообщества о внешнем мире, тесно связана с лексическим, грамматическим и афористическим рамками языка, т. е. с пословицами.

Основная цель данной работы – проанализировать и показать общие и национально-специфические особенности пословиц тематической группы «счастье – беда» в русском, украинском языках, включенных в словарь М. Ю. Котовой «Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями» (далее РССПАС) и в китайском языке. Это позволит глубже понять коренные черты менталитета и личности каждого народа, а также и проанализировать и сравнить сходства и различия между собой.

Пословицы о счастье и беде широко распространены в различных языках, в результате того, что концепты «счастье» и «беда» являются одним из

важнейших носителей культурного самовыражения мыслей человека. Данные концепты представляют собой часть духовного ядра каждого этноса и заложены в культурных особенностях разных народов.

В РССПАС тематическая группа активных русских пословиц «счастье – беда» состоит из двух подгрупп: 1) счастье – несчастье, 2) радость – беда. Данная группа включает в себя 16 русских пословиц с украинскими пословичными параллелями.

В ходе сопоставления русских пословиц с украинскими и китайскими пословицами обнаружены три типа пословичных параллелей:

- 1) полные параллели – идентичные по структуре и по значению примеры;
- 2) относительные эквиваленты – имеющие ту же метафорическую основу и тоже значение, но разные по конструкции примеры;
- 3) аналогии – имеющие разную метафорическую основу, но то же значение примеры.

В качестве примера полных пословичных параллелей приведем несколько примеров:

Русской пословице *Не так страшен черт, как его малюют* в РССПАС со значением: '1) поощрение к действию, несмотря на имеющиеся очевидные трудности, 2) Радостное восклицание в связи с удавшимся делом, которое вначале казалось очень трудным' соответствует украинская пословичная параллель *Не такий страшний чорт (вовк), як його малюють* [РССПАС 2000, с. 174].

Русской и украинской пословице соответствует китайская пословичная параллель 人有三分怕鬼 · 鬼有七分怕人 [Словарь китайских пословиц 2011, с. 252] /букв. Люди чуть-чуть боятся чертей, а черти очень боятся людей/.

Буквальное значение китайской пословичной параллели отражает понимание, что несмотря на то, что люди могут испытывать страх перед сверхъестественными, невидимыми сущностями, на самом деле эти существа также могут чувствовать страх перед существованием человека. Пословица показывает важность поддержания мужества, уважения и спокойствия при столкновении со страхом или неопределенностью, а также напоминает человеку о необходимости не недооценивать собственную силу и влияние.

Следует отметить, что в некоторых традиционных китайских рассказах и народных верованиях «чёрт» обычно описывается как злобное существо, которое способно приносить несчастье или наносить вред живым существам. При сравнении заметно сходство, что в трех культурах «чёрт» 'по религиозным представлениям: сверхъестественное существо, олицетворяющее собой злое начало; дьявол, бес' [МАС 1984, Т. 4, с. 669] и выступает в качестве метафоры (беда, трудность и т. д.).

Русская и украинская пословицы подчеркивают, что страх людей перед неизвестными или незнакомыми вещами часто преувеличивает их отрицательные характеристики, что по сути дела они могут быть не такими плохими, как представляются. Китайская пословица утверждает, что людям приходится сохранять спокойствие, не беспокоиться и не бояться неизвестных

вызовов или трудностей. Также в ней отражается значительная ценность древнекитайской культуры, что смелость и уважение могут преодолеть страх и решить любые проблемы.

Подтверждением активного использования данной поговорки в русском и в украинском языках являются контекстные употребления в интернет-источниках.

Т. Тархов: *Спустя два года в Лондоне в издательстве Макмиллан вышла книга «Тянешь чёрта – вытянешь булочника» (в смысле «Не так страшен чёрт, как его малюют»)*», представлявшая собой совместное творчество Савина и Бенсон. <https://www.nkj.ru/archive/articles/14148/>.

Давид Маркиш: – *«Не так страшен черт, как его малюют»*, – сказал дедушка Моисей Соломонович и угодливо погрозил обезьяне пальцем. <https://lechaim.ru/ARHIV/106/markish.htm>.

Заголовок *Не такой страшный чорт, як його малюють. Значно страшніший.* <https://www.radiosvoboda.org/a/24786243.html>.

Заголовок *Не такой страшный чорт, як його малюють. Чи варто забороняти дітям дивитися фільми жахів?* <https://day.kyiv.ua/article/cuspilstvo/ne-takyu-strashnyu-chort-yak-yoho-malyuyut>.

В качестве примера относительных пословичных эквивалентов приведем следующие примеры:

Русской поговорке *Рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше* в РССПАС со значением: ‘когда хотят объяснить стремление человека любыми путями найти свое счастье’ соответствует украинская пословица параллель *Риба шукає, де глибше, а чоловік – де ліпше* [РССПАС 2000, с. 132].

Русской и украинской поговорке соответствует китайская пословица параллель *人往高處走，水往低處流* [Словарь китайских пословиц 2011, с. 249] /бух/. Вода течет, куда ниже, а человек ходит, куда выше/.

Буквальная китайская пословица параллель означает, что при стремлении к достижению собственных целей и идеалов людям требуется полностью раскрыть свои способности, усердно работать над своим развитием и настойчиво стремиться к совершенствованию. Необходимо двигаться вверх, а нельзя двигаться по течению воды, которая всегда стекает вниз.

Следует отметить, что в отличие от русской и украинской поговорок в китайской поговорке в качестве метафоры используется образ воды. Вода течет вниз под действием силы тяжести – это естественный закон. В китайской культуре считают, что человеку надо сохранять позитивное отношение ко всему и стремиться подниматься вверх, то есть нельзя уподобляться воде, которая течет только вниз.

Подтверждением активного использования данной поговорки в русском и в украинском языках являются контекстные употребления в интернет-источниках.

Василий Аксенов: *Я так считаю, что рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше.* https://imwerden.de/pdf/aksenov_pora_moj_drug_pora_1965__ocr.pdf.

Гавриил Попов, Никита Аджубей: *Народная пословица чётко фиксирует: рыба ищет где глубже, а человек – где лучше.* <https://www.nkj.ru/archive/articles/12674/>.

Заоловок *Риба шукає, де глибше, а чоловік – де ліпше.* <https://podolyanin.com.ua/suspilstvo/16349/>.

Павло Загребельний: *Риба шукає, де глибше, птах – де вище, а чоловік – де ліпше.* <https://osvita.ua/school/literature/z/69554/list-107.html>.

В качестве примера аналогов приведем следующие примеры:

Русской пословице *Семь бед – один ответ* в РССПАС со значением: ‘когда неудачи (несчастья) следуют друг за другом, человек воспринимает их покорно и обреченно, как фатальную неизбежность’ соответствует украинская пословичная параллель *Сім бід – один одвіт* [РССПАС 2000, с. 17].

Русской и украинской пословице соответствует китайская пословичная параллель *一不做二不休* [Словарь китайских пословиц 2011, с. 25] /букв. Раз начал – доводи до конца/.

Буквальное значение китайской пословицы отражает представление о человеке, который сталкивается с трудностью или вызовом, но не сдаётся, а прилагает усилия, чтобы решить задачи или преодолеть проблемы.

Русская пословица *Семь бед – один ответ* и украинская пословичная параллель *Сім бід – один одвіт* отражает представление о том, что, если на человека одновременно наваливаются несколько неприятностей (бед), он не успевает по отдельности сразу справляться с ними. Однако, в итоге приходится за всё отвечать. С другой стороны, китайская пословица означает, после того, как что-то было сделано, нельзя останавливаться на середине, она демонстрирует решимость закончить что-либо.

В китайской культуре ценится важность смелой решимости и твердых действий. Человеку нельзя колебаться при принятии важных решений, он должен действовать решительно и отдыхать после того, как дело сделано. Тем более, независимо от того, с какими трудностями человек сталкивается, если у него есть правильный подход и сильная решимость, он обязательно найдет решение своих проблем. При сопоставлении можно выделить такую деталь: в русской и украинской пословицах значение фокусируется на решении проблемы, а в китайской пословице – на смелости и решительности действий.

Подтверждением активного использования данной пословицы в русском и в украинском языках являются контекстные употребления в интернет-источниках.

Андрей Волос: *Такое редко случается. "А мне говорят, что Бога нет, во всем виноват мой пьяный бред..." И не так уж сильно намазана..."... и что на семь бед один ответ теперь мне остался..." Музыка кончилась.* http://loveread.ec/read_book.php?id=32268&p=58.

Л. А. Данилкин. Юрий Гагарин: *Он излучает нечто эдакое, «a certain je ne sais quoi»; возможно – раз уж мы все равно прибегли к макароническому стилю, семь бед, один ответ, – это как раз то, что называется «glamour of space».* <https://biography.wikireading.ru/115940>.

Олександр Солженіцин: *А тоді вже став міркувати, що наші йому не повірять, все одно пригадають, що і в партизани він не одразу пішов і дременув звідти, і вже сім бід, один одвіт – доїхав до Слуцька.* https://shron1.chtyvo.org.ua/Solzhenitsyn_Oleksandr/V_koli_pershomu_Uryvku.pdf.

Панас Мирний: – *Не сумуйте, братця! – утішає Максим. – Сім бід, один одвіт! Я вас визволю.* <https://www.ukrlib.com.ua/books/printit.php?tid=983>.

На основани сопоставлення русских, українських и китайських прислів'я о «счастье» и «беде» следует отметить, что мировоззрение, взгляды на жизнь и ценности у людей трех стран, несмотря на индивидуальные различия, имеют и сходства. Пословицы о «счастье» и «беде» – это ценное духовное сокровище для людей всего мира, а искра мудрости, которая исходит от разных мыслей в разных странах, оказывает важное влияние на содействие интеграции культур и устойчивого развития человечества.

В целом, и русские, и украинские, и китайские пословицы отражают национальную систему ценностей и менталитет своих культур. Сравнивая культурные коннотации русских, украинских и китайских пословиц, отчетливо видно, что однородность мышления людей и сходство социально-исторического развития приводят к различиям между русскими, украинскими и китайскими пословицами. Более важным является то, что культурный смысл, заложенный в русских, украинских и китайских пословицах, всегда просвещает нас. При разумном и правильном использовании они могут привести нас к большому духовному, интеллектуальному и моральному вдохновению и просвещению.

Список литературы

1. Котова М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями. / Под ред. П. А. Дмитриева. - СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2000. - 360 с.
2. 溫端政《中國諺語大辭典》。 – 上海：上海辭書出版社， 2011。 – 1282 с. (Вэнь Дуаньчжэн Словарь китайских пословиц. - Шанхай.: Изд-во Шанхайское лексикографическое, 2011. - 1282 с.)
3. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. - 2-е изд., испр. и доп. - М.: Русский язык, 1981-1984.

Сведения об авторе:

Е Юй Чизнь; аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11; st095967@student.spbu.ru; +79523571902.

Yeh Yu Chien; postgraduate student, Saint Petersburg State University, Universitetskaya emb., 11, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation; st095967@student.spbu.ru; +79523571902.

СЕКЦИЯ 1: ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, КОММУНИКАЦИЯ: ТРАДИЦИЯ И ИННОВАЦИЯ

УДК [81:39]:659.1

К вопросу о влиянии рекламы на процесс инкультурации молодежи в современном обществе

Азарова Ирина Владимировна¹, Ромадинова Оксана Александровна²

¹ Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, старший преподаватель кафедры немецкого языка института иностранных языков, Орел, Россия, azarrina@yandex.ru

² Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, студентка 4 курса института иностранных языков, Орел, Россия, Ksyu.Romadinova@list.ru

Аннотация. Цифровизация современного общества, широкое распространение социальных сетей, приводят к тому, что молодые люди в возрасте от 15 до 20 лет становятся невольными потребителями различного рода рекламы, которая создает социокультурный фон, транслируя определенные социокультурные смыслы, символы, традиции, стереотипы, формируя при этом не только потребительские привычки, но оказывая существенное влияние на социализацию и инкультурацию личности.

Ключевые слова. реклама, инкультурация, социализация, социокультурные ценности, этнокультурные смыслы, символы, образы, стереотипы

To the Question of the Influence of Advertising on the Process of Inculturation of Youth in Modern Society

Azarova Irina Vladimirovna¹, Romadinova Oksana Aleksandrovna²

¹ I. S. Turgenev Orel State University, Senior Lecturer of the Department of German at the Institute of Foreign Languages, Orel, Russia, azarrina@yandex.ru

² I. S. Turgenev Orel State University, 4th year student of the Institute of Foreign Languages, Orel, Russia, Ksyu.Romadinova@list.ru

Abstract. The digitalization of modern society, the widespread use of social networks, lead to the fact that young people aged 15 to 20 years become unwitting consumers of various kinds of advertising, which creates a socio-cultural background, broadcasting certain socio-cultural meanings, symbols, traditions, stereotypes, while forming not only consumer habits, but having a significant impact on socialization and the inculturation of personality.

Keywords. advertising, inculturation, socialization, socio-cultural values, ethno-cultural meanings, symbols, images, stereotypes

Современное информационное пространство пронизано рекламой. Реклама сегодня это не просто экономическое, информационно-коммуникативное, но и сложное социокультурное явление. Актуальность темы данной статьи обусловлена все возрастающей ролью рекламы в обществе и возникающими в этой связи проблемами инкультурации и национально-культурной идентичности.

Термин инкультурация относительно недавно стал использоваться в современной науке. При этом наблюдаются разночтения при трактовке смысла данного термина [Янутш, 2014]. На наш взгляд, процесс инкультурации состоит из двух неразрывно связанных друг с другом частей – собственно инкультурации (освоение индивидом норм, ценностей, традиций и обычаев своей культуры) и социализации (освоение социальных законов, норм и ролей). Процесс инкультурации начинается с раннего детства (первичная стадия инкультурации) и продолжается всю жизнь (вторичная стадия инкультурации). Такая трактовка основывается на понимании культуры как социального феномена, как стандарта, образца, принятого в определенном лингвокультурном сообществе [Попкова, 2013; Янутш, 2014].

Среди множества факторов, оказывающих влияние на процесс инкультурации, таких, как язык, нормы, ценности, обычаи национальной культуры, фольклор, литература, и т. п., отдельного упоминания заслуживают современные СМИ (в широком понимании, включая различные соцсети, блоги и интернет паблики) и распространяемая ими реклама.

Изначально реклама была призвана информировать потенциального потребителя о характеристиках рекламируемого товара, с целью привлечь его внимание, мотивировать его к определенному действию – покупке товара или услуги [Попкова, 2013; Гарипова, 2019; Артюхов, 2020]. При этом, многими исследователями отмечается, что реклама не просто влияет на потребительское поведение, помогая ориентироваться в мире товаров и услуг, но оказывает влияние на формирование культурных и духовных ценностей [Гарипова, 2019; Артюхов, 2020].

В нашей стране реклама западного образца появилась в 90-е годы 20 века, когда западным компаниям стал доступен российский рынок. Посредством рекламы товаров стали насаждаться ценности общества потребления и западный (американский) стиль жизни, который выиграл привлекательно за счет грамотно выстроенного ассоциативного ряда: Coca-Cola – задор и молодость, Levi's – свобода, McDonald's – семейные ценности, Adidas – физическая активность, L'Oréal – «избранность» и уверенность в себе. Такая пропаганда привела к тому, что для части жителей России (в основном молодежи и подростков) ближе и понятнее стали «общечеловеческие, европейские ценности», западные мировоззренческие образы, воспевающие гедонистический тип личности [Тельнов, 2009].

В любой стране реклама, чтобы быть успешной, должна обращаться к целевой аудитории на понятном ей языке, опираться на легко осознаваемые образы, символы, культурные традиции [Ноздренко, 2013; Жуковская, 2017]. По «законам жанра» потребители должны идентифицировать себя с теми

персонажами и ролями, которые предлагает ему реклама. В противном случае реклама становится неэффективной – она или не вызовет интереса, останется незамеченной целевой аудиторией или даже может вызвать неприятие рекламируемого продукта.

Очевидно, что требованием времени является возрождение национального самосознания, сохранение национально-культурной идентичности, продвижение собственных национально-культурных ценностей, в том числе через возрождение интереса к классической русской литературе и истории, к национальным и фольклорным традициям, обычаям, обрядам и т. п. В отечественной рекламе различные этнокультурные образы и символы, исторические и литературные образы, фольклорные мотивы и простонародные выражения использовались и используются в основном в рекламных кампаниях продуктов питания:

Шоколад «Аленка». Создатели эксплуатируют элементы русской народной сказки, а рекламный слоган сформулирован в фольклорном стиле – *«С Аленкой все сладко и гладко»;*

Квас «Никола». Провокационная, эмоциональная реклама (признанная ФАС в 2007 году недобросовестной по отношению к конкурентам), в которой былинный персонаж Добрыня Никитич ратует за здоровье нации, призывая пить традиционный старинный напиток «живого брожения», а не импортный, химический по своему составу: *«Витамины, чистый солод. Квас – не кола. Пей Николу!»*, *«Нет колАнизации! Квас – здоровье нации. Квас – не кола, пей Николу!»;*

Чай «Майский чай». Видеоряд, демонстрирующий уютное семейное чаепитие в русском стиле, сопровождает закадровый голос, читающий отрывок из «Евгения Онегина»:

«Смеркалось, на столе блистая

Шипел вечерний самовар

Китайский чайник нагревая

Над ним клубился лёгкий пар

Разлитый Ольгиной рукою

По чашкам тёмною струёй

Уже душистый чай бежал

И сливки мальчик подавал

А.С. Пушкин. Российская классика. Майский чай.

Нам есть чем гордиться. Нам есть что любить.

(Звонкий голос мальчика): Вкуснее чая не видал!»;

Колбасные изделия «Стародворские колбасы». Рекламная кампания построена на этнокультурных и социокультурных стереотипах (старина, народные традиции, деревня, натуральные продукты, семейные ценности) и обращается к коллективистским ценностям российского общества. При этом, и в рекламных слоганах, и в названиях продуктов создатели рекламы порой осознанно идут на нарушение норм русского языка для создания «старинной, народной, исконной» атмосферы: *«Стародворье» – по-нашему, по-настоящему!»*, *«Стародворские колбасы – в лучших деревенских традициях»*,

«Стародворские колбасы – из традиции, мяса и специй», «Вязанка филейская – очень компанейская!», «Дугушка», «Баварушка», «Сочинки».

Однако, что касается товаров непродовольственной группы, то российская реклама не только не пытается устранить недоверие потребителей к отечественным производителям, но всегда активно эксплуатировала и продолжает эксплуатировать устойчивые этнокультурные стереотипы, сложившиеся в русском языковом сознании. Если чай, то непременно английский, пиво – чешское, автомобили – немецкие, косметика – французская, одежда и обувь – итальянские: «*Ahmad tea. Английский чай безупречного вкуса*», «*Bagbier. Немецкое качество под каждой крышкой*», «*Mercedes-Benz – Немецкое качество. Лучшее или ничего*», «*Сатау. Французская романтика. Французский аромат*», «*Обувь Балдини – изящная итальянская классика без выкрутасов. Дизайн не в ущерб комфорту*». Учитывая этот факт, отечественные производители предпочитают в названиях своих фирм и товаров использовать иностранные названия, например: Обувь, одежда – *ALtheBA, Baon, Bosco di Ciliegi, Centro, Carlo Pazolini, Chester, Finn Flare, Gloria Jeans, Gee Jay, Henderson, Incity, Kanzler, oodji, O'STIN, Paolo Conte, Ralf Ringer, Savage, Sela, Tervolina, TJ Collection, Vis-a-Vis, Vassa@Co, Westland, Zarina, Zolla*; Косметика, парфюмерия – *Faberlic, Green Mama, Ile De Beaute, Л' Этуаль, Brocard, Sergio Nero, Holynose, Лаб Фрагранс, Pure Sence, Anna Zworykina Perfumes, Genty, Le re Noir, Magma, МАУМЕ?, Nikkos-Oskol Fragrance, Nose, ODOR OBJECTS, Ponti, Selection Excellence, EAU4U, Nimere*; Бытовая техника – *BORK, Elenberg, Gipfel, Kaiser, Polaris, Prology, Redmond, Rolsen, Scarlett, Vitek*; Мясоные и чистящие средства – *Baby Speci, Blitz, Frau Schmidt, Index, Nordland, R.O.C.S., Sanfor, Santex, Sarma, Splat Global, Synergetic, Top House*; Чай, кофе – *Ahmad, Bernley, Curtis, Greenfield, Tess, Maitre de The, Milagro, Jardin, Riston*.

Вся эта рекламная продукция создает соответствующий социокультурный фон и представляет собой мощнейший культурологический фактор, который оказывает сильное влияние на формирование образа жизни людей, и в первую очередь на мировосприятие и образ жизни молодежи.

Результаты различных исследований и опросов показывают, что современные молодые люди в возрасте от 15 до 20 лет большую часть своего времени проводят в интернете, в различных социальных сетях, которые наводнены рекламой различного рода – от рекламных баннеров до казачьих статей [Гарипова, 2019; Артюхов, 2020; Толмачева, 2020]. Пусть и невольно они становятся потребителями рекламы, считывают транслируемые ею социокультурные смыслы, символы, традиции, стереотипы. Молодые люди уже с детства усваивают, что отечественным производителям продуктов можно доверять, а в остальном следует выбирать «импортные» бренды. В результате реклама не только формирует потребительские привычки молодежи, но самым очевидным образом влияет на процесс инкультурации.

Роль рекламы в условиях расширяющейся цифровизации современного общества неуклонно возрастает. При целенаправленной политике реклама с ярко выраженной национальной спецификой может и должна стать не только инструментом продвижения отечественных товаров и услуг, но и средством

формирования этнокультурных смыслов, символов, образов. Посредством рекламы можно и нужно формировать этнокультурную идентичность, приобщать молодёжь к национальной культуре, продвигать традиционные социокультурные ценности российского общества, способствуя, таким образом, процессам социализации и инкультурации.

Список литературы

1. Янутш, О. А. "Инкультурация": проблемы определения объема и содержания понятия / О. А. Янутш // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 19. – С. 173-175. – EDN TBIXIZ. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22635951> (дата обращения: 01.10.2023)
2. Попкова, Е. Б. Теоретические подходы к исследованию инкультурации как социокультурного процесса / Е. Б. Попкова // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 3. – С. 43-48. – EDN PWVVZZ. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18865808> (дата обращения: 01.10.2023)
3. Гарипова, Г. Р. Социокультурные основы рекламной деятельности / Г. Р. Гарипова // Общество: философия, история, культура. – 2019. – № 12(68). – С. 26-29. – DOI 10.24158/fik.2019.12.3. – EDN VFQGTS. URL: <https://elibrary.ru/vfqgts> (дата обращения: 01.10.2023)
4. Артюхов, А. В. Влияние рекламы на систему ценностных ориентаций молодежи / А. В. Артюхов, Л. В. Ребышева, Ю. П. Савицкая // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2020. – № 5(68). – С. 20-28. – DOI 10.26105/SSPU.2020.68.5.003. – EDN SZWFTC. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44671902> (дата обращения: 01.10.2023)
5. Гарипова, Г. Р. Роль рекламы в социализации личности / Г. Р. Гарипова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2019. – № 12-2(90). – С. 32-34. – DOI 10.23670/IRJ.2019.90.12.052. – EDN GMSAFW. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41543590> (дата обращения: 01.10.2023)
6. Тельнов, В. Н. Успешный бренд как форма конкурентной борьбы (на примере банка "Возрождение") / В. Н. Тельнов, А. Ю. Заруднева // Известия Волгоградского государственного технического университета. – 2009. – № 5(53). – С. 104-109. – EDN KUELQX. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12803146> (дата обращения: 01.10.2023)
7. Ноздренко, Е. А. Использование этнокультурных образов в отечественной рекламе как отражение культурных традиций / Е. А. Ноздренко, А. А. Ескина // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 6. – С. 1001. – EDN RVDCPL. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21163437> (дата обращения: 01.10.2023)
8. Жуковская, Н. В. Отражение культурных особенностей в русских рекламных текстах / Н. В. Жуковская // Альманах современной науки и образования. – 2017. – № 4-5(118). – С. 44-46. – EDN YNVSAD. - <https://elibrary.ru/item.asp?id=29147498> (дата обращения: 01.10.2023)
9. Толмачева, С. В. Восприятие рекламной коммуникации молодежью: по результатам социологического исследования / С. В. Толмачева, О. В. Третьякова // Вестник Сургутского государственного педагогического

университета. – 2020. – № 5(68). – С. 88-100. – DOI 10.26105/SSPU.2020.68.5.023. – EDN XNUMSJ. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44671909> (дата обращения: 01.10.2023)

Сведения об авторах:

Азарова Ирина Владимировна, старший преподаватель кафедры немецкого языка института иностранных языков, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; azarrina@yandex.ru; +7(4862)752239

Ромадинова Оксана Александровна, студентка 4 курса института иностранных языков, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; Ksyu.Romadinova@list.ru; +7(4862)752239

Azarova Irina Vladimirovna, Senior Lecturer of the Department of German at the Institute of Foreign Languages, I.S. Turgenev Oryol State University, 95 Komsomolskaya str., Oryol, 302028, Russian Federation; azarrina@yandex.ru; +7(4862)752239

Romadinova Oksana Alexandrovna, 4rd year student of the Institute of Foreign Languages, I.S. Turgenev Oryol State University, 95 Komsomolskaya str., Oryol, 302028, Russian Federation; Ksyu.Romadinova@list.ru; +7(4862)752239

УДК 811.133.1'36

К вопросу об актуальном членении или функциональной перспективе предложения

Ирина Александровна Бирюкова

Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, доцент кафедры иностранных языков Института иностранных языков, кандидат педагогических наук, Орел, Россия, ibirucova@gmail.com

Аннотация. Зарождение и разработка теории актуального членения или функциональной перспективы предложения позволили: 1) более основательно и всесторонне изучить варианты взаиморасположения членов предложения в романских, германских и славянских языках в связи с тем, в какой из компонентов АЧП (в тему или рему) они входят; 2) рассмотреть совокупность факторов (логического, психологического, лингвистического и др.), определяющих порядок слов; 3) изучить средства выражения актуального членения или функциональная перспективы предложения и определить их большую или меньшую представленность в языках аналитических и синтетических.

Ключевые слова: проблема актуального членения или функциональная перспектива предложения, проблема компонентов АЧП/ФПП: темы и ремы; порядок слов, члены предложения, факторы, текст.

To the Question of the Actual Division or Functional Sentence Perspective

Irina A. Birucova

Oryol State University named after I. S. Turgenev, associate professor of the Foreign Languages Department, Foreign Language Institute, candidate of Pedagogics, Oryol, Russia, ibirucova@gmail.com

Keywords: the problem of actual division or functional sentence perspective (FSP) and its components: theme, rheme; the word order, members of the proposal, factors, text.

Abstract. The origin of the theory of actual division or functional sentence perspective (FSP) allowed: 1) to study more thoroughly and comprehensively the options for the mutual disposition of sentence members in the Romance, Germanic and Slavic languages in connection with which of the components of the FSP (in the theme or the rheme) they are included; 2) consider a set of factors (logical, psychological, linguistic, etc.) that determine the order of words; 3) to study the means of expressing the actual division or functional sentence perspective (FSP) and determine their greater or lesser representation in analytical and synthetic languages.

Изучением и разработкой вопросов, относящихся к теории актуального членения предложения (АЧП) или функциональной перспективы предложения (ФПП), занимались многие европейские ученые. Первым ученым, который разработал основы теории АЧП/ФПП, стал чешский лингвист Вилем Матезиус. Его труды начала 20 века были посвящены сопоставлению порядка слов (ПС) в славянских языках на примере чешского языка с ПС в языках германской языковой группы на примере английского языка [Матезиус 1967, с.239-245, 246-249].

Предшественниками В. Матезиуса были немецкие лингвисты Г. Габеленц [Gadelentz 1891], Г. Пауль [Пауль 1960] и Р. Вагнер [Wagner, Pinchon 1982], которые, еще в 19 веке, исследовали аналогичные проблемы, объясняя различные «отклонения» от принятых вариантов ПС психологическими факторами, выделяли «психологический субъект» и «психологический предикат» и считали, что исследование этих вопросов выходит за рамки лингвистики.

Непосредственным вдохновителем В. Матезиуса стал французский ученый Анри Вейль, который в 1844 опубликовал свой знаменитый труд о порядке слов [Weil 1944]. В. Матезиус подхватил идеи

А. Вейля о движении мысли и развил их в своей теории актуального членения

предложения, которая позже стала именоваться теорией функциональной перспективы предложения.

Последователь В. Матезиуса Ян Фирбас представляет четкую картину зарождения и развития теории АЧП/ФПП в «Сопоставительном исследовании порядка слов», опубликованном в 1962 году, сопоставляя древние языки с современными [Firbas 1962, с.161-174]. Я. Фирбас утверждал, что наряду с синтаксической организацией во фразе присутствует интеллектуальная организация. Последняя одинакова в древних и современных языках (французском и немецком), а первая значительно отличается [Firbas 1974, с. 11 - 42].

Согласно теории актуального членения предложения, которая позже станет именоваться теорией функциональной перспективы предложения, каждое высказывание имеет отправную точку или тему, содержащую информацию известную обоим собеседникам и ядро или рему, которая содержит важную информацию, предназначенную для передачи собеседнику.

Естественное движение мысли идет от темы-отправной точки к реме, поэтому кажется абсолютно естественным, чтобы тема находилась в начале предложения, а рема содержалась во второй части и тяготела к концу предложения.

Продолжая исследования проблемы порядка слов, В. Матезиус пытался выявить роль АЧП/ФПП в организации высказывания в качестве одного из важнейших факторов, приводящих к изменению словопорядка. Согласно этой теории компоненты коммуникативной структуры предложения, тема (Т) и рема (Р), следуют друг за другом, если речь идет о неэмоциональном предложении и нейтральном порядке слов: Т-Р.

Такая последовательность обеспечивает коммуникативную динамику, начиная фразу тематическими элементами, содержащими факты, известные из контекста или ситуации и продвигая коммуникацию рематическими элементами, содержащими более высокий градус динамизма. Между темой и ремой располагаются «переходные» элементы, не входящие ни в Т, ни в Р, обычно это сказуемое.

Важно тем не менее отметить, что АЧП или ФПП не является единственным фактором, определяющим порядок слов. В. Матезиус отмечал, что ПС в любом языке определяется иерархией факторов, свойственной каждому языку. Набор этих факторов является общим для большинства языков, но языки отличаются способом и мерой проявления каждого из них.

Рассматривая факторы, влияющие на ПС чешские лингвисты Бенеш и Фирбас выделяют грамматический фактор или грамматическое значение. Речь идет о месте слова в предложении в зависимости от его синтаксической функции [Beneš 1968, с. 267-274]. К грамматическому фактору относят также роль синтагматической когезии (два или более элементов высказывания функционируют совместно и не могут употребляться раздельно).

«Термин «когезия» ввели в лингвистический оборот М.А.К. Хэллидей и Р. Хасан, авторы монографии «Когезия в английском языке» [Halliday, Hasan 1976]. «Когезия – это набор значимых отношений, который является

общим для всех текстов, который различает текст от «не-текста» и который служит средством обнаружения взаимозависимости содержания отдельных отрезков. Когезия не выявляет, что сообщает текст; она выявляет, как текст организован в семантическое целое» [Halliday, Hasan 1976].

«Когезия – это особые виды связи, обеспечивающие континуум, т. е. логическую последовательность, (темпоральную и/или пространственную) взаимосвязь отдельных сообщений, фактов, действий и пр.» [Гальперин 1981, с. 26-56.]

М.А.К. Хэллидей и Р. Хасан выделяли три типа когезии: грамматическая (референция, субституция и эллипсис), лексическая (семантический повтор) и переходный случай (conjunction, т. е. соединение) [Halliday, Hasan 1976].

Наряду с грамматическим фактором, влияющим на ПС, необходимо учитывать и ряд других: ритмический фактор, эмфазу и ФПП. Роль каждого из них различна в разных языках. Для чешского языка первостепенна роль ФПП, что подтверждают исследования В. Матезиуса. Остальные факторы имеют второстепенное и очень слабое значение для чешского языка. Что касается английского и французского языков, то все обстоит иначе: основная роль приписывается обычно грамматическому фактору, а АЧП/ ФПП комментируются как менее значимые.

Вернемся к исследованиям теории АЧП после смерти В. Матезиуса в 1945 году. Сначала они касались чешского и английского языков, затем продолжились в других славянских языках, а также, немецком, венгерском, албанском, испанском и французском. Первые исследования ограничивались анализом ПС и АЧП/ФПП в отдельном предложении, потом предложение стало изучаться как элемент текста. В результате этих исследований было выявлено, что ФПП является важным фактором, организующим порядок слов в высказывании как составной части текста.

Рассматривая организацию текста с точки зрения ФПП Ф. Данеш, разработал теорию трех уровней. Ученый считал, что ФПП помогает понять, как функционируют в коммуникативном акте семантические и грамматические структуры [Daneš 1978, с. 185-192].

Холидей М.А.К., отмечал, что ФПП представляет собой один из факторов, непременно участвующих в процессе построения высказывания и создания связного текста, а создание текста есть одна из основных функций языка [Halliday 1974, с. 43-53]

Большинство лингвистов, исследовавших проблемы порядка слов и функциональной перспективы предложения, признавали, что в качестве фактора, организующего речь, ФПП существует во всех языках. Универсальное значение этой теории выявляется при анализе сверхфразовых единств (СФЕ) и текста. При этом в одних языках, основным средством выражения ФПП/АЧП является порядок слов (чешский, латинский и др.), в других более очевидна роль иных средств.

Ни один язык «не выбирает» для себя раз и навсегда только то или иное средство выражения ФПП, в течение веков ситуация меняется. Например, среди всех средств выражения ФПП порядок слов играл более важную роль в

старофранцузском языке, чем в современном. Речь идет о том, что в старофранцузском языке существовало склонение существительных, которое полностью реализовывало различие синтаксических ролей существительного в предложении. ПС был свободен от грамматических функций и выполнял вспомогательную роль средства выражения ФПП.

После исчезновения падежных окончаний лишь ПС помогает различать синтаксическую функцию существительного в современном французском языке. Порядок слов, выполняя грамматическую функцию, используется и для обозначения последовательности компонентов ФПП (но речь идет зачастую о нейтральном или неэмоциональном контексте).

В языках аналитических (романских, германских), где ПС выполняет различные грамматические функции, он не является основным и единственным средством выражения ФПП, а лишь входит в систему средств. А в языках синтетических (славянских, например), имеющих падежные окончания, различение функций существительного с целью выявления ФПП выполняется чаще всего при помощи ПС.

Если обратиться к арсеналу средств чешского языка, можно прийти к выводу о первостепенности коммуникативного фактора (ФПП) в организации предложения, высказывания, текста. Лишь иногда к коммуникативному фактору добавляется влияние других, например, грамматический фактор (синтагматическая когезия) или ритмический фактор. В устной речи важнейшая различительная роль в качестве средства выражения ФПП принадлежит интонации.

Во французском языке все обстоит иначе. Это не значит, что французский язык не подчиняется законам АЧП/ФПП, и рема, как самый важный и значительный элемент высказывания не находится в конце фразы. Речь идет о более сложном механизме взаимодействия ряда специфичных средств для удовлетворения коммуникативных намерений говорящего/ пишущего.

Порядок слов во французском языке может выражать коммуникативное намерение и АЧП, и тогда грамматическое подлежащее совпадает с темой (*sujet thématique*), далее следует сказуемое (*verbe*), выполняющее функцию связующего элемента, и рема (*rhème*). Это стандартная и типичная модель, когда грамматический порядок слов (S-V-C) совпадает с коммуникативным (Т-Р). Но тема вовсе не всегда выражается подлежащим.

Рассмотрим примеры:

(1) *Arrivé trop tard, Pierre n'a pu entrer dans la salle.*

(2) *Passant au ralenti dans sa belle voiture nouvelle, il nous regardait d'un œil moqueur.*

(3) *Obsédé par l'idée de rassembler les croyants, M. Z n'avait d'autre objectif...*

В приведенных предложениях коммуникативная динамика обеспечивается путем причастных оборотов, занимающих позицию темы и предшествующих подлежащему.

Более того, довольно часто в письменной речи (текстах произведений французских авторов) можно встретить примеры, иллюстрирующие вариативность французского порядка слов и выражение темы не только

подлежащим, но и другими членами предложения, тогда происходит тематизация этих членов предложения, чаще всего дополнений:

(4) **A une telle objection** il n'avait pas pensé.

(5) **De sa famille** je ne sais absolument rien.

(6) **Au théâtre** je n'ai vu que ta soeur.

Использование безличных глаголов позволяет тематизировать сказуемое:

(7) **Il** y vint quatre personnes.

(8) **Il** existe d'autres possibilités.

(9) **Il** me vient une idée terrible.

Определенный артикль тематизирует прямое дополнение, занимающее свою стандартную позицию за сказуемым:

(10) J'ai reconnu **le garçon**, mais je ne m'expliquais pas...

(11) Il a bien apporté **le livre**, mais il a refusé...

Более явная тематизация происходит при выдвигании прямого дополнения в начало предложения, тогда применяются антиципация или реприза:

(12) je l'ai vue ce matin, **ta soeur**.

(13) **Ces idées**, il est souvent malaisé d'**en** démêler l'embrouillement.

Пассивная форма глагола, возвратные глаголы с пассивным значением и подобные им конструкции позволяют:

1. согласовать грамматическое подлежащее и тему предложения,

(14) J'ai eu ma bicyclette **mise** en miettes par l'explosion,

(15) L'avocat **se voit** refuser toute information,

(16) **Il eut** la tête **tranchée**;

2. обеспечить продвижение информации в тексте и избежать ошибок при переводе, например, с русского языка:

(17) Сегодня я надела новое платье. Это платье сшила моя мама.

J'ai mis aujourd'hui ma nouvelle robe. Cette robe **a été faite** par ma mère.

Тематизация косвенного дополнения /обстоятельства происходит также путем его выдвигания в препозицию, часто с последующим употреблением оборота „il y a“:

(18) Sur la table, il y a un livre.

(19) A ce moment, il y avait la peste à Milan.

(20) Mais dans le coffre, il n'y avait rien du tout.

Мы рассмотрели ряд примеров, опровергающих утверждение о существовании только одной модели порядка слов во французском языке – SVC, где (S=T), а R=C (второстепенные члены предложения). Представленные предложения продемонстрировали гибкость языка и способность выражать тему как при помощи подлежащего, так и посредством дополнений и даже сказуемого.

При необходимости рематизации подлежащего или другого члена предложения французский язык прибегает к другому набору специфичных средств. Подлежащее рематизируется при помощи:

1. Неопределенного артикля:

(21) **Un garçon** entra dans le compartiment.

(22) **Un doute** m'est venu sur la sincérité de ses propos.

В этих предложениях подлежащее-рема (un garçon, un doute) занимает первое место в предложении и является его коммуникативным центром.

2. Презентативов:

(23) **Voilà** les chevaux qui passent.

(24) **Il y a** quatre personnes ici.

(25) **Voici** mon frère qui arrive.

3. Лексических рематизаторов:

(26) **Même** papa est venu en retard ce soir

Выделители „c'est...qui“, „c'est...que“ и другие рематизируют как подлежащее, так и второстепенные члены предложения:

(27) C' est **papa** qui est venu en retard hier.

(28) C' est **hier** que papa est venu en retard.

В письменной литературной речи французского языка существует один арсенал средств выражения темы и ремы, в устной он несколько иной, причем, важная роль отводится интонации.

Рассмотренные примеры имели цель продемонстрировать роль теории АЧП/ФПП в организации предложения и текста. Включение в преподавание языков основ теории АЧП/ФПП позволило бы обучающимся избегать многих ошибок в переводе оригинальных текстов или в построении собственных высказываний. “Mais ce que l'on pourrait et devrait faire sans tarder et de façon systématique, c'est sensibiliser les élèves aux problèmes et aux procédés de l'organisation fonctionnelle de l'énoncé” [Ostra 1974, с. 43-53].

Список литературы

1. Матезиус, В. О так называемом актуальном членении предложения.// Пражский лингвистический кружок / В. Матезиус. – М., 1967. С. 239–245.

2. Матезиус, В. Основная функция порядка слов в чешском языке.// Пражский лингвистический кружок (сборник статей) / В. Матезиус. – М.: Прогресс, 1967. С. 246 - 249.

3. Gadelentz, Georg von der. Die Sprachwissenschaft: Ihre Aufgaben, Methoden und bisherigen Ergebnisse. – Leipzig, 1891. – 502 s.

4. Пауль Г. Принципы истории языка / Пер. с нем. Под ред. А. А. Холодовича. Вст. ст. С. Д. Кацнельсона (с. 5–21). Ред-р З. Н. Петрова. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. – 500 с.

5. Wagner, R. L., Pinchon, I. Grammaire du français classique et moderne / R.L. Wagner, I. Pinchon. – P.: Librairie Hachette, 1982. – 640 p.

6. Weil, H. De l'ordre des mots dans les langues anciennes comparées aux langues modernes / H. Weil. – P.: Vieweg, 1944. – 102 p.

7. Firbas, J. Ze srovnávacích studí slovosledných/ Slovo a slovesnost 23, 1962. – p. 161 -174.

8. Firbas, J. Some Aspects of the Czechoslovak approach to Problems of Functional Sentence Perspective/ Papers on Functional Sentence Perspective. – Academia, Praha, 1974. – p. 11 - 42.

9. Beneš E. On two aspects of functional sentence perspective, *Travaux linguistiques de Prague* 3, v. 3, Prague, 1968. – P. 267-274.
10. Halliday, M. A. K., Hasan R. *Cohesion in English*. London: Longman, 1976. – 374 p.
11. Гальперин И. П. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 5-е, стереотипное. М. КомКнига, 2007. – 144 с. (С. 26-56).
12. Daneš F. *Zur linguistischen Analyse der Textstruktur* / F. Danes // *Textlinguistik*. – Darmstadt: Wiss.Buchgesellschaft, 1978. – S. 185-192.
13. Halliday, M.A.K. The place of FSP in linguistic description, in F. Daneš (ed.), *Papers on functional sentence perspective*. The Hague: Mouton, 1974. – P. 43-53.
14. Ostra, Růžena. La perspective fonctionnelle de la phrase en tchèque et en français. *Études romanes de Brno*. Vol. 16, 1985. –P. 7-15

Сведения об авторе:

Ирина Александровна Бирюкова, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, доцент кафедры иностранных языков Института иностранных языков, кандидат педагогических наук, Орел, Россия, ibirucova@gmail.com

Irina A.Birucova, Oryol State University named after I.S. Turgenev, associate professor of the Foreign Languages Department, Foreign Language Institute, candidate of Pedagogics, Oryol, Russia, ibirucova@gmail.com

УДК 811.87

Возможности русского и испанского языков для выражения «удивления»

Татьяна Владимировна Ващекина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения, кандидат филологических наук, Москва, Россия, e-mail: vascjulia@yandex.ru

Аннотация. Проведенный сравнительно-сопоставительный анализ фразеологических единиц русского и испанского языков, выражающих эмоциональное состояние «удивления» показал, что в обоих языках большинство фразеологических единиц обозначают не только удивление, но и указывают еще и на другие эмоции, такие, как изумление, недоверие, разочарование и т.д.

Ключевые слова: сопоставительный анализ, фразеологические единицы, удивление, изумление, недоверие, разочарование и т.д.

Expression of emotional state of surprise in Russian and Spanish languages

Tatiana V. Vashchekina

Moscow State University, foreign language and regional research department, chair of language comparative study, docent, candidate of philological sciences, Moscow, Russia, e-mail: vascjulia@yandex.ru

Abstract. A comparative analysis of phraseological units of the Russian and Spanish languages expressing the emotional state of «surprise» showed that in both languages the majority of phraseological units denote not only surprise, but also indicate other emotions, such as astonishment and amazement, distrust, disappointment, etc.

Key words: comparative analysis, phraseological units, astonishment, amazement, distrust, disappointment, etc.

Известно, что эмоция «удивление» представляет собой достаточно краткое временное психологическое состояние, которое обычно наступает внезапно и также быстро проходит. Следует отметить, что сопоставительный анализ лексико-фразеологического материала русского и испанского языков для выражения «удивления» показал, что подавляющее его большинство в обоих языках представляют собой фразеологические единицы, обозначающие не просто удивление, но и указание еще и на другие конкретные эмоции, такие, как изумление, недоверие, разочарование и т.д., например: Это **удивительно**. **Вот так так!** *Надо же было придумать такое?...Нарядился клоуном!*, где ФЕ **вот так так!** выражает удивление по поводу чего-либо неожиданного.

Кроме того, отмечается, что у кого-то может даже отсутствовать действие из-за какой-либо эмоции, например: от удивления, негодования, неожиданности, страха и т.п. Например, ФЕ **язык отнялся, язык прилип к гортани**, т.е. кто-то замолчал.

В данной статье будут описаны фразеологизмы со значением «удивления», которые были распределены по следующим тематическим группам:

а) *выражение сильного удивления, даже изумления и т.п.*

В русском языке, когда речь идет о чем-то необычном, удивительном для кого-либо, используется ФЕ **в диковинку (диковину)**. Например: Сестра рассказала нам о современной постановке К. Райкиным драмы «Гроза». Все это было нам **в диковину** и казалось необыкновенно интересным. Или другой пример: Через несколько лет уже настоящий русский флот был построен юношей Петром в Воронеже. **В диковинку** было тогда русским людям морское дело (А.Н. Толстой «Гордо реет советский флаг»). В испанском языке встречаем полный аналог данному фразеологизму **curiosidad** (разг.) – **диковина, диковинка, быть в диковину**. **Nuestro viaje ha sido una experiencia insólita que nunca olvidaré** (перевод: Наше путешествие, которое я никогда не забуду, было для нас **в диковинку**). Часто в русском языке используется также ФЕ **диву даваться, диву даваться**, когда кто-то очень

удивляется чему-либо. Например: – Не встал бы, да сиделка уж очень за меня хлопотала. Я, брат, просто *диву дался* – возится со мной как с дитей (М. Горький «Коновалов»).

Русский фразеологизм **вот [вон] оно что!**, как и испанские **¡Así que eso es!** (*Вот оно что!*) или **¡Ah! ¡Así que eso es!** (*Ах! Вот оно что!*) выражает не только удивление, но и изумление. Например: – Так, – сказал дед... – **вот оно что!** Чертово зелье куришь? Не рано ли? (М. Горький «В людях»). **¡Con que ésas tenemos, baron!** (перевод: **Вот оно что!** Что мы имеем, барон! **¡Ah! Así que consiguen cosas regalando billetes de la compañía!** (перевод: **Ах! Вот оно что!** Вы покупаете товары на билеты компании!).

б) выражение крайнего удивления, недоумения и т.п.

Если кто-то приходит в состояние удивления, недоумения; испытывает сильную боль, испуг и т.п. от чего-либо, то в русском языке используют ФЕ **Глаза на лоб лезут у кого. Глаза на лоб полезли у кого.** Например: Как глянул он, что делается на улице, *глаза у него на лоб полезли*: визг, хохот, крики (Новиков-Прибой «Капитан первого ранга»). В испанском языке фразеологизм **Saltársele los ojos (a alguien)** (*saltarse*– дословно: *резко меняться, делать скачки, подпрыгивать*) является эквивалентом русского фразеологизма. Например: **Se le saltan los ojos** (перевод: У него *глаза на лоб лезут*), ФЕ **los ojos en la frente suben** (дословно: *глаза на лоб поднимаются*).

Для выражения сильного удивления, недоверия по поводу сказанного, даже изумления, негодования, радости, используются ФЕ **Что ты говоришь (вы говорите)?, Да неужели?** Например: Я купил новую машину! **Что ты говоришь!..** В испанском языке в данном случае довольно часто используются следующие выражения: **¿Es possible?** (*Неужели? Возможно ли?*), **¿De veras?** (*правда ли?*), **¿Será sierto?** (*верно ли?*), **¿En serio?** (*серьезно?*), **¿Acaso?** (*разве?*), (это правда?), **¿ Es possible que esto es verdad?** (*Неужели это правда?*) **¿ Será verdad esto?**(*Это действительно правда?*), **¡No puede ser!** (*Не может быть!*) **¡No es possible!** (*Это невозможно!*) **¡Imposible!** (*Невероятно! Невозможно!*).

Фразеологизм **делать большие (круглые) глаза, вытаращить глаза** выражает крайнее удивление, недоумение. Например: Любимая девушка забыла, как меня зовут и как я выгляжу, так как при встречах не узнавала и **делала круглые глаза**, когда я пытался с ней заговорить (Алла Зуева, Жизнь наоборот). Или другой пример: **Вот так так!** – Ромашов **вытаращил глаза** и слегка присел... – Надо бы ему на чай, а у меня ничего нет (Куприн «Поединок»). В испанском языке, если говорят просто о «круглых» глазах, используют фразеологизм, в котором глаза сравниваются с одной тарелкой, например, **poner ojos de plato** (дословно: *глаза как тарелка*), а если речь идет о больших, огромных круглых глазах, то их сравнивают с двумя тарелками: **poner los ojos como dos platos** (*глаза как две тарелки*). В качестве синонимов можно использовать следующие ФЕ: **desencajar los ojos** (дословно: *развязать глаза*), т.е. **вытаращить глаза** и фразеологизм **quedarse con la boca abierta** (дословно: *остаться с открытым ртом*) = ФЕ **quedarse boquiabierto (asombrado) boquiabierto** (разг.) – *с открытым ртом, с разинутым от*

удивления *ртом*; раскрыть (разинуть) рот от удивления, где **asombrar** переводится как *удивлять(ся)*, *изумлять(ся)*, *поражать(ся)*.

в) выражение удивления, разочарования, недоверия и т.п.

К этой группе можно отнести следующие фразеологизмы: **Вот так клюква!** (прост.). Например: – Всем хорош человек, но одна беда: пьяница! – **Вот так клюква!** – подумал Посудин (Чехов «Шило в мешке»). В испанском языке подобный фразеологизм отсутствует. Часто вместо него используют слово **absurdidad?** (ирон.), что значит дословно *Бессмыслица! Нелепость! Чушь!* *disparate?* (ирон.) переводится как *Бессмыслица! Ерунда! Чепуха! Глупость!*

В русском языке для выражения крайнего удивления и сильного разочарования используются также ФЕ **Вот так фунт!** (прост.). **Вот так фунт с походом!** **Вот тебе фунт!** **Вот так штука!** (прост.) Например: **Вот так фунт!** **Вот так штука!** В уборной уснул! Спектакль давно уже кончился, все из театра ушли, а я преспокойнейшим манером храповицкого задаю (Чехов «Лебединая песня»), а также фразеологизмы **Вот те (тебе) <и> на Вот те (тебе) <и> раз.** Например: [Городничий:] Ревизор из Петербурга, инкогнито. И еще с секретным предписанием. [Аммос Федорович:] **Вот те на!** (Гоголь «Ревизор»).

Если удивление смешано с негодованием, возмущением или восхищением, то в русском и испанском языках говорят ¡**Qué fuerte!** – *Вот это да! Вот негодяи! Вот, блин!..* ¡**No me lo puedo creer!** – *Не может быть!;* **Qué!, ¡Vaya!** – *Вот!;* ¡**Vaya una historia!** ¡**Qué historia!** – *Вот так история!;* ¡**He aquí un hombre!** ¡**Vaya un hombre!** ¡**Qué hombre!** – *Вот так человек!;* **No faltaba más!** – *Вот еще!;* ¡**Vaya!** – *Вот тебе и на! ¡ Вот так так! ;* ¡**Cómo!** ¡**Así!** – *Вот как! Вот что!*

В заключение хочется сказать, что «фразеологические картины мира различных народов могут совпадать в каких-то своих фрагментах, отражая либо общность человеческого мышления, либо культурное взаимодействие народов, либо общие источники происхождения» [Мокиенко, Николаева 2002: 21].

Список литературы

1. Большой испанско-русский словарь. Более 150000 слов, словосочетаний и выражений / под ред. Б.Н. Нарумова. – 7-е изд., стереотип. – М.: Рус.яз. – Медиа, 2006. – 828 с.
2. Большой русско-испанский словарь / под ред. д-ра филол. Наук, профессора Г.Я. Туровера. – 7-е изд., стереотип. – М.: Рус.яз. – Медиа, 2006. – XX, 832 с.
3. Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров Фразеологический словарь русского языка. – 3 –е стереотип. Изд. – М.: Русский язык, 1978. – 543 с.
4. Гнездилова В.А. Испанско-русский словарь пословиц и поговорок. – М.: Мирга –Принт, 2005. – 159 с.

5. Жуков В.П.: Словарь фразеологических синонимов русского языка. М, 1987, – 443 с.
6. Испанско-русский фразеологический словарь / Под ред. Э. И.Левинтовой.- М., 1985. – 1074 с.
7. Мокиенко, В.М.Николаева, Е.К.: Интернациональный фонд русской фразеологической картины мира. In: Rossica Olomucensia XL (Za rok 2001), Olomouc 2002, 1, С.17-35.

Сведения об авторе:

Вашекина Татьяна Владимировна, МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет иностранных языков и регионоведения, кафедра сопоставительного изучения языков, доцент, кандидат филологических наук, Москва, Россия, e-mail: vascjulia@yandex.ru

Author's personal data: Tatiana V. Vaschekina, Lomonosov Moscow State University, foreign language and regional research department, chair of language comparative study, docent, candidate of philological sciences, Moscow, Russia, e-mail: vascjulia@yandex.ru

УДК 81'42

Вербализация концепта «Работа» в делопроизводственных автобиографических текстах¹⁵

Светлана Владимировна Волошина

Томский государственный университет, доцент кафедры русского языка, кандидат филологических наук, доцент, Томск, Россия, ysv1304@yandex.ru

Аннотация. В статье на материале делопроизводственных автобиографий XX в. выявляются языковые средства, вербализующие концепт «Работа», его понятийный слой, а также образные и ценностные интерпретации. Определено, что с точки зрения репрезентантов ценностного слоя концепт «Работа» амбивалентен, и средства объективации концепта участвуют в реализации стратегии самопрезентации авторов.

Ключевые слова: автобиографический дискурс, делопроизводственная автобиография, автобиография, концепт, самопрезентация

Abstract. The linguistic means that verbalize the concept of work, its conceptual layer, as well as figurative and value interpretations are revealed based on the material of office autobiographies written in the XX century. It is determined that

¹⁵ Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042

from the point of view of the representatives of the value layer, the concept of "Work" is ambivalent, and the means of representation of the concept participate in the implementation of the authors' self-presentation strategy.

Keywords: autobiographical discourse, office autobiography, autobiography, concept, self-presentation

Данная работа вписывается в рамки когнитивно-дискурсивного исследования русских автобиографических практик, включающего обращение к описанию дискурсообразующих концептов.

Поскольку делопроизводственная автобиография – документ, который заполняется при устройстве на работу, в ней всегда содержатся данные об опыте или месте работы, профессии ее составителя, желаемой работе в настоящее время при отсутствии опыта. В этом смысле «Работа» – жанрово- и дискурсивно-обусловленный концепт, один из ключевых и аксиологически значимых в автобиографическом дискурсе.

Материал исследования – 320 автобиографий, авторами которых является 181 человек. Эти документы содержатся в личных делах, отложившихся в архивах г. Томска и Томской области. Объём текстов от 1 до 9 страниц. Документы составлены в 1920-1930-х – 1990-х гг. на специальных бланках формата А4 (выявлено их 7 типов: бланки 1940 г., 1949 г., с 1954 г. по 1959 г., 1955 г., 1958 г., 1979 г., 1990 г.) или близкого к нему, либо на листах чистой бумаги различных форматов.

В работе используется метод концептуального анализа. Методика базируется на выделении в структуре концепта понятийного, образного и аксиологического слоёв [Карасик 2002]. В исследуемом материале выбирались контексты с лексемами «работа» и их дериватами и единицами, в значении которых содержится сема «работа», анализировалась сочетаемость обозначенных лексем, их системные связи, рассматривалась семантика этих единиц и высказываний; содержательная сторона концепта моделировалась с использованием контекстуального анализа.

Понятийный слой концепта «Работа». В словаре русского языка под ред. А.П. Евгеньевой представлены несколько значений слова «работа», проявляющиеся в исследуемом материале: вид деятельности, труда; круг занятий, обязанностей; труд, занятие, как источник заработка; служба; продукт труда, изделие, произведение [Словарь русского языка 1987, с. 575]: «*В 1914 г. прибыла в г. Барнаул с семьей, куда в 1913 г. приехал ее отец для работы на строительстве железной дороги*»; «*Со студенческих лет веду активную общественную работу*»; «*Работа выдвинута ученым советом ХХХ на Сталинскую премию*».

Основными единицами, репрезентирующими концепт, выступает слово *работа*, служащее его названием, глагол *работать* и его дериваты *зарабатывать, проработать, работавший, работающий, работа, работник, рабочий* (=человек): «*В этом институте я проработал ассистентом кафедры ХХХ 2 года*»; «*Сестра <...> служила медицинским работником до 1947 года*»;

«... был вынужден прекратить учёбу. **Работая** по-прежнему репетитором».

С точки зрения системных отношений репрезентанты концепта «Работа» выступают в отношении полисемии, синонимии и антонимии. Среди основных лексических единиц, вербализующих концепт, выступают синонимичные к указанным выше: *труд, трудовая деятельность, служба, сотрудник, трудиться, служить (кем? где?), заниматься (чем?),* а также словосочетания *выполнять / исполнять обязанности, занимать должность, быть (кем?), состоять в должности, состоять на работе:* «**Отец служил** делопроизводителем в ХХХ»; «**Родители мои ХХХ до революции занимались земледелием**»; «**В 1963-1964 гг. выполнял обязанности** заместителя декана, а в 1968-1972 декана ХХХ»; «**Трудовая деятельность** моя началась с конца 1919 г....».

Полисемантами являются работа в значении «деятельность», «служба» и работа в значении «результат, продукт» этой деятельности: «**В декабре 1947 г. переведен на работу** в школу по подготовке руководящих кадров колхозов в качестве зав. учебной частью»; «**Ниже прилагаю список основных своих работ**».

Антонимичными лексемами в определенных контекстах к словам *работать / работающий* служат *безработный, не работает, пенсионер, иждивенец, домохозяйка, быть (состоять, находиться) на иждивении, тунеядец:* «**Затем заболел и в 1924 г. остался безработным**»; «**Мать малограмотная, была на иждивении мужа, а после его смерти на моем**»; «**Отец мой работал** сельским кузнецом, кустарь одиночка. **Мать была домохозяйка**»; «**С октября 1952 г. живет со мной, и временно, по семейным обстоятельствам, не работает**»; «**Отец – инженер (ныне пенсионер)**».

Антонимия проявляется также в контекстах, связанных с поступлением на работу и увольнением, прекращением деятельности: «**Весной, 1912 г. уволился и поступил работать** бондарем».

Ключевыми репрезентантами концепта также являются:

- названия профессий, должностей и конкретных видов деятельности, среди которых глагольные формы и сочетания глаголов с названиями профессий: «... **отец до самой смерти служил конторщиком** в главных ж-д. мастерских»; «**Работал в качестве охотника** выполняя договор с ХХХ сельпо»; «**С 1956 г. преподаю в ХХХ педагогическом институте**»; «**Мать с 1900 по 1930 г. учительствовала**». Сообщение информации о работе, профессии позволяет авторам показать одну из своих «граней» – идентифицировать себя с представителями той или иной профессии, актуализируя при этом стратегию самопрезентации.

В автобиографиях XX в. преломляется весь XX век, конец XIX в. В них отражается динамика структуры занятости населения в СССР, уменьшение доли рабочих профессий и увеличение доли людей нерабочих специальностей. Например, в автобиографиях упоминаются профессии, свойственные для общества конца XIX - первой трети XX века: «**По возвращении из-за границы в качестве приват-доцента читал частный курс «ХХХ**»; «**Отец до революции был счетоводом**»; «**В 1916-1917 г. работал батраком**», «**Отец вместе с дедом**

занимались отходничеством (бондаря)»; «Затем после армии /конец 1920 и начало 1921/ секретарь ХХХ уездкома КСМУ, член Губкома нескольких составов, зав. политпросветом ХХХ ГК, секретарь ХХХ райкома, гл. райтройки по чистке КСМ ХХХ райкома...»; «... работал коновозчиком на ХХХ конях».

- наименования сотрудников, коллектива: *«По мере организации мной отдельных кабинетов и подготовки мной учеников постепенно сформировался штат научных работников»; «Весной 1914 г. отца вместе с другими рабочими перевели в г. Омск»; «Комиссией по распределению специалистов в 1930 г. (апрель месяц) был командирован на работу в ХХХ».*

- виды работы:

а) основная и по совместительству: *«С 1 сентября 1923 года по совместительству был приглашен в ХХХ для чтения курса ХХХ»; «По совместительству преподавала несколько лет на Рабфаке»;*

б) сезонная, временная и постоянная: *«В 1932 г. отец <...> был назначен на постоянную работу в Сибирь, /Омскую область/ на должность ветврача совхоза»; «С 1914 по 1925 г. работал в своем бедняцком хозяйстве и батрачил на сезонных работах»; «Мне пришлось встать во главе ХХХ, временно исполняя должность директора».*

в) общественная, партийная, профсоюзная, производственная, административная: *«Принимал активное участие в партийной и общественной работе»; «6 лет был также на профсоюзной работе»; «Во время производственных работ открыты крупные месторождения угля в Кузбассе».*

г) научная, научно-организационная, научно-исследовательская, академическая, педагогическая, учебно-административная, открытая, медицинская, полевая: *«Занимаюсь научной работой»; «В Томском Индустриальном институте, кроме педагогической, вел учебно-административную работу»; «1923 – в Иркутске по вопросу об открытых работах в ХХХ районе»; «Сейчас работает в Кемеровской области на медицинской работе»; «... соответствующие отчеты по полевым работам своевременно подавал»;*

д) фронтовая работа, военная работа, гражданская: *«Дальнейшая работа зависит от условий фронтовой работы. Отозван с военной работы на гражданскую Народным комиссаром здравоохранения для пользы дела»;*

е) дальнейшая, соответствующая: *«В 1904 г. в Москве вступил в РСДРП, работая в пропагандистских кружках и ведя соответствующую работу среди рабочих ХХХ района».*

- начало / окончание карьеры, перерыв: *«В 1924 г. поступил на маслозавод»; «С 6 июля 1898 г. зачислен в штат по той же должности»; «Самостоятельную трудовую деятельность начал с 19 лет»; «Работу прекратил вследствие закрытия отделения при реформе Института»; «Проработал до ХХХ г. в шахте. В ХХХ году взял расчет в Пышкино-Троицкий район»; «Я попал под сокращение и меня освободили от работы»; «В 1934 г. перешел на пенсию и живет в Томске»; «В связи с работой над диссертацией*

я был **освобожден от исполнения обязанностей** зав. консультацией»; «... через два месяца тяжело заболела и ушла в **годовой отпуск**»;

- **место работы**: «В дальнейшем переход на новые **места работы** был связан с непрерывным повышением квалификации»; «IX.1909-III.1910 – лаборант на **цементном заводе**»; «В **партийной школе** работал до настоящего времени»;

- **условия работы**: «Условия работы кабальные. Постоянная нужда. <...> Условия работы всюду были благоприятные»; «Так как эта **работа была вредна для здоровья**, я уволился из **XXX рудника**»;

- **объем работы**: «С 1940 г. одновременно имела **педагогическую нагрузку**»;

- **оплата труда**: «С 1974 по 1979 гг. одновременно работал преподавателем **XXX** на условиях **почасовой оплаты**»; «С 1.1.1916 года я стал сверхштатным ассистентом **XXX** Института и мне оплачивался ассистентский **оклад**»;

- **повышение квалификации**: «С 1 февраля 1911 г. до 1 сентября 1912 г. был командирован за границу для усовершенствования в своей специальности и ознакомления с постановкой преподавания в заграничных Университетах»;

- **карьерный рост**: «С октября 1955 г. по настоящее время работаю в **XXX** последовательно в должности ассистента, старшего преподавателя, доцента, а с **XXX** г. – профессора, зав. кафедрой **XXX**»; «**Ряд наших работ из числа более десяти** успел уже получить продолжение в Советской и мировой науке».

- **достижения и награды**: «В **XXXX-XXXX** гг. в **ИКП** и **ЛОКА** был **лучшим ударником и был премирован**»; «**Награжден Орденом Трудового Красного Знамени, Лауреат Премии Ленинского комсомола**»; «За учёбу, общественную и научно-исследовательскую работу был награжден **11 почётными грамотами**».

Образный слой концепта «Работа» концепта «Работа» слабо проявлен в исследуемых текстах. Единичные контексты демонстрируют отношение человека к работе, восприятие места работы как родного места: «**Поэтому XXX отказался от совместительства, чтобы не порвать связь с родным политехническим институтом**», как места, которое воспитывает людей: «**Факультет рос, росли кадры – питомцы факультета...**».

Неработанность образного слоя, немногочисленность метафорических слов и выражений в репрезентации концепта является спецификой данного типа институциональных дискурсивных практик, в которых преобладают конструкции, оформленные в официально-деловом стиле.

Аксиологический слой концепта «Работа». Работа – ценностно обусловленный концепт, в содержании которого проявляются значимые для человека смыслы, связанные с ее восприятием как источника заработка, вознаграждений, материальной независимости: «**Окончил институт лишь в 1919 г., т. к. приходилось тратить много времени на постороннюю работу из-за заработка**»; «**По окончании школы я был поставлен в необходимость найти себе какой-нибудь заработок, и поэтому начал давать частные уроки по**

математике и физике»; *«За высокое качество научной и педагогической работы неоднократно премирован».*

Работа является источником самореализации: *«... работал обрубщиком стали, познакомился с автогенной сваркой металлов, что позволило мне стать электросварщиком паровозного депо ст. ХХХ»; «Я все годы тяготел к правоведению. И характер работы в ХХ университете соответствовал моему стремлению».*

Работа позволяет чувствовать причастность к профессиональному сообществу и свою необходимость, значимость членства в том или ином коллективе, иначе говоря, осознавать свою профессиональную идентичность: *«После окончания университета был оставлен на кафедре ассистентом»; «За последние годы почти каждое лето я принимал участие в летних сессиях заочников, являясь бессменным председателем госкомиссий по приёму госэкзаменов».*

Однако, работа может оцениваться не только положительно, но и отрицательно, в сопоставлении с другими ценностями (семьей, здоровьем) представлять меньшую: *«Уволилась с работы ввиду замужества, то есть семейного обстоятельства»; «...уже 3 года совсем не отдыхал и чувствую крайнее переутомление и нервное расстройство. Использование моих знаний и сил на научно-учебной работе считаю наиболее целесообразным, но в условиях спокойной обстановки. Учебно-административной работой заниматься уже не могу».*

Таким образом, концепт «Работа» – один из ключевых концептов автобиографических институциональных практик, участвующий в реализации стратегии самопрезентации человека. В его вербализации участвуют слова, номинирующие концепт, и слова, содержащие в своем значении сему «работа». Образный слой концепта представлен единичными актуализациями образных значений его репрезентантов. С точки зрения вербализации ценностного слоя концепт «Работа» амбивалентен.

Список литературы

1. Словарь русского языка: В 4-х т./АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985-1988. Т. 3. П - Р. 1987. 752 с.

2. Карасик В. И. Языковой круг: язык, личность, дискурс / В. И. Карасик. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.

Сведения об авторе:

Волошина Светлана Владимировна; кандидат филологических наук, доцент, Томский государственный университет, 634050, Российская Федерация, г. Томск, пр-т Ленина, д. 36; vsv1304@yandex.ru; +79138780808.

Voloshina Svetlana Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Tomsk State University, Lenin av., 36, Tomsk, 634050, Russian Federation; vsv1304@yandex.ru; +79138780808.

Социолингвистическая роль языка дьола в Кот-д'Ивуаре

Яна Андреевна Глебова

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, доцент кафедры второго иностранного языка, кандидат филологических наук, Белгород, Россия, glebova_ya@bsu.edu.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению и краткой функциональной характеристике одного из самых распространенных автохтонных языков Кот-д'Ивуара – дьола. Исторические, культурные и экстралингвистические факторы способствовали тому факту, что дьола стал языком межэтнического общения в Кот-д'Ивуаре на фоне сложной социолингвистической ситуации. В наши дни дьола популяризирован и интегрирован во все слои ивуарийского общества. Особое внимание уделяется распространению и функциям языка дьола, а также перспективам его функционирования и развития в Кот-д'Ивуаре.

Ключевые слова: Кот-д'Ивуар, дьола, автохтонные языки, Западная Африка, французский язык, социолингвистическая ситуация.

The sociolinguistic role of the Dioula language in Ivory Coast

Yana A. Glebova

Belgorod National Research University, Associate Professor of the Department of Second Foreign Language, Candidate of Philology, Belgorod, Russia, glebova_ya@bsu.edu.ru

Abstract. The article is devoted to the study and brief functional characterisation of Dioula, one of the most widespread autochthonous languages of Ivory Coast. Historical, cultural and extra-linguistic factors have contributed to the fact that Dioula has become the language of inter-ethnic communication in Ivory Coast against the background of a complex sociolinguistic situation. Today, Dioula is popularised and integrated into all sectors of Ivorian society. Particular attention is paid to the spread and functions of the Dioula language, as well as the prospects for its functioning and development in Ivory Coast.

Keywords: Ivory Coast, Dioula, autochthonous languages, West Africa, French, sociolinguistic situation.

Дьола, общее название для группы идиомов, входящих в состав манден языков. Этот язык в Кот-д'Ивуаре используются примерно 8 млн. человек. Языку дьола посвящены исследования таких лингвистов как К. Тера (1995, 2002, 2011), А. Сангаре (1984), М. Саного (2006), И. Конате (2008, 2016) и др. Термин «дьола» переводится как «торговец» и используется для номинации не

только языка, но и этнической группы. Эта единственная этническая группа в Западной Африке, которая повсеместно практиковала торговлю как основное занятие. Таким образом, вид деятельности стал использоваться для обозначения этнической группы.

Как и во всех странах, где на нем говорят, дьюла в Кот-д'Ивуаре распространился благодаря основной экономической деятельности его носителей, т.е. торговле. Благодаря этой деятельности дьюла взаимодействует с людьми из разных слоев общества, обмениваются привычками, обычаями и цивилизациями, но прежде всего обучают их языку торговли. Таким образом, торговля сыграла важную роль в распространении языка дьюла. Сегодня торговцам легче вести дела, если они говорят на языке дьюла. Например, нередко можно увидеть, как торговец выбирает дьюла языком общения, не зная заранее языка своих собеседников.

Язык дьюла, используемый в Кот-д'Ивуаре, распространен по всей стране. Считается, что он возник в результате языкового контакта носителей языка с севера Кот-д'Ивуара и соседних стран – Мали, Гвинеи и Буркина-Фасо. На языках манде, включая дьюла, говорят в большинстве стран Западной Африки: Гамбии, Мавритании, Гвинее-Бисау, Сьерра-Леоне, Нигерии и Бенине. Сегодня этот язык распространен также в Буркина-Фасо, Мали, Сенегале и Либерии. Дьюла заимствует много слов и выражений из бамбара и малинке. В Сенегале 2,4% населения говорят или понимают язык дьюла. Хотя волоф остается предпочтительным языком, часто даже более предпочтительным, чем французский в некоторых регионах, вы все еще найдете людей, которые понимают этот язык обмена.

Выделяются межэтнический дьюла и «сильно различающиеся между собой территориальные диалекты: на северо-западе Кот-д'Ивуара – дьюла деп-та Одиенне (120 тыс. говорящих), коро, койага, вородугу, барала, корока и др.; на северо-востоке Кот-д'Ивуара – дьюла деп-та Конг» [Выдрин, 2017].

К. Тера назвал язык дьюла «примером перспективного африканского языка, который, будучи проанализированным в свете социолингвистики, может представлять большой интерес» [Тера, 1986, р.13]. Дьюла является самым распространенным из ивуарийских автохтонных языков. Использование этого языка постоянно растет, поскольку он, наряду с французским, является «единственным национальным языком, на котором говорят во всем Кот-д'Ивуаре» [Dumestre, 1971, р. 46]. Это первый код общения, преобладающий в среде ивуарийцев помимо французского языка. Так, дьюла был одним из местных языков, выбранных в качестве части пилотной фазы проекта двуязычного образования на французском/местном языке в Кот-д'Ивуаре в период 2016-2018 годов.

Дьюла, хотя и принадлежит к языковой семье, на которой говорит только 14% ивуарийского населения, в диалектной форме, «хотя и немного отличающейся от своей первоначальной формы, играет важную роль в качестве лингва франка» [Derive, Lafage, 1978].

Дьюла и французский языки являются наиболее распространенными языками в Кот-д'Ивуаре, выполняя функции языков межэтнического общения.

Однако, с точки зрения официального признания, следует сказать, что они не находятся в равных условиях. Французский язык получил развитие благодаря экспансионистской политике колонизаторов и благосклонному отношению со стороны правительства страны после обретения независимости. Конституция страны закрепила его официальный статус и сделала его единственным языком управления и образования. В свою очередь, местные языки находятся в достаточно сложной ситуации. На наш взгляд, «нежелание принимать во внимание ивуарийские языки при управлении страной, а также выбор французского языка в качестве официального языка объясняется стремлением ивуарийских властей, столкнувшихся с лингвистической раздробленностью Кот-д'Ивуара, сохранить социальную сплоченность» [Глебова, 2020, с. 66]. Так, дьюла не пользуется официальным признанием, несмотря на непрекращающиеся призывы лингвистов использовать местные языки системе образования [Aboa, 2011, p. 661].

Дьюла широко распространен благодаря высокому уровню урбанизации в крупных городах Кот-д'Ивуара. В этих городах дьюла, наряду с французским языком, является средством обмена между людьми разного происхождения. Заметим, что дьюла, как и другие автохтонные языки, чаще всего используется малообразованными ивуарийцами. Так, дьюла часто используется в качестве средства общения людьми, говорящим на разных языках, «для которых французский не обязательно является предпочтительным средством общения» [Konate, 2016].

Таким образом, с социолингвистической точки зрения, дьюла, в силу своего функционального статуса, активного участия в коммуникативном взаимодействии и поддержки, которой он пользуется среди населения, интегрирован во все сферы деятельности и во все социально-профессиональные группы. С точки зрения нормативно-правового регулирования, сложившаяся ситуация требует изменений языковой политики Кот-д'Ивуара с целью закрепления статуса и продвижения языка дьюла в сфере администрации и образования.

Список литературы

1. Выдрин В. Ф. Дьюла // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2017). URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/1972076> (дата обращения: 15.06.2023).
2. Глебова Я. А. Общая характеристика местных африканских языков Кот-д'Ивуара // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2020. Т. 10, № 1. С. 61-68.
3. Aboa A.A.L. Le nouchi a-t-il un avenir ? // Revue électronique Actes du huitième congrès de la société linguistique de l'Afrique occidentale. 2011. V. 2. Pp. 661-662.
4. Derive M.-J., Lafage S. La Côte d'Ivoire (situation sociolinguistique), Inventaire des études linguistiques sur les pays d'Afrique noire d'expression française et sur Madagascar », CILF, Paris, 1978.
5. Dumestre G. Le dioula // Annales de l'université d'Abidjan, série H, internationale de sciences du langage sudlangues. 1971. N. 16. Pp. 44-54.

6. Konate Y. Le dioula véhiculaire : Situation sociolinguistique en Côte d'Ivoire // Corela. 2016. Vol.14. N. 1. Pp.1-11.

7. Tera K. Le dioula véhiculaire de Côte-d'Ivoire : Expansion et Développement // CIRL. 1986. N. 20. Pp. 5-31.

Сведения об авторе:

Глебова Яна Андреевна; кандидат филологических наук, доцент кафедры второго иностранного языка, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, 85; glebova_ya@bsu.edu.ru; +79511547175

Glebova Yana Andreevna; Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Second Foreign Language, Belgorod National Research University, Pobedy St., 85, Belgorod, 308015, Russian Federation; glebova_ya@bsu.edu.ru; +79511547175

УДК 81

Территориальные и социальные диалекты во взаимодействии (на материале дулебского диалекта и лексики стекольщиков)

Йиржи Коростенски

кандидат филологических наук, доцент, магистр; Чешская Республика, г. Ческе Будеёвице, ул. Я. Борецкого 1570/24; korostenski@seznam.cz

Аннотация. В углубленных территориальных и социальных исследованиях уделяется в последнее время внимание их взаимодействию. В статье представлены результаты такого исследования на материале дулебского диалекта и лексики стекольщиков в заводе Чешский хрусталь в населённом пункте Хлум и его окрестностях. Отмечена преобладающая направленность языковых явлений от социального диалекта к территориальному.

Ключевые слова: дулебский диалект, социальный диалект, направленность от социального к территориальному.

Abstract. In territorial and social studies the researchers have recently paid attention to their interaction. The article presents the results of such a study on the material of the Duleb dialect and vocabulary of glassmakers in the Czech Crystal factory in the village of Chlum and its environs. The predominant direction of linguistic phenomena from the social dialect to the territorial one is noted.

Keywords: Duleb dialect, social dialect, direction from Tsotsial to territorial.

Целью статьи является исследование лексико-семантических процессов на материале лексем территориального и социального диалектов на фоне обиходного чешского языка в профессиональной среде стекольщиков в Хлуме у Тршебоня.

Материал собирался с помощью информантов, которые жили и работали минимум 20 лет на стекольной фабрике Хлума. Таким образом выполнено условие территориальной и профессиональной принадлежности к месту в обоих аспектах. Естественно, собранный материал нами проверялся по другим источникам. К ним относились чешские диалектные словари [Holub a kol. 2004], статьи [Korostenski 2021], посвященные подобным темам в рамках ЧР или переводный немецко-чешский словарь стекольной терминологии [Štraus 1948].

О какой территории будем говорить? Находится она в самом центре Европы, в юго-восточной Чехии, на самой границе с Австрией. На заре веков, в 5 — 12 вв. данная территория была покрыта первозданным лесом полосой около 100 км. В этом регионе не существовало постоянное население. Можно было встретить лишь охотников, угольщиков или бортников. В течение 6 — 7 веков началось переселение некоторых славянских племён из их прародины в Европу. Племена дулебов, согласно некоторым теориям, передвигались на запад через Венгрию и Австрию. Данный процесс часто связывают с миграцией аваров в венгерские степи. В их составе оказались и дулебы, которые чуть позже вышли из-под аварского ига. Заселяли территорию левого берега Дуная от города Регенсбурга до Вены [Holub 2014, 34].

Из-за отсутствия достаточно ёмкой информации об отношениях в аварском каганате в 6 вв. на территории центральной Европы, нам нельзя с полной уверенностью утверждать о передвижении племени дулебов. Но фактом остаётся, что уже с 9—10 вв. этноним и топоним «дулебы» прочно закрепился на картах южночешского региона и в письменных источниках, относящихся к тому же времени. Тем не менее заболоченная, покрытая лесом местность Хлума оставалась по-прежнему безлюдной [Holub 2014, 82].

Только во второй половине 13 века и под самый его конец начинают в Хлуме и его окрестностях оседать первые поселенцы. Всё было связано с изменением династических структур в рамках более широкого политического образования «Священной Римской империи». Чехия и Австрия, вместе с другими центральноевропейскими государствами, входили в её состав.

С тех пор на самой окраине территории дулебского диалекта стал развиваться язык жителей Хлума. Связь и контакты со славянской средой северной Австрии поддерживалась вплоть до начала прошлого века. В начале 16 века начинают меняться долговечные устои скрытого в лесах Хлума. По инициативе дворян, во владении которых тогда Хлум находился, началось крупномасштабное строительство искусственных водоёмов - прудов. В 17 веке зарождается производство стекла и чуть позже добыча, переработка и плавка железных руд. Место производства стекла было тогда временным. Истощение запасов древесины, помимо экономических собраний, являлось тогда причиной прекращения производства и перенесения стекольного завода ближе к

источникам древесины. Под конец 19 века стекло стало производиться в центре Хлума.

Более чем сто лет существования стекольной фабрики наложило отпечаток и оставило следы в речи местных жителей.

Лексический материал для исследования и сопоставления почерпнут в специализированном словаре лексической терминологии, упомянутом выше, опросом информантов разных возрастных групп и применением собранного уже несколько десятков лет старого материала такого характера. По этому материалу мне приходилось консультироваться с людьми, долгое время работавшими на стекольном заводе или жившими в Хлуме. Это были господа Чапек, Свобода, госпожи Вейсова, А. Голейшоска, М. Коростенска, Л. Суха. Большую помощь мне оказал г. Ярослав Медэк, главный технолог производства стекломассы.

Прежде чем перейти к описанию конкретных процессов, необходимо объяснить исходные положения. Материалом для нашего краткого обзора стала лексика дулебского диалекта, территория которого расположена в южной Чехии, и профессиональной лексики стекольщиков на стекольной фабрике в Хлуме у Тршебоня.

Исследование и анализ собранного материала можно распределить в несколько групп. С учётом характера публикации, её объёма мы старались выбирать самые типичные для Хлума примеры.

На каких языковых базисах были основаны исследуемые территориальный и социальный диалекты? В рамках чешских территориальных диалектов дулебский диалект принадлежит к группе юго-западных диалектов, отличающихся многими типичными знаками, как напр. звуковыми и морфологическими явлениями, напоминающими о более древнем состоянии на праславянском этапе развития языка. Относительно профессионального языка стекольщиков следует упомянуть, что его основу составляли прежде всего немецкие профессиональные слова. Потому все эти образования можно характеризовать как естественные языки, во времени не только сосуществующие рядом, но и взаимодействующие друг с другом и которые под воздействием «соседей» перестраивались, получая новые значения, формы и т.п.

1. Фразеологизмы и устойчивые словосочетания

Особенности межязыковых контактов на почве ежедневного и активного использования нескольких языковых образований существенно повлияли вместе с другими языковыми и неязыковыми факторами на возникновение фразеологизмов и устойчивых словосочетаний. Их классификация носит подобный характер, что и другие идиоматические образования такого же типа. Мы ограничились преимущественно на структурно-семантическом аспекте. В перечень так включены даже те единицы, которые вошли в названный разряд ещё не полностью, но потенциал фразеологизации у них просматривается. Чаще всего встречаются вербо-номинальные образования, в которых представлены глаголы обоих языков, как напр. *uľmelcovat potravu – переварить пищу*, *na z vode ho chytil řemen – на фабрике его захватило*

шкивом. Следует объяснить процесс их возникновения, так как в общенародном языке таких параллелей нет. В первом случае глагол /u/šmelcovat в профессиональном языке стекольщиков обозначал один из шагов в подготовке сухой смеси для подготовки стекломассы. В традиционном процессе ручной подготовки имели место такие действия как дробление и измельчение осколков стекла, кремния и других материалов. Такое с функциональной точки зрения очень напоминает этап переваривания пищи в желудке. Следовательно, возникновению эмоционально окрашенного переноса в сферу живого организма ничего не препятствует. Похожая образность наблюдается также у второго профессионального слова. *Řemen* - *шкив*, в данном случае *шкив* являлся на фабриках составной частью силовых единиц. В открытом исполнении был очень опасным для всех, кто в его близости находились. Поэтому ситуация, когда шкивом захватило человека, была опасной и часто заканчивалась смертельным ранением или тяжким вредом для пострадавшего. Поэтому перенос в сферу человека очень точно и опять в эмоционально окрашенной форме обозначает «крайне неблагоприятные последствия в результате чего-либо».

Оказывается, что в данной сфере фразеологизированных изречений можно наблюдать широкий спектр эмоциональных оттенков, начиная ласковой или шутливой насмешкой и кончая грубостью. Есть, конечно, случаи, когда в рамках профессионального слова развиваются другие, непрофессиональные значения слов, употребляемые в рамках территориального диалекта или обиходной речи, которые в повседневном общении переплетались. Тогда уже языковые процессы не входят в рамки фразеологии и устойчивых словосочетаний, а в область лексико-семантических преобразований.

2. Лексико-семантические преобразования

В этой области наблюдаем разные типы переносов значения и преобразования лексических единиц. Чаще всего они касаются имён существительных и глаголов, причём можно заметить, хотя редко, влияние лексических единиц территориального диалектного происхождения на профессиональную лексику. Так напр. лексема *рихтовать* (из нем. *richten*) существовала довольно долго в дулебском диалекте [Holub a kol. 2004, s.281] и была перенесена в сферу стекольщиков с подобными значениями и разными префиксами. Для уточнения глагол употреблялся в сочетании с префиксами *ří/z/vob*, так как он обладает широкой семантикой «что-то подготовить».

Глагол *љvenkovat* обозначал в стекольном деле специфические колеблющиеся движения стеклодувной трубки, с помощью которых придавалась форма изделию из стекла. В обратном случае жидкая масса стекла по законам гравитации и падала бы на землю. Употребляя данное слово в обычной жизни и обозначая таким образом движение солонки при добавлении соли в еду, придаём значению слова некий оттенок эмоций, лёгкой насмешки и т.п. Немецкий глагол *schleifen* обозначает «точить». Но в профессиональном языке, добавив префикс *vy-*, глагол уже обозначает «снимать материал, добавляя овальную форму чему-то», как правило деревянной форме. А в обиходной жизни материал может быть заменён любым другим.

Изменениям могут подвергаться и другие части речи, напр. существительные. Так лексема профессионального языка *tlačulec/pláčulec* обозначает небольшую дощечку из дерева ольхи, с помощью которой придерживается стекломасса при ротационном движении стеклодувной трубки. Потому что деревяшка носила круглую форму колёсика небольшой толщины, она стала употребляться для обозначения укуса разных насекомых, напр. комаров.

Деля частные выводы, надо отметить, что направленность языковых влияний осуществлялась прежде всего по линии из профессионального языка в дулебский диалект или обиходный язык. Эти сдвиги, как правило, сопровождаются также изменением эмоционального заряда языковых единиц. Нейтральные языковые единицы приобретают разные формы эмоциональной окраски. Обратная направленность влияния, т.е. из дулебского диалекта в профессиональный язык наблюдается редко и не сопровождается изменениями с эмоциональной нагрузкой языковых единиц.

Список литературы

1. Holub, Z. et al.: *Doudlebské nářečí a slovník*. - České Budějovice: Roční období, 2004. 420 s.
2. Holub, Z.: Jazykové doklady prehistorické podunajské migrace slovanského etnika na český jih. - Opava: Slezská univerzita v Opavě a OPTYS, 2014. 328 s.
3. Korostenki, J. Českobudějovická mluva s přihlédnutím k vlivům německým a zvláště bavorským. Kolektivní monografie „Česko-bavorské pomezí v moderní době: mezi konfliktem a kooperací“. - Mnichov 2021. 15 – 27 S.
4. Štraus, J. : Odborný sklářský slovník [Česko-německý a německo-český díl]. - Praha 1948. 250 S.

Сведения об авторе:

Коростенки Йиржи; кандидат филологических наук, доцент, магистр; Чешская Республика, г. Ческе Будеёвице, ул. Я. Борецкого 1570/24; korostenki@seznam.cz

УДК 811.133.1'373

Об одном из продуктивных словообразовательных механизмов французского молодежного аргю

Ольга Алексеевна Кузьмина

Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, старший преподаватель кафедры романской филологии, Орел, Россия, frkuzmina@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена характеристике верлана как одного из активных словообразовательных приемов французского молодежного аргю новейшего синхронического среза, посредством которого сформировано 10%

нестандартного вокабуляра. Отдельное внимание уделено классификации моделей конвергентного словообразования, одним из компонентов которых выступает верлан.

Ключевые слова: французское молодежное арго, арготическое словопреобразование, арготографическое издание, верлан, конвергенция

About one of the productive word-formation mechanisms of the French youth argot

Olga A. Kuzmina

Orel State University named after I.S. Turgenev, senior teacher at Department of Romance Philology, Orel, Russia, frkuzmina@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the characterization of verlan as one of the active word-formation techniques of the French youth argot of the newest synchronic section, through which 10% of non-standard vocabulary is formed. Special attention is paid to the classification of models of convergent word formation, one of the components of which is verlan.

Keywords: French youth argot, argotic word transformation, argotographic edition, verlan, convergence

Французское молодежное арго является объектом исследований российских и зарубежных лингвистов на протяжении трех десятилетий. Наши изыскания сосредоточились на изучении нестандартного вокабуляра французской молодежи, зафиксированного в период с 2010 по 2020 гг. В качестве материала исследования мы опирались на шесть лексикографических работ [Goudaillier 2019, Mongaillard 2013, Ribeiro 2014, Tengour 2013, Valliet 2018, Vincenti 2017] и словарные списки, опубликованные на французском сайте lescurionaute.fr. Арготизмы вышеупомянутых арготографических трудов систематизированы в глоссарии, который насчитывает более двух тысяч неконвенциональных лексических единиц. Описание корпуса лексем осуществлялось по нескольким аспектам, в том числе словообразовательному. Проведенный анализ показал, что 10% лексического репертуара представителей референтной группы сформировано посредством верланизации – приема, основанного на перестановке звуков или слогов. Наиболее простой путь преобразования проходит двусложная лексема: *toubab* ‘коренной француз’ > *babtou*. Трехсложная лексическая единица чаще всего верланизируется по схеме C1C2C3 > C2C3C1 (C-слог): *défoncé* ‘под воздействием наркотических средств’ > *foncédé*. Если речь идет об односложном слове, то оно, прежде чем трансформироваться, добавляет немое [V], превращаясь при этом в двусложное, и затем подвергается модификации: *bombe* ‘красивая девушка’ > *bebom*.

Интересно отметить, что рассматриваемому принципу кодирования сейчас посвящаются не только научные статьи, диссертационные исследования, но и отдельные разделы в аутентичных учебниках французского языка. Так,

учебный комплекс *Phonétique essentielle du français* (уровень B1/B2) парижского издательства *Didier*, вышедший в 2017 г., знакомит обучающихся с правилами верланизации, многочисленными примерами верланизмов, предлагает упражнения, которые позволяют студентам самим выстраивать путь, по которому слово проходит в процессе преобразования. В качестве примера продемонстрируем скриншот упражнения (рис. 1) вместе с заданием [Kamoun, Ripaud 2017, p. 125].

3. Reconstruisez les étapes de la verlanisation des mots suivants en complétant les cases colorées du tableau comme dans l'exemple.

Forme de base	chien	flic	américain	pitié	arabe
↓ Ajout de [ø] aux mots terminés par une consonne ou un « e » muet					
Suppression de la ou des première(s) syllabe(s)					
Découpage du mot en syllabes					
Inversion des syllabes / des sons	iench				
Suppression en fin de mot					
Reverlanisation du mot en verlan : le « veul »					

Рис. Упражнение на построение лексических единиц посредством верлана

Изучающим французский язык иностранным студентам предлагают шесть этапов для преобразования базового слова:

- добавление звука [ø] к словам, оканчивающимся на согласную или немое [e];
- усечение первого/ первых слогов;
- разделение слов на слоги;
- инверсия слогов/ звуков;
- усечение на конце слова;
- реверланизация верланизированной лексики: вель (*veul*).

В упражнении даны 4 лексемы из литературного языка (*chien* ‘собака’, *américain* ‘американец’, *pitié* ‘жалость’, *arabe* ‘араб’) и одна из традиционного арго (*flic* ‘полицейский’), которая в настоящее время широко употребляется всеми носителями французского языка.

Специальным цветом выделены этапы, которое слово не использует в ходе трансформации. В качестве примера продемонстрировано преобразование существительного *chien*, которое подверглось только инверсии звуков: в результате кодирования образовался арготизм *iench*, отраженный в нашем глоссарии [Ribero 2014, Tengour 2013, Valliet 2018].

Лексема *flic* в настоящее время принадлежит разговорному регистру французского языка (слово впервые зафиксировано в словаре Гастона Эно 1921

г., этимологически восходит к немецкому *Fliege* ‘полицейский’ [Colin, Mével 1992, p. 268]). В результате прохождения четырех этапов образуется *keuf*: *flikeu* > *fli-keu* > *keufli* > *keuf*. Лексическая единица *keuf* также зарегистрирована в словаре аргю Ж.-П. Колена и Ж.-П. Мевеля с информацией о том, что слово приобрело большую популярность в 80-х г. XX века в молодежном языке [Colin, Mével 1992, p. 354]. Лексема присутствует в составленном нами глоссарии молодежного аргю, поскольку четыре автора включили ее в свои работы и снабдили примерами употребления в исследуемые сроки [Ribero 2014, Vincenti 2017, Tengour 2013, Valliet 2018].

Разбирая следующую лексическую единицу *américain*, отметим наличие усеченного арготизма *ricain* в словаре традиционного аргю [Colin, Mével 1992, p. 552]. Результатом трехступенчатой трансформации является слово *cainri* (*américain* > *ricain* > *ri-cain* > *cainri*), которое также присутствует в глоссарии, т.к. содержится в словарях Б. Валье, В. Монгайара и А. Тенгура.

Существительное *pitié* претерпевает следующие изменения: *pi-tié* > *tiépi* > *tiép*. Наш глоссарий включает два последних варианта, причем непосредственно верланизованная лексема зафиксирована только в лексикографической работе А. Тенгура, а ее усеченный вариант *tiép* представлен в пяти словарных работах.

Наконец, как демонстрирует схема, лишь одна лексема подвергается всем этапам словопреобразования: это существительное мужского рода *arabe* ‘араб’, которое в результате трансформации дает *rebeu*:

arabe > *arabeu* > *rabeu* > *ra-beu* > *beu-ra* > *beur* > *rebeu*.

Полученный вариант в учебном комплексе именуют реверланизацией верланизованного слова, или вель. Отметим, что арготизм *beur* известен уже давно и зафиксирован в словаре традиционного аргю [Colin, Mével 1992, p. 51].

Как уже было сказано выше, все пять лексем присутствуют в нашем глоссарии, что явилось для нас подтверждением актуальности как самих арготизмов, так и словообразовательного механизма в целом.

Необходимо упомянуть о том, что верланизованная лексема может быть подвергнута усечению (30 арготизмов в исследуемом глоссарии), редупликации (1 арготизм), суффиксации (1 арготизм) или деривации (1 арготизм). В подобных случаях речь идет о комбинаторном, или конвергентном словообразовании (подробнее см. [Ретинская 2011, с. 144-146]), при котором верлан выступает в качестве первого этапа формирования нового арготизма. Кроме того, этот прием может выступать вторым и третьим шагом преобразования неконвенциональной единицы: ироническая аббревиация + верлан (2 арготизма), апокопа + верлан (7 арготизмов), афереза + верлан (2 арготизма), метафора + верлан (1 арготизм), метонимия + верлан (2 арготизма), метафора + апокопа + верлан (1 арготизм). Наконец, 50 арготических лексем исследуемого синхронического среза образовались путем верланизации заимствований как из традиционного аргю, так и из иностранных языков.

Как продемонстрировало наше исследование, кодирование по типу верлана активно используется для формирования новых лексических единиц в

обозначенный синхронический срез, что позволяет нам отнести его к одному из продуктивных словообразовательных приемов.

Список литературы

1. Ретинская Т. И. Социолингвистический и функционально-стилистический анализ французских профессиональных аргот: монография. – Орел: Изд-во ОГУ, 2011. – 284 с.
2. Colin J.-P., Mével J.-P., Leclère Ch. Dictionnaire de l'argot. – P. : Larousse, 1992. – 763 p.
3. Goudaillier J.-P. Comment tu tchatches ! Dictionnaire du français contemporain des cités. – P. : Hémisphères Éditions, 2019. – 304 p.
4. Kamoun Ch., Ripaud D. Phonétique essentielle du français. – P. : Didier, 2017. – 215 p.
5. Mongaillard V. Le petit livre de la tchatche. Décodeur de l'argot des cités. P. : Editions First-Gründ, 2013. – 165 p.
6. Ribeiro S. Dictionnaire Ados Français. – P. : Éditions First. – 2014. – 399 p.
7. Tengour A. Tout l'argot des banlieues. Le dictionnaire de la zone en 2600 définitions. – P. : Les Éditions de l'Opportun, 2013. – 732 p.
8. Valliet B. Lexique ta mère. – Belgique : Fortuna. – 2018. – 127 p.
9. Vincenti A. Les mots du bitume. De Rabelais aux rappeurs, petit dictionnaire de la langue de la rue. – P. : Le Robert, 2017. – 221 p.

Сведения об авторе:

Кузьмина Ольга Алексеевна; Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, Россия, Орел; frkuzmina@mail.ru; +9102082366

УДК 821.11 : 81.38 : 502.1

Стилистические особенности формирования экологического сознания в англоязычном произведении Рейчел Карсон «Безмолвная весна»

Наталья Евгеньевна Лысенко

Орловский государственный аграрный университет имени Н.В. Парахина, Орел, Россия, к.п.н., доцент кафедры иностранных языков, n.lysenko@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматриваются понятия «идиостилия», «эколингвистики», «экологического сознания», выявляются стилистические особенности произведения. Выявлено, что экологическая направленность проявляется в использовании лексики с семантикой «Экология», «Красота», «Гибель, безмолвие», зоонимов, а также в использовании прописных букв в тексте произведения с целью экспрессивности, привлечения внимания, метафорических наименованиях глав.

Ключевые слова: эколингвистика, экологическое сознание, идиостиль, пестициды, экологическое движение.

Stylistic features of the formation of environmental consciousness in the English-language work of Rachel Carson “Silent Spring”

Nataliya E. Lysenko

Oryol State Agrarian University named after N.V. Parakhin

Candidate of Pedagogical Science, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, n.lysenko@inbox.ru

Abstract. The article examines the concepts of “idiostyle”, “ecolinguistics”, “ecological consciousness”, and identifies the stylistic features of the work. We revealed that the environmental orientation is manifested in the use of vocabulary with the semantics “Ecology”, “Beauty”, “Death, Silence”, zoonyms, and in the use of capital letters in the text to express, attract attention, and also in metaphorical titles of chapters.

Key words: ecolinguistics, environmental consciousness, idiostyle, pesticides, environmental movement.

Цель статьи – изучение стилистических особенностей произведения Рейчел Карсон «Безмолвная весна» и его влияния на экологическое сознание обывателей. Актуальность темы исследования определяется прежде всего безусловной популярностью современного американского автора как писателя и ученого-биолога, основателя экологического движения. Проблема экологии и деятельности человека по-прежнему остается актуальной и находится в фокусе внимания эколингвистики: исследователи продолжают разрабатывать вопросы взаимосвязи человека и природы в языке [1], [2] [3]. Произведение имеет огромную социальную значимость, так как повлияло на химическую промышленность в США и даже ее частичный запрет. Химические средства для борьбы с вредителями полей, а именно «дуст», приводили к массовой гибели животных и птиц. Этим был обусловлен и выбор наименования для произведения «Silent Spring», то есть весна без пения птиц, весна без жизни.

Рейчел Карсон (1907-1964) прошла сложный жизненный путь, собирая и публикуя объективные данные о вреде пестицида, научное название которого ДДТ - дихлор-дифенил-трихлорэтан, или дуст в просторечии, химического вещества для уничтожения насекомых, и только в конце жизни, будучи неизлечимо больной, получила признание как ученый-эколог и писатель. Современники Рейчел Карсон называли книгу называли антинаучной из-за ее эмоционального тона и выражали сомнение, что женщина-ученая способна на беспристрастный и последовательный анализ. Ее работы написаны в научно-популярном стиле, в которых представлены научные данные и впечатления обывателей, фермеров, которые наблюдали массовую гибель животных и птиц после использования дуста. Идиостиль [1] Рейчел Карсон характеризуется

сочетанием сдержанной экспрессивности с элементами художественного описания, например, как в первой главе, и научной беспристрастности, объективности, как в содержании глав 2-17. Принадлежность работы к научно-популярному стилю относительна, на наш взгляд, так как в работе много узкоспециальных терминов, наименований химических веществ, представлены статистические данные, что является характеристикой научного стиля. В то же время в наименованиях глав используется образная метафорическая лексика экологической семантики: «Elixirs of Death», «Earth's Green Mantle», «And No Birds Sing». Исследования побочных воздействий ДДТ и других хлорорганических ядохимикатов на человека и диких животных проводились и раньше, но именно Карсон сумела привлечь общественное внимание к этой проблеме, что в последующие годы привело к установлению ограничений применения ДДТ в США и других странах, созданию Агентства по охране окружающей среды США, развитию экологических общественных движений. Ее книгу отнесли к числу лучших документальных книг двадцатого столетия. Однако писатель не была «ученым-фанатиком» и не призывала к полному запрету химических средств для борьбы с вредителями, а рекомендовала использовать их, но «так мало, насколько это возможно».

Следует отметить, что произведения Рейчел Карсон были изданы в СССР на русском языке, актуальны в настоящее время и упоминаются на сайте Союза органического земледелия в России. Благодаря «Безмолвной весне» [5], результаты хозяйственной деятельности стали оцениваться не только с точки зрения быстрой выгоды, но и с точки зрения влияния на экосистемы. При чтении ее произведений формируется экологическое сознание, в основе которого - знания об экологии. С точки зрения Н.В. Ульяновой [4] «экологическое сознание - это понимание необходимости охраны природы, осознание последствий нерадивого отношения к ней. Кроме того, экологическое сознание - это понимание и осознание того, что каждый человек несет ответственность за сохранение как отдельных видов животных и растений, так и в целом жизни на Земле». Какие стилистические и языковые особенности данного произведения формируют экологическое сознание?

Книга «Silent Spring» характеризуется единым идиостилем, который выражается в неизменном выборе лексических значений, описывающих семантику жизни и смерти, взаимодействие человека и природы. Его особенность – сочетание научной информации с экспрессивными стилистическими фигурами для придания образности речи: метафорами, прописными буквами в особом стилистическом употреблении, риторическими вопросами, лексическими и синтаксическими повторами. Название произведения «Silent spring» / «Безмолвная весна» является метафорическим, обозначающее безрадостное будущее всего мира природы, а не только отсутствие пения птиц. Метафорично и название первой главы: «A Fable for Tomorrow» / «басня, сказание на будущее, потомкам», что, казалось бы, указывает на художественный, экспрессивный характер книги. Глава начинается со сказочного художественного описания чудесной деревни, где жители наслаждаются пением птиц. Следует отметить использование

прописных букв в особом стилистическом употреблении, чтобы подчеркнуть важность написанного, выразить эмоциональную окраску уже в первой главе: «THERE WAS ONCE a town in the heart of America», «A Who's Who of pesticides is therefore of concern to us all», «TO HAVE RISKED so much in our efforts to mold nature ...». Жизнеутверждающая тема проявляется в использовании эпитетов, обозначающих красоту и изобилие: «white clouds of bloom», «blaze of color», «places of beauty», «countless birds». Антропоцентрическая направленность представлена лексикой, обозначающей общность, профессию: «countryside, farmers, community, travelers, children». Однако в деревне все меняется после того, как выпал необычный «снег»: «white granular powder, had fallen like snow» (сравнение), далее автор использует термины, в частности, в названии дуста: «nonselective chemicals», «insecticides», «synthetic insecticides», «biocides», «DDT», «harm—substances». Для подтверждения данных автор использует числительные (*11* infected worms). Состояние человека, птиц и животных в этой деревне отражает особый пласт лексики, объективирующих психоэмоциональный фон произведения. Речь идет о лексических единицах, номинирующих болезнь, гибель и молчание: «blight – болезнь растений, гибель [6]; evil spell – злые чары, mysterious maladies, illness, sickness, stillness, silence». Чтобы отразить взаимосвязь происходящего во всей биологической цепи, а не на примере птиц, автор использует зоонимы «birds, chickens, pigs, bees, fish». Важность сохранения биологического разнообразия с целью привлечь внимание на уровне нации Рейчел Карсон описывает на примере снегирей - роббинов, которые начали болеть и исчезли в кампусе после обработки елей от насекомых. «One story might serve as the *tragic symbol* of the fate of the birds —... It is the story of the robin, the bird *known to everyone*. *To millions of Americans*, the season's first robin means that the grip of winter is broken». Американский робин – символ прихода весны. Отчаяние и неопределенность, неуверенность в будущем выражается при помощи модального глагола *may* и его формы *might* «But now all is changed, and not even the return of the birds *may* be taken for granted». Опережая время, в своей работе автор обосновывает необходимость использования органического земледелия, используя соответствующие термины: «Single-crop farming, agricultural conditions, intensification of agriculture».

Таким образом, проведенное исследование позволило сделать следующие выводы. Экологическая направленность произведения проявляется в использовании лексических единиц с семантикой «Экология», «Жизнь», «Гибель, безмолвие», «Пестициды». Рейчел Карсон использует элементы художественного стиля при описании красоты, гармонии и разнообразия природы, актуализирующихся в лексике, зоонимах. Стилистическими приемами является использование прописных букв в тексте, метафор, повтора, риторических вопросах, вводных предложениях. Научный стиль произведения выражается в использовании терминов, числительных, общенаучной лексики. Для подтверждения достоверности исследований автор приводит данные исследований ученых, использует стилистические приемы повторения и перечисления. Перспективы дальнейшего исследования особенностей

эколингвистики и формирования экологического сознания могут быть связаны с детальным изучением других произведений Рейчел Карсон.

Литература

1. Лингвистический энциклопедический словарь под редакцией В.Н. Ярцева, Москва, 1990- 675 с.
2. Лысенко Н.Е. Проблемы передачи и гармонизации терминологии в сфере земледелия в России и за рубежом на примере термина “no-till” /Филологические науки. Вопросы теории и практики, №9(123)-я P1094, 2021
3. Симонова Е.Б., Школьная Л.И., Лысенко Н.Е. Типовой регламент приемки приобретаемых товаров семян, средств защиты растений, удобрений. Сборник Продовольственная безопасность как фактор повышения качества жизни, Материалы Национальной (Всероссийской) научно-практической конференции. Орел, 2021 с.453-465
4. Ульянова Н.В. Экологическое сознание и экологическая культура, проблемы и перспективы) Вестник Томского государственного педагогического университета, 2007 с 57-61 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskoe-soznanie> (дата обращения: 12.09.2023)
5. Carson, Rachel Silent Spring, USA, 1963, 169 p.
6. Он-лайн словарь Мультитран URL: <https://www.multitrans.com> (дата обращения: 12.09.2023)

Сведения об авторе:

Лысенко Наталья Евгеньевна; кандидат педагогических наук, доцент, Орловский государственный аграрный университет имени Н.В. Парахина, 302019, Российская Федерация, Орел, ул. Генерала Родина, д. 69
n.lysenko@inbox.ru

Lysenko Nataliya Evgenievna; Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Oryol State Agrarian University named after N.V. Parakhin, 69, General Rodin St., Orel, 302019, the Russian Federation
n.lysenko@inbox.ru

УДК 81

Ритуал как элемент коммуникативной безопасности

Елена Михайловна Мартынова

Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации, доктор филологических наук, доцент, Орел, Россия

Аннотация. В статье рассматривается индивидуальный коммуникативный ритуал как инструмент обеспечения коммуникативной безопасности в

повседневном общении. Его основными функциями в этом случае выступают упорядочивающая, защитная и психотерапевтическая.

Ключевые слова: коммуникативный ритуал, ритуальная коммуникация, повседневное общение, коммуникативная безопасность

Ritual as an Element of Communicative Security

Elena M. Martynova

Federal Guard Service Academy of the Russian Federation, Doctor of Philology, Associate Professor, Oryol, Russia

Abstract. The article dwells upon an individual communicative ritual as a tool of ensuring communicative security in everyday communication. In this case its essential functions are regulating, defensive and psychotherapeutic.

Keywords: communicative ritual, ritual communication, everyday communication, communicative security

Символы, знаки, ритуалы – это формы отражения значимых для человека реалий, связующее звено смыслового пространства. Функции ритуалов в жизни социума и особенности их осуществления являются предметом многочисленных научных изысканий. Существенный вклад в исследование ритуальной коммуникации внесли отечественные и зарубежные ученые А. К. Байбурин, А. ван Геннеп, И. Гофман, Э. Дюркгейм, В. И. Карасик, Ю. В. Мониц, Г. Г. Почепцов, В. Тернер, В. Н. Топоров и др.

Продолжая исследовать проблемы коммуникативной безопасности, затронутые в [Мартынова 2018; 2022], хотим коснуться вопроса релевантности коммуникативных ритуалов (КР) для ее обеспечения.

Согласно определению В. И. Карасика «ритуал – это закреплённая традицией последовательность символически значимых действий» [Карасик 2002, с. 275]. По мнению исследователя потребностной коммуникации А. В. Олянича, цель ритуального поведения заключается в «удовлетворении потребности человека к исполнению самого ритуала» [Олянич 2004, с. 209].

Обобщив научные труды в области ритуальной коммуникации ведущих отечественных и зарубежных ученых, М. Г. Извекова выделила следующие особенности ритуала: высокую тональность общения, рекурсивность, вневременность, эмоциональную маркированность, символичность, драматургичность, сценарность [Извекова 2006, с. 2-3].

Называя ритуал инструментом структурирования системы общения с использованием минимального набора знаков, Т. Ю. Виноградова и Н. С. Переведенцева отмечают его концентричность и интуитивность [Виноградова, Переведенцева 2012, с. 315-316]. Исследуя ритуал с точки зрения коммуникативного подхода, А. А. Синютин также отводит ритуалу роль

средства организации, сохранения и регламентации «значимого культурного мира» [Синютин 2022, с. 13].

Назначение ритуала в жизнедеятельности социума многообразно. В. И. Карасик выделяет констатирующую, интегрирующую, мобилизующую и фиксирующую функции ритуала [Карасик 2002, с. 277]. Основываясь на концепции Э. Дюркгейма, А. А. Синютин называет среди функций ритуала социализирующую, воспроизводящую (сохраняющую), интегративно-коммуникативную, психотерапевтическую [Синютин 2022, с. 18].

Ученые различают ритуал и обычай, приписывая первому сакральность, а второму – стандартность и повседневность [см., например, Извекова 2006, с. 6]. Однако в последних исследованиях указывается на тенденцию к десакрализации современного общества. Так, А. А. Синютин акцентирует внимание на перемещении на первый план коммуникативной функции ритуала, обеспечивающей сбережение ключевых культурных ценностей социума [Синютин 2022, с. 13]. Исчезновение ритуалов и их игнорирование подвергает риску стабильность существования индивидуума и соответственно повышает его потребность в безопасности.

Элементы ритуальности присущи и повседневному общению. Рассмотрим повседневные КР, генерирующие ощущение безопасности.

Анализ фрагментов текстов художественной литературы [НКРЯ] позволил выявить два подхода к трактовке КР в бытовом диалоге. В соответствии с первым подходом ритуал выступает как часть стратегии и тактики адресанта для достижения коммуникативных и практических целей. В примере (1) ритуал превращается в клише, проверенный опытом элемент стратегии, содействующий успешности всей коммуникации.

(1) – Меня Лена зовут.
– Очень приятно.

Ну, приятно-неприятно, а я здесь. Халатик из сумочки, деловитость, но вначале нужно артистку в комплиментах искупать, это располагает, с этой компанией этот ритуал обязательный (А. Мардань).

Второй вид – обоюдный коммуникативный ритуал – выполняет прежде всего защитную, психотерапевтическую функции, а также функцию упорядочивания окружающего мира. Он служит поддержанию у коммуникантов ощущения безопасности в том числе коммуникативной, включающей в себя уверенность в защищенности личного коммуникативного пространства от невербального вторжения и речевой агрессии, позитивное эмоциональное воздействие (пример 2).

(2) Однако вышеперечисленные звонят нечасто. А вот Соня – почти ежедневно. Это ритуал. Мы спрашиваем друг друга как дела, коротко рапортуем и отключаемся (И. Васюченко).

Жесткая формализация, присущая, например, юридическому дискурсу, может проявляться и в повседневной ритуальной коммуникации. Иллюстрацией служит своеобразная колыбельная матери (пример 3), структурированная в форме диалога с дочерью. Психотерапевтическая функция КР очевидна, поскольку он поддерживает эмоциональное состояние одного или

обоих коммуникантов, позволяет почувствовать себя в безопасности. Однако эмоциональная зависимость от совершения коммуникативного ритуала порождает дополнительную коммуникативную уязвимость – слабое место в системе коммуникативной безопасности участника общения. Нарушение установленной последовательности коммуникативных действий может повлечь за собой коммуникативную неудачу и аннулировать положительный эффект.

(3) Наташе мать пела на ночь песенку. Это был их вечерний ритуал. Мать пела: «Моя рыбонь...» – делала паузу, и Наташа подпевала окончание: «ка». «Моя детонь...» – продолжала мать. «Ка», – уже сонным голосом заканчивала Наташа. «Моя лапонь...» – «Ка» (М. Трауб).

Структура коммуникации в примере (4) более гибкая, коммуникантам важен сам факт позитивного общения перед сном.

(4) Часов в одиннадцать мы укладывались спать, и ритуал отхода ко сну всегда был одним и тем же. Сначала бабушка загадывала мне загадки, давно известные. «Сидит на ложке, свесив ножки – что это?» – «Вермишель!» – радостно угадывала я. Потом еще минут двадцать мы шептались, хихикая и вздыхая (Д. Рубина).

В целом во взаимоотношениях взрослый-ребенок сказка на ночь выступает самым действенным ритуалом, способствующим обеспечению коммуникативной безопасности.

КР имеет не только вербальное проявление, ритуализации могут подвергнуться все компоненты невербальной составляющей интеракции. Ритуальные действия коммуникантов в примере (5) поддерживают их убежденность во взаимной привязанности.

(5) Но с тех самых пор, когда Валеру чуть не свели с ума белозубые тараторки-телеведущие, она непременно пила с ним вечернюю рюмку коньяка в саду или в гостиной, в зависимости от времени года и погоды. Затем молча прикуривала для него сигарету. Этот ритуал был священен. В эти моменты становилось очевидным, что любовь взаимна (Т. Соломатина).

Таким образом, ритуализация повседневной коммуникации происходит вследствие необходимости достижения участниками интеракции коммуникативных и практических целей, сохранения эмоциональной устойчивости, укрепления социальных связей. Индивидуальные коммуникативные ритуалы способствуют генерированию чувства защищенности, уверенности в межличностных взаимоотношениях, становятся символом незыблемости окружающего мира.

Список литературы

1. Мартынова Е. М. Угрозы коммуникативной безопасности пользователей в киберпространстве // Язык и речь в Интернете: Личность, общество, коммуникация, культура. Сб. статей II Международной научно-практической конференции. Москва, РУДН, 29-30 марта 2018 г.: в 2 т./ под общ. ред. А.В. Должиковой, В.В. Барабаша. Т. 2. М.: РУДН, 2018. С. 94-102.
2. Мартынова Е. М. Коммуникативная уязвимость в «обществе риска» // Научная дискуссия: вопросы филологии и методики преподавания

иностранных языков: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (7-8 апреля 2022 года). Выпуск 6. Н. Новгород: Мининский университет, 2022. С. 77-81.

3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

4. Олянич А. В. Ритуальная коммуникация в лингвосомиотическом освещении (драматургия ритуального дискурса) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2004. Специальный выпуск «Актуальные проблемы гуманитарных наук» № 1. С. 208-217.

5. Извекова М. Г. Прагмалингвистические характеристики ритуального дискурса: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 20 с.

6. Виноградова Т. Ю., Переведенцева Н. С. Типы межличностных ритуалов в современной России // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 1. С. 312-316.

7. Синютин А. А. Коммуникативное содержание ритуала в современном российском обществе: реинтерпретация смыслов: автореферат дис. ... канд. соц. наук. Майкоп, 2022. 26 с.

8. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 02.09.2023)

Сведения об авторе:

Мартынова Елена Михайловна; доктор филологических наук, доцент, Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации, 302015, Российская Федерация, Орел, ул. Приборостроительная, д. 35; lm1973@mail.ru.

Martynova Elena Mikhailovna; Doctor of Philology, Associate Professor, Federal Guard Service Academy of the Russian Federation, Priborostroitelnaya st., 35, Oryol, 302015, Russian Federation; lm1973@mail.ru.

УДК 811

Основные функции метафоры, сопряженной с эмотивом, в тексте политических мемуаров

Нигматуллина Элина Рустемовна

Институт языкознания РАН, научный сотрудник, кандидат филологических наук, Москва, Россия, elinanigmatullina@iling-ran.ru

Аннотация. В статье рассмотрены два лингвокреативных параметра – эмотив и метафора – в их конвергенции на материале мемуаров современных политиков США. Установлены и перечислены основные функции такого сочетания. Отмечено, что воздействие на мнение читателя при помощи подобной конвергенции усиливается.

Ключевые слова: лингвистическая креативность, политические мемуары, метафора, эмотив, обозначения эмоций.

The main functions of metaphor combined with emotive in the text of political memoirs

Elina R. Nigmatullina

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, research assistant, Candidate of Philology, Moscow, Russia, elinanigmatullina@iling-ran.ru

Summary. The article considers two linguo-creative parameters, i. e. emotive and metaphor, in their convergence based on the material of the memoirs of contemporary US politicians. The main functions of such a combination are established. It is also noted that the impact on the reader's opinion is enhanced with the help of such convergence.

Key words: linguistic creativity, political memoirs, metaphor, emotive, emotion.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

The research is funded by grant №19-18-00040 of the Russian Science Foundation and is carried out at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.

На сегодняшний день не вызывает сомнений то, что метафора представляет собой один из самых продуктивных инструментов формирования текста. Будучи способом выражения авторской мысли одного понятия через свойства другого, она позволяет описать комплексные феномены, явления, процессы и события как более понятные. Метафора является широко изученным средством, исследованным в политическом, медийном, рекламном, художественном, публицистическом дискурсе и других. Несмотря на широкую изученность метафоры в 21 веке, она по-прежнему остается объектом многих исследований за последние годы, что свидетельствует о многогранности этого средства выразительности.

В рамках нашего исследования было отмечено, что метафора часто реализуется совместно с другим стилистическим приемом – эмотивом. Под эмотивом в настоящем исследовании мы понимаем лексическое обозначение эмоций, чувств, эмоциональных состояний и их проявлений участников общественных и политических событий. В рамках исследования мы предприняли попытку выявить роль реализации метафоры в тексте политических мемуаров в тех случаях, когда она реализуется совместно с эмотивом как другим параметром лингвокреативности (подробнее о лингвокреативных параметрах см. [ЛДРТ 2021]).

Наше исследование выявило, что в мемуарах политиков (Б. Обамы, Б. Клинтон и Д. Трампа), которые в прошлом являлись президентами США зафиксировано более ста пятидесяти реализаций сочетания эмотива с метафорой. Это приводит нас к мысли о целенаправленном включении такой комбинации средств. В связи с этим возникает вопрос о цели включения сочетания “эмотив + метафора”, а также о возможных функциях его реализации в тексте англоязычных мемуаров политиков.

Не возникает сомнений, что эмотивно заряженная метафора способна передать эмоциональное состояние автора, а также использоваться для формирования эмоционального «шлейфа», связанного с определенным событием, человеком, партией и т. д. Таким образом, метафора, создающая образное представление об описываемом, подкрепляется вербализацией эмоциональных состояний. Такая *ассоциативная* функция сочетания “эмотив + метафора” предполагает эффективное и лаконичное донесение идеи автора до получателя информации, а также способствует лучшему запоминанию, поскольку информация связана с соответствующими образами и ассоциациями. Например:

To my mother, who gave me a *love of life*. To Hillary, who gave me a *life of love*. To Chelsea, who gave joy and meaning to it all. [Clinton 2004, с. 2] (1)

В данном примере метафоры и эмотивы (всего три пары: *love of life, gave a life of love, gave joy*) позволяют транслировать ценности политика, являющиеся важными для построения его карьеры, поскольку именно демонстрация честности, ответственности, любви к своей семье способствует поддержке избирателей.

В качестве второй функции рассматриваемого единства можно назвать акцентирование внимания получателя информации. Реализация комбинации лингвокреативных параметров позволяет сместить фокус внимания на те идеи, которые представляются важными автору текста, например:

And by the way, I have outlined plenty of policy initiatives. This is not “*the politics of hope*.” This is “*the politics of reality*,” which only a strong businessman like me can develop. [Trump 2016, с. 96] (2)

Функция фокусирования (смещения фокуса) бесспорна и широко известна, благодаря достаточной изученности метафоры и эмотива в различных направлениях и на материалах текстов различных стилей. Эта общая функция усиливается при условии их единства. Однако нельзя сказать, что эти лингвокреативные средства синкретичны. Речь идет, скорее, о слиянии двух дополняющих друг друга инструментов, например:

(...) Dr. Vaught reminded us that history’s greatest armies, including those of Alexander the Great and Napoleon, had marched through it, and that the book of Revelation says that at the end of time, the valley will *flow with blood*. [Clinton 2004, с. 280] (3)

В данном случае словосочетание, состоящее из эмотива и метафоры (*flow with blood*), находится в сильной позиции текста и является кульминацией повествования, говорящее о вероятных последствиях принятого решения.

В рамках нашего исследования политик выступает как автор текста. В связи с этой ролью, политику-мемуаристу необходимо установить связь с читателем. Это обеспечит не только солидарность избирателей, но и когерентность текста мемуаров как литературного произведения.

Последняя выделенная нами основная функция конвергенции “эмотив + метафора” предполагает характерную особенность политического текста, которая заключается в его персуасивности. Помимо прямых убеждений, логических обоснований и цитат, политики-мемуаристы используют лингвокреативные средства. В частности, конвергенцию метафоры и эмотива, способствующую формированию общественного мнения на основании вызванных эмоций и образов. Например:

The press would be *merciless* in its scrutiny – “a nonstop *colonoscopy*” I believe Gibbs called it. I’d see very little of Michelle or the kids for a year at least – two years if we were lucky enough to win the primary. [Obama 2020, с. 87] (4)

В данном случае эмотив и метафора не образуют единую лексическую единицу, но являются связанными семантически (“a nonstop *colonoscopy*” => “*merciless press*”). Совместно они помогают установить эмоциональную связь с аудиторией, вызвать жалость, сочувствие и другие эмоциональные реакции, что может способствовать более глубокому пониманию и принятию идей политика и его личности.

Суммируя всё вышеизложенное, мы, вслед за нашими коллегами (см. [ЛДРТ 2021]) отмечаем реализацию метафоры и эмотива как лингвокреативных параметров, актуализирующихся отдельно или синхронно. В этой связи особый интерес представляет малоизученная конвергенция эмотива и метафоры в тексте политических мемуаров современных политиков США. В ходе исследования нами было выделено четыре основные функции актуализации данной конвергенции в тексте. Это ассоциативная функция, функция фокусирования, персуасивная функция, а также связующая функция, обеспечивающая когерентность текста. При этом воздействие на мнение читателя при помощи подобного двойного инструмента имплицитного воздействия совместной реализации усиливается.

Список литературы

1. ЛДРТ – Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: колл. монография / Отв. ред. И. В. Зыкова. М.: Р. Валент. 2021. 564 с.
2. Нигматуллина Э. Р. Типы прозвищ и их реализация в мемуарах политика (на материале мемуаров Б. Клинтона “My Life”) // Политическая лингвистика. – 2023. – № 3 (99).
3. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
4. Clinton B. My Life. NY, Knopf, 2004. 1008 p.
5. Kövecses, Z. Metaphor and emotion: Language, culture, and body in human feeling. Cambridge University Press. 2000. 242 p.
6. Obama B. A Promised Land / B. Obama. NY, Viking. 2020. 750 p.

7. Trump D. Great Again: How to Fix Our Crippled America. NY, Threshold Editions. 2016. 208 p.

Сведения об авторе:

Нигматуллина Элина Рустемовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт Языкознания РАН, 125009, Российская Федерация, Москва, Большой Кисловский пер., 1 стр. 1, elinanigmatullina@iling-ran.ru, +79279408283.

Nigmatullina Elina Rustemovna, Candidate of Philology, research assistant, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 125009, Russian Federation, Moscow, Bolshoi Kislovsky Per., 1 str. 1, elinanigmatullina@iling-ran.ru, +79279408283.

УДК 81'373

К вопросу о семантическом наполнении концептов «преступление» и «crime»

Валентина Николаевна Шашкова¹, Юлиана Сергеевна Пирожкова²

¹ Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, профессор кафедры иностранных и русского языков кандидат филологических наук, доцент, Орёл, Россия, valentina.shash@mail.ru

² Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, курсант 2 курса факультета подготовки следователей, Орёл, Росси

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению семантических признаков лексем-репрезентантов концептов «преступление» и «crime». Посредством такой разновидности семантического анализа, как анализ словарных дефиниций и определений, данных в нормативных правовых актах, выделены группы семантических признаков, наличие и отсутствие которых в семантической структуре термина являются дифференциальными. Авторами продемонстрировано, что денотативная матрица, отражающая дифференциальные признаки лексем-репрезентантов, способствует установлению прочных парадигматических связей в подязыке профессии, опосредованном строем национального языка.

Ключевые слова: концепт, семантический анализ, анализ словарных дефиниций, денотативная матрица, семантический признак.

**The question of the semantic content of the concepts
“преступление” and “crime” revisited**

Valentina N. Shashkova¹, Yuliana S. Pirozhkova²

¹ Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov, professor of the Chair of foreign and Russian languages candidate of Philology, associate professor, Orel, Russia, valentina.shash@mail.ru

² Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov, cadet of the 2nd year at the faculty of investigators' training, Orel, Russia

Abstract. The article is devoted to the consideration of semantic features of lexemes representing the concepts “crime” in Russian and in English. Through semantic analysis, namely the analysis of dictionary definitions, groups of semantic features are identified, the presence or absence of which in the semantic structure of a term is differential. The authors demonstrate that a denotation matrix reflecting the differential characteristics of the lexemes representing the concept, contributes to the establishment of strong paradigmatic connections in the sublanguage of the profession, mediated by the structure of the national language.

Keywords: concept, semantic analysis, analysis of dictionary definitions, denotation matrix, semantic feature.

Когнитивно-дискурсивная парадигма исследований, активно развивающаяся в лингвистике, послужила новым стимулом к изучению концептов и концептуальных полей. Одним из направлений в рамках указанной парадигмы является изучение межъязыковых аналогов номинативных единиц, используемых при описании определённой референтной области. В нашем случае исследование касается терминологической системы уголовного права. В этой статье мы останавливаемся на описании семантики двух ключевых концептов уголовного права, репрезентируемых терминами «преступление» и «crime» в русском и английском языках соответственно.

Общая аналитическая программа исследования включала в себя анализ дефиниций концепта, представленных в толковых словарях и нормативных правовых актах, анализ словоупотреблений в различных контекстах и типах текста, анализ результатов свободной и направленной разновидностей ассоциативного эксперимента (см. [4]). В этой статье мы отражаем результаты первого этапа исследования, на котором наша задача заключалась в выявлении семантического состава слов-репрезентантов анализируемых концептов и сопоставлении семантического наполнения концептов-аналогов в двух языках.

В ходе исследования мы обратились к двум русскоязычным сайтам, представляющим собой компиляцию словарных статей наиболее авторитетных толковых словарей, которые сгруппированы по искомой лексеме: <https://kartaslov.ru/> и <https://znachenie-slova.ru/>. Материалом для исследования на английском языке послужили электронные версии словарей Cambridge Dictionary [5], Macmillan Dictionary [7], Oxford Learner's Dictionary [8], The Free Dictionary [12]. Кроме того, принимая во внимание референтную область исследования, мы рассмотрели дефиниции понятий *преступление* и *crime* в

нормативных правовых актах федерального уровня и уголовных кодексах отдельных штатов: [3], [9], [10], [11], [13].

В русском языке концепт *преступление* представляют следующие лексические единицы: преступление, злодеяние, преступное деяние, правонарушение, провинность, законопреступление, фелония, грех. Доминантой синонимического ряда выступает лексема *преступление*. Основными семами, закреплёнными за доминантой синонимического ряда, являются преступное деяние, общественная опасность, виновность, наказуемость.

Далее в статье мы останавливаемся именно на рассмотрении дефиниций, предложенных в нормативных правовых актах, результат анализа словарных дефиниций, направленных на выявление семантического состава слов-репрезентантов, представлен в денотативной матрице (см. *Таблицу 1*).

Уголовный кодекс РФ трактует преступление следующим образом: «Преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания» [3]. В зависимости от характера и степени общественной опасности деяния, предусмотренные Кодексом РФ, подразделяются на преступления небольшой тяжести, преступления средней тяжести, тяжкие преступления и особо тяжкие преступления. Таким образом, можно констатировать признак степени общественной опасности, закреплённый за лексемой *преступление*.

Этимологически первичная трактовка лексемы *crime* была связана с библейским сюжетом и соотносилась с семью смертными грехами. Необычно то, что в современном языке именно это значение актуализируется с минимальной частотностью, о чём свидетельствуют данные корпуса ССАЕ [6].

В современном английском языке концепт *crime* – это результат действия или халатности, которые признаются опасными для общественного благосостояния или нравственности или интересов государства и юридически запрещены.

Анализ словарных дефиниций позволяет определить содержательный минимум концепта *crime*: любое событие или действие, запрещенное уголовным правом. Обязательным компонентом при этом является неизбежность наказания. В структуре концепта выделяются такие характеристики, как виновность, мотив, моральная сторона противоправного действия.

В США на федеральном уровне разработан Кодекс Соединённых Штатов Америки [13], представляющий собой компендиум нормативных правовых актов, охватывающих все отрасли права, на уровне отдельных штатов – Уголовные кодексы штатов. В федеральном законодательстве определения преступления нет. В кодексах большинства штатов можно увидеть различные варианты дефиниций схожих понятий. В п. 1 § 10.00 УК штата Нью-Йорк сказано, что «преступное посягательство означает поведение, за которое наказание тюремным заключением на срок или штрафом предусмотрено любой нормой права данного штата ... » [11, с. 58]. В соответствии с § 21-3105 УК штата Канзас уголовное деяние – это «действие или бездействие,

предусмотренное законом, при осуждении за которое может быть назначено наказание в виде смертной казни, тюремного заключения, штрафа или штрафа и тюремного заключения одновременно» [9].

Приведенные определения являются чисто формальными и содержат два признака: противоположность и наказуемость. Ни одно из них не отвечает на вопрос о том, почему то или иное деяние объявляется законодателем противоправным и наказуемым.

Широкий семантический объём концепта *crime* обусловлен денотативным пространством лексемы-репрезентанта. Так, Примерным уголовным кодексом разграничиваются фелонии (*felonies*) – наиболее опасные посягательства и менее опасные – мисдиминоры (*misdemeanors*) (статья 1.04) [10]. Степень общественной опасности, таким образом, является интегральным семантическим признаком для лексем-репрезентантов концептов в обоих языках. При этом основе такой классификации лежит формальный критерий – характер наказаний, предусмотренных законом за содеянное. С учётом фактора наказания два термина дифференцируют следующим образом: фелония – это деяние, караемое тюремным заключением на срок свыше одного года, а мисдиминор – это деяние, караемое тюремным заключением до одного года включительно. Для нашего изложения существенен и тот факт, что лексема *misdemeanor*, рассматриваемая как гипоним гиперонима *crime* (для англосаксонской системы права), денотативно включает и преступления, и правонарушения, которые покрываются административным правом. Различные типы права проявляются и в том, что в США действует общее право (*common law*), основанное на статутах и судебном прецеденте. Уголовное право России основано на положениях Уголовного кодекса. На основании изложенного мы фиксируем два дифференциальных признака лексем-репрезентантов концептов в двух языках: денотативное пространство лексем (типы деяний, относимых к преступлениям) и различные типы и отрасли права, в рамках терминологических систем которых функционируют лексемы.

Комментария заслуживает сема *мотив*, закреплённая за словами-репрезентантами в двух языках. Мотив традиционно рассматривается как обязательный компонент состава преступления. Однако в УК РФ закреплены преступления по неосторожности, в которых мотив отсутствует. В уголовном законодательстве США закреплено разделение на убийства I степени (предумышленные), мотив в которых является элементом доказывания), и убийства II степени (непредумышленные), мотив в которых может отсутствовать. Этим обусловлена постановка знака +/- в денотативной матрице.

Проанализировав словарные дефиниции на основе толковых словарей и уголовного законодательства РФ и США, мы выявили понятийные составляющие концептов *преступление* и *crime* в русском и английском языках.

семь лексемы	<i>crime</i>	преступлени е
преступное деяние:	+	+

- противоправное действие; - событие или действие, запрещенное уголовным правом; - нарушение правопорядка	+	+
общественная опасность	+	+
наказуемость: - угроза наказания; - применение к лицу мер уголовной ответственности	+	+
мотив	+/-	+/-
виновность	+	+
основание для признания акта преступлением: - признаки, зафиксированные в уголовном законодательстве; - признаки, описанные в статуте применительно к конкретному преступлению и его обстоятельствам	+	+
различные типы и отрасли права	-	+
предосудительный, недопустимый поступок	+	+

Таблица 1. Денотативная матрица для лексем “crime” и “преступление”

В большей части состав семантических признаков, формирующих лексическое значение соответствующих концептов в русском и английском языках, совпадает. Дифференциальными семами в этом случае являются **основание для признания акта преступлением**, которым для нашей системы права выступает Уголовный кодекс РФ, а для англо-саксонской системы – отдельные статуты, а также **различные типы и отрасли права**, которые покрываются в английском языке лексемой *crime*, в то время как в русском языке для административного права основной лексемой является *правонарушение*, а для гражданского – *деликт*.

Основой обоих концептов, материализующихся средствами русского и английского языков соответственно, является идея преступления, которая тесно связана с поведением людей в обществе и подразделяется на множество категорий. Рассматриваемые лексемы-репрезентанты анализируемых концептов не представляют такой большой сложности с точки зрения усвоения семантической структуры. Ядерные компоненты, особенно те, которые референциально отнесены к профессиональной сфере употребления, в этом случае идентичны. Однако есть те семантические признаки, по которым лексемы *преступление* и *crime* отличаются, что позволяет говорить об экстралингвистических признаках преступления, обусловленных правовой действительностью, в которой функционирует термин. Семантическое

наполнение в этом случае обусловлено различиями исторически сложившихся системам права.

Составление денотативной матрицы позволяет усвоить содержательные отличия терминов, называющих концепты-аналоги в различных национальных культурах. В преломлении теории государства и права семантический анализ позволяет установить корреляции между различиями систем права и семантикой номинативных средств, называющих ключевые концепты конкретной референтной области.

Список литературы

1. Залевская А.А. Ментальный лексикон: конструкт, метафора или миф? // GISAP: Philological Sciences. 2015. № 8. С. 42–44.
2. Уфимцева Н.В. Ассоциативный словарь как модель языковой картины мира // Вестник ИрГТУ. 2014. № 9. С. 340–346.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 04.09.2023). URL: <https://www.consultant.ru/>.
4. Шашкова В.Н., Пирожкова Ю.С. Концептуальные поля «преступление» и «crime»: анализ результатов направленного ассоциативного эксперимента // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2023. № 09 (101). Режим доступа: <https://scipress.ru/philology/articles/kontseptualnyepolya-prestuplenie-i-crime-analiz-rezultatov-napravlennogo-assotsiativnogo-eksperimenta.html> (Дата обращения: 26.09.2023)
5. Cambridge Dictionary / URL: <https://www.dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 23.09.2023).
6. Corpus of Contemporary American English / URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 23.09.2023).
7. Macmillan Dictionary Online / URL: <https://www.macmillan-dictionary.com/> (дата обращения: 16.09.2023).
8. Oxford Learner's Dictionary / URL: <https://www.oxfordlearners-dictionaries.com/> (дата обращения: 16.09.2023).
9. Kansas Penal Law. Режим доступа: <https://codes.findlaw.com/tx/penal-code/> (дата обращения: 25.09.2023).
10. Model Penal Code. Official Draft and Explanatory Notes. Philadelphia, PA. The American Law Institute, 1985. Режим доступа: <https://www.ali.org/publications/show/model-penal-code/> (дата обращения: 25.09.2023).
11. New York Penal Law. Режим доступа: http://nyscrimallaws.com/penal.law/index_compact.htm (дата обращения: 26.09.2023).
12. The Free Dictionary / URL: <https://www.thefreedictionary.com/> (дата обращения: 16.09.2023).
13. The United States Code: Title 18 – Crimes and Criminal Procedure. Режим доступа: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18> (дата обращения: 25.09.2023).

Вежливость по-английски: опыт полиаспектного рассмотрения

Ирина Николаевна Щекотихина¹, Екатерина Андреевна Маслик²

¹ Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, доцент, заведующая кафедрой английского языка института иностранных языков, кандидат филологических наук, Орел, Россия, shchekotikhina69@mail.ru

² Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, студентка 1 курса института иностранных языков, Орел, Россия, lesnikprohor@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается феномен вежливости в английской лингвокультуре. Рассмотрение носит полиаспектный характер и представляет объект как элемент коллективного сознания, как коммуникативную категорию, как совокупность вербальных и невербальных средств выражения. Показывается когнитивная и коммуникативная специфика английской вежливости и способов ее объективации в языке и поведении.

Ключевые слова: феномен вежливости, категория вежливости, концепт «вежливость», стратегии реализации вежливости, коммуникативное поведение, национальный стиль коммуникации.

English politeness: the case of multi-aspect consideration

Irina N. Shchekotikhina¹, Ekaterina A. Maslik²

¹ Oryol State University named after I.S. Turgenev, associate professor, head of the English Language Department, Foreign Language Institute, PhD in Philology, Oryol, Russia, shchekotikhina69@mail.ru

² Oryol State University named after I.S. Turgenev, 1th year graduate student, Foreign Language Institute, Oryol, Russia, lesnikprohor@gmail.com

Abstract. The article studies the phenomenon of politeness in English linguoculture. The study is based on multi-aspect consideration which views the object as an element of collective consciousness, as a communicative category, and as a set of verbal and nonverbal means of expression. It reveals cognitive and communicative specifics of English politeness and its ways of objectification in language and behavior.

Keywords: phenomenon of politeness, category of politeness, concept of politeness, politeness strategies, communicative behavior, national style of communication.

Вежливость по отношению к собеседнику является одной из существенных характеристик человеческого общения, способствующих оптимальному взаимодействию коммуникантов. Следует, однако, обратить внимание на тот факт, что, несмотря на стремления ученых создать

универсальную модель вежливого поведения, категория вежливости имеет ярко выраженную национально-культурную специфику. Английская вежливость в этом смысле является особым феноменом и рассматривается как одна из доминантных черт национального характера, ставшая популярным объектом научных изысканий. В «досье» англичанина, составленном И.М. Кобозевой на основе данных эксперимента, дескриптор «вежливый» стоит на первом месте [Кобозева 1995].

Целью представленного в данной работе исследования является рассмотрение разных аспектов феномена вежливости, в частности, как элемента коллективного сознания и как коммуникативной категории. Подобное рассмотрение предполагает выявление содержания понятия/концепта «вежливость» и его проявлений в вербальном и невербальном коммуникативном поведении англичан.

Содержание концепта можно установить путем анализа дефиниций его основных номинаций, посредством анкетирования носителей языка и культуры, на основе изучения объективации концепта в литературе, фольклоре и т.п.

Начиная наше исследование, мы сравнили дефиниции английского слова 'polite' в четырех словарях:

1) showing consideration for others in manners, speech, etc. [Collins English dictionary 2000];

2) having or showing good manners, sensitivity to other people's feelings, and/or correct social behavior [Longman dictionary of English language and culture 1992];

3) someone who is polite behaves towards other people in a pleasant way that follows all the usual rules of society [Macmillan English Dictionary: For advanced Learners 2002];

4) behaving in a way that is socially correct and shows understanding of and care for other people's feelings [Cambridge Dictionary Online].

Дефиниционный анализ выявляет следующие ядерные признаки: *демонстрация заботы/внимания по отношению к другому человеку и соблюдение норм поведения в обществе.*

Данные характеристики обнаруживаются и в экспериментальных исследованиях. Так, по данным анкетирования, проведенного Т.В. Лариной, в данных самими англичанами определениях вежливости преобладают: *внимание, уважение к другим людям (62%), частое употребление слов 'please' и 'thank you' (59%), хорошие манеры (50%)* [Ларина 2009, с. 132]. Причем Татьяна Викторовна отмечает «удивительное единообразие в ответах» [Ларина 2013, с.148]. К аналогичным выводам приходят и другие исследователи (см., например, [Алтунин 2009; Савойская 2005]).

Обращается также внимание на факт употребления некоторыми англичанами сочетания 'formality of politeness' (формальность вежливости), «которое наводит на мысль о том, что вежливость по отношению к партнеру по коммуникации отнюдь не является для англичанина проявлением искренней доброжелательности, а лишь формальной необходимостью быть приятным в общении и/или принятым обществом» [Савойская 2005, с.18].

В целом А.А. Алтунин выделяет следующие компоненты концепта «вежливость»: в структуре чувственного образа – *хорошо организованное равнодушие, тактичность, изысканность манер, изысканная вежливость, учтивость, обходительность, предупредительность*; в информационном содержании – *символически условное выражение уважения ко всякому человеку*; в интерпретационном поле – *совокупность хороших манер, умение вести себя в обществе, сдержанность* [Алтунин 2012].

Таким образом, англоязычные определения и опрос представителей английской лингвокультуры показывают, что английская вежливость в первую очередь направлена на объект общения (на соблюдение интересов собеседника, другого человека), регулируется этикетными нормами общения (хорошими манерами), т.е. это этикетное, демонстративное внимание/уважение, выполняющее коммуникативную функцию. К тому же английская вежливость весьма демократична и характеризуется такими чертами, как тончайшее чувство горизонтальной (социальной) дистанции и ценность зоны личной автономии (privacy).

Что примечательно, слово ‘polite’ восходит к латинскому слову ‘politus’ – форме причастия прошедшего времени от глагола ‘polire’, означающему “to polish, to make smooth”, т.е. ‘polite’ этимологически означает «быть полированным, начищенным до блеска». На данное обстоятельство обращает внимание и Р. Уоттс, оперируя термином “polished behavior” («полированное поведение»). Он указывает на метафорическую природу его значения, которое отражает отмеченные выше характеристики. Вежливое поведение должно «блестеть» так, чтобы «отражать» того, кто его видит (т.е. заботиться об интересах другого человека), оно должно вызывать восхищение, быть эстетически приятным и т.п. [Watts 2003, p. 37].

Традиция следовать этикету, требованиям вежливости отражается в английских идиомах, паремиях, шутках. Например, выражения *Mind your Ps and Qs* и *Mind your language* призывают следить за своими манерами и языком, а пословица *Manners make the man* означает, что о человеке часто судят по его манерам, а не по характеру. Значимость вежливости для англичан подчеркивается в пословице *Politeness costs little (nothing), but yields much* (Вежливость обходится дешево, да много дает). Формальность английской вежливости отображается в следующем анекдоте: *Английская леди зовёт лакея: «Вы поедете сейчас к моей свекрови миссис Чаттерли в больницу, она очень тяжело больна, осведомитесь о её самочувствии». Лакей уехал и вернулся через три часа. Леди: «Ну как? Вы были у миссис Чаттерли? Спросили, как она себя чувствует?» Лакей: «Да, мадам». Леди: «Хорошо, можете идти».*

Следует отметить некую стабильность и преемственность в восприятии вежливости англичанами, что проявляется в указанном выше единообразии ее трактовок. Причиной тому Т.В. Ларина считает тот факт, что «обучению вежливому поведению уделяется большое внимание как в английской семье, так и в школе, и в обществе в целом. В общественных местах можно увидеть плакаты, призывающие граждан быть вежливыми и внимательными к другим,

таблички с напоминаниями говорить *спасибо* и *пожалуйста*» [Ларина 2013, с. 148].

Обозначенные черты понятия/концепта «английская вежливость» проявляются в поведении англичан: в этикетных нормах, в стратегиях ведения разговора, в вербальных и невербальных средствах выражения вежливости. В целом оно может быть описано цитатой из книги М. Любимова: «Английская вежливость проявляется во многом и по-разному: вы пропускаете спутника вперед, он проходит в дверь и говорит «извините!». Мужчина непременно встанет, если с ним заводит разговор другой человек (не обязательно дама), не принято громко разговаривать (хотя бывает – и это следствие всепоглощающей демократии), жестикулировать, отвлекать от разговора, проявлять запальчивость в споре и вообще обострять спор, принято слушать и не перебивать...» [Любимов 2004, с. 245]. Рассмотрим данный аспект более подробно.

Следует заметить, что нормы коммуникативного поведения англичан определяются и другими релевантными чертами их менталитета и национального характера, такими как *сдержанность, законопослушность, «честная игра», неторопливость, неспешность в поведении, спокойствие в критических ситуациях, толерантность, уважение чужой собственности и личного пространства/зоны личной автономии и др.* [Стернин, Ларина, Стернина 2003, с. 28-35].

Указанные черты находят отражение в таких характеристиках коммуникативного поведения, как *некатегоричность, атиконфликтная ориентация общения, нелюбовь к спорам, эмоциональная сдержанность, высокая толерантность к молчанию, невысокая громкость общения, немногословие, высокий уровень самоконтроля в общении, бытовая вежливость, приоритетность фатического общения, жесткая тематическая регламентация общения, высокий уровень доверия к словам собеседника, важность вербального обозначения социального статуса, коммуникативный оптимизм и др.* [Стернин, Ларина, Стернина 2003, с. 36-44].

В целом доминантными чертами коммуникативного стиля англичан считаются, с одной стороны, *дистантность, или коммуникативная неприкосновенность, и неимпозитивность, с другой, коммуникативная аттрактивность, или демонстративная приветливость* [Ларина 2009, с. 428].

На основе указанных черт можно сформулировать ряд негласных норм/правил английской коммуникативной культуры:

- соблюдайте дистанцию в общении;
- проявляйте уважение к личному пространству собеседника;
- не навязывайте своих желаний и интересов собеседнику;
- делайте акцент на интересах собеседника;
- не оказывайте прямого воздействия на собеседника;
- смягчайте воздействие, побуждение, отказ, несогласие и т.п.;

- соблюдайте ряд коммуникативных табу: не давайте советов, не навязывайте своего мнения, не критикуйте, не перебивайте, не вступайте в спор и т.п.;
- проявляйте сдержанность как в вербальном, так и невербальном поведении;
- соблюдайте коммуникативную неприкосновенность собеседника как на уровне физического контакта, так и на уровне чувств.

Данные правила реализуются в определенных коммуникативных стратегиях. Анализ научной литературы позволяет выделить несколько таких стратегий и их категорий. Так, Т.В. Ларина, опираясь на идеи П. Браун и С. Левинсона о негативной и позитивной вежливости, выделяет две категории стратегий: *стратегии отдаления/дистанцирования* и *стратегии сближения* [Ларина 2003; Ларина 2009; Ларина 2013].

Стратегии отдаления направлены на реализацию гиперстратегии – *уменьшайте воздействие на адресата, демонстрируйте свое уважение к его личной независимости* [Ларина 2003, с. 125]. Иными словами, их использование ставит своей целью создание дистанции между коммуникантами, демонстрирующей взаимное уважение, соблюдение зоны личной автономии и коммуникативной неприкосновенности. К ним относятся:

- не говорите прямо, выражайтесь косвенно;
- задавайте вопросы, будьте уклончивы;
- предоставляйте слушающему выбор, возможность не совершать действие;
- минимизируйте свои предположения о желании адресата совершить действие;
- будьте пессимистом;
- минимизируйте степень вмешательства;
- выводите говорящего и слушающего из дискурса;
- представляйте речевой акт как общее правило;
- извиняйтесь;
- используйте фамилии и титулы;
- будьте немногословны [Стернин, Ларина, Стернина 2003, с. 173].

Стратегии сближения направлены на реализацию гиперстратегии – *демонстрируйте внимание, симпатию к окружающим* [Ларина 2003, с. 130]. Они, в свою очередь, призваны сократить дистанцию, продемонстрировать приветливость, дружелюбие, демократичность, неформальность, коммуникативный оптимизм. Перечень таких стратегий включает:

- замечайте слушающего, уделяйте внимание ему, его интересам, желаниям, потребностям и т.п.;
- преувеличивайте (интерес, одобрение, симпатию к собеседнику);
- демонстрируйте подчеркнутый интерес к слушающему;
- подтверждайте общую точку зрения, общее мнение, отношение, знание, эмпатию;
- ищите согласия;

- избегайте разногласия;
- будьте оптимистом;
- допускайте и утверждайте взаимность;
- включайте и говорящего, и слушающего в действие;
- дарите подарки слушающему;
- используйте маркеры внутригрупповой принадлежности;
- обращайтесь по имени;
- используйте язык, на котором говорит собеседник;
- будьте разговорчивы [Стернин, Ларина, Стернина 2003, с. 310].

Данные стратегии, главным образом, «обслуживают» речевые акты приветствия, прощания, благодарности, извинения, комплимента, похвалы, поздравления и другие, в которых говорящий проявляет свое внимание к собеседнику. И в целом практика наблюдений за коммуникативным поведением англичан показывает, что они демонстрируют больше внимания окружающим, относятся к ним с симпатией и доброжелательностью; они «чаще здороваются, извиняются, благодарят, оказывают взаимную коммуникативную поддержку, дарят друг другу «коммуникативные подарки» в виде комплиментов, высокой эмоциональной оценки собеседника, его качеств и действий, в виде выражения заинтересованности в нем, в желании продолжения контактов и т.д.» [Ларина 2003, с. 127].

Для реализации указанных стратегий англичане используют как вербальные, так и невербальные средства общения.

К невербальным сигналам вежливого поведения относятся: *дистанция (персональная 45-120 см, социальная 1-3.5 метра, публичная более 3.5 метров); легкое касание рукой руки, локтя, плеча; отсутствие касания телом; не очень сильное рукопожатие; отсутствие близкого контакта (объятий, поцелуев и т.п.) в социальном/публичном общении; улыбка, приветливое выражение лица; прямой и долгий контакт глазами.*

Вербальные средства выражения вежливости проявляют себя на всех уровнях языка. Сюда входят:

- специальные интонационные модели (*приподнятая интонация, выделение маркеров вежливости более высоким тоном*);
- речевые (коммуникативные, прагматические) клише/формулы (*Sorry, Excuse me, Yours sincerely*);
- лексика гиперболизированной оценочности (*terrific, incredible*);
- слова-интенсификаторы (*really, absolutely, most*);
- оценочные отглагольные прилагательные (*thoughtful, welcoming*);
- специальные формы обращений (в зависимости от степени формальности/неформальности общения);
- модальные глаголы (*Applicants should have at least two years' experience*);
- модальные слова-модификаторы: вводные слова (*I think, I am wondering, Would you mind*), минимизаторы (*just a second, a bit*), маркеры вежливости (*kindly, please*), маркеры сомнения (*possibly, I am afraid*), лексические

заполнители пауз (*well, so*), конечные формативы-уточнения (*right, will you*) и др.;

– формы сослагательного наклонения (*Could you help me with this translation?*);

– вопросительные конструкции/квазивопросы (*Won't you come in for a cup of tea?*);

– косвенно-вопросительные конструкции (*I wonder whether you could give me this book*);

– декларативные конструкции (*I would be grateful if you could give me this book // You'd better go and apologize*);

– пассивный залог (*Visitors are requested not to bring dogs into the college*);

– смещение временного плана (*I was wondering if you had two single rooms*).

Как правило, перечисленные стратегии и средства часто используются одновременно, поскольку англичанам свойственно максимально возможное, даже чрезмерное выражение вежливости (см., например, [Ларина 2009, с.187-188]). Так, в высказывании, адресованном соседям по общежитию *Do you think you could possibly make a little less noise?* (букв.: Вы думаете, вы могли бы, возможно, немножко меньше шуметь?), адресант одновременно:

а) выражает просьбу-замечание, для чего использует «удвоенную косвенность», реализованную при помощи прямого и косвенного вопросов;

б) предоставляет собеседнику возможность выбора (совершать или не совершать действие), что опять-таки достигается выражением просьбы в форме вопроса;

в) выражает сомнение в возможности выполнения собеседником действия, поскольку использует модальный глагол в сослагательном наклонении и маркер сомнения 'possibly' (возможно);

г) минимизирует воздействие на собеседника, прибегая к словам-минимизаторам (*a little less noise*).

В заключение следует отметить, что, несмотря на статус вежливости как доминантной черты национального характера англичан, следует выделять разные уровни вежливости (высокий, средний и низкий), или разные типы вежливости (формальную, нейтральную и неформальную). В каждом случае выделенные выше стратегии и средства будут иметь свою специфику.

Список литературы

1. Алтунин А.А. Функциональный аспект концепта «вежливость» в английской лингвокультуре // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. 2009. № 4. С. 69-72.

2. Алтунин А.А. Структурные компоненты концепта «Вежливость» в русской и английской лингвокультурах // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. 2012. № 2. С. 115-118.

3. Кобозева И.М. Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнотипов // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1995. №3. – С.102-116.
4. Ларина Т.В. Коммуникативная категория вежливости: межкультурный аспект // Коммуникативное поведение. Вып.17. Вежливость как коммуникативная категория. Воронеж, изд-во «Истоки», 2003. С. 116-133.
5. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: «Рукописные памятники Древней Руси», 2009. 507 с.
6. Ларина Т.В. Англичане и русские: язык, культура, коммуникация. Москва: Языки славянских культур, 2013. 360 с.
7. Любимов М. Гуляние с Чеширским Котом: Мемуар-эссе об английской душе. М.: Б.С.Г.-ПРЕСС, 2004. 604 с.
8. Савойская Н.П. Лингвокультурологические особенности концепта «вежливость» (на материале казахского, русского и английского языков): автореферат дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2005. 22 с.
9. Стернин И.А., Ларина Т.В., Стернина М.А. Очерк английского коммуникативного поведения. Воронеж: изд-во «Истоки», 2003. 183 с.
10. Cambridge Dictionary Online. Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/polite>
11. Collins English dictionary. 5. ed. Glasgow: Harper Collins, 2000. XXXVII, 1785p.
12. Longman dictionary of English language and culture. Harlow (Essex): Longman, 1992. 31, 1528, 27 p.
13. Macmillan English Dictionary: For advanced Learners. International Student Edition. Oxford: Macmillan Education, 2002. 1692 p.
14. Watts R. Politeness. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 304 p.

Сведения об авторах:

Щекожихина Ирина Николаевна; кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; shchekotikhina69@mail.ru; +79606556799.

Shchekotikhina Irina Nickolaevna; PhD in Philology, associate professor, head of the English Language Department, Oryol State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302028, Russian Federation; shchekotikhina69@mail.ru; +79606556799.

Маслик Екатерина Андреевна; студентка 1 курса магистратуры института иностранных языков, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; lesnikprohor@gmail.com; +79536223435.

Maslik Ekaterina Andreevna; 1th year graduate student, Foreign Language Institute, Oryol State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302028, Russian Federation; lesnikprohor@gmail.com; +79536223435.

СЕКЦИЯ 2: ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ: ПОДХОДЫ, ПРОЕКТЫ, РЕСУРСЫ, ТЕХНОЛОГИИ

УДК 37.091.3

Использование искусственного интеллекта в процессе обучения иностранным языкам

Бондарева Наталия Алексеевна¹, Замуруева Наталья Анатольевна²

¹ Орловский государственный аграрный университет им. Н. В. Парахина, доцент кафедры иностранных языков, кандидат филологических наук, Орел, Россия, ilin26@yandex.ru

² Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, доцент кафедры иностранных языков, кандидат педагогических наук, Орел, Россия, nat3011@yandex.ru

Аннотация. Искусственный интеллект или ИИ (англ. Artificial Intelligence, AI) определяется, как набор программных алгоритмов, позволяющий имитировать ряд функциональных возможностей человеческого мозга в динамической вычислительной среде. Алгоритмы искусственного интеллекта используют несколько технологий, которые позволяют машинам ощущать, понимать, планировать, действовать и учиться, подобно тому, как это делают люди.

Ключевые слова: искусственный интеллект, система представления знаний, аффективные вычисления, геймификация, виртуальная реальность.

Using Artificial Intelligence in the Process of Teaching Foreign Languages

Bondareva Natalya Alekseevna¹, Zamurueva Natalya Anatolyevna²

¹ Oryol State Agrarian University named after N. V. Parakhin, associate Professor of the Department of Foreign Languages, candidate of Philology, Orel, Russia, ilin26@yandex.ru

² Central Russian Institute of Management branch of RANEPА, associate Professor of the Department of Foreign Languages, Candidate of Pedagogical Sciences, Orel, Russia, nat3011@yandex.ru

Annotation. Artificial Intelligence (AI) is defined as a set of software algorithms that can simulate a range of functional capabilities of the human brain in a dynamic computing environment. Artificial intelligence algorithms use several technologies that enable machines to sense, understand, plan, act and learn just like humans do.

Keywords: artificial intelligence, knowledge representation system, affective computing, gamification, virtual reality.

Искусственный интеллект – технология, которая позволяет программе воспроизводить и даже превосходить возможности человеческого разума. Последние несколько лет наглядно показали, насколько стремительно развивается это направление, приближая к реальности сцены из фантастических романов.

Системы искусственного интеллекта воспринимают окружающую среду, распознают объекты, способствуют принятию решений, решают сложные проблемы, извлекают уроки из прошлого опыта и имитируют шаблоны. Эти способности могут комбинироваться для выполнения таких задач, как беспилотное вождение автомобиля или распознавание лиц при разблокировке экранов устройств.

ИИ в первую очередь развивается за счет исследования механизмов работы и способностей человеческого мозга для последующего применения этих знаний к «умным» машинам. Основной целью искусственного интеллекта является разработка технологии, позволяющей компьютерным системам работать независимо от человека и принимать решения на полноценной интеллектуальной основе.

Среди основных преимуществ искусственного интеллекта следует выделить:

- Более эффективное решение

Исследования ИИ сосредоточены на разработке алгоритмов решения сложных задач, способных делать логические выводы и имитировать человеческие рассуждения. Такие виды искусственного интеллекта, как системы прогнозирования фондового рынка, предлагают методы решения неопределенных ситуаций или головоломок с неполной информацией, основывающиеся на практическом использовании теории вероятности.

- Облегчение планирования

С помощью ИИ человек может делать прогнозы и выяснять отдаленные последствия своих действий в будущем, чтобы принимать верные решения в настоящем. Планирование на основе искусственного интеллекта позволяет более эффективно достигать целей и оптимизирует общую производительность с помощью инструментов предиктивной аналитики, анализа данных, прогнозирования и моделей оптимизации. Это особенно актуально для робототехники, автономных систем, когнитивных помощников и кибербезопасности.

- Развитие творчества

ИИ может обрабатывать огромные объемы данных, рассматривать варианты и альтернативы, чтобы находить новые направления творческой мысли или возможности для общественного прогресса. Например, система искусственного интеллекта может предоставить несколько вариантов дизайна интерьера для трехмерной планировки квартиры или предложить несколько неожиданных решений в оформлении фирменного стиля компании.

- Возможность непрерывного обучения

Машинное обучение подразумевает способность компьютерных алгоритмов улучшать знания ИИ посредством наблюдений и прошлого опыта. Искусственный интеллект в основном использует две модели обучения – контролируруемую и неконтролируемую, основное различие между которыми заключается в использовании различных наборов данных.

Поскольку системы ИИ обучаются независимо, они требуют минимального вмешательства человека или вообще могут обходиться без него.

Один из главных вопросов, касающихся применения ИИ в процессе обучения – это создание системы представления знаний. Исследования ИИ вращаются вокруг идеи представления знаний (knowledge representation) и инженерии знаний (knowledge engineering). Это относится к представлению «того, что известно» машинам с онтологией для создания набора объектов, отношений и понятий.

Представление знаний раскрывает информацию, которую компьютер использует для решения сложных практических проблем, таких как диагностика медицинских заболеваний или взаимодействие с людьми на естественном языке. Исследователи могут использовать представленную информацию для расширения базы знаний ИИ, а также для тонкой настройки и оптимизации своих моделей ИИ.

Аффективные вычисления, также называемые «эмоциональным ИИ» (EAI), — это ветвь ИИ, которая распознает, интерпретирует и моделирует человеческий опыт, чувства и эмоции. С их помощью компьютеры могут считывать выражения лица, язык тела и тон голоса, чтобы позволить системам ИИ взаимодействовать и общаться на человеческом уровне. Исследовательские усилия в направлении «эмоционального ИИ» в перспективе приведут к появлению у машин социального интеллекта.

Однако искусственный интеллект не лишен и недостатков:

- Предвзятость алгоритмов

Системы ИИ работают с обученными данными, а значит их качество напрямую зависит от качества использованных данных, что неизбежно вызывает предвзятость. Этот недостаток может возникать из-за расовых, гендерных, социальных или культурных предубеждений, которые были свойственны людям, а позже перенеслись на алгоритмы, обученные на созданном человеком контенте. Предвзятость искусственного интеллекта может повлиять на такие жизненно важные решения, как выбор подходящих кандидатов во время собеседования или определение права на получение кредита.

- Проблема «черного ящика»

Алгоритмы искусственного интеллекта похожи на «черные ящики» — методы их работы надежно скрыты от пользователей и специалистов. Мы можем увидеть, какой прогноз дала система, но не знаем, как она пришла к этому выводу, что снижает уровень доверия.

- Требуется высокая вычислительная мощность

Чем больше алгоритмов ИИ участвуют в рабочем процессе, тем больше им требуется дополнительных ядер и графических процессоров. Ограничения,

задаваемые «железом» — один из главных факторов, препятствующих повсеместному проникновению систем искусственного интеллекта во все области хозяйства.

- Сложная интеграция

Интегрировать ИИ в существующую корпоративную инфраструктуру сложнее, чем добавить плагины на веб-сайты или изменить таблицы Excel. Важно убедиться, что текущее ПО и оборудование совместимы с требованиями системы искусственного интеллекта, а значит интеграция не понизит текущую производительность. Кроме того, необходимо внедрить интерфейс ИИ, чтобы упростить управление его инфраструктурой.

- Юридические вопросы

Такие тонкие вопросы как массовая обработка конфиденциальных данных или ответственность за действия машин под управлением ИИ, могут стать причиной противоречий с действующими нормами законов. Хотя само понятие «искусственный интеллект» введено в российское правовое поле президентским указом № 490 и последующим федеральным законом № 123-ФЗ, детальное регулирование использования ИИ — задача ближайшего будущего.

Как ИИ помогает учить Иностранные языки? В 2016 году Уилл Найт, исследователь искусственного интеллекта из Массачусетского технологического института, писал, что «Машины, которые понимают естественные языки, были бы крайне полезны. Но мы не знаем, как их создать».

С тех пор многое изменилось. Искусственный интеллект играючи побеждает гроссмейстеров го, сёги и шахмат, Google Translate успешно развивается, используя самообучающуюся нейронную сеть, а голосовой помощник Алиса от «Яндекса» хорошо распознает человеческий язык и вполне естественно имитирует живую речь.

Но может ли машина действительно понимать естественные языки? В компании Google уверены, что может. В декабре 2019 на базе нейросетей они создали небольшую игру в слова, Semantris, в которой ИИ оперирует не просто смыслами отдельных слов, а целыми цепочками ассоциаций.

Технологии стали неотъемлемой частью нашей жизни. Они развиваются так быстро, что люди не успевают за ними. Мы не можем отрицать его силу или избегать ее последствий. Мы можем пользоваться и использовать ее в качестве инструмента для улучшения нашей жизни. Искусственный интеллект — один из основных прорывов, который повлияет на образование и, в частности, на изучение иностранного языка. В этой статье мы рассмотрим, как это будет выглядеть.

AI меняет способ обучения. Во-первых, чтобы понять важность ИИ, просто подумайте, что доходы от рынка ИИ, как ожидается, будут расти чрезвычайно быстро до 2025 года. ИИ уже влияет на то, как мы учимся, и, следовательно, его влияние на онлайн-изучение языков. AI предоставляет людям простоту и удобство онлайн-доступа через онлайн-сайты изучения английского языка и приложения, ориентированные на AI, такие как Duolingo, Kahoot, Babble, Knowble и т. д. В частности, эти приложения для изучения

языка разработаны таким образом, чтобы соответствовать правильному контенту для обучения пользователей.

Проще говоря, эти приложения разбивают процесс обучения на три простых шага. Он измеряет данные и цифры, затем адаптируется к этим результатам и, наконец, предоставляет персонализированную информацию. Традиционные способы изучения нового языка в настоящее время считаются трудоемкими и требуют большого количества материала, тогда как цифровые приложения, которые используют ИИ, могут предоставлять индивидуальные возможности каждому «ученику». Приложения отслеживают ваши личные данные, предоставляют материалы, соответствующие вашему уровню, и в целом создают индивидуальный курс обучения.

ИИ помогает сэкономить время. Существует аббревиатура, используемая при изучении языков под названием APP, что означает активное участие и практику. Само название указывает, как эти приложения намереваются помочь людям освоить новый язык. Это все об участии и результатах в реальном времени. Они запрограммированы для обучения полезным, приятным образом, в ходе которого люди создадут забавный и приключенческий образ для «обучения».

В конце концов, с помощью ИИ процесс изучения нового языка будет проще. Вероятно, для его совершенствования потребуются годы, но небольшие действия оказывают огромное влияние, и небольшая практика каждый день идет далеко. Используя инструменты, такие как Knowble Reader, изучение английского языка становится непосредственным. Обучение легко интегрируется в вашу повседневную жизнь и становится авантюрным и приятным процессом.

По данным исследователей, рынок e-learning к 2022 году вырос до \$300 млрд. Геймификация, эдьютейнмент, видеочаты, виртуальная реальность и искусственный интеллект – перемены в образовании особенно заметны в изучении иностранных языков, где новые технологии приходят на смену зубрежке неправильных глаголов, диктантам и рабочим тетрадам.

Согласно исследованию Technavio, к 2021 году использование технологий искусственного интеллекта на рынке образования выросло на 47,5%.

Сегодня у многих взрослых учеников нет времени на занятия с живым учителем – в таких случаях на помощь приходят уроки, модерируемые искусственным интеллектом.

Например, китайские разработчики приложения Liulishuo, заполучив самую большую базу данных о жителях страны, изучающих английский, разработали движок, который позволяет точно распознать голос любого студента, оценить его успехи и выстроить индивидуальную траекторию обучения.

Искусственный интеллект также способен поработать над вашим акцентом. Так, платформа от Cambridge Consultants фиксирует особенности произношения всего по одной фразе и дает полезные советы в зависимости от звучания вашего английского.

Нельзя недооценивать и роль Геймификации. Индустрия образования давно позаимствовала поп-культурные практики, которые помогают облегчить процесс обучения. По данным исследования прошлого года, половина опрошенных образовательных организаций используют эдьютейнмент (это подход, соединяющий обучение (англ. education) и развлечение (англ. entertainment)) и геймификацию в учебных планах. Еще 43% респондентов считают, что такие техники позволяют эффективнее удерживать внимание студентов на материале.

Сегодня образовательные сервисы сражаются за свободное время ученика с Instagram, Steam, Telegram и другими гигантами индустрии развлечений.

Чтобы победить (хотя бы ненадолго), важно ответить контентом, который не отстает по качеству и степени интерактивности, пассивный просмотр видеуроков уходит в прошлое.

Для успешной геймификации, по опыту EF, необходимы два элемента – увлекательная драматургия и приближенность к реальной жизни. Видео, моделирующее поход с друзьями в бар или на собеседование, заинтересует любого, кто хочет использовать язык в повседневном общении. А благодаря механике из компьютерных игр и интерактивных сериалов студент становится реальным участником диалога. Выбирая варианты ответов на реплики, он определяет дальнейшее развитие событий и передвигается с уровня на уровень.

Остановимся на Виртуальной реальности. По словам пионера аудиовизуальных технологий в образовании Эдгара Дейла, студенты запоминают 10% прочитанного, 20% услышанного и 90% информации из ситуаций, имитирующих реальный опыт. Неудивительно, что технологии виртуальной реальности – одна из самых крупных инвестиционных сфер в образовании.

Сегодня VR-технологии помогают погрузиться в культурный контекст и воспроизводят сценарии из реальной жизни, где пригодится иностранный язык. К примеру, приложение Mondly предлагает VR-инсценировки из реального опыта туриста в незнакомой стране: поездки в поезде по Берлину, ужин в испанском ресторане и т. д.

Электронная лексикография и индустрия развлечений изменили подход к словарям и энциклопедиям. По данным исследований, они становятся такими же медиапродуктами, как социальные сети или облачные хранилища.

Например, сервис Abbyu сканирует бумажный документ, распознает слова и сразу предлагает варианты перевода. А онлайн-словари вроде Lexico от Оксфорда могут разделить лексику по смысловым блокам, времени возникновения и т. д.

Социальные сети стали неотъемлемой частью нашей жизни. Не так давно The New York Times выпустила нашумевший текст про цифровой разрыв между бедными и богатыми с неутешительным выводом: простое общение становится новой роскошью. Образовательные платформы, предлагающие встречи с другими учениками в онлайн или офлайн, обретают дополнительную ценность.

Например, проект Blackboard позволяет учителям и студентам создать внутреннюю социальную сеть с онлайн-курсами, проверкой домашних заданий и постоянным обменом опытом с другими педагогами и учениками.

Механику социальных сетей также успешно использовал преподаватель курса «Бизнес в медиа» Нью-Йоркского университета Тед Магдер. Он просил студентов вести ежедневные блоги, чтобы погрузиться в языковой контекст, искать интересные форматы и темы и, конечно, получать постоянный фидбэк. Это помогло мотивировать учеников на самостоятельную работу и общение друг с другом.

Видеочаты так же прочно вошли в нашу повседневную жизнь. Эксперты Вашингтонского университета посчитали, что более половины пользователей смартфонов в возрасте от 18 до 34 лет используют мобильную видеосвязь. На сегодняшний день платформы Verbling или Learnissimo смогли привлечь более миллиона пользователей благодаря привычной и перспективной механике видеочата.

Технология видеочата полезна и ученикам, и учителям. Студенты могут обратиться к записи занятий, чтобы повторить пройденный материал и обратить внимание на советы преподавателя. Учителя же могут перепроверить, на все ли ошибки они указали студентам, и проанализировать качество своих уроков. По данным исследователей из Гарварда, клубы, где педагоги коллективно отсматривают видеозаписи занятий друг друга, эффективный инструмент для работы над ошибками.

Видеочаты добавляют в образовательный процесс дополнительную ценность: студент не только слышит речь носителя, но видит его мимику и язык тела, усваивая культурные особенности говорения на незнакомом языке.

Существуют особенности применения искусственного интеллекта в образовательном процессе на примере чат-ботов. Активное использование чат-ботов может способствовать развитию умений как чтения и говорения, так и аудирования посредством общения с ботом не только письменно, но и с помощью голосовых сообщений. Активное взаимодействие обучающихся с чат-ботом способствует решению двух проблем: Преодоление тревоги и неуверенности, которые могут возникнуть у обучающихся из-за страха собственных ошибок, насмешек одноклассников и осуждения учителя. Общение с ботом, напротив, создает комфортную психологическую атмосферу, способствующую повышению эффективности обучения. Проблема отсутствия мотивации к изучению иностранного языка. Хотя использование чат-ботов не является чем-то новым в современном мире, однако для сферы образования, во многом еще придерживающейся традиционных методов обучения, это хороший способ заинтересовать обучающихся.

Важно понимать, что на сегодняшний день чат-боты не способны общаться наравне с людьми, их возможности ограничены, однако для тех, у кого нет возможности пообщаться с носителями языка, чат-боты могут стать хорошей альтернативой для языковой практики. В учебном процессе чат-боты могут выполнять следующие роли: 1) преподаватель; 2) сверстник; 3) обучаемый; 4) мотиватор.

По мере того, как роль искусственного интеллекта повышается во всех аспектах жизни общества, науки и бизнеса, мы видим все больше примеров блестящей реализации этой технологической парадигмы. Сегодня «машины» помогают людям учиться и учиться, автоматизировать производство, анализировать большие объемы данных, улучшать качество обслуживания клиентов или находить новые вдохновляющие идеи творчества.

Подобный качественный переход стал возможен, поскольку ИИ, машинное обучение, глубокое обучение и нейронные сети стали доступны не только крупным компаниям, но также малым предприятиям и даже обычным пользователям в виде готовых сервисов, работающих по принципу «кликнул и готово».

Вопреки распространенному мнению о том, что ИИ заменит людей на всех должностях, в ближайшие годы можно ожидать только более высокой степени интеграции между людьми и машинами. Подобное сотрудничество будет однозначно полезно для человека. По мере повышения доступности, ИИ будет улучшать наши когнитивные навыки и способности, а также повысит общую производительность труда и эффективность в принятии решений.

Список литературы

1. Макк А. А. Способен ли искусственный интеллект превзойти интеллект человека? // URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29167840> / Струнин, Д. А. Искусственный интеллект в сфере образования / Д. А. Струнин. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 6 (453). — С. 15-16. — URL: <https://moluch.ru/archive/453/99921/> (дата обращения: 17.09.2023).
2. Искусственный интеллект. В 3-х кн. Кн.2. Модели и методы: Справочник / Под ред. Д. А. Пospelова — М: Радио и связь, 1990. 304с. Латыпова, В. А. Обучение человека и машины / В. А. Латыпова, А. Г. Тюрбанов. — Текст : непосредственный // Современные тенденции технических наук : материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2015 г.). — Казань : Бук, 2015. — С. 13-16. — URL: <https://moluch.ru/conf/tech/archive/163/8901/> (дата обращения: 17.09.2023).

Сведения об авторах:

Бондарева Наталия Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, Орловский государственный аграрный университет, 302019, Орловская область, г. Орёл, ул. Генерала Родина, 69, ilin26@yandex.ru, 89208211251

Замуруева Наталья Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент, Среднерусский институт управления филиал РАНХиГС, 302028, г. Орел, ул. Октябрьская, д. 12, nat3011@yandex.ru, 89065705323

О фонетических упражнениях на занятиях РКИ (элементарный уровень)

Ольга Викторовна Борискина

Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева, доцент кафедры романской филологии, кандидат филологических наук, Орел, Россия, olgaboriskina2012@yandex.ru

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы обучения фонетике на занятиях РКИ на начальном этапе с помощью различных упражнений, обосновывается важность функционального аспекта овладения фонетическими навыками для успешного осуществления межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: обучение фонетике русского языка, формирование слухопроизносительных навыков, фонетические упражнения, игровые интерактивные задания.

**About phonetic exercises at Russian as a Foreign Language (RFL) lessons
(Elementary Level)**

Olga V. Boriskina

Oryol State University named after I. S. Turgenev, Associate Professor of the Department of Romance Philology, Foreign Language Institute, candidate of Philology, Oryol, Russia, olgaboriskina2012@yandex.ru

Abstract: the article deals with the issues of teaching phonetics at the initial stage of Russian as a Foreign Language (RFL) lessons with the help of various exercises, and substantiates the importance of the functional aspect of mastering phonetic skills for the successful realization of intercultural communication.

Key words: teaching phonetics of the Russian language, formation of auditory pronunciation skills, phonetic exercises, interactive game tasks.

Русский язык принято относить к наиболее трудным языкам для изучения иностранцами обучающимися. Поэтому студенты-инофоны, овладевающие русским языком, постоянно испытывают сложности в процессе его изучения. Фонетика – это раздел языка, с которым они сталкиваются уже на первых уроках. Трудность обучения русскому языку ярко объясняются присутствием фонетической интерференции, источником которой лингвисты считают объективные различия между фонетическими системами двух языков. По мнению С. Н. Цейтлина: «Характер ошибок в значительной степени определяется не только самим фактом вторичности языковой системы, но и

некоторыми специфическими особенностями родного языка» [Цейтлин 2006, с. 232].

По этой причине обучение фонетической стороне русского языка является одним из самых трудных аспектов в преподавания русского языка иностранцам.

С первых занятий работа преподавателя направлена на формирование правильных и четких навыков произношения звуков и интонационных конструкций. Это продолжительный, комплексный процесс, который не ограничивается элементарным уровнем А1, а длится на всем протяжении курса изучения русского языка.

Практически все иностранные студенты сталкиваются с трудностями в усвоении артикуляции многих звуков русского языка. Трудными для повторения и имитации оказываются правила сочетаемости звуков, русские интонационные конструкции, и, как следствие, затруднено восприятие на слух слов с различным слоговым составом, как изолированных, так и объединенных в речевом потоке. Целенаправленная и систематическая работа преподавателя и студентов, ориентированная на постановку артикуляционной и перцептивной базы, обеспечит дальнейшее успешное формирование навыков и умений в различных видах речевой деятельности.

Приступая к обучению иностранных студентов преподаватель должен представлять себе круг основных проблем, которые он призван решить на фонетическом этапе каждого занятия элементарного уровня, например, в первую очередь следует обращать внимание на фонологические ошибки, поскольку они мешают пониманию, например, различение твердых и мягких согласных.

Освоение правил в области фонетики на занятиях по русскому языку как иностранному проходит поэтапно. В первую очередь преподаватель проводит работу над основами русского произношения. В практике преподавания русского языка как иностранного перед преподавателем стоит цель приблизить произношения учащихся к произношению носителей языка. Это в последующем облегчит студентам процесс коммуникации.

Упражнения по изучению и активизации различных фонетических явлений должны выбираться преподавателем в зависимости от уровня группы.

Учебники и пособия по русскому языку для иностранцев предлагают различные виды упражнений и заданий, направленные на создание и закрепление в памяти студентов-инофонов слухового образа того или иного звука, слога, слова.

В методической литературе выделяют следующие этапы в работе по фонетике: презентация, имитация, запечатление, отсроченное воспроизведение, комбинирование слухо-произносительных навыков. Каждый этап располагает своим набором упражнений.

Работа над русским произношением начинается с усвоения обучающимися алфавита, т.е. они должны запомнить порядок следования букв, названия букв, их фонетический облик. Поэтому на первых уроках повторение алфавита обязательно, поскольку это помогает формированию правильных

слухо-произносительных навыков. Иностранцы учатся правильно воспринимать услышанные языковые образцы, соотносят их с конкретным значением и адекватно их воспроизводят.

На каждом занятии элементарного уровня преподавателю необходимо использовать серии упражнения, которые способствуют формированию и закреплению фонематического слуха. Методика РКИ рекомендует вводить такие упражнения через аудирование, что способствует знакомству с базовыми характеристиками русской фонетической системы (противопоставление звонких и глухих согласных, твердых и мягких согласных, характер русского ударения, различия в произношении безударных гласных после твердых и мягких согласных, позиции озвончения и оглушения согласных звуков, наличие четырех основных типов ИК, помогающих различать смысл высказывания).

Преподаватель предлагает обучающимся сначала прослушать, а затем повторить и прочесть буквы и слоги, обращая внимание на разницу в произношении звуков (упражнения типа «Слушайте. Повторяйте. Читайте»).

Такая фонетическая зарядка является эффективным средством овладения фонетической стороной языка и направлена на формирование и поддержание слухо-произносительных и интонационных навыков. Звуковая коррекция проводится в течение всего занятия и последующих уроков, что способствует предупреждению появления возможных произносительных ошибок.

Закреплению и автоматизации произносительных навыков способствуют фонетические диктанты, которые следует проводить регулярно. Диктанты могут состояться не только из слогов, но и включать самостоятельные лексические единицы, в составе которых присутствуют тренируемые звуки. Фонетические диктанты развивают не только языковые навыки, но и умение сосредоточиться, контроль моторики и т.д. Результат контролируется сразу и позволяет исправлять или корректировать ошибки, не давая им закрепиться в сознании обучающегося.

В соответствии с формой проведения можно организовать:

- *зрительные* диктанты (на доске записываются слоги или слова, объясняются изучаемые трудные языковые явления, затем слоги или слова стираются, а обучающиеся пишут их под диктовку преподавателя);

- *зрительно - слуховые* диктанты (слоги или слова записываются одновременно на доске и в тетради);

- *слуховые* диктанты (диктуются слова из усвоенного лексического минимума, и педагог концентрирует внимание на трудных правилах русского языка, например, на оглушение конечных согласных или написание безударных гласных).

- *Диктанты-картинки* (обучающимся показываются картинки, после чего студенты самостоятельно записывают слова). [Майнерт 2009]

Одним из эффективных приемов формирования, закрепления и совершенствования русских звуков является заучивание русских скороговорок, включающих в себя тренируемые звуки. Иностранцы через ритмические модели скороговорок быстрее усваивают ритмику русской речи. Регулярное использование скороговорок естественным образом способствует

ускорению процесса запоминания новых звуков и новой лексики. В практике преподавания русского языка как иностранного выбор скороговорок преподаватель осуществляет самостоятельно в зависимости от фонетических трудностей, которые испытывают обучающиеся конкретной национальной группы.

В арсенал преподавателя РКИ могут включаться логопедические подходы и приемы, которые помогут иностранным обучающимся правильно сформировать необходимые фонетические навыки.

Е. А. Андреюшина считает, что «логопедические методы дополняют существующие практические подходы к преподаванию фонетики РКИ и составят с ними единый дидактический комплекс... В практике преподавания РКИ, этап автоматизации навыка заключается в выполнении упражнений, требующих многократного повторения данного явления языка в составе речевых действий» [Андреюшина 2017, 5].

Стимуляцией к активному освоению новой фонетической системы для студентов-иностранцев могут стать учебные игры, направленные на закрепление и совершенствование произносительных навыков. Игровые фонетические упражнения не только тренируют изученный фонетический материал, но и углубляют его.

Вот несколько примеров таких игровых заданий:

- иностранные обучающиеся должны поднять руку, если в словах, произносимых преподавателем, они слышат тренируемый звук;
- преподаватель предполагает обучающимся назвать по цепочке слова с определенным звуком в начале, в середине или конце слова; студент повторяет услышанное слово и добавляет свое.

В игровой форме можно отрабатывать ударение, что также представляет собой определенную трудность для инофонов. Самые распространенные упражнения, которые есть во всех учебниках РКИ – это проговаривание слов и их форм в различных форматах: вся группа, группа по 4-5 человек, в парах, по цепочке.

Следующий вариант работы, когда учащиеся получают задание расставить ударения самостоятельно в словах на карточках или записывая их на доске (проверка правильности выполнения таких заданий проводится сразу).

Не менее эффективный вариант закрепления материала – это упражнения, в которых студенты получают разноцветные карточки с цифрами, обозначающими ударный слог. Услышав слово, обучающиеся должны определить ударный слог и поднять карточку с номером ударного слога [Милованова 2017]

Мы выделили только небольшую группу упражнений на формирование и закрепление фонетических навыков. В практике преподавания РКИ существуют и другие наборы упражнений, которые помогают успешно решить задачи овладения фонетической стороной русского языка. Выбор комплекса упражнений остается за преподавателем.

Как показывает практика, рациональный подбор фонетических упражнений обеспечит прочное усвоение и закрепление слухо-

произносительных навыков обучающихся на начальном этапе, станет гарантией успешного формирования всех видов речевой деятельности, а на последующих ступенях обучения будет способствовать их развитию и совершенствованию.

Список литературы:

1. Андреюшина Е.А. Обучение фонетике на уроках русского языка как иностранного с использованием логопедических технологий: диссертация кандидата педагогических наук: 13.00.02 / Андреюшина Елизавета Александровна. - (Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов).– Санкт-Петербург, 2017, с.5
2. Милованова И.С. Фонетические игры и упражнения. Русский язык как иностранный. Начальный этап обучения. М.: Флинта: Наука, 2000. 160 с.
3. Майнерт Е. Ч. Диктанты на уроках РКИ: виды, уровни, примеры. – 2009 <https://www.eduneo.ru/diktanty-na-urokax-rki-vidy-urovni-primery/>
4. Цейтлин С. Н. Двухязычный ребенок в русской школе // Современная русская речь: состояние и функционирование: сб. аналит. мат-лов / Филологический фак-т СПбГУ. СПб.: Осипов, 2006 Вып. II. С. 222-234.

Сведения об авторе:

Борискина Ольга Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева, Российская Федерация, ул.Комсомольская,95; olgaboriskina2012@yandex.ru; 89200819053
Boriskina Olga Viktorovna, Candidate of Philology, Associate Professor Candidate of Philology, Associate Professor, Orel State University, Komsomolskaja,95; olgaboriskina2012@yandex.ru; 89200819053

УДК 8.81-271

Особенности изучения лексики русского языка в иноязычной аудитории

Татьяна Петровна Пегина

Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного и межкультурной коммуникации, Орел, Россия, e-mail pegina@list.ru.

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема усвоения лексического материала студентами, изучающими русский язык как иностранный. Описываются сложности разного характера, с которыми может столкнуться студент при усвоении лексических единиц. Автор показывает, какие трудности наиболее часто вызывают затруднения у иностранных студентов.

Ключевые слова: лексика, трудности усвоения лексики, значение слова, фразеологические единицы.

Features of learning the vocabulary of the Russian language in a foreign language audience

Tatiana P. Pegina

Orel State University named after I.S. Turgenev, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian as a Foreign Language and Intercultural Communication, Orel, Russia, e-mail pegina@list.ru.

Annotation. The article deals with the actual problem of mastering lexical material by students studying Russian as a foreign language. The difficulties of a different nature that a student may encounter when mastering lexical units are described. The author shows which difficulties most often cause difficulties for foreign students.

Keywords: vocabulary, vocabulary learning difficulties, word meaning, phraseological units.

Изучение русского языка в последние годы, как в результате миграции, так и по другим причинам, таким, как учеба или работа в России, знакомство с научными трудами на языке нашей страны, приобрело особое значение для граждан, приехавших в Российскую Федерацию на длительный срок. Большая ответственность ложится на преподавателя русского языка как иностранного, так как язык – это целый комплекс взаимосвязанных лексических, грамматических, фонетических особенностей, объединенных в одной культуре и традициях определенной страны. Попадая в чужую языковую среду, иностранец должен интегрироваться в нее, но без необходимого запаса слов и правил языка, вербальное общение становится невозможным. На первый план для преподавателя выходит задача помочь студенту правильно сориентироваться в богатстве и многообразии словарного состава русского языка.

В процессе обучения иностранных студентов русскому языку наибольшие трудности усвоения языковой системы иностранного языка неизменно возникают в том случае, когда родной язык студента относится к другой языковой группе. Устанавливая ложные соответствия между двумя системами языков, русского и своего родного, студенты допускают так называемые интерферентные ошибки. Говоря об ошибках такого характера, в своих лингвистических трудах Л. В. Щерба подчеркивал, что родной язык всегда будет преобладать в головах учащихся, которые для того, чтобы понять смысл сказанного, должны будут найти соответствие данному высказыванию в своем языке [4, с. 56-57]. Такие же ошибки неизбежны и тогда, когда одинаковые явления существуют в двух языках, но имеют существенные отличия. Например, в арабском языке отсутствует средний род

существительных, многие существительные, относящиеся к женскому или мужскому роду в русском, относятся к противоположному роду в арабском (существительные «боль», «болезнь» относятся к женскому роду в русском, но к мужскому роду в арабском; профессии, относящиеся в равной степени, как к лицам мужского, так и женского рода, такие, как врач, педагог, филолог и др., в арабском четко разграничены по родам). Особую сложность представляют случаи, когда определенное языковое явление отсутствует в родном, или изучаемом языке. Так, в арабском языке, в отличие от русского существительные изменяются по 3 числам – единственному, множественному и двойственному, последний отсутствует в русском.

Говоря об обучении иностранных студентов лексическому аспекту русского языка, нельзя не подчеркнуть изменчивость словарного состава языка. Не всегда бывает возможным объяснить студенту семантическую характеристику слова, объем и содержание его значения. Такое понятие, как комбинаторное, или контекстное, значение слов, которое становится понятным лишь при определенном сочетании данных единиц в речи, также представляет сложность для студента, изучающего иностранный язык. Например, глагол «защитить» приобретает разные значения в зависимости от того контекста, в котором появляется: защитить кого-то от угрозы или защитить диссертацию. Это также потребует от преподавателя дополнительных объяснений.

Введение в учебный процесс произведений русской классической литературы имеет очень важное значение для усвоения русского языка, так как данные произведения «повышают речевую культуру, развивают чувство языка, делают ...речь ярче, образнее...» [3, с. 5]. Но здесь студента подстерегают очередные сложности усвоения иноязычной лексики, связанные с пониманием значений слов. Когда значение узуально, понимание облегчается, в том же случае, когда значение окказионально, такой контекст необходимо разбирать со студентом тщательным образом. Особенно актуальным становится понимание окказионального значения слова в литературных источниках, где автор намеренно нарушает определенные ограничения, которые были наложены самим языком, что, естественно, вызовет большие трудности при переводе у студентов-иностранцев. Например, у А. Ахматовой в строке: «*А под ним тот профиль горбатый...*» присутствует лишь ей характерное высказывание, что потребует от читателя большой сосредоточенности и глубоких знаний, ведь под горбатым здесь подразумевается нос с горбинкой (А. Ахматова «Рисунок на книге стихов», 1958) [1, с. 203].

Слова, обладающие узким объемом значения, должны запоминаться студентом отдельно. В данном случае необходимо, чтобы студент знал эквивалентную лексику в родном языке. Например, такие словосочетания, как закадычный друг, заклятый враг, карие глаза или перочинный нож могут иметь или не иметь свои соответствия в том языке, на котором говорит студент.

Еще одну сложность в усвоении лексики русского языка представляют собой многозначные слова. Основной задачей педагога является объяснение того факта, что в данном случае разграничению определенных значений одного и того же слова способствует тот контекст, в котором данное слово находится,

его лексическое окружение, а также ситуация, в которой слово употреблено. Здесь необходимо помнить о том, что в своем прямом значении слова будут сочетаться с одним набором лексических единиц, а в переносном – с кардинально другим составом лексики. Например, глагол «снять» имеет несколько значений. В случае, когда речь идет об одежде, он будет сочетаться с предметами одежды – снять пальто. «Снять жилье или фильм» – также возможное лексическое окружение глагола. В родном языке студента, изучающего русский как иностранный, данный глагол может не иметь того или иного лексического значения или, наоборот, иметь более расширенный спектр значений. Чтобы избежать возможных ошибок, целесообразным было бы заучивание лексических единиц именно в наиболее частотном и устойчивом их сочетании, так как стремление выучить только изолированное лексическое значение слова неизбежно приведет к неправильному его употреблению.

Необходимо помнить о том, что преобладающая часть активно усваиваемого студентами лексического минимума состоит из слов, обладающих прямым или номинативным значением и лишь незначительная часть лексики имеет фразеологически связанное лексическое значение, что автоматически ставит перед преподавателем русского языка актуальный вопрос о лексической сочетаемости определенных слов.

В силу того, что иностранные обучающиеся на начальном этапе обучения овладевают лишь ограниченным словарем, состоящим в первую очередь из стилистически нейтральных слов, то расширение словарного запаса за счет введения в речь синонимов, обладающих эмоциональной окраской, отличающихся некоторыми оттенками значений, должно происходить постепенно. Так, прилагательное «большой» обрастает синонимами «огромный», «великий», «громадный», «гигантский» и др. В этой связи студенты должны обязательно учитывать и тот факт, что в синонимический ряд могут быть включены не только слова в своем прямом значении, но и так же в переносном, когда они будут являться контекстуальными синонимами. Например, свежий хлеб, свежий ветер, свежая новость и т.д. В данном случае многозначное слово попадает сразу в несколько синонимических рядов. В данном контексте особое внимание стоит уделить такому понятию, как ложные синонимы. Именно они могут представлять собой большую сложность для студентов, изучающих русский язык. В отличие от настоящих синонимов, данные однополевые слова являются категориально идентичными, но называют абсолютно разные классы предметов. Например, при подборе синонимов к слову «жилище» важно разграничивать синонимы «дом», «изба», «шале», «вилла» и др., так как их объемы совпадают лишь частично, и они не всегда могут служить заменой друг другу, обладая более общим или более частным значением.

На более продвинутом уровне изучения русского языка как иностранного появляется новый вид деятельности – работа с фразеологизмами, что в значительной мере способствует формированию лингвокультурологической компетенции студентов. Язык должен осознаваться как феномен культуры страны изучаемого языка, культурно-историческая среда, в которой

сосредоточена история, культура, традиции и обычаи народа, населяющего данную страну. Трудности усвоения фразеологизмов связаны с особенностями восприятия данных единиц речи иностранными студентами и обусловлены тем, что изучающие русский язык студенты обладают отличным от русского человека менталитетом, исповедуют другую религию, имеют совершенно не схожий с нашим уклад жизни. Словарный состав языка постоянно пополняется новыми фразеологическими единицами в силу того, что происходящие в жизни общества изменения диктуют условия ввода данных единиц в речь. Особую сложность здесь будут представлять так называемые семантические блоки, при образовании которых может иметь место либо метафорический, либо метонимический перенос. Так, например, фразеологизмы «темная лошадка», «зализывать раны», «карточный домик» и др. могут не иметь соответствующих эквивалентов в родном языке студента или же иметь отличные по набору лексикой фразеологизмы со схожим значением. Сложнее обстоит дело с идиомами, составляющими еще один пласт лексики. В данных лексических единицах значение всего фразеологизма не соотносится со значением ни его ведущего компонента, ни его отдельных компонентов. Такие единицы могут носить национальный характер и быть соотнесенными с определенными историческими событиями, фактами, обычаями народа страны изучаемого языка. В таких случаях без знания подтекста данного фразеологизма перевод для иностранного студента будет сильно затруднен. Примером таких единиц могут служить следующие выражения: «сирота казанская», «как швед под Полтавой» и другие. Необходимо заметить, что осваивая такую лексику в контексте, понимая ее перевод, студент учится ограничивать ее от других свободных сочетаний слов и устанавливать нормативные связи между непосредственно словом и фразеологизмом, чтобы не допустить неправильной интерпретации при переводе текстов в будущем и избежать дословного перевода определенных контекстуальных сочетаний [2, с. 78].

Список литературы

1. Ахматова А. А. Я – голос Ваш. – М.: Книжная палата, 1989. – 381 с.
2. Баско Н. В. Русские фразеологизмы легко и интересно: Учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 152с.
3. Журавлёва Л. С., Зиновьева М. Д. Обучение чтению (на материале художественных текстов) / Л. С. Журавлёва, М. Д. Зиновьева. – М.: Рус. яз., 1984 – 96 с.
4. Щерба Л. В. О частях речи на русском языке (Избранные произведения по русскому языку). — М., 1957, с.56-57.

Возможности образования креативной иноязычной среды на уроках иностранного языка

Тамара Юрьевна Терновых¹, Людмила Борисовна Филиппова²

¹ Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, доцент кафедры немецкого языка, кандидат педагогических наук, доцент, Орёл, Россия, t-ju-7@yandex.ru

² Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, доцент кафедры немецкого языка, кандидат педагогических наук, доцент, Орёл, Россия, ljusjaph@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются деятельностный и личностно-ориентированный подходы в обучении, применение принципа креативности и возможности создания креативной иноязычной среды на уроках иностранного языка посредством использования творческих упражнений, современных методов организации процесса обучения, приёмов театральной педагогики, нестандартных презентаций, нетрадиционных видов уроков.

Ключевые слова: деятельностный подход, личностно-ориентированный подход, принцип креативности, креативная иноязычная среда, развитие иноязычной коммуникативной компетенции

Opportunities for the establishment of a creative foreign language environment in foreign language lessons

Tamara Yu. Ternovykh¹, Lyudmila B. Filippova²

¹ Oryol State University named after I. S. Turgenev, associate professor of the German Department, Foreign Language Institute, candidate of Pedagogics, Oryol, Russia, t-ju-7@yandex.ru

² Oryol State University named after I. S. Turgenev, associate professor of the German Department, Foreign Language Institute, candidate of Pedagogics, Oryol, Russia, ljusjaph@mail.ru

Abstract. The paper deals with the activity and learner-centered approaches in education, use of the creativity principle and opportunities for establishment of a creative foreign language environment in foreign language lessons through the use of creative exercises, modern methods of education organization, theatre pedagogy methods, non-standard presentations, non-conventional lesson types.

Keywords: activity approach, learner-centered approach, creativity principle, creative foreign language environment, development of foreign language communicative competence

Основополагающими подходами в обучении на настоящий момент являются деятельностный и личностно-ориентированный. Первый подход подразумевает овладение обучающимися знаниями через активную деятельность, приобретение знаний посредством активного решения поставленных перед ними задач. Личностно-ориентированный подход предполагает такой тип обучения, когда «учащийся выступает как активный, творческий субъект учебной деятельности. Требуется учета индивидуальных психологических особенностей учащихся, их способностей, интересов и потребностей» [Азимов, Щукин 2009, с. 129]. Следовательно, для создания условий обучения любому предмету, в том числе иностранному языку, необходима такая учебная среда, которая позволила бы обучающемуся стать активным участником познавательного процесса и способствовала бы раскрытию его способностей. На наш взгляд, этому может послужить создание на уроках креативной среды, а на уроках иностранного языка – креативной иноязычной среды.

Рассмотрим принцип креативности в обучении иностранным языкам. Под ним понимается «ориентация на творческое начало в образовательном процессе, которое стимулирует развитие креативных и творческих качеств личности» [Козловская 2015, с. 135]. Нестандартные подходы обучающихся в решении поставленных задач, создание ими нового опыта посредством работы над творческими, проблемными заданиями являются основой применения креативного подхода в обучении.

Следует организовывать и проводить уроки иностранного языка, ориентируясь на данный подход. Это способствует созданию иноязычной креативной среды, под которой подразумевается применение учителем таких методов и приёмов, которые были бы направлены на всестороннее развитие у обучающихся творческих способностей, умений решения нестандартных задач в процессе развития иноязычной коммуникативной компетенции. Рассмотрев различные взгляды на данный вопрос, выделим следующие способы организации креативной иноязычной среды на уроках иностранного языка:

- творческие упражнения;
- использование современных методов обучения иностранному языку, активизирующих творческие способности учащихся;
- нестандартные виды презентаций;
- нетрадиционные виды уроков;
- приёмы театральной педагогики.

Рассмотрим их подробнее.

Творческие упражнения на уроках иностранного языка нацелены на развитие у обучающихся их способностей, воображения, талантов наряду с основной задачей – развитием иноязычной коммуникативной компетенции. Приведём примеры таких упражнений. Обучающимся можно предложить написать индивидуально или в паре стихотворение *Elfchen*, состоящее из 11 слов, предварительно предоставив образец и обозначив количество слов в каждой строке. Такое стихотворение должно быть посвящено определённой

лексической или грамматической теме. Также учащиеся могут написать Haiku – стихотворение из трёх строк (17 слогов в ритме 5 слогов в первой и последней строках, 7 – во второй). Обучающимся можно дать задание написать о своём путешествии, летних каникулах в определённом жанре: как сказку, рекламу, страшную историю, интервью и т.д. Ученики могут прослушать фрагмент мелодии, выбранной учителем, и описать ситуацию, к которой подходит данная музыка, действующих героев. Обучающиеся могут интерпретировать содержание картин, фотографий, пословиц, поговорок, описать ситуацию, к которой подошла бы определённая цитата известного человека и т. д. Это только некоторые примеры творческих упражнений.

К *современным методам*, которые могут обеспечить создание креативной среды на уроке иностранного языка, относятся, например, метод обучения по станциям, метод проектов и другие. При обучении по станциям учащимся на столе предлагаются задания по пройденной теме, направленные на развитие умений в разных видах речевой деятельности, развитие языковой компетенции. Среди заданий, представленных на каждой из «станций» обязательны творческие задания: разгадывание кроссворда, написание стихотворения, изображение персонажа или события и т. д. Интересны задания при обучении по станциям по темам «Праздники», «Еда и напитки», «Люди и животные», «Путешествие» и т. д.

К *нестандартным видам презентаций* можно отнести Galeriegang – тур по галерее [Бароненко и др. 2016, с. 184]. Учащиеся работают в четырёх группах над презентацией на плакате определённой темы или проблемы. Затем плакаты с презентацией вывешиваются в классе на расстоянии друг от друга и перед плакатом остаётся один участник из каждой группы, который будет представлять презентацию для остальных и отвечать на вопросы. Оставшиеся ученики делятся на четыре новые группы и передвигаются от плаката к плакату, знакомясь с новыми для них презентациями. Интересна и такая форма презентации как Wirbelgruppen. Все ученики делятся на 4-5 команд, в которых знакомятся, например, с дополнительным материалом по пройденной теме (у каждой группы разная информация). Затем участники групп формируют новые команды, когда за столом оказывается по одному представителю предыдущих групп, и представляют свою информацию друг другу.

К *нетрадиционным видам уроков* относят интегрированные уроки, уроки по модели «технологический квадрат», киноуроки, уроки-дискуссии, уроки-экскурсии, урок-игру, урок-соревнование, урок-творческий отчёт и другие. Нетрадиционные уроки часто отличаются от традиционных структурой, содержанием, организацией взаимодействия учителя и учеников, временными рамками.

Театральная педагогика – это практическое направление современной психологии и педагогики искусства, реализующее в образовании принципы событийности, проживания, личностного творческого действия и импровизации, связывающее интеллектуальное, чувственное и эмоциональное восприятие. Принципы данного направления подразумевают создание открытой творческой среды для живого общения, одновременное развитие

эмоциональных и интеллектуальных способностей школьника. На уроках иностранного языка театральная педагогика реализуется в виде этюдов, инсценировок, ролевых игр, организации занятий – спектаклей, занятий – мюзиклов, использовании музыки и песен.

Образование творческой иноязычной среды поможет создать непринуждённую атмосферу на занятии, в которой учащимся будет легче раскрывать свои таланты, искать творческие ответы на поставленные вопросы, получать удовольствие от процесса учения, тем самым повышая мотивацию в изучении иностранных языков.

Список литературы

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М., Издательство ИКАР, 2009. С. 129–130.

2. Козловская Е.В. Реализация принципа креативности на начальном этапе обучения иностранному языку в вузе // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). – Томск: ТГПУ, №1 (153), 2015. – С. 135–137.

3. Бароненко Е.А., Белова Л.А., Слабышева А.В. Креативная иноязычная дидактическая среда как одна из форм развития коммуникативной компетенции URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kreativnaya-inozaychnaya-didakticheskaya-sreda-kak-odna-iz-form-razvitiya-kommunikativnoy-kompetentsii> (дата обращения: 18.09.2023).

УДК 81'232:81'246.2

Психолингвистические аспекты многоязычия

Наталья Валерьевна Шулдешова

Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева,
доцент кафедры иностранных языков в сфере профессиональной коммуникации, кандидат педагогических наук, доцент, Орел, Россия, e-mail: fnatalja@yandex.ru

Аннотация. Многоязычие является важной составляющей жизни современного общества, где глобализация и межкультурный обмен стали неотъемлемой частью повседневной рутины. В данной статье рассматриваются психолингвистические аспекты многоязычия и их значение в современном обществе.

Ключевые слова: многоязычие, билингвизм, восприятие языка, усвоение языков, когнитивные эффекты культурный обмен, международное образование.

Psycholinguistic Aspects of Multilinguality

Natalia V. Shuldeshova

Orel State University named after I.S. Turgenev,

Associate Professor of the Department of Foreign Languages in the Field of Professional Communication, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Orel, Russia, e-mail: fnatalja@yandex.ru

Abstract. Multilingualism is an important component of modern society, where globalization and intercultural exchange have become an integral part of everyday routine. This article examines the psycholinguistic aspects of multilingualism and their significance in modern society.

Keywords: multilingualism, bilingualism, language perception, language acquisition, cognitive effects, cultural exchange, international education.

Введение

Каждый день люди сталкиваются с использованием иностранных языков на рабочем месте, в учебных заведениях, во время путешествий и общения. Многие люди владеют несколькими языками, и тема многоязычия становится все более актуальной. Не менее важным остается изучение аспектов многоязычия. Умение говорить на нескольких языках – это только один из аспектов многоязычия. Кроме того не стоит забывать и о влиянии многоязычия на мышление, понимание речи, процессы перевода и межкультурную коммуникацию.

Многоязычие – это использование более чем одного языка в повседневной жизни. Данный список литературы содержит работы, посвященные психолингвистическим аспектам многоязычия, таким как восприятие языка, усвоение новых языков, когнитивные и компенсаторные эффекты многоязычия на развитие человека и грамматику, произношение и лексику в многоязычной среде. Исследования, представленные в списке литературы, отмечают преимущества многоязычного образования, таких как возможность работы на международном уровне и лучшее понимание различных культур. Некоторые исследования также отмечают возможные проблемы, связанные с многоязычием, такие как затруднения в переходе от одного языка к другому, путаница в голове и другие сложности, возникающие в процессе поддержки многократного языкового ввода и выхода. Приведенный в статье список литературы включает в себя работы различных авторов: от классиков лингвистической науки до более современных исследований. Для ученых и практиков, работающих в области мультимодального обучения, культурного и межкультурного обмена и гендерных исследований, список литературы представляет собой ценный источник информации. Общий вывод из исследований указывает на значительный потенциал многоязычия и его важность в развитии личности человека и его социальных компетенций. Некоторые исследования в списке литературы отмечают, что многоязычие

может привести к лучшему развитию когнитивных навыков человека, таких как концентрация и гибкость мышления, связанные с переходом между языками. Другие исследования подчеркивают влияние многоязычия на процессы выработки лексической и грамматической компетенции, а также на произношение и акцент. Результаты исследований, связанных с психолингвистическими аспектами многоязычия, могут быть полезны для преподавателей и учащихся, занимающихся изучением иностранных языков, а также для иммигрантов и международных студентов. Они могут помочь лучше понимать процессы обучения языкам и приспособления к новой культуре.

1. Психологические и когнитивные аспекты многоязычия

Психологические и когнитивные аспекты многоязычия являются важными при изучении этой темы, так как они касаются того, как устройство мозга и механизмы когнитивного процесса влияют на способность человека к изучению и использованию нескольких языков.

Одним из главных психологических аспектов является пластичность мозга, которая является способностью мозга к изменению структуры и функционирования под влиянием новых внешних воздействий, в том числе и наличия второго или третьего языка.

Когнитивные аспекты многоязычия также очень важны, так как они касаются того, как наличие нескольких языков влияет на процессы мышления и понимание мира. Известно, что язык влияет на мышление человека, и потому знание нескольких языков может привести к необычной гибкости и рзносторонности мышления.

Еще одним важным когнитивным аспектом многоязычия является способность человека переключаться между языками в зависимости от ситуации. Исследования показывают, что многоязычие может улучшить умение общаться, понимать и произносить речь, а также уменьшить монотонность мышления.

Наконец, многоязычие может принести еще несколько психологических выгод, таких как улучшение способности к планированию, организации и решению проблем, а также повышение уверенности в себе и самооценки.

В целом, психологические и когнитивные аспекты многоязычия оказывают глубокое влияние на мышление, поведение и способности человека в области коммуникации. Разработка более эффективных методов обучения языкам, ориентированных на эти аспекты, может помочь людям стать эффективными многоговорящими и успешно функционировать в мультиязычной среде.

2. Языковые аспекты многоязычия

Языковые аспекты многоязычия направлены на исследование, какое влияние наличие нескольких языков оказывает на понимание, использование и перевод языка.

Один из языковых аспектов многоязычия – это способность людей переключаться между языками в зависимости от контекста и ситуации.

Единство самого механизма при переключении языков возможно благодаря тому, что мультиязычный человек может совмещать различные отражения одного и того же концепта из разных языков в своем сознании.

Особое внимание в языковых аспектах многоязычия уделяется процессам перевода. Наличие нескольких языков означает, что человек может переводить сообщения с одного языка на другой. Также многоязычие может помочь в изучении новых языков, при условии, что определенные механизмы и стратегии перевода и приобретения новых языков используются правильно.

Кроме того, многоязычие может также оказывать положительное влияние на умение выражаться языком. Каждый язык имеет свой уникальный набор грамматических правил и словарный запас, и наличие нескольких языков может накапливать эти навыки, улучшая способность выражаться в речи.

В целом, языковые аспекты многоязычия имеют огромное значение для научного сектора и для других различных индустрий в современном мировом рынке, где многоязычные рабочие кадры представлены в виде конкурентных специалистов и бизнесменов.

3. Социальные аспекты многоязычия

Социальные аспекты многоязычия затрагивают то, как владение несколькими языками влияет на социальный и культурный аспекты жизни человека.

Одним из важнейших социальных аспектов многоязычия является расширение круга общения. Владение дополнительным языком может открыть для человека новые возможности в персональной, профессиональной и культурной жизни, а также расширить границы социального круга контактов.

Многоязычие также помогает адаптироваться к новой среде и культуре, позволяет лучше понимать мультикультурную среду и легче адаптироваться к ее особенностям. Например, многоязычие может существенно облегчить общение и адаптацию в странах, где говорят не на родном языке.

Умение владеть несколькими языками также может расширить круг профессиональных возможностей. Многие международные компании и организации ищут сотрудников, которые могут общаться на различных языках. Многоязычие может стать преимуществом при устройстве на работу в международные компании или организации, в том числе в сфере международного туризма, консульства и т. д.

Кроме того, многоязычие зависит от культурной идентичности человека и помогает формированию своей уникальной социальной и культурной личности. Наличие нескольких языков может дать человеку возможность выражать себя, свою культуру и свое наследие в других языках и, таким образом, обогащать свое личностное развитие.

В целом, социальные аспекты многоязычия оказывают огромное влияние на широкий круг сфер жизни человека. Они расширяют круг возможностей, способствуют адаптации к различным культурам и являются элементом культурной и личностной идентичности человека.

Заключение

В заключение, психолингвистические аспекты многоязычия играют важную роль в развитии и понимании современной мультиязычной общности. Способность человека к владению несколькими языками влияет на механизмы мышления, понимание речи и межкультурную коммуникацию. Многоязычие может оказывать положительное влияние на мышление, способность к планированию и принятию решений, уверенность в себе и самооценку. Оно также значительно расширяет возможности в сфере общения, профессионального и личностного развития.

Важно отметить, что психолингвистические аспекты многоязычия могут оказать влияние и на обучение новым языкам. Разработка более эффективных методов обучения языкам, ориентированных на эти аспекты, может помочь людям стать эффективными многоговорящими и успешно функционировать в мультиязычной среде.

Итак, психолингвистические аспекты многоязычия сегодня актуальны и значимы, они заслуживают дальнейшего изучения и внимания в обществе.

Литература

1. Де Хаувер, А. Руководство по детскому языку. Издательство Дело, 2015.
2. Гросьян, Ф. Билингвизм: Краткое введение. Издательство Оксфорд, 2010.
3. Кролл, Дж., и Биалисток, Э. Понимание последствий билингвизма для обработки языка и когнитивности. Журнал Психологии Когнитивных феноменов, 2013.
4. Ли, П. Руководство по психолингвистике Восточной Азии: Том 1, Китайский. Cambridge University Press, 2019.
5. Павленко, А. Билингвизм и эмоции: влияние на психическое здоровье и психотерапию. Издательство MultilingualMatters, 2005.
6. Парадовский, М. Б., и Батор, А. Когнитивные преимущества билингвизма в обработке языка и принятии решений. Журнал Психологии Когнитивных феноменов, 2016.
7. Ван дер Меер, Л., и Ансворт, С. Руководство по билингвизму и мультиязычию. Издательство John Wiley & Sons, 2020.
8. Ван, М., и Чэн, Л. Психолингвистика и когнитивность в обработке языка: Научное руководство. Издательство John Wiley & Sons, 2017.
9. Вей, Л. Прикладная лингвистика, том I: Преподавание и изучение языков. Издательство Routledge, 2015.
10. Йоу, В. Кью., Ли, В., и Нг, П. М. Новые направления в исследовании билингвизма: мультиязычность и мультимодальность. Журнал Прикладной психолингвистики, 2020.

References

1. De Houwer, A. Guide to children's language. Publishing House Delo, 2015.
2. Grosyan, F. Bilingualism: A Brief Introduction. Oxford Publishing, 2010.

3. Kroll, J., & Bialystock, E. Understanding the implications of bilingualism for language processing and cognition. *Journal of the Psychology of Cognitive Phenomena*, 2013.

4. Li, P. *Handbook of East Asian Psycholinguistics: Volume 1, Chinese*. Cambridge University Press, 2019.

5. Pavlenko, A. *Bilingualism and emotions: impact on mental health and psychotherapy*. MultilingualMatters Publishing, 2005.

6. Paradovsky, M. B., & Bator, A. Cognitive benefits of bilingualism in language processing and decision making. *Journal of the Psychology of Cognitive Phenomena*, 2016.

7. Van der Meer, L., and Unsworth, S. *A Guide to Bilingualism and Multilingualism*. Published by John Wiley& Sons, 2020.

8. Wang, M., and Cheng, L. *Psycholinguistics and cognition in language processing: A scientific guide*. Published by John Wiley& Sons, 2017.

9. Wei, L. *Applied Linguistics, Volume I: Language Teaching and Learning*. Routledge Publishing, 2015.

10. Yow, W. Q., Lee, W., and Ng, P. M. New directions in bilingualism research: Multilingualism and multimodality. *Journal of Applied Psycholinguistics*, 2020.

Сведения об авторе:

Наталья Валерьевна Шульдешова

Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева,
доцент кафедры иностранных языков в сфере профессиональной
коммуникации, кандидат педагогических наук, доцент, Орел, Россия,
e-mail: fnatalja@yandex.ru
+79103058187

УДК 373.016:811.1/.8

Инновационные процессы в современном иноязычном образовании

Юлия Михайловна Яковлева

Орловский государственный университет, доцент кафедры английской
филологии, кандидат педагогических наук, доцент, Орел, Россия,
julia_for_friends@rambler.ru

Аннотация. В статье представлены те нововведения, которые характерны для образовательной области, связанной с изучением иностранных языков. Отдельное внимание уделено возможностям, которыми располагает искусственный интеллект (в частности, чат ChatGPT) для изучения и обучения иностранным языкам. Предложены конкретные шаги, оптимизирующие этот процесс, а также и существующие на сегодняшний день ограничения.

Ключевые слова: искусственный интеллект, ChatGPT, инновация, иноязычное образование.

Innovative Practices in Modern Language Education

Yuliya M. Yakovleva

Oryol State University, named after I.S. Turgenev, Associate Professor, Candidate of Pedagogical Sciences, Oryol, Russia, julia_for_friends@rambler.ru

Abstract. The article presents the innovations that define the sphere of foreign language teaching and learning today. Emphasis is made on the opportunities provided by the AI-powered technologies (ChatGPT, in particular) for foreign language leaning and teaching. Specific steps to optimize the efficiency of those practices as well as certain pertaining limitations are outlined in the article.

Keywords: artificial intelligence, ChatGPT, innovation, language education.

В широком педагогическом контексте под инновацией понимается нововведение или новшество, а её показателем является прогрессивное начало в развитии образовательного учреждения по сравнению со сложившимися традициями и массовой практикой [Троянская 2007]. Инновационные изменения привносятся в цели, содержание, методы, технологии и формы организации образовательного процесса. Новшества могут касаться также стили педагогической деятельности, организации системы контроля и оценки уровня образования, аспектов воспитательной работы. Могут обновляться учебные планы и программы. Главное же, что инновации напрямую влияют на деятельность главных субъектов образовательного процесса - учителя/преподавателя и учащегося/студента.

Инновационные преобразования в сфере образования всегда вызваны к жизни социальным заказом общества – потребностями страны в целом или её конкретного региона в определённый исторический период развития. Социальный заказ находит свое воплощение в законах, директивных и нормативных документах федерального, регионального или муниципального значения. Источниками обновления образовательного процесса служат достижения в науке, передовой отечественный и зарубежный педагогический опыт, результаты опытно-экспериментальной работы, творческий поиск педагогов.

В литературе можно встретить множество классификаций педагогических инноваций, произведённых по разным основаниям. По степени инновационного потенциала различают абсолютную новизну (отсутствие аналогов и прототипов), относительную новизну и псевдоновизну (оригинальные изобретательские мелочи). По масштабности инновационные преобразования делятся на локальные или единичные (не связаны между собой), комплексные или модульные (взаимосвязаны и относятся к одной группе предметов или возрастной группе обучающихся) и системные (охватывающие всю школу/вуз и

предусматривающие перестройку всего заведения под определенную идею или концепцию). По особенностям осуществления нововведения разграничивают единичные (осуществляемые на одном объекте) и диффузные (распространяемые по многим объектам), завершённые и незавершённые (признания нововведения нецелесообразным вследствие ошибок, по причине изменившихся условий), успешные (своевременное и полное завершение внедрения) и неуспешные (устаревание, неудача при осуществлении).

По отношению к предшественнику различают замещающие, отменяющие, возвратные, открывающие ретро-нововведения. Первые вводятся вместо чего-то устаревшего. Примерами являются обязательная и элективная внеурочная деятельность, а также введение с 1 сентября 2023 года поправки, касающейся обязательного трудового воспитания школьников, пришедшие на смену кружкам и пионерской работе в школе. Отменяющая или минусовая инновация связана с прекращением деятельности какого-либо органа, формы работы, объединения без замены их другими в силу признания их неэффективными. В качестве примера можно привести отмену обязательного изучения второго иностранного языка, прописанную в обновленных Федеральных государственных образовательных стандартах. Другой пример – наблюдаемый нами переход части вузов с двухступенчатой системы обучения к специалитету. Возвратные или инверсионные инновации связаны неэффективностью последнего нововведения и необходимостью возврата к его предшественнику. Так, в современных условиях педагогическое тестирование кажется кардинальным нововведением. «На самом деле была восстановлена прежняя система, которая просуществовала в образовательных учреждениях Советской России и СССР с 1924 по 1936 г. Но даже тогда тестирование не было абсолютной инновацией, так как фактические тесты в систему российского образования стали внедряться с 1901 г., когда при Педагогическом музее военных учебных заведений по предложению А.П. Нечаева была открыта Лаборатория экспериментальной педагогической психологии» [Днепров 2011, с.41]. Открывающее нововведение – нововведение, создающее средств, не имеющих сопоставимых функциональных предшественников, например, переход образовательного процесса к новым информационным технологиям. Ретро-нововведение связано с освоением учебным заведением нового для него в данный момент, но когда-то уже использовавшегося в образовательной практике приема. Примером ретронововведения является изучение в нынешних школах таких предметов как «Основы религиозных культур и светской этики», элементов логики и риторики.

По признаку инновационного потенциала различают модификационные, комбинаторные и радикальные (фундаментальные) нововведения. Модификационные связаны с усовершенствованием и оптимизацией того, что имеет прототип (образовательной программы, методики обучения дисциплине). Комбинаторные изменения предполагают конструктивное соединение элементов ранее известного (объединение разных учебных заведений в единый образовательный комплекс). Радикальные нововведения являются открытиями

и связаны с созданием чего-то принципиально нового (новые средства обучения, дистанционные образовательные технологии).

В настоящее время большинство изменений связаны с тенденцией информатизации, компьютеризации или цифровизации образования. В образовательных учреждениях внедряются новые информационные технологии, их применение регламентируется последними изменениями образовательного стандарта. В России вопросами разработки теоретических основы и практических методик обучения иностранному языку (далее ИЯ) на основе цифровых технологий занимаются две научные школы – школа МГУ имени М.В. Ломоносова под руководством д.п.н., профессора С.В. Титовой и школа Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина под руководством д.п.н., профессора П.В. Сысоева. Работа этих школ связана с продвижением идей использования лингводидактического потенциала современных ИКТ в обучении ИЯ [Сысоев 2023, с.2]. Большое количество рекомендаций и разработок в этой области представлены учителями-практиками в педагогических онлайн сообществах.

Сегодня инновационные преобразования связаны с технологиями искусственного интеллекта (далее ИИ), их интеграцией в образовательную среду, в том числе в обучение ИЯ. Целые тематические выпуски журнала «Иностранные языки в школе» посвящены применению ИИ в обучении ИЯ (№3/2023), использованию его возможностей для формирования различных компонентов иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся.

Среди публикаций этого года можно встретить те, в которых авторы предлагают рабочие определения понятия ИИ, дают обзор технологий, лежащих в основе информационно-коммуникационных технологий и программ, используемых в обучении ИЯ, представляют педагогический и лингводидактический потенциал технологий по векторам: преподавание предмета ИЯ, овладение ИЯ, управление процессом обучения ИЯ.

Большое внимание уделяется чат-ботам, разработанным на основе технологий естественного языка и машинного обучения. Учитывая их доступность и простоту использования, они удобны в обучении иноязычному устному и письменному общению. Ряд последних исследований посвящен номенклатуре умений и микроумений, которые развиваются на основе практики с чат-ботом. Методисты прописывают поэтапный алгоритм обучения, в котором иноязычная речевая практики с чат-ботом встраивается в традиционные аудиторные занятия по ИЯ. Другие исследователи демонстрируют то, как чат-боты, голосовые помощники и тренажеры позволяют самостоятельно готовиться к стандартизированным экзаменам, включая ЕГЭ. Дается описание механизмов работы нейронных сетей, распознающих и оценивающих записанную речь. Широко освещаются функции чат-ботов в выполнении административной и учебной функции в образовании, представлены виды чат-ботов в зависимости от их функциональной направленности. вышеупомянутое предъясвляет и новые требования к компетенции учителя ИЯ в области информационных и коммуникационных технологий.

Применение чат-ботов представляется нам перспективным. Лингводидактические возможности чат-бота можно поделить, на наш взгляд, на две группы: 1) связанные с изучением ИЯ; 2) связанные с обучением ИЯ. В данной статье хотелось бы обратиться к некоторым возможностям чат-бота, которые мы применяем в работе со студентами языкового педагогического вуза и которые, как нам представляются, могут существенно облегчить работу преподавателя, избавив от части унылых и монотонных задач по подготовке материалов, съедающих львиную долю времени.

ChatGPT- это чат-бот с искусственным интеллектом от компании OpenAI, который способен работать в диалоговом режиме на естественных языках. Существует бесплатная версия этой языковой модели (GPT-3.5), а 14 марта 2023 года была выпущена GPT-4, доступная платным подписчикам. Чат-бот имеет максимально простой интерфейс, который состоит из поля для ввода запроса и окна, где отображается ответ нейросети. В силу санкционных ограничений, введённых компаний против пользователей из РФ, получить доступ к именно данному чат-боту можно только, прибегнув к ряду уловок. К счастью, недавно в российском сегменте появилась нейросеть, работающая на ИИ от openai.com (как утверждают разработчики), позволяющая бесплатно пользоваться чат-ботом (полноту доступа проверить не представляется возможным).

Приведем примеры использования чат-бота. ChatGPT-3.5 чаще всего используется нами для работы с новыми лексическими единицами. Чат-бот по запросу может привезти дефиниции слов из Кембриджского словаря. Например, для таких слов как 'fallible, ostentatious, glib, denigrate, crass' были даны следующие определения и примеры (отдельный запрос не создавался).

Here are definitions for the requested words from the Cambridge Dictionary:

1. **Fallible** (adjective): **Cambridge Dictionary Definition:** *Capable of making mistakes or being wrong.* **Example Sentence:** "Even experts in the field are fallible and may occasionally err in their judgments."

2. **Ostentatious** (adjective): **Cambridge Dictionary Definition:** *Characterized by a showy display intended to impress others; often with a connotation of being excessive, pretentious, or flashy.* **Example Sentence:** "His ostentatious lifestyle, including a fleet of luxury cars and a mansion, was designed to flaunt his wealth."

3. **Glib** (adjective): **Cambridge Dictionary Definition:** *Fluent in a superficial or insincere way, often suggesting a lack of thought or depth; overly smooth and talkative without genuine concern.* **Example Sentence:** "Her glib response to the serious issue at hand indicated a lack of understanding or empathy."

4. **Denigrate** (verb): **Cambridge Dictionary Definition:** *To criticize or belittle someone or something unfairly, often damaging their reputation or value.* **Example Sentence:** "It's not appropriate to denigrate your colleagues' efforts; constructive feedback is more helpful."

5. **Crass** (adjective): **Cambridge Dictionary Definition:** *Showing no intelligence or sensitivity, often in a way that is rude or offensive.* **Example**

Sentence: "His crass remarks during the meeting offended many of his colleagues and demonstrated a lack of professionalism."

Для актуализации ассоциативного поля слова чат-бот подбирает к словам синонимы и антонимы. Например:

Certainly! Here are synonyms and antonyms for the provided words:

1. **Fallible:** **synonyms:** *erring, imperfect, liable to error*; **antonyms:** *infallible, flawless, impeccable*.

2. **Ostentatious:** **synonyms:** *showy, flamboyant, extravagant*; **antonyms:** *modest, unpretentious, understated*.

3. **Glib:** **synonyms:** *smooth-talking, slick, superficial*; **antonyms:** *thoughtful, sincere, careful*.

4. **Denigrate:** **synonyms:** *defame, disparage, belittle*; **antonyms:** *praise, commend, extol*.

5. **Crass:** **synonyms:** *vulgar, tasteless, uncouth*; **antonyms:** *refined, tactful, sophisticated*.

Третья возможность – создание предложений с новыми словами, их контекстное употребление. Например: Certainly! Here are sentences using the provided phrases:

1. **In the foreground**, the artist skilfully depicted a vibrant bouquet of flowers, drawing the viewer's attention to its intricate details and vivid colours.

2. **In the background**, a serene landscape stretched out, providing a harmonious contrast to the dynamic scene unfolding **in the foreground**.

3. Positioned **in the top left-hand corner**, a lone figure gazed contemplatively into the distance, adding a touch of mystery to the overall composition.

В-четвертых, это создание заданий на заполнение пропусков в предложениях активной тематической лексикой. К примеру: Certainly! Here are gapped sentences where learners can insert colors to complete the idiomatic expressions within the context:

1. The team's recent winning streak was described as a _____, with victory after victory in their games. (**purple patch**)

2. She earned _____ with her professor by participating actively in class discussions and always submitting assignments on time. (**brownie points**)

3. After months of planning, they finally got the _____ to start their own business, and they were eager to see it grow. (**green light**)

Рекомендуем использование возможностей ChatGPT для подготовки списка слов по уровням языка на основе текста или видео, генерирование текста на основе списка слов, составление вопросов для обсуждения по теме.

Конечно, следует оговориться, что инструмент на данный момент еще не совершенен, и каждый раз требуется тщательная проверка предложенных предложений, контекстов и т.д., так как нарушения логики, как и повторяющийся контент не являются исключением. Примеры:

She turned **green with envy** when she found out her best friend had secretly planned a surprise party for her birthday, feeling a rush of happiness and excitement.

Despite his friends' teasing, he refused to go on the roller coaster because he was afraid and didn't want to be called **yellow-bellied**.

To celebrate their wedding anniversary, they decided to **paint the town red** by going out for a fancy dinner and dancing until late into the night.

Paint the town red: To celebrate their anniversary, they decided to paint the town red by going to the fanciest restaurant and dancing all night.

Принимая во внимание существующие риски, не стоит пренебрегать существующими возможностями ИИ – механизма, который будет дальше развиваться и совершенствоваться. Эта сфера является, бесспорно, инновационной и противоречивой, привнося в образовательную среду новые вызовы. Сможет ли ИИ заменить учителя ИЯ? Как изменится роль учителя? Какими компетенциями он должен будет обладать? Ответ на эти вопросы нам лишь предстоит узнать.

Список литературы

1. Днепров С. А., Головкин А. В. Инновация возвратного типа в российском образовании // Вестник ЮУрГУ. Серия: Образование. Педагогические науки, 2011. №24(241). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsiya-vozvratnogo-tipa-v-rossiyskom-obrazovanii>(дата обращения: 07.10.2023).

2. Сысоев П.В., Твердохлебова И.П. Искусственный интеллект в обучении иностранным языкам//Иностранные языки в школе, №3, 2023. – С.2-5.

3. Троянская С.Л. Электронное учебное пособие Педагогика: тезисы лекций и практические занятия [Электронный ресурс] / С.Л. Троянская, Н.В. Брызгалова. – 2006-2007. – URL: <http://vaniorolap.narod.ru/index.html> – Загл. с экрана (дата обращения: 03.08.2023).

Сведения об авторе:

Яковлева Юлия Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д.95; julia_for_friends@rambler.ru, 8- 953- 478- 54-74

Yakovleva Yulia Mikhailovna, candidate of pedagogical sciences, associate professor, Orel State University named after I.S. Turgenev; 95 Komsomolskaya St., Orel, 302026; julia_for_friends@rambler.ru , 8- 953- 478- 54-74

Потенциал концептов в формировании содержания обучения иностранным языкам

Максим Валерьевич Якушев¹, Маргарита Владиславовна Плахова²

¹ ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева», директор Института иностранных языков, кандидат педагогических наук, Орел, Россия, yakushev.m@yandex.ru

² ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева», магистрант 2 курса Института иностранных языков, Орел, Россия, margareth.plakhova@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается трактовка термина «концепт», приводятся основные классификации, выделяются его компоненты. Предпринята попытка анализа понятия с лингводидактических позиций, выявлена специфика усвоения концептов, этапы формирования иноязычных концептов в процессе обучения иностранным языкам.

Ключевые слова: концепт, обучение и изучение, культурное наследие, национальная специфика, ценности, межкультурное взаимодействие

The potential of concepts in the formation of the content of teaching foreign languages

Maxim Valerievich Yakushev¹, Margarita Vladislavovna Plakhova²

¹ Oryol State University named after I.S.Turgenev, Director of the Institute of Foreign Languages, Candidate of Pedagogical Sciences, Orel, Russia, yakushev.m@yandex.ru

² Oryol State University named after I.S.Turgenev, 2nd year Master's student of the Institute of Foreign Languages, Orel, Russia, margareth.plakhova@yandex.ru

Abstract. The article discusses the interpretation of the term "concept", provides the main classifications, highlights its components. An attempt is made to analyze the concept from a linguodidactic standpoint, the specifics of the assimilation of concepts, the stages of the formation of foreign language concepts in the process of teaching foreign languages are revealed.

Keywords: concept, teaching and learning, cultural heritage, national specifics, values, intercultural interaction

Модификация подходов и принципов в обучении иностранным языкам, трансформации в целеполагании требуют, чтобы обучающийся был в состоянии не только сформулировать, демонстрировать и продвигать общечеловеческие и национальные ценности, но и вос/принимать культурное наследие, принципы и

этнические нормы иного социума, с которым ему предстоит вступить в межличностное / межкультурное взаимодействие.

Ю. Д. Апресян подчеркивает, что «каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и концептуализации (организации) мира» [Апресян 1995, с. 38-39]. Всем носителям языка свойственна так называемая «коллективная философия», состоящая из некоей системы взглядов, которые выражаются в языке. Формирование ключевых концептов и их взаимосвязь с основополагающими идеями, осуществляются при акцептовании данного способа миропонимания и концептуализации действительности, отражённого в этом языке. С одной стороны, способ концептуализации мира, принадлежащий конкретному языку, является универсальным, а с другой стороны, языковая картина мира может отличаться у носителей разных языков, в силу национально-специфического познания, его преломления через призму родного языка [Апресян 1995]. На сегодняшний день всё больше говорят об использовании концептного подхода в обучении иностранным языкам, который подразумевает изучение смыслов явлений или понятий в конкретном языке и культуре.

Термин «концепт» стал использоваться в научной литературе с середины XX века благодаря научным трудам С. А. Аскольдова, Д. С. Лихачева и Ю. С. Степанова и других исследователей. Первое употребление термина «концепт» зафиксировано в статье «Концепт и слово» С. А. Аскольдова. Ученый определил «концепт» как «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [Аскольдов 1997, с. 269].

В теории Д. С. Лихачева «концепт» рассматривается как некое «алгебраическое обозначение», используемое в нашей речи. Исследователь отмечает, что для каждого отдельного слова свойственен свой концепт, который может по-разному пониматься носителем языка, так как содержит передачу «своего сообщения» [Лихачев 1993, с. 5].

По мнению Ю. С. Степанова, понятие «концепт» является микромоделью культуры, которая порождает человека и порождается им. Лингвист трактует концепт как «сгусток» представлений, понятий, знаний и воображений, которыми сопровождается слово [Степанов 1997, с. 824].

Другая точка зрения представлена в работе В. Н. Телия, утверждающего, что «концепт являет собой выражение этнической специфики мышления, и его вербализация обусловлена лингвокогнитивно этнокультурно маркированной ассоциативной компетенцией носителя концептуальной системы», а познание концепта помогает воссоздать этнокультурный образ, особенность менталитета носителя языка» [Телия 1996, с. 284].

В теории А. П. Бабушкина концепт — отдельная, ограниченная «единица коллективного сознания или идеального мира, хранимая в национальной памяти носителя языка в вербально обозначенном виде» [Бабушкин 1996, с. 13].

Вышеизложенные трактовки концепта сформулированы представителями лингвокультурологического и культурологического подходов, рассматривающих концепт как факт культуры.

Нас более интересует лингводидактическая специфика концепта изложенная в работах Н. И. Курганова, Л. П. Тарнаева, Г. Г. Слышкина, Т. Н. Астафуровой и многих других. Концепт представляется в них некой ментальной и психической составляющей нашего сознания, оперативной единицей памяти, ментального лексикона всей картины мира, отраженной в человеческой психике [Кубрякова 1996, с. 245].

Иными словами, концепт определяется как мыслительная (конитивная) составляющая, систематически неструктурированное «смысловое образование описательно-образного и ценностно-ориентированного характера» [Алефиренко 2002, с. 17].

Суть концепта, согласно Ю. С. Степанову, состоит в том, что он является базовым актуальным атрибутом, средством коммуникации для всех носителей того или иного языка и культуры. [Степанов 1997, с. 40-43]. Д. С. Лихачев, однако, делит концепты на четыре группы: универсальные (например, «смерть», «жизнь»); этнические («отчизна», «интеллигенция»); групповые («сцена» для актера и зрителя); индивидуальные (они полностью зависят от личного опыта, системы ценностей, культурного уровня конкретного человека) [Лихачев 1997, с. 280-287].

Общепризнанным считается тот факт, что структура концепта состоит из находящегося в центре ядра (концепт представляющий собой словарные значения ключевого слова) и периферии (интерпретационное поле, т.е. субъективный культурный опыт, вариативные прагматические составляющие лексемы, коннотации и ассоциации) [Карасик 2002, с. 37].

Для лингводидактики вопросы о том, как и каким образом формируются концепты в сознании человека, каков механизм их образования и как они влияют на вербальное и невербальное поведение участников общения являются одними из важнейших.

В теории Н. Н. Болдырева выделяется несколько способов формирования концептов в сознании человека [Болдырев 2002]. Прежде всего, процесс формирования концепта осуществляется через восприятие действительности органами чувств, так называемого чувственного (сенсорного) опыта. Следующий способ представляет собой набор операций человека с предметами и его предметной деятельности, а также мыслительных операций человека с другими, уже находящимися в его сознании концептами, которые, в свою очередь, порождают новые концепты.

Усвоение концепта может происходить в процессе языкового общения, в котором значение того или иного слова / явления / события может быть разъяснено и конкретизировано. Самостоятельное познание значений и смыслов языковых единиц также возможно, однако, требует определенного сопровождения, обеспечивающего глубину и полноту усвоения концепта.

При формировании иноязычных концептов выделяют три этапа: на первом этапе обучающиеся получают образное, чувственно-наглядное представление о нем. На втором этапе исследуют структуру концепта: его ядро и периферию и переходят на следующий этап - ознакомление с валентными и семантическими свойствами концепта. Затем происходит изучение лексико-репрезентирующих

элементов. Наиболее эффективное формирование иноязычного концепта происходит в его сравнении с национальным культурно-историческим опытом, что позволяет выявить схожесть и различие, степень совпадения одного и того же концепта в разных культурах. В ходе сравнительного анализа происходит четкое и детальное понимание и осознание специфики восприятия концептов в разных культурах. Многие методисты подчеркивают, что в процессе освоения концептов тех или иных языков у обучающихся формируется концептная компетенция, которая формирует толерантное отношение к носителям конкретного народа и к понятиям, явлениям и фактам иноязычной культуры [Василенко 2013, с. 153].

Как было отмечено выше, изучение ядра концепта происходит во взаимосвязи с периферией, так как именно в периферии выявляется смысловая общность и несовпадение концепта. Периферия носит скрытый для изучающего иностраннный язык характер, следовательно, она сложнее и многограннее, поскольку детально отражает все аспекты рассматриваемого явления.

Исследователи уделяют большое внимание процессу формирования иноязычного концепта посредством аутентичных художественных произведений, формирующих наглядный образ и «языковой портрет» того или иного концепта в целевой культуре.

Стоит отметить, что усвоение концептов проходит наиболее эффективно и полноценно в сочетании языковой практики, чувственного опыта, осмысления и предметной деятельности, подкрепленной ситуативной тренировкой.

Таким образом, язык считается одним из основных способов формирования базовых понятий – концептов в сознании человека. Концепт является центральной категорией в научно-лингвистическом описании языкового отражения мира. Складываясь на основе личного и культурного опыта, концепты являются духовным наследием в сознании народа, результатом познания окружающего мира, отражающим языковую картину и национальный менталитет, определяющим речевое поведение носителей языка. Отбор и организация учебного материала «вокруг концептов» формирует глобальную картину мира, демонстрирует специфику ее языкового выражения и речевого поведения носителей языка.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. М., Academia, 2002. 391 с.
2. Апресян Ю.Д. Избранные труды: В 2-х т. М., 1995.
3. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: Антология / Под общ. ред. В.П. Нерознака. М., Academia, 1997. С. 267-279.
4. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж, Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. 104 с.
5. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика : (Курс лекций по англ. филологии): Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по спец. "Зарубеж. филология" / М-во образования Рос. Федерации. Ин-т языкознания

Рос. акад. наук, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. - 3. изд., стер. Тамбов, Изд-во ТГУ, 2002. 122 с.

6. Василенко С.С. Концертная компетенция как цель обучения иностранному языку студентов лингвистических направлений // Педагогическое образование в России. № 5, 2013. С. 151-155.

7. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

8. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. Москва, Филол. фак. МГУ, 1996. 245 с.

9. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: антол. / Ин-т народов России [и др.]; под общ. ред. В. П. Нерознака. М., 1997. С. 280–287.

10. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Юрий Степанов. - 2. изд., испр. и доп. - Москва : Акад. проект, 2001. 989 с.

11. Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический, культурологический аспекты. Москва, Шк. "Языки рус. культуры", 1996. 284 с.

Сведения об авторах:

Якушев Максим Валерьевич; кандидат педагогических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева», 302026 Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; yakushev.m@yandex.ru; +79536258466

Плахова Маргарита Владиславовна; магистрант 2 курса, ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева», 302026 Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; yakushev.m@yandex.ru; +79803618959

Yakushev Maxim Valeryevich; Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, I.S. Turgenev Orel State University, 95 Komsomolskaya str., Orel, 302026 Russian Federation; yakushev.m@yandex.ru ; +79536258466

Margarita Vladislavovna Plakhova; 2nd year Master's student, I.S. Turgenev Orel State University, 95 Komsomolskaya str., Orel, 302026 Russian Federation; yakushev.m@yandex.ru ; +79803618959

СЕКЦИЯ 3: ПЕРЕВОД В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

УДК 81

Проблема адекватности перевода в современной лингвистике (на примере стихотворения Р. Бернса “Честная Бедность”)

Анна Михайловна Говенько

Брянский государственный аграрный университет, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Брянск, Россия, am-govenko0310@mail.ru

Аннотация. Сегодня проблема перевода достаточно актуальна. Материалом для статьи послужило стихотворение Роберта Бернса “Честная бедность” на русском и английском языках. «Честная бедность» — произведение, не утратившее актуальности и в наши дни. Вопросы социального неравенства не так остры, как двести лет назад, но по-прежнему волнуют мыслящих людей. Перевод С.Я. Маршака наиболее близок и адекватен к оригиналу, чем другие переводы. Но и здесь присутствует характерная черта переводчика - заменять конкретное обозначение мест, предметов более общими понятиями.

Ключевые слова: проблема адекватности перевода, стихотворение Роберта Бернса “Честная бедность”, близок и адекватен к оригиналу, характерная черта переводчика.

The problem of translation adequacy in modern linguistics (using the example of R. Burns' poem “Honest Poverty”)

Anna M. Govenko

Bryansk State Agrarian University, Bryansk, Russia, senior lecturer, am-govenko0310@mail.ru

Abstract. Today the problem of translation is quite relevant. The material for the article was the poem “Honest Poverty” by Robert Burns in Russian and English. “Honest Poverty” is a work that has not lost its relevance today. Issues of social inequality are not as acute as they were two hundred years ago, but they still concern thinking people. S.Y. Marshak's translation is closest and more adequate to the original than other translations. But here, too, there is a characteristic feature of the translator - to replace the specific designation of places and objects with more general concepts.

Keywords: the problem of translation adequacy, Robert Burns's poem “Honest Poverty”, close and adequate to the original, a characteristic feature of the translator.

Перевод как особый вид речевой деятельности представляет собой сложное и многогранное явление, привлекающее литературоведов, психологов, этнографов и лингвистов. Для психологии интересны такие вопросы, как особенности восприятия и понимания в процессе перевода. Так же интересны вопросы, которые связаны с различиями в культуре и с разными системами представлений об окружающем нас мире. Для литературоведов проблема перевода – это проблема художественного мастерства переводчика, искусства передачи индивидуального стиля автора. Для лингвистов перевод представляет прежде всего интерес как источника данных общего и сравнительного языкознания.

Также в статье мы обращались к различным англо-русским и англо-английским словарям, которые помогли нам работать с оригиналом и точно воспроизвести тот смысл, который автор хотел донести до читателя. Материалом послужило стихотворение Роберта Бернса «Честная бедность» на русском и английском языках.

Сегодня проблема перевода достаточно актуальна, но чтобы добиться в этом успеха, необходимо знать все нюансы и аспекты перевода, а именно, что перевод делится на два взаимосвязанных коммуникативных акта - общение между отправителем и переводчиком и общение между переводчиком и получателем, а также то, что переводчик может выступать в разных ролях (получатель, отправитель), что, естественно, оказывает существенное влияние на процесс перевода.

Вывод: перевод можно определить как однонаправленный и двухэтапный процесс межязыкового межкультурного общения, в котором на основе первичного текста, подвергнутого целенаправленному анализу, создается вторичный текст, заменяющий первичный в ином лингвокультурном мире. Процесс, характеризующийся направленностью на передачу коммуникативного эффекта первичного текста, двух культур и двух коммуникативных ситуаций.

«Честная бедность» - классический пример литературного Просветительства. Как поэт-просветитель, Бёрнс, вооружившись здоровым сатирическим смехом, опирается на здравый смысл, будучи убеждён в том, что любой его читатель под напором Разума способен отбросить предрассудки и стать «человеком независимого ума» [1, с.407]. А это убеждение внушает автору исторический оптимизм, веру в то,

Что будет день,

Когда кругом

Все люди станут братья!

Is there for honest Poverty
That hings his head, an' a' that;
The coward slave-we pass him by,
We dare be poor for a' that!
For a' that, an' a' that.
Our toils obscure an' a' that,
The rank is but the guinea's stamp,
The Man's the gowd for a' that.

What though on hamely fare we dine,
Wear hoddin grey, an' a that;
Gie fools their silks, and knaves their wine;
A Man's a Man for a' that:
For a' that, and a' that,
Their tinsel show, an' a' that;
The honest man, tho' e'er sae poor,
Is king o' men for a' that.

Кто честной бедности своей
Стыдится и всё прочее,
Тот самый жалкий из людей,
Трусливый раб и прочее.

При всём при том,
При всём при том,
Пускай бедны мы с вами,
Богатство —
Штамп на золотом,
А золотой —
Мы сами!

Мы хлеб едим и воду пьём,
Мы укрываемся тряпьем
И всё такое прочее,
А между тем дурак и плут
Одеты в шелк и вина пьют
И всё такое прочее.

При всём при том,
При всём при том,
Судите не по платью.
Кто честным кормится трудом, —
Таких зову я знатью!

Вот этот шут — придворный лорд,
Ему должны мы кланяться,
Но пусть он чопорен и горд,
Бревно бревном останется!

При всём при том,
При всём при том,
Хоть весь он в позументах, —
Бревно останется бревном

И в орденах, и в лентах!

Зачастую песни Бёрнса – рифмованная сатира или публицистика, сильная не тропами, а именно их отсутствием – честной прямоотой. В переводе Маршака эта публицистичность несколько сглажена: так, выражение «человек независимого ума» (the man of independent mind) в перевод не вошло. Зато единственное сравнение (guinea-stamp) в переводе представлено («штамп на золотом»), хотя со «штампом» в оригинале, в отличие от перевода, сравнивается не богатство, а «статус» (rank) [2, с.382].

Песня Бёрнса написана в ритме и на мотив народной шотландской песни, в которой также есть припев «При всём при том...» (For a'that, and a'that). Этому фольклору Маршак нашёл близкий по звучанию русский поэтический размер – разностопный ямб. Рифмовка в оригинале и в переводе перекрёстная.

Данный перевод наиболее близок и адекватен к оригиналу, чем другие переводы. Но и здесь присутствует характерная черта переводчика - заменять конкретное обозначение мест, предметов более общими понятиями.

«Честная бедность» — произведение, не утратившее актуальности и в наши дни. Вопросы социального неравенства не так остры, как двести лет назад, но по-прежнему волнуют мыслящих людей. И, хотя стихи уже не обладают популярностью народной баллады, они изучаются школьниками и студентами, используются в театральных постановках, и напоминают нам о любви к людям и вере в справедливость.

Список литературы

1. Роберт Бернс в переводах русских поэтов. М.: Художественная литература, 1980. 407 с
2. Роберт Бернс в переводах С. Маршака. М.: Художественная литература, 1976. 382 с.
3. Хатхе А. А. Метафорическое сближение растения и человека в произведениях А. Блока. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 4.С. 104-106.
4. Зыкова Е. П. Пастораль в английской литературе XVIII века. М.: ИМЛИ, 1999. 256 с

Сведения об авторе:

Говенько Анна Михайловна; старший преподаватель кафедры иностранных языков, Брянский государственный аграрный университет, Российская Федерация, п. Выгоничи, ул. Спортивная, д9. ; am-govenko0310@mail.ru
Govenko Anna Mikhailovna; Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Bryansk State Agrarian University, Russian Federation, Vygonichi, st. Sportivnaya, 9. ; am-govenko0310@mail.ru

О неизбежных потерях при переводе художественного текста

Алексей Валерьевич Ключков

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, заведующий кафедрой немецкого языка, кандидат филологических наук, Орёл, Россия, klochkov.a_new@mail.ru

Аннотация. Данная статья написана в русле критики перевода и содержит некоторые наблюдения, сделанные в результате сопоставительного контрастивного анализа оригинала и перевода отрывка художественного текста. Перевод как акт межъязыковой коммуникации сопряжен с неизбежными потерями. В статье рассматривается характер таких потерь и их влияние на эмоционально-смысловое воздействие текста на адресата.

Ключевые слова: сопоставительный анализ, семантика, перевод, потери, адекватность, эквивалентность

On the Inevitable Losses in Translating a Fiction Text

Alexey V. Klochkov

Orel State University named after I.S. Turgenev, Head of the Chair of German Language, associate professor of the Department of German Language, Orel, Russia, klochkov.a_new@mail.ru

Abstract. This article is written from the perspective of translation criticism and contains some observations made as a result of a comparative contrastive analysis of the original and the translation of a passage of a fiction text. Translation as an act of interlingual communication involves inevitable losses. The article considers the nature of such losses and their influence on the emotional and semantic impact of the text on the recipient.

Keywords: comparative analysis, semantics, translation, losses, adequacy, equivalence

Сопоставительный анализ оригинала и перевода сразу дает понять, что в процессе перевода не удастся передать все то, что выражено в оригинале. Перевод, будучи в известном смысле межъязыковой трансформацией, предполагает подчас многочисленные изменения, которые неизбежно сопряжены с потерями. При этом не обязательно ставится вопрос о нарушении адекватности перевода, т.к. речь далеко не всегда идет о коммуникативно релевантной информации. При этом сразу необходимо отметить, что слово «потеря» применяется к описываемому явлению условно, т.к. оно не в полной мере отражает его природу. Интересным с точки зрения критики перевода

представляется характер расхождений оригинала и перевода, их мотивированность, влияние этих расхождений на общую адекватность перевода.

В качестве примера возьмем один абзац из рассказа В.М. Шукшина «Мастер» и рассмотрим, что же оказывается «потерянным» в переводе.

В. Шукшин: «Мастер»:

Он, правда, из дома ничего не пропивал, всю зарплату отдавал семье. Пил на то, что зарабатывал слева. Он мог такой шкаф «изладить», что у людей глаза разбегались. Приезжали издалека, просили сделать, платили большие деньги. Его даже писатель один, который отдыхал летом в Чебровке, возил с собой в областной центр, и он ему там оборудовал кабинет... Кабинет они оба додумались «подогнать» под деревенскую избу (писатель был из деревни, тосковал по родному).

W. Schukschin: «Der Meister»

(1) Was er am Lohn bekam, lieferte er seiner Frau (2) ab. Vertrunken wurde nur (3), was er nebenbei (4) verdiente. Er verstand einen Schrank zu zimmern (5), dass den Leuten die Augen übergingen (6). Von weit kamen (7) sie an, baten ihn drum (8), zahlten eine Menge Geld. Ein Schriftsteller (9), der in Tschebrowka Sommerurlaub machte, nahm (10) ihn sogar in die Gebietsstadt mit, und da richtete Sjomka ihm ein Arbeitszimmer ein... Die beiden hatten es nach Art einer Bauernstube (11) ausgetüftelt (12) (der Schriftsteller stammte vom Dorf, sehnte sich nach Heimatlichem).

В переводе на немецкий язык цифрами обозначены места, в которых семантика лексических единиц оригинала и перевода не сохраняется или сохраняется лишь частично, а также иные случаи принятых изменений в переводе.

Рассмотрим их более подробно.

1. Немотивированное опущение (из дома ничего не пропивал).

2. Переводчик прибегает к приему конкретизации (семья – Frau)

3. В данном случае глагол «пил» переводится конструкцией в страдательном залоге «vertrunken wurde». Он по значению ближе к глаголу «пропивать», который обладает дополнительным значением потери, траты.

4. слева – nebenbei. В данном случае контекстуальная замена приводит к тому, что не передается незаконный характер дополнительного заработка, а также разговорный характер выражения.

5. «изладить» - zimmern. В данном случае можно говорить о потере семантического компонента устно-разговорного, «деревенского» характера говора. «Изладить» представляет собой в данном случае «чужое слово» героя в речи повествователя.

6. Аналогично п. 5. Фразеологизм «глаза разбегаются» используется для выражения большого выбора, множества вариантов или обилия предметов. В оригинале он употребляется в некорректном значении. В переводе ошибка исправляется, используется фразеологизм в правильном значении «jemandem gehen die Augen über» – глаза на лоб лезут.

7. «Приезжали» – «kaмен». В переводе не передается семантический компонент способа передвижения.

8. Глагол «сделать» в переводе не передается эксплицитно, имплицитно сохраняется за счет добавления указательного местоимения в разговорной форме drum.

9. В оригинале предложение постороено как имитация спонтанно произнесенной речи. Фраза «который отдыхал летом в Чебровке» звучит как уточнение, добавленное в последний момент для облегчения понимания слушателя этого устного рассказа. В переводе синтаксический рисунок, способствующий такому восприятию, не сохраняется, используется нейтральный синтаксис, не отличимый от письменного.

10. Аналогично п. 7. не передается семантический компонент способа передвижения.

11. Изба – Bauernstube. В переводе сохраняются такие компоненты значения как крестьянский и деревянный. Stube в немецком языке означает не само строение, а помещение в нем. Это вполне соответствует контексту оригинала. Тем не менее прием приближенного перевода так или иначе подменяет составляющие национально-культурного колорита.

12. Аналогично п. 5. Додумались «подогнать» - еще один пример «чужого слова» в рассказе.

Потери в случаях, обозначенными номерами 2, 3, 7, 8, 10, 11 имеют разные причины, однако обо всех можно сказать, что они не затрагивают так называемую прагматическую эквивалентность, т.е. не оказывают влияния на эмоционально-смысловое воздействие на адресата, не искажают его.

С другими же случаями, а именно 1, 4, 5, 6, 9, 12 дело обстоит несколько иначе. Это связано с особенностями стиля В.М. Шукшина, который «с «магнитофонной» точностью воспроизводит актуальное социоречевое поведение» героев [4, с. 376]. В анализируемом рассказе В.М. Шукшина особый колорит социальной среды героев, живущих в сибирской глубинке, раскрывается через их собственную речь, к которой близка и речь повествователя, он пользуется манерой говорить, принятой в речевой культуре этих жителей. Она носит не просто устно-разговорный, а подчёркнуто просторечный, порой фамильярный характер. Повествователь у В.М. Шукшина выступает в роли «наблюдателя», а его речь характеризует его как одного из них, живущего по-соседству. Он «свидетель событий, ... их участник, обладающий своим собственным голосом, субъективным отношением к происходящему» [3, с. 20]. Эта особенность авторского текста создаёт смысловое, оценочное и языково-стилистическое своеобразие рассказа, и, следовательно, является одной из доминант перевода. Переводчику не всегда удастся воспроизвести подобные особенности в переводе, и это происходит в большинстве случаев в силу объективных причин. Он вынужден компенсировать их «использованием единиц разговорного и сниженного регистра» [2, с. 97]. Подобная манера повествования, а именно «установка текста на его устно-разговорный характер» [1, с. 129] представляет собой проблему для переводчика, поскольку остается во многом безэквивалентной.

При этом эти изменения в большей или меньшей степени затрагивают коммуникативную систему всего произведения, ядром которой является образ повествователя, и сказываются на эмоционально-смысловом воздействии на адресата, и следовательно, на адекватности перевода.

В целом изучение описанной проблематики представляется весьма интересным с точки зрения того, что теряется в переводе, типологии потерь, границы допустимости изменений в переводе, а также воздействия этих изменений на отношения эквивалентности и адекватности между оригиналом и переводом.

Список литературы

1. Клочков, А.В. Непереводимый Шукшин: Опыт лингвостилистического сопоставительного анализа оригинала и перевода / А.В. Клочков // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: «Гуманитарные и социальные исследования»: научный журнал. – 2015. – №2. – С. 127-131.

2. Клочков, А.В. Речевая структура образа автора в межъязыковом аспекте // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2017. – № 1 (74). – С. 95-98.

3. Леонтьев Э. П. Проблема автора и читателя в прозе и публицистике В.М. Шукшина: автореферат дис. канд. филол. наук. – Улан-Удэ, 2004. – 22 с.

4. Художественное произведение: структура, дискурс, медиа : коллективная монография / под ред. С.М. Козловой, Е.Ю. Сафроновой, Т.В. Чернышовой. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2016. – 516 с.

5. Шукшин, В.М. Повести и рассказы / В.М. Шукшин; [предисл. В. Вербицкого]. – М.: Эксмо, 2007. – 800 с. – (Библиотека Всемирной Литературы). ISBN 987-5-699-20507-3

6. Schukschin, Wassili. Gespräche bei hellem Mondschein / W. Schukschin. Erzählungen. Zweiter Band. – Berlin: Volk und Welt, 1979. – 547 S.

Сведения об авторе:

Клочков Алексей Валерьевич, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой немецкого языка института иностранных языков, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; klochkov.a_new@mail.ru; +7(4862)752239

Alexey V. Klochkov, PhD in philological sciences, Head of the Chair of German Language, Orel State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Orel, 302028, Russian Federation; klochkov.a_new@mail.ru; +7(4862)752239

К экспликации понятия переводческой стратегии как методологического принципа перевода научных и технических текстов

Кушнина Людмила Вениаминовна

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, профессор кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода, доктор филологических наук, Пермь, Россия, lkushnina@yandex.ru

Аннотация. В статье обсуждаются трактовки понятия переводческой стратегии применительно к современной когнитивной парадигме перевода. Цель статьи состоит в выявлении факторов, определяющих выбор переводческой стратегии. Среди таких факторов автор называет переводческую тактику, переводческие действия, переводческое решение.

Ключевые слова: стратегия перевода, переводческое пространство, тактика перевода, переводческие действия, переводческое решение.

Toward an explication of the concept of translation strategy as a methodological principle for translating scientific and technical texts

Kushnina Lyudmila Veniaminovna

Perm National Research Polytechnic University, Professor of the Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation, Grand PhD of Philology, Perm, Russia, lkushnina@yandex.ru.

Abstract. The article discusses interpretations of the concept of translation strategy in relation to the modern cognitive paradigm of translation. The purpose of the article is to identify the factors that determine the choice of translation strategy. Among such factors, the author names translation tactics, translation actions, and translation solutions.

Keywords: translation strategy, translation space, translation tactics, translation actions, translation solution.

Признавая важнейшую теоретическую и прикладную значимость термина «переводческая стратегия», в рамках данной статьи мы поставили своей задачей его экспликацию в свете современных представлений с позиции когнитивного переводоведения.

В своих рассуждениях мы опираемся на следующие теоретические положения, которые были сформулированы нами в предыдущих публикациях:

- текст, подлежащий переводу, содержит множество гетерогенных смыслов, как эксплицитных, так и имплицитных, как рациональных, так и

эмотивных, которые переводчику необходимо декодировать и интерпретировать, а затем вербализовать на целевом языке;

- каждый перевод уникален, так как порождение текста перевода есть синергетическое взаимодействие множества смыслов в мысленно создаваемом переводческом пространстве, где в каждом конкретном случае имеет место доминирование одного из смысловых полей (поле автора, поле переводчика, поле реципиента, содержательное поле, энергетическое поле, фатическое поле);

- переводчик имеет дело не с реальной ситуацией, описываемой в тексте, а с ее осмыслением и пониманием со стороны автора, который оперирует фактами, идеями, ценностями и вербализует их в соответствии с индивидуальным языковым сознанием и национальной культурой;

- перевод как процесс представляет собой сложную речемыслительную деятельность, осуществляемую с опорой на ментальную базу субъектов переводческой коммуникации: автора, переводчика, реципиента;

- перевод как результат нацелен на достижение качества, т.е. обладает свойством соразмерности смыслов, что мы определяем понятием гармоничности.

- текст перевода востребован в определенном пространстве хронотопа (время/пространство), что обуславливает преходящий характер текста перевода и возможность повторных переводов.

Мы исходим из идеи о том, что переводческая деятельность способствует взаимодействию культур, языков, текстов, дискурсов, личностей, что находит воплощение в переводческой картине мира как отдельного индивида, так и всего народа. Именно в рамках переводческой картины мира мы намерены описать наше представление о переводческой стратегии, выступающей одним из ведущих методологических принципов теории и практики перевода.

В рамках данной статьи мы намерены обсудить значение термина «переводческая стратегия» применительно к современной когнитивной парадигме и выявить факторы, от которых зависит выбор переводческой стратегии. С этой целью мы обратились к работам современных отечественных исследователей И. С. Алексеевой, Л. М. Алексеевой, О. А. Бурукиной и выяснили, что значимость этих факторов по-разному воспринимается исследователями, что определяется их индивидуальным ракурсом рассмотрения данной проблемы.

На наш взгляд, понимание переводческой стратегии особенно важно при переводе научных и технических текстов, что мы намерены показать в данной статье.

Начнем с этимологии термина «стратегия», который восходит к греческим словам: *stratus* – войско и *agein* – вести, т.е. существовавший в течение тысячелетий в военном деле термин означает искусство ведения войны.

Как известно, теория стратегии возникла в середине XX века, и она сразу приобрела междисциплинарный, межпрофессиональный характер, так как в каждом виде деятельности необходимы планирование, определение

долгосрочных целей и задач, формулировка правил и закономерностей принятия решений и пр.

Начиная с 1960-х годов, термин стратегия активно используется в экономике. Он признается как инструмент теории менеджмента. Ученые формулируют внешние и внутренние факторы, формирующие стратегию. Позднее теория стратегии проникает в другие гуманитарные дисциплины, включая теорию перевода.

Одним из первых на переводческую стратегию обратил внимание Х.Крингс в 1980-е годы, который связывал ее с понятием переводческого задания. Мы считаем, что в настоящее время понятие переводческое задание не достаточно освещено в литературе.

В России понятие переводческой стратегии исследуется И. С. Алексеевой, которая обосновывает его введение в теорию и практику перевода тем, что переводческая деятельность стала рассматриваться как профессиональная деятельность, что позднее привело к появлению профессионального стандарта переводчика. Как подчеркивает автор, несмотря на обширную литературу, посвященную проблеме переводческой стратегии, теоретические обоснования данного понятия встречаются редко.

Изучение понятия переводческой стратегии И. С. Алексеева предлагает проводить параллельно с понятием переводческого действия, четко разграничивая одно от другого. В широком смысле слова, переводческая стратегия трактуется как порядок следования переводческих действий.

В узком смысле, «стратегия перевода – это осознанно выработанный переводчиком в ходе экспертной коммуникативной деятельности алгоритм его действий, направленный на создание продукта – текста перевода, с обязательным учетом профессиональной этики переводчика» [Алексеева 2008, с. 148].

Наряду с переводческим заданием и переводческими действиями, переводческая стратегия соотносится с переводческой тактикой, что представлено в статье О.А.Бурукиной. Автор выстраивает собственное толкование терминов переводческая стратегия и переводческая тактика: «Переводческая стратегия – это общий план действий переводчика, направленный на перевод конкретного текста, обусловленный конкретной целью перевода с учетом лингвистических и экстралингвистических характеристик конкретной переводческой ситуации рассчитанный на некоторый период времени» [Бурукина 2009, с. 79]. Согласно концепции О. А. Бурукиной, переводческая стратегия представляет собой своего рода модель поведения переводчика, которая предполагает эффективное использование переводческих ресурсов для достижения цели.

Важно подчеркнуть, что переводческая стратегия вписывается автором в общую систему последовательных действий переводчика и является одним из ее ключевых элементов. Процесс работы переводчика над текстом оригинала представлен в виде следующей цепочки: цель – стратегия - задача – тактика – способ.

Особое внимание приобретает в нашей работе трактовка понятия стратегии применительно к научному и техническому типам текстов. Изучение проблем перевода научного текста Л. М. Алексеевой привело автора к пониманию переводческой стратегии в ее взаимосвязи с понятием типологической доминанты текста: «Приступая к анализу сложной природы научного текста, оказывающей большое влияние на выбор стратегии и тактики научного перевода, остановимся на.....» [Алексеева 2016, с. 28]. Мы не видим необходимости продолжить данное высказывание, нам важно подчеркнуть, что значимость анализа стратегии перевода при решении других переводческих проблем. В рамках данной работы Л. М. Алексеева обращает особое внимание на типологическую доминанту текста в художественном и научном переводе. Как видим, понятие типологической доминанты связано с понятием стратегии перевода. Автор следующим образом определяет типологическую доминанту исходного текста: «В целом она является системой типологических свойств художественного текста, которая составляет его сущность и качество, определяя его отличие от других типов текста» [Алексеева 2016, с. 44]. Так автор приходит к выводу о том, что понятие доминанты является онтологическим, а не аксиологическим. Как подчеркивает Л.М. Алексеева, несмотря на богатую практику художественного перевода, вопрос о сущностном свойстве оригинала не решен исследователями. Она считает, что типологическая доминанта художественного текста определяется художественным познанием и складывается из таких компонентов как идейно-эмотивное единство текста, образность, художественная языковая форма, Что касается типологической доминанты научного текста, вывод автора таков: «К числу типологических параметров научного текста мы относим его концептуальность, выражающуюся в наличии у него концептуальной схемы» [Алексеева 2016, с. 140]. По мнению Л. М. Алексеевой, если переводчик сталкивается с концептуальной трудностью, он должен различать концептуальные схемы. Какой мы можем сделать из этого вывод? Вероятно, понимание концептуальной схемы текста является необходимым условием разработки стратегии перевода научного текста.

Обратимся к техническому тексту. Эта проблема была нами исследована совместно с А. О. Ушаковой. В научный оборот была введена категория техничности, которая характеризуется уровнем технического знания всех субъектов коммуникации, а также типологией технического текста (собственно технический текст и технический текст смешанного типа). В зависимости от этого уровня принимается то или иное переводческое решение [Ушакова 2017]. Так в орбиту переводческой стратегии входит понятие переводческого решения. Автор данной работы уточняет понятие переводческого решения и трактует его как «... процесс и как результат речемыслительной деятельности переводчика, детерминантой которого выступает категория техничности» [Ушакова 2017, с. 12].

Опираясь на авторскую концепцию переводческого пространства, мы понимаем переводческую стратегию как реализацию гармоничного переводческого мировоззрения: «Гармония для нас – это высшее качество

перевода, не всегда достижимое, но ориентирующее переводчика на совершенствование, самосовершенствование, на становление элитарной языковой личности. Мы считаем, что по своей эстетической ценности гармоничный перевод стоит выше, чем адекватный или эквивалентный перевод» [Кушнина 2023, с. 43].

В качестве примера гармоничной переводческой стратегии назовем перевод научного текста, выполненный Н. С. Автономовой и В. П. Визгиным. Авторы перевода обратились к работе М. Фуко «Слова и вещи» (Michel Foucault “Les mots et les choses»), этот философский трактат, увидевший свет во Франции в 1966г., был переведен на русский язык в 1977г. Сложность восприятия текста, который раскрывал состояние гуманитарных наук в Европе, начиная с эпохи Возрождения вплоть до XX века, потребовала от переводчиков создания обширного метатекста в виде Предисловия, где объяснялся и научный, и переводческий поиск, что потребовало от переводчиков разносторонней интеллектуальной деятельности в различных научных областях: философии, семиотике, лингвистике. Предисловие переводчика Н. С. Автономовой можно признать примером создания гармоничного переводческого метатекста, реализующего также стратегию концептуальности, так как автор перевода получила и филологическое, и философское образование.

Как показал анализ, переводческая стратегия – «пакетное» понятие, смысл которого проявляется в его связи с другими понятиями, к числу которых можно отнести переводческое действие, переводческую тактику, переводческое решение, типологическую доминанту текста, подлежащего переводу, а также переводческую гармонию. Как видим, в большинстве случаев переводческая стратегия является результатом переводческого выбора, который носит субъективный характер, следовательно, определяется когнитивными характеристиками переводчика, которые отражают его индивидуальную переводческую картину мира, его мировоззрение. Такой вывод приводит нас к идее множественности переводческих стратегий, их вариативности и уникальности. Вместе с тем, выбор переводческой стратегии имеет одну цель – повышение эффективности переводческой деятельности и создание качественных переводов, обогащающих другие языки и культуры.

Список литературы

1. Алексеева И.С. Текст и перевод: вопросы теории. М., Международные отношения, 2008.- 180с.
2. Алексеева Л.М., Шутмова Н.В. Типология перевода Пермь, ПГНИУ, 2012.- 198 с.
3. Бурукина О.М. Переводческие стратегии и переводческие тактики // Десятые Федоровские чтения. Университетское переводоведение. СПб, 2009. С.73-83.
4. Кушнина Л.В. Гармонизация языков и культур как миссия современного переводчика // Теоретические и методические основы профессиональной

подготовки переводчиков. Колл. монография под ред. Н.Н. Гавриленко. М., Флинта, 2023. С.39-57.

5. Ушакова А.О. Текстовая категория техничности и ее функционирование в оригинале и переводе. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд филол. наук. Ижевск, 2017. 23 с.

6. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитар. Вступ. статья канд. филос. наук. М.: Прогресс, 1977. 488 с.

7.

Сведения об авторе:

Кушни́на Людмила Вениаминовна; доктор филологических наук, профессор, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, 614023, Российская Федерация, Пермь, ул. Судостроителей, 58; lkushnina@yandex.ru; +79026303311

Kushnina Lyudmila Veniaminovna; Grand PhD of Philology, Professor, Perm National Research Polytechnic University, 614023, Russian Federation, Perm, st. Shipbuilders, 58; lkushnina@yandex.ru; +79026303311

УДК 81'32

Об особенностях и принципах работы нейронного машинного перевода

Артем Владимирович Новиков

Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, аспирант 3 курса, Орёл, Россия, artemnovikov57@yandex.ru

Аннотация. В рамках этой статьи будут рассмотрены некоторые особенности нейронного машинного перевода, основные принципы его функционирования. Затем будут приведены и рассмотрены основные достоинства и недостатки данного подхода к машинному переводу. В заключении статьи будет сформулирован краткий вывод, в котором отразятся ключевые аспекты по представленной теме.

Ключевые слова: машинный перевод, глубинное обучение, нейронный принцип машинного перевода, энкодер, декодер, контекст, анализ текста

Features and working principles of neural machine translation

Artem V. Novikov

Orel State University named after I. S. Turgenev, postgraduate student, Orel, Russia, artemnovikov57@yandex.ru

Abstract. This article will discuss some features of neural machine translation and the basic principles of its functioning as well as the main advantages and

disadvantages of the above-mentioned approach to machine translation. In conclusion we present results which will reflect the key aspects on the presented topic.

Keywords: machine translation, deep learning, neural principle of machine translation, encoder, decoder, context, text analysis

В текущих реалиях системы машинного перевода совершенствуются довольно быстрыми темпами, что позволяет оперативно обрабатывать обширные массивы текстовых данных на иностранных языках в максимально короткие сроки и с минимальным количеством финансовых затрат, что является одним из ключевых аспектов современной жизни. Соответственно, с практической точки зрения проблема улучшения качества машинного перевода является актуальной, так как существует большой спрос на быстрое и качественное выполнение перевода текстов с исходного языка (ИЯ) на язык перевода (ПЯ) [Новиков 2023, с. 196].

Существует четыре самых распространенных типа систем машинного перевода, которые основаны на нижеследующих принципах:

- на правилах – Rule-Based Machine Translation или RBMT;
 - на статистических принципах – Statistical Machine Translation или SMT;
 - на базе нейронных сетей – Neural Machine Translation или NMT.
- Также существуют гибридные системы машинного перевода, то есть системы, включающие в себя сразу несколько, чаще всего два, подхода к машинному переводу [Козина, Черепков, Белов 2018].

Наиболее инновационным типом систем машинного перевода является нейронный машинный перевод. Сегодня этот тип систем выходит на первый план и постепенно вытесняет традиционные системы машинного перевода, основывающихся на принципах перевода на основе правил или статистической модели перевода. Некоторые большие компании, специализирующиеся на машинном переводе, например, Google, обновили свою архитектуру и целиком перешли на использование нейронных сетей в своих системах машинного перевода. Другие компании, такие как Яндекс, PROMT и др., предпочли объединить нейронный машинный перевод и традиционные модели машинного перевода, упомянутые выше, в результате чего, работая в паре, они сформировали гибридные системы машинного перевода. Например, в системе Яндекс.Переводчик нейронный машинный перевод работает в тандеме со статистическим машинным переводом [О машинном переводе. Руководство разработчика], а в системе PROMT нейронный машинный перевод работает совместно с моделью машинного перевода, основанного на правилах [PROMT 2019].

Несмотря на тот факт, что непосредственно в машинном переводе нейронные сети стали использоваться сравнительно недавно – в 2014 году, когда впервые было опубликовано научное исследование об использовании нейросетей в машинном переводе, свое самое первое применение нейросети нашли в программах по распознаванию речи еще в начале 90-х годов. Сегодня системы машинного перевода, основанные на нейросетях также называют

машинным переводом «глубинного обучения» (Deep learning machine translation) [Богданова 2021].

Прообразом искусственных нейронных сетей является человеческий мозг, точнее его биологические нейроны, хотя мозг человека имеет намного более сложное устройство, и в настоящее время его воссоздать в полной мере невозможно [Что такое нейросети и как они работают]. Тем не менее, на текущем этапе развития технологий искусственные нейронные сети, как и мозг человека, способны создавать довольно сложные понятия из разных частей информации, выстроенной на основе иерархии [Lokalise 2017].

С точки зрения ученого и компьютерного инженера компании OpenAI Иана Гудфеллоу, современный термин «глубинное обучение» «выходит за рамки нейронаучной перспективы для текущего поколения систем машинного перевода. Он обращается к более общим принципам, множественным уровням обучения, которые применяются в машинном обучении, не только основанных на нейросетях» [Goodfellow 2016, с. 13].

Если говорить о машинном переводе, то с помощью систем глубинного обучения, стало возможным создание алгоритмов, благодаря которым система могла бы самостоятельно выбирать наиболее подходящий вариант перевода, опираясь на собственную базу данных. Однако в реальности в таких алгоритмах все же есть несколько параметров, настраиваемых вручную. Такая концепция уже была реализована в статистических системах машинного перевода, но в практическом применении таких систем все равно множество параметров приходилось настраивать вручную. Системы глубинного обучения позволили, хотя бы теоретически, сделать процесс обучения полностью автоматизированным, то есть без какой-либо помощи человека, опираясь на имеющиеся в системе данные [Богданова 2021].

Система машинного перевода, основанная на глубинном обучении, состоит из следующих компонентов [Lokalise 2017]:

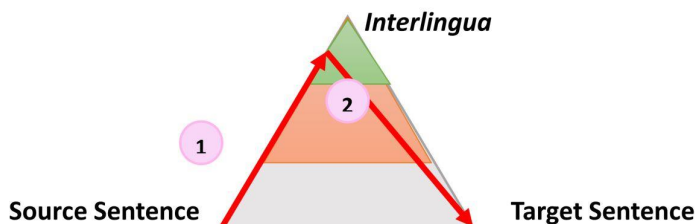
- Энкодера (encoder), который производит анализ обучающих данных;
- Декодера (decoder), который осуществляет автоматический перевод текста, опираясь на проанализированные энкодером данные.

В системах машинного перевода глубинного обучения и энкодер, и декодер основаны на нейросетях, в то время как в традиционных статистических системах оба вышеупомянутых компонента применяют различные вариации из нескольких модулей, чтобы успешно применять различные стратегии для оптимизации перевода [Lokalise 2017].

В нейронном машинном переводе существует понятие векторного представления слова (word embedding), то есть чисел, которые характеризуют слово с точки зрения семантики. Соответственно в нейронных системах машинного перевода каждое слово кодируется посредством некоего вектора чисел, после чего все векторы слов соединяются между собой, чтобы выдать перевод целого предложения [О машинном переводе. Руководство разработчика].

Нейронный машинный перевод обладает рядом особенностей, которые характерны только для него. Чтобы лучше понять суть этих особенностей, а

также принцип работы систем машинного перевода, основанных на нейросетях, обратимся к следующему треугольнику, созданному в 1968 году французским ученым Бернардом Вокуа [Vauquois 1985]:

В левой части треугольника отображен исходный язык (ИЯ), а в правой его части – язык перевода (ПЯ) или целевой язык. Внутри треугольника выделены три уровня, которые отображают глубину, например, синтаксического или семантического анализа предложения на ИЯ. Красной стрелкой обозначено исходное предложение, которое подвергается анализу [Богданова 2021].

Итак, среди особенностей нейронного машинного перевода можно выделить следующие [Lokalise 2017]:

1. Анализ – это процесс кодирования, результатом которого является создание какой-либо последовательности векторов.
2. Перенос – это процесс декодирования, в результате которого создается целевая форма при отсутствии какой-либо фазы генерации, то есть порождения целевого предложения на ПЯ.

Процесс перевода состоит из двух шагов. На первом шаге каждое слово в предложении на ИЯ пропускается через «кодер», который работает с исходным контекстом, опираясь на текущее слово и предыдущий контекст.

Исходные контексты представляются в определенной последовательности и являются интерпретацией предложения на ИЯ по треугольнику Вокуа.

Второй шаг отвечает за построение полной последовательности с опорой на исходный текст, затем генерируются целевые слова на ПЯ с помощью следующих средств:

- Целевого контекста, который тесно связан с предыдущим словом и несет определенную информацию о состоянии процесса перевода.
- Значимости контекстного источника, являющегося сочетанием разных исходных контекстов, и, опирающегося на конкретную модель внимания (attention model). Именно модели внимания выбирают исходное слово для его последующего использования в переводе на всех этапах процесса.
- Ранее приведенного слова с применением вложения слов для превращения его в вектор, с которым будет работать декодер.

Финальным этапом перевода считается окончание процесса генерации декодером последнего слова в предложении [Богданова 2021].

Важно также отметить, что системы машинного перевода, построенные на нейросетях считаются иерархическими, а в работе Т. Пуабу они также представлены как многоаспектные, что указывает на тот факт, что каждый элемент (слово или фраза) находится в границах более широкого контекста. Этот подход опирается на предположение о том, что слова, которые появляются в похожих контекстах, могут иметь схожее значение. На основе этого система осуществляет поиск группы слов, которые ранее были замечены в схожем переводческом контексте [Poibeau 2017, с. 189].

Машинный перевод «глубинного обучения» также характеризуется своей непрерывностью. Эта характеристика может быть отнесена и к статистическому машинному переводу, так как в таких системах слова рассматривались как идентичные друг другу. Однако в системах машинного перевода «глубинного обучения» суть заключается в том, что слова и другие более крупные языковые единицы, такие как словосочетания, предложения и т. д. могут сопоставляться друг с другом на более широком пространстве, что дает преимущество при распознавании системой, например, парафраза [Lokalise 2017].

Одним из преимуществ нейронных систем машинного перевода также является их способность определять близкородственные слова в пределах предложения и в последствии, в процессе анализа, объединять их в соответствующие группы. Таким образом, подход глубинного обучения раскрывает структуру в пределах самого предложения, опираясь на найденные регулярные совпадения из огромного количества примеров, которые были изучены системой во время сбора информации; поэтому этот подход является иерархическим. Важным аспектом систем машинного перевода «глубинного обучения» является способность сразу определять существующие синтаксические связи в предложении вместо того, чтобы осуществлять кодирование синтаксиса напрямую. Это означает, что основная идея глубинного обучения состоит в обрабатывании системой целикомого предложения, не разбивая его на более мелкие составляющие, и в определении всех видов отношений сегментов предложения одновременно, опираясь на контекст. Эти отношения также могут быть как парадигматическими – вертикальными (группы, или похожие слова могут заполнить позицию в предложении), так и синтагматическими – горизонтальными (синтаксически связанные группы слов в предложении). Эта особенность нейронного машинного перевода делает его более адаптивным, но в то же время математически более сложным [Богданова 2021].

Описанный подход к машинному переводу является эмпирическим, в частности в отношении определения архитектуры применяемых нейронных сетей. В первую очередь это связано с определением числа слоев рекуррентной нейронной сети, длины векторов, а также такого параметра, как способ перевода неизвестных системе слов. На сегодняшний день, теоретическая база для подобных решений, основанных на характеристике конкретной системы и ее продуктивности, является недостаточно разработанной, за что сегодня данные системы подвергаются критике [Богданова 2021].

Недостаток систем машинного перевода, построенных на нейросетях связан с дефицитом информации по нечасто встречающимся словам, например, мало распространенным именам собственным или топонимам, для которых система пока не способна создавать оптимальное векторное представление [О машинном переводе. Руководство разработчика].

Таким образом, нейронный принцип машинного перевода или принцип, основанный на «глубинном обучении», довольно быстро совершенствуется, что обуславливается его повсеместным внедрением в свои системы машинного перевода такими компаниями, как Google, Яндекс, DeepL, PROMT и другими. Кроме этого, нейронный машинный перевод быстро вытесняет традиционные принципы машинного перевода, такие как статистический и основанный на правилах. Соответственно, можем сделать вывод, что на текущем этапе развития машинного перевода нейронный принцип является более адаптивным и прогрессивным по сравнению со своими предшественниками и в дальнейшем будет только развиваться.

Список литературы

1. Богданова О. Машинный перевод на основе нейронных сетей [Электронный ресурс] // URL: <https://teletype.in/@iambocca/neural-based-machine-translation> (дата обращения: 23.09.2023)
2. Козина А. В., Черепков Е. А., Белов Ю. С. Обзор подходов к машинному переводу // Международный студенческий научный вестник. – 2018. – № 6. ; [Электронный ресурс] // URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=19408> (дата обращения: 20.09.2023)
3. Новиков А. В. «Основные подходы к преобразованию текста в системах машинного перевода» // Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики в контексте межкультурной коммуникации: сборник материалов III Всероссийской научно-практической онлайн-конференции (30 марта 2023 г.) под ред. О. Ю. Ивановой. / Орел: ОГУ имени И. С. Тургенева, 2023 1004 с. 195-203.
4. О машинном переводе. Руководство разработчика [Электронный ресурс] // URL: <https://yandex.ru/dev/translate/doc/dg/concepts/how-works-machine-translation.html> (дата обращения: 24.09.2023)
5. Что такое нейросети и как они работают [Электронный ресурс] // URL: <https://gneuro.ru/statial> (дата обращения: 25.09.2023)
6. Goodfellow, I., Bengio, Y., Courville A. Deep Learning. The MIT Press, 2016, p. 13.
7. Lokalise Как работает нейронный машинный перевод? [Электронный ресурс] // URL: <https://habr.com/ru/companies/lokalise/articles/334342/> (Дата обращения: 24.09.2023)
8. Poibeau, Thierry. Machine Translation. The MIT Press, 2017, p. 189.
9. PROMT Нейросетевой машинный перевод: революция на наших глазах [Электронный источник] // URL:

<https://www.promt.ru/technology/neural-machine-translation/#more>

(Дата

обращения: 25.09.2023)

10. Vauquois, B., Boitet, C., « Automated Translation at Grenoble University », dans Computational Linguistics vol. 11(1), 1985, p. 28-36

Сведения об авторе:

Новиков Артем Владимирович; аспирант, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302001, Российская Федерация, Орёл, ул. Комсомольская, д. 41; artemnovikov57@yandex.ru; +79192670199.

Novikov Artem Vladimirovich; postgraduate student; Orel State University named after I. S. Turgenev, Komsomolskaya st., 41, Orel, 302001, Russian Federation; artemnovikov57@yandex.ru; +79192670199.

УДК 347.78. 034

О приёмах перевода фразеологических единиц в художественном тексте

Татьяна Васильевна Новикова¹, Полина Игоревна Иванисчева²

¹ Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, доцент кафедры английской филологии института иностранных языков, кандидат филологических наук, Орел, Россия, anglfil@mail.ru

² Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, студентка 1 курса магистратуры института иностранных языков, Орел, Россия, polinaivanischeva@gmail.com

Аннотация: В статье обобщаются результаты сопоставительного анализа текста оригинала и трех текстов перевода с точки зрения использования приемов переводов фразеологических единиц. Отмечается, что на выбор приёма в большей степени влияет не время осуществления перевода, а личные предпочтения переводчика и контекст.

Ключевые слова: художественный текст, фразеологическая единица, сравнительно-сопоставительный анализ, приём перевода, контекст.

On handling set phrases in fiction

Tatyana V. Novikova¹, Polina I. Ivanishcheva²

¹ Orel State University named after I.S. Turgenev, associate professor, English Philology Department, Foreign Language Institute, PhD in Philology, Orel, Russia, anglfil@mail.ru

² Orel State University named after I.S. Turgenev, 1-th year graduate student, Foreign Language Institute, Orel, Russia, polinaivanischeva@gmail.com

Abstract: The article presents the results of comparative analysis of source text and three target texts in relation to the ways of handling set phrases. It points out that the choice of techniques is influenced not by the time of making the translation, but rather by personal preferences of the translator and by context.

Key words: fiction, set phrase, comparative analysis, translation techniques, context.

Цель настоящего исследования состояла в том, чтобы проследить, как меняется, и меняется ли в принципе, использование приёмов перевода фразеологических единиц в диахронии. Материалом для изучения послужил роман О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» [7] и три его перевода на русский язык (М. Ричардс/М. Ликиардопуло [8], М. Абкина [5], В. Чухно [6]), выполненные с разными промежутками времени: в начале (1909г.), середине (1960г.) и в конце (1999г.) XX века. Теоретическую базу исследования составили труды отечественных лингвистов В.В. Виноградова [1], А.В. Кунина [3] и переводоведов Т.А. Казаковой [2], О.В. Петровой [4]. В качестве основного метода исследования использовался сравнительно-сопоставительный анализ текста оригинала и текста перевода. Из текста оригинала методом сплошной выборки были извлечены 60 фразеологических единиц, статус которых проверялся и подтверждался их включением в словарь А.В. Кунина. В текстах переводов выявлялись соответствия этим единицам. Далее соответствия маркировались с точки зрения приема перевода цифрами: 1 – сохранение образа, 2 – частичное изменение образа, 3 – полное изменение / замена образа, 4 – опущение образа. Результаты проведенного исследования представлены в таблицах под номерами 1-6 (примеры на приёмы), в общей сводной таблице №7 и в секторной диаграмме.

Таблица № 1. Сохранение образа

Оригинал	Кунин А. В. (1984 г.)	М. Ричардс (1909 г.)	М. Абкина (1960 г.)	В. Чухно (1999 г.)	Комментарий
His principles were <u>out of date</u>	Устарелый, несовременный; отсталый, отставший от жизни: вышедший из моды, старомодный	Его принципы были слегка <u>старомодны</u>	Принципы его были <u>старомодны</u>	Его жизненные принципы давно <u>устарели</u>	1901-1960-1999-1

В этом примере видим, что переводчики М. Ричардс и М. Абкина используют прилагательное «старомодный» в краткой форме в качестве предикатива, в то время как В. Чухно применяет грамматическую замену в виде глагола «устаревать». Отметим также, что М. Ричардс и М. Абкина прибегают к добавлению наречия: слегка, давно.

Таблица № 2. Частичное изменение образа

Оригинал	Кунин А. В.	М. Ричардс	М. Абкина	В. Чухно	Комментарий
----------	-------------	------------	-----------	----------	-------------

	(1984 г.)	(1909 г.)	(1960 г.)	(1999 г.)	рий
crushing the man's head down on the table and stabbing <u>again and again.</u>	Снова и снова, то и дело	пригнув голову Бэзиля к столу, стал наносить удар за ударом.	прижав голову Бэзиля к столу, стал наносить удар за ударом.	прижав голову художника к столу, стал наносить удар за ударом.	1909 – 2 1960 – 2 1999 – 2

В данном примере все переводчики используют один и тот же вариант перевода, вычленив существительное «удар» из глагола to stab, что, с одной стороны, усиливает эмоциональную окраску всего предложения, а, с другой стороны, показывает универсальность лексической трансформации модуляции/семантического или лексического развития.

Таблица № 3. Полное изменение образа

Оригинал	Кунин А. В. (1984 г.)	М. Ричардс (1909 г.)	М. Абкина (1960 г.)	В. Чухно (1999 г.)	Коммента рий
I am <u>nothing of the kind</u>	Ничего подобного	Я знаю, что я не бессердечен	Я не такой	Я знаю, у меня есть чувства и есть душа	1909 – 3 1960 – 3 1999 – 3

В приведенном примере замена образа не мешает пониманию содержания всего предложения. Наоборот, замена усиливает эмоциональную окраску, а также конкретизирует смысл предыдущего предложения: "... but I am glad you don't think I am heartless." М. Абкина переводит этот отрывок следующим образом: ... но я рад, что вы меня не считаете бесчувственным. В. Чухно: ... но я рад, что вы не считаете меня бесчувственным. М. Ричардс: ... но я рад, что вы не считаете меня бессердечным. Следовательно, этот пример наглядно демонстрирует аксиому перевода: трансформируя отдельные единицы текста, переводчик не может не учитывать более широкий контекст, выходящий за пределы предложения.

Таблица № 4. Опущение образа

Оригинал	Кунин А. В. (1984 г.)	М. Ричардс (1909 г.)	М. Абкина (1960 г.)	В. Чухно (1999 г.)	Коммент арий
What are American <u>dry-goods</u> ?	Текстильные товары, галантерея	Что же это такое - американские <u>мануфактурные товары</u> ?	Что это еще за " <u>убогий</u> " <u>товар</u> ?	А что американцы подразумевают под <u>сухими товарами</u> ?	1909 – 4 1960 – 4 1999 – 4

Использование прилагательного «мануфактурный» М. Ричардсом, очевидно, указывает на высокую частотность этой единицы в 10-ые годы XX века. У М. Абкиной замена нейтрального *dry* на стилистически окрашенное «убогий» вкупе с синтаксическим преобразованием за счет введения разговорного элемента «что...за» приводит к излишней и неоправданной экспрессивности. У В. Чухно отмечаем формальную кальку, которая ни в коей мере не проясняет содержания исходной единицы и не является контекстно обусловленной.

Таблица № 5. Разные приемы

Оригинал	Кунин А. В. (1984 г.)	М. Ричардс (1909 г.)	М. Абкина (1960 г.)	В. Чухно (1999 г.)	К оммен тарий
I thought you must have some curious romance <u>on</u> <u>hand</u>	1) имеющийся в распоряже- нии, на руках, в наличии	Я так и думал, что у вас завёлся какой- нибудь удивитель- ный роман.	Я так и думал, что у вас какой- нибудь роман	Я, признаться, подозревал нечто в этом роде, но никак не ожидал, что вы влюбитесь до такой степени.	1909-2 1960-1 1999-4

В данном примере М.Ричардс использует частичную замену образа, преобразуя глагольное сочетание *have on hand* в стилистически маркированное сказуемое «завёлся», что усиливает эмоциональную окраску всего предложения. М. Абкина сохраняет исходный образ, опуская сказуемое, что также является успешным вариантом перевода. Опущение образа у В. Чухно полностью меняет предложение: добавляются языковые единицы, которых не было в оригинале, но которые логически выводятся из значения самого фразеологизма. Налицо ещё один случай модуляции.

Таблица № 6. Свободная интерпретация фразеологической единицы

Оригинал	Кунин А. В. (1984 г.)	М. Ричардс (1909 г.)	М. Абкина (1960 г.)	В. Чухно (1999 г.)	Коммента рий
<u>Take care</u> , Basil	Быть осторожным	Берегитесь, Бэзил!	Довольно, Бэзил!	Довольно, Бэзил!	1909 – 1 1960 – 4 1999 – 4

Данный пример показывает, что снятие образа в переводах М. Абкиной и В. Чухно, может привести к изменению содержания всего предложения.

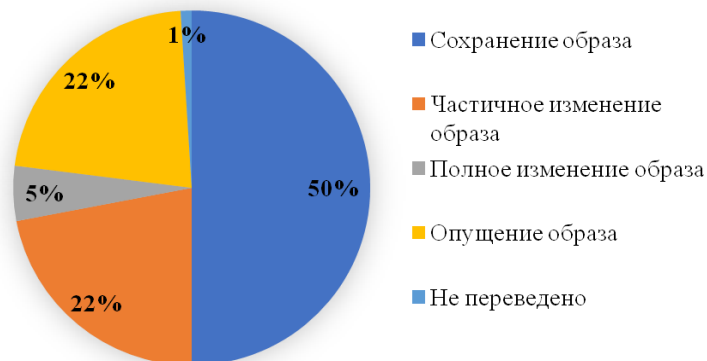
Таблица № 7.

Прием перевода	М. Ричардс		М. Абкина		В. Чухно	
	Абсолют. кол-во	% от общего	Абсолют. кол-во	% от общего	Абсолют. кол-во	% от общего

		числа		числа		числа
1	34	57	30	50	26	43
2	13	22	13	22	14	23
3	2	3	3	5	4	7
4	10	17	14	23	16	27
Не переведены	1	1	0	0	0	0
Всего	60	100	60	100	60	100

Данные таблицы показывают, что в 50% случаев семантика фразеологической единицы может быть практически идентично представлена на переводящем языке. Однако в остальных 50% случаев значение фразеологической единицы модифицируется, что обусловлено как объективными так и субъективными причинами. Это связано, прежде всего, с тем, что значение фразеологической единицы, в силу его комплексного характера, может быть передано не только эквивалентом, но и аналогом и вариантом. Следовательно, переводчик выбирает предпочтительный для него путь, ориентируясь исключительно на контекст и собственные предпочтения. Таким образом, мы не видим никаких указаний на то, что перевод изученной нами группы фразеологизмов обусловлен влиянием каких-либо временных рамок. Фразеологизм как лексико-семантический комплекс, представляя собой единство/спаянность/сгусток значимых компонентов, остаётся целостным и неразложимым и в переводе, как минимум на девяносто с лишним лет.

Приемы перевода

Настоящая диаграмма, демонстрируя ещё раз частотность употребления исследованных приёмов, даёт основания утверждать, что фразеологические единицы переводятся всеми тремя переводчиками практически без искажения значения, без утраты эмоциональной окраски, то есть все три перевода с точки

зрения сохранения фразеологического значения являются адекватными и эквивалентными.

Сравнительно-сопоставительный анализ текста оригинала и трех его переводов позволил нам еще раз убедиться в том, что для передачи значения фразеологической единицы все три переводчика успешно применяют приемы, разработанные и описанные в переводоведческой литературе. Более того, проведенный нами анализ позволяет ещё раз акцентировать хорошо известное положение транслатологии о том, что перевод по сути своей является комплексной процедурой. Дальнейшее исследование в обозначенном нами направлении целесообразно провести на примере перевода пословиц и поговорок, где образность единицы представлена наиболее ярко и чётко.

Список литературы

1. Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Избранные труды. Лексикология и лексикография / В.В. Виноградов; отв. ред. В.Г. Костомаров. – М.: 1977. – 361с.

2. Казакова Т.А. Практические основы перевода. English- Russian. Учебное пособие.- СПб.: Издательство «Союз», 2006. – 320с.

3. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь / А.В. Кунин; лит. ред. М.Д. Литвинова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус.яз., 1984. – 944 с.

4. Петрова О.В. Введение в теорию и практику перевода (на материале английского языка) / О.В. Петрова. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 96 с.

5. Уайльд О. Портрет Дориана Грея [пер. с англ. В. В. Чухно]. — Москва : Издательство «Э», 2017 – 352 с.

6. Уайльд О. Портрет Дориана Грея [пер. с англ. М. Абкиной]. – Москва : Эксмо, 2019. – 320 с.

Интернет-ресурсы:

7. The Picture of Dorian Gray. Перевод Михаила Ликиардопуло (1909) URL: file:///C:/Users/malin/Downloads/uajlxd_o-text_1890_the_picture_of_dorian_gray.pdf

8. The Picture of Dorian Gray by Oscar Wilde URL: <https://www.gutenberg.org/files/174/174-h/174-h.htm>

Сведения об авторах:

Новикова Татьяна Васильевна; кандидат филологических наук, доцент, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; anglfil@mail.ru; +79208017285

Novikova Tatyana Vasilievna; PhD in Philology, associate professor, English Philology Department, Orel State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Orel, 302028, Russian Federation; anglfil@mail.ru; +79208017285.

Иванищева Полина Игоревна; студентка 1 курса магистратуры института

иностранных языков, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; polinaivanischeva@gmail.com; +79996025272

Ivanishcheva Polina Igorevna; 1th year graduate student, Foreign Language Institute, Oryol State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302028, Russian Federation; polinaivanischeva@gmail.com; +79996025272

УДК [81:39]+81'373

Вариативность способов лингвокультурной адаптации национально-культурного компонента в иноязычном тексте (на материале перевода фразеологизмов)

Елена Михайловна Цуканова

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, доцент кафедры немецкого языка института иностранных языков, кандидат филологических наук, Орел, Россия, tsukanova68@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме, направленной на описание способов лингвокультурной адаптации при переводе языковых единиц, в значении которых представлен национально-этнический компонент. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью описания оптимальных вариантов для успешной межкультурной коммуникации через текст перевода, цель которых: не только уменьшить затруднение восприятия информации, отражающей специфику национальной культуры у представителей другой культуры, но и дополнить образ мира инокультурного реципиента, помогая ему проникнуть в другую культуру и понять инокультурный текст. Обосновано, что эффективность отражения уникальности значения при переводе фразеологизмов, имеющих в своей семантике лингвокультурный компонент, зависит от выбора тех или иных способов лингвокультурной адаптации.

Ключевые слова: лингвокультурная адаптация, фразеологизм, национально-культурный компонент, способы лингвокультурной адаптации

The variability of linguocultural adaptation ways for the national-cultural component in a foreign language text (on the material of translating phraseological units)

Yelena M. Tsukanova

Oryol State University named after I.S. Turgenev, associate professor of the Department of the German language, Foreign Language Institute, candidate of Philology, Oryol, Russia, tsukanova68@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the actual problem of describing the ways of linguocultural adaptation in the translation of linguistic units with a national-ethnic component in their meaning. The relevance of this study is due to the need to describe the best options for successful intercultural communication through the translation text, the purpose of which is not only to reduce the difficulty of information perception reflecting the specificity of national culture in representatives of another culture, but also to complement the image of the world of the foreign cultural recipient, helping him to penetrate into another culture and understand the foreign cultural text. It is argued that the effectiveness of reflecting the uniqueness of meaning in the translation of phraseological units containing a linguistic and cultural component in their semantics depends on the choice of specific methods of linguocultural adaptation.

Key words: linguocultural adaptation, phraseologism, linguocultural component, methods of linguocultural adaptation

Осознание комплексного подхода к анализу языковых единиц с учетом культуры как системы знаков, концентрирующих в себе необходимую для того или иного лингвокультурного сообщества информацию и служащих средством ее получения, неоспоримо. Опыт человеческого общения, реализующийся в языке, бесспорно, отражает культурную составляющую общей картины мира. На представление единиц языка и культуры в их взаимодействии наиболее продуктивно «работает» при их анализе лингвокультурологический подход, максимально эксплицируя национально-этнический компонент. Речь идет о языковых единицах, наполненных «специфическим» в отличие от других языков культурным своеобразием и выступающих источником информации о национальной культуре. Такая уникальность, как важнейшее свойство ценностной картины мира, образующей суть этнической картины мира, может служить определенным сознательным барьером, при помощи которого можно отличить носителей различных лингвокультур друг от друга.

Фразеологический состав языка – это наиболее специфическая часть лексикона определенного языка. Он отражает культурно-исторический опыт народа, особенности исторических законов развития данного языка, постоянно пополняется новыми единицами. Фразеологизмам, как правило, присуща экспрессивная окраска, которая несет сведения о носителях языка, их ценностях, образе жизни, привычках и т.д. Перевод фразеологизмов является достаточно проблематичным для любого переводчика, поэтому концепция перевода как «замена знаков одного языка на другой» не является правильной. В процессе перевода фразеологизмов переводчик встречается с рядом проблем: это и специфичность семантики языковых ресурсов, и несовпадение «картин

мира», создаваемых языками для отражения внеязыковой реальности, и реалии, описываемые в переводимых текстах. Каждая из этих проблем требует особого подхода к решению. В процессе перевода языковых единиц, включающих национально-этнический компонент, неизбежно утрачивается пласт заключенной в них информации, или так называемых культурных подтекстов. Это происходит в связи с тем, что «одна культура не может быть полностью трансформирована в другую даже при полной адекватности текстов с точки зрения языка» [3].

Стратегии лингвокультурной адаптации проявляются в семантическом схождении/расхождении текстов оригинала и перевода, а также в сохранении или преобразовании синтаксического строя исходных структур в тексте перевода. Таким образом, под вариативностью лингвокультурной адаптации мы понимаем различные языковые средства (фразеологические и нефразеологические), используемые для репрезентации разных типов эквивалентов или соответствий, ориентированных в большей степени на лингвокультуру оригинала и / или на лингвокультуру перевода, зависящих от того, какую цель ставит перед собой переводчик. В любом случае текст перевода будет содержать черты двух культур и двух языков.

Показателен в последнем случае перевод фразеологизма из романа И.С. Тургенева «Отцы и дети»:

«Знаешь поговорку: «Русский мужик бога слопаёт»» [7].

В переводе А. Панкова он звучит так:

«Du kennst das Sprüchlein: “Der russische Bauer ist dumm, aber er verschlingt den lieben Gott auf einmal“ [12].

В данном фразеологизме идет прямая отсылка к русской культуре. В словарях значение данного фразеологизма объясняется так: «Русский мужик способен любого перехитрить, обмануть, одурачить».

Переводчик применяет дословный способ перевода на немецкий язык, ориентируясь как на лингвокультуру оригинала, так и на немецкоязычного читателя, пытаясь расширить его знания о русской культуре, характеризуя одного из главных ее представителей, русского мужика так: «хотя и глуп, но хитер», пытаясь, однако, сохранить сходство образов.

В сказке братьев Grimm «Храбрый портняжка» встречается фразеологизм „Dem Ding will ich einen Riegel vorschieben“ [8].

При переводе на русский язык переводчиком П.Н. Полевым было принято решение отказаться от дословной передачи фразеологизма:

«Ну, я с ним сумею управиться!» [2],

поскольку в русской культуре у крестьян не было принято закрывать дверь на засовы, ввиду их отсутствия, потому что русский народ был беден, и брать у него в доме было нечего. Образ, на котором был основан фразеологизм «справиться (в значении «открыть») с задвижкой, засовом» был заменен на частичный эквивалент при помощи соответствующей по значению и окраске лексической единицы «управиться» в значении «справляться», что в одной стороны, соответствует стилю немецкой сказки, с другой – понятно русскоязычному читателю.

Пример адаптации под лингвокультуру перевода можно наблюдать при переводе фразеологизма «из Савла стать Павлом» из романа И. Нолль «Аптекарьша»:

„Levin gähnte. „Schatz, wie du vielleicht schon gemerkt hast, ist der Saulus zum Paulus geworden...““ [9, с. 83],

означающего «из противника каких-либо взглядов превратиться в их яркого защитника; отсюда также: переродиться, стать другим человеком» [1, с. 476].

Переводчик Г. Шевченко использует фразеологический аналог «стать кротким агнцем», означающий «стать другим человеком»:

«Левин зевнул. – Дорогая, как ты верно заметила, он стал кротким агнцем» [4, с. 92].

В данном контексте также используется стратегия ориентации на лингвокультуру перевода, на современного русскоязычного читателя (перевод осуществлён Г. Шевченко в 2001г.). Наличие в составе фразеологизма библейских имен собственных, видимо, хорошо знакомых массовому немецкоязычному читателю, могло бы вызвать трудности трактовки данного фразеологизма у широкого русскоязычного читателя. Скорее всего, потому, что данная фразеологическая единица широко распространена и является составляющей литературно-разговорного варианта немецкого языка, а в русском языке данный вариант – устаревшее выражение, неизвестное широким слоям населения и практически исчезнувшее из литературно-разговорного языка. Видимо, учитывая этот факт, переводчик принимает решение использовать приём модуляции: он истолковывает значение фразеологизма в русском переводе путем смыслового развития в контексте, что явно способствует устранению межкультурного барьера у русскоязычного читателя при чтении данного романа.

Фразеологизм в контексте из романа И. С. Тургенева «Дворянское гнездо»:

«– А ты теперь, мой батюшка, на ком угодно зубки точи, хоть на мне; я уйду, мешать не буду» [5] в переводе П. Фукса выглядит так:

„– Und du, mein Junge, kannst nun herziehen, über wen du willst, von mir aus auch über mich, denn ich gehe jetzt und störe euch nicht länger“ [10].

Данный фразеологизм имеет давнюю историю: во время охоты на дичь ставились капканы, зубцы капкана затачивали очень остро, чтобы зверь не мог вырваться. Поэтому в ситуациях, когда на кого-то готовили нападение, собирались мстить за что-либо или просто говорили что-либо неприятное, обидное, употребляли фразеологическую единицу "точить зубы".

Переводчик использовал такой вариант лингвокультурной адаптации, который основан на значении данного фразеологизма, воспользовавшись описательным способом перевода и переведя русскую фразеологическую единицу с помощью "herziehen über jmd.", что буквально означает "говорить плохо о ком-то, наговаривать". Это лишь в самом общем смысле соответствует смыслу и контексту, но уже не является фразеологизмом и эмоциональная окраска фразеологизма при переводе теряется.

Перевод А.С. Элиасбергом фразеологизмов в следующем контексте из сборника рассказов И.С. Тургенева «Записки охотника»:

«Благодаря исключительности своего положения, своей фактической независимости, Хорь говорил со мной о многом, чего из другого рычага не выворотить, как выражаются мужики, жерновом не вымелешь» [6]

выглядит таким образом:

„Infolge seiner besonderen Stellung und seiner faktischen Unabhängigkeit sprach Chorj mit mir über vieles, was man aus einem anderen – wie sich die Bauern noch ausdrücken – mit keinem Hebel herausbringen oder mit keinem Mühlstein herausmahlen könnte“ [11].

Выбор такого способа как калькирование, то есть дословный перевод фразеологизма с русского на немецкий язык, объясняется, на наш взгляд тем, что в переводчик предпочел максимально «подстроиться» под лингвокультуру оригинала, потеряв при этом и идиоматичность, и культурную специфику данного фразеологизма, в какой-то степени лишив немецкоязычного читателя яркости красок в создании образа русского человека: наряду с открытостью своего характера, присущей, например, главному герою произведения Хорю, есть и те, кто является довольно скрытным, избегающим откровенности в разговоре.

А в контексте из романа И. Нолль «Аптекарьша» мы наблюдаем прямую отсылку к третьей культуре:

„– Nicht die feine englische Art.“ [9, с.141]

«– На уход по-английски это, пожалуй, не похоже» [4, с. 153].

Прямого соответствия данный фразеологизм в русском языке не имеет, поэтому переводчик Г. Шевченко использовал фразеологический аналог, означающий «уйти незаметно, не попрощавшись, поступив не совсем вежливо». В данном случае выбор варианта перевода ориентирован как на лингвокультуру оригинала, так и на лингвокультуру перевода. Интересен тот факт, что в английском языке существует фразеологизм, имеющий идентичное значение, но пренебрежительно характеризующий в этом ключе соседей - французов: «take French leave».

Таким образом, одним из важнейших факторов, требующих особого внимания при переводе фразеологизмов, является их культурная коннотация. Многие фразеологические единицы глубоко укоренились в своей культуре, истории и литературе и могут не иметь прямого эквивалента или аналога в другом языке. Переводчики должны учесть этнокультурные нюансы и пытаться максимально доступно донести их до целевой аудитории, не утратив первоначального значения оригинала.

При выборе переводческих стратегий перевода культурно-этнических компонентов, входящих в состав фразеологизмов, и реализуется лингвокультурная адаптация текста. Адаптация, ориентированная только на лингвокультуру оригинала позволяет сохранить большую часть специфических проявлений культуры народа в языке, однако, требует большого количества пояснений, реализуемых в виде сносок или развернутых определений в самом тексте, что может нарушить нормы принимающего языка, а главное –

осложнить восприятие переводимого текста. В случае, если переводчик делает упор на приближение текста к культуре языка перевода, он рискует потерять все отличительные черты текста оригинала, превращая творчество других народов в произведение другой культуры, что также не всегда является целесообразным. Решением данной проблемы является, на наш взгляд, поиск так называемой «золотой середины», представляющей в своей сущности компромисс между формой и смыслом.

Список литературы

1. Бинович Л.Э. Немецко-русский фразеологический словарь. – Москва: «Русский язык», 1975. – 656 с.
2. Братья Гримм «Храбрый портняжка» (перевод под ред. П.Н. Полевого 1983 г.). URL: http://az.lib.ru/g/grimm/text_0200.shtml
3. Войнич И.В. Стратегии лингвокультурной адаптации художественного текста при переводе: Дисс. ... кандидата филологических наук 10.02.19 – теория языка. Пермь, 2010/ URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_004727050?page=10&rotate=0&theme=white
4. Нолль И. Аптекарьша. – Москва: «Иностранка», 2002. – 272 с.
5. Тургенев И.С. «Дворянское гнездо». URL: https://www.100bestbooks.ru/files/Turgenev_Dvoryanskoe_gnezdo.pdf
6. Тургенев И.С. Записки охотника. URL: <https://www.litres.ru/book/ivan-turgenev/zapiski-ohotnika-171981/chitat-onlayn>
7. Тургенев И.С. «Отцы и дети». URL: https://www.100bestbooks.ru/files/Turgenev_Otcy_i_deti.pdf
8. Brüder Grimm. Das tapfere Schneidelein. URL: <http://maerchen-welt.eu>
9. Ingrid Noll. Die Apothekerin. – Zürich: Diogenes, 1996. – 248 S.
10. Turgenew I.S. Ein Adelsnest. URL: https://sharlib.com/read_735405-1
11. Turgenew I.S. Aufzeichnungen eines Jägers. URL: <https://originalbook.ru/aufzeichnungen-eines-jagers-i-turgenew-deutsch/?highlight=Aufzeichnungen%20eines%20jägers>
12. Turgenew I.S. Väter und Söhne. URL: https://sharlib.com/read_821979-1

Сведения об авторе

Цуканова Елена Михайловна, доцент кафедры немецкого языка института иностранных языков, кандидат филологических наук, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; tsukanova68@mail.ru, +79038824048.

Tsukanova Yelena Mikhailovna, associate professor of the Department of the German language, Foreign Language Institute, candidate of Philology, Oryol State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302028, Russian Federation, tsukanova68@mail.ru, +79038824048.

СЕКЦИЯ 4: ДИСКУРС И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ

УДК 811. 161. 1' 367

Структурно-семантические особенности сравнительных конструкций в поэзии И.А. Бродского

Тамара Григорьевна Ефимова

Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, доцент кафедры русского языка Института филологии, кандидат филологических наук, Орёл, Россия, efimovat4m@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются структурно-семантические особенности, используемые И. А. Бродским. Дается определение сравнения, указывается, из чего оно состоит, что способствует функционированию сравнительных единиц, а также отмечается, какие сравнительные союзы употребляет поэт в своих стихотворениях.

Ключевые слова: сравнение, сравнительная конструкция, объект сравнения, средство сравнения, сравнительные союзы.

Structural and Semantic Peculiarities of Comparative Constructions in I. Brodsky's Poetry

Tamara G. Efimova

Orel State University named after I. S. Turgenev, Assistant Professor, Institute of Philology, Candidate of Philology, Orel, Russia, efimovat4m@yandex.ru

Abstract. The article discusses structural and semantic peculiarities of comparative constructions used by I. Brodsky. It gives the definition of comparison, points out its components and means of facilitating comparative units functioning. It also records the conjunctions I. Brodsky uses in His verses.

Key Words: comparison, comparative construction, object of comparison, means of comparison, comparative conjunctions.

Русский литературный язык располагает большим запасом образных средств выражения, к которым относятся сравнения.

Сравнение занимает одно из центральных мест среди изобразительных средств русского языка. Сравнение как языковая единица представляет собой сопоставление двух предметов, которые имеют общий признак, с целью выяснения их сходства или различия, а также установления изменения интенсивности признака предмета и степени этого изменения.

К.С.Горбачевич отмечает, что «сравнение обычно состоит из двух частей: объекта сравнения и средства сравнения»[Горбачевич 2004, с.5]. Например: *И небо* (объект сравнения), *точно бирюза* (средство сравнения) (Гумилёв).

Объекты и средства сравнений соединяются чаще всего сравнительными союзами: *как, будто, точно, словно* и др.[Горбачевич 2004, с.5]. Разнообразие сравнительных союзов обусловлено тем, что сравнение включает в себе множество оттенков: собственно сравнение, сопоставление, предположение, желательность и т. д. Наряду со своей основной функцией, союзы участвуют в выражении различных модальных отношений.

Сравнительные союзы можно разделить на две группы: союзы реальной модальности (*как*) и ирреальной модальности (*будто, как будто, словно, точно*). Сравнительные союзы реальной модальности выражают уподобление предметов, действий, качеств, состояний, основанных на реальных фактах. Например: *Ничто так не волнует в природе, как весенний и осенний перелёт диких гусей* (Пришвин). Союзы ирреальной модальности выражают кажущееся, нереальное сходство. Например: *И вся земля во мне кипит, как сердце, И сердце стонет, будто вся земля* (Тычина).

Функционированию сравнительных единиц способствуют некоторые внешние и внутренние условия. Внешние условия: 1) включение языкового элемента в синтаксическую структуру, которая отражает процесс сопоставления двух предметов, признаков, действий с целью выяснения их сходства или различия; 2) образование грамматической формы (степени сравнения имён прилагательных и наречий) или в совокупности с единицами других, чаще служебных, частей речи (предложно-падежные сочетания имени существительного); 3) присоединение к лексеме различных словообразовательных элементов, придающих ей сравнительное значение.

Внутренние условия: лексический уровень выражения сравнения. Это совокупность единиц различных частей речи, внутреннее содержание которых указывает на сравнение. К лексическому уровню относятся слова, способные выражать значение сравнения в силу своей семантики: *лучший, выдающийся, сравнить, сопоставить* и т. п.

Сравнительные конструкции широко представлены в стихотворениях И. А. Бродского. У поэта объект сравнения выражен разными частями речи: 1)именем существительным (конкретным и абстрактным). Например: *Ночной фонарик нелюдимый, на розу жёлтую похожий...*(«Рождественский романс»); *Хорей спят, как стражи, слева, справа* («Большая элегия Джону Донну»);

2)местоимением. Например: *Он чёрен был, как ночь, как пустота* («Прачечный мост»); *Ты, столь подобный мне, что это лестно мне...*(«Шторм»);

3)субстантивированным прилагательным. Например: *...Прохожий с мятым лицом, сравним во тьме со снятым с безымянного пальца кольцом* («Лагуна»);

4)глаголом. Например: *За сегодняшним днём стоит неподвижно завтра, как сказуемое за подлежащим* («К Евгению»); *...да лежитя тебе, как в большом оренбургском платке, В нашей бурой земле...* («На смерть друга»).

Чаще всего И. А. Бродский для выражения объекта сравнения использует имя существительное и местоимение, реже у поэта функционируют субстантивированные прилагательные и глаголы. Имя существительное и местоимение в качестве средств выражения объектов сравнения используются в стихотворениях для создания образа лирического героя, характеристики его внутреннего мира, глаголы же описывают действия самого лирического героя или действия, связанные с лирическим героем.

В качестве средств выражения сравнения в стихотворениях поэта используются именные части речи (имена существительные и имена прилагательные) и глагольные формы. Например: *Здесь я одна скорблю в небесной выси о том, что создала своим трудом тяжёлые, как цепи, чувства, мысли* («Большая элегия Джону Донну»); *...и потому диван в углу сверкал коричневою кожей, словно жёлтой* («Похороны Бобо»);

Основанием сравнения является признак, который определяется у обоих рассматриваемых предметов и на базе которого производится их сопоставление, выявляется то общее, что присуще обоим предметам или превосходство одного над другим. Для этого используется имя прилагательное. В стихотворениях И. А. Бродского наиболее употребительны имена прилагательные в краткой форме. Например: *Так тонок голос! Тонок, впрямь игла; Подобье птиц, душа его чиста...* («Большая элегия Джону Донну»).

Довольно часто в своих стихотворениях поэт использует имя существительное в творительном падеже (так называемый творительный сравнения). Например: *Всё крепко спит. В объятьях крепкой тьмы, а гончие уж мчат с небес толпою* («Большая элегия Джону Донну»); *И улыбка скользнет, точно тень грача по шерботой изгороди, пышный куст шивовника сдерживая, но крича жимолостью, не разжимая уст* («Часть речи»). Творительный сравнения употребляется лишь при глаголах с определённым значением (движения, перемещения в пространстве, глаголах речи), выполняет роль формального показателя сравнительных отношений.

В поэзии И. А. Бродского встречаются сравнительные конструкции с союзами *как, что, чем, точно, словно* в простом предложении. Например: *И каждый стих с другим, как близкий брат...* («Большая элегия Джону Донну»); *Луна всплывает, вписываясь в тёмный квадрат окна, что твой Экклизиаст* («Торс»); *... и оба в бронзе счастливее, чем во сне...* («Торс»); *И пространство пятилось, точно рак, Пропуская время вперёд* («Колыбельная трескового мыса»); *Шпиль с крестом безучастно Чернеет, словно бутылка, забытая на столе* («Жолыбельная трескового мыса»). Чаще всего у поэта в сравнительных конструкциях используются союзы *как* и *точно*.

В стихотворениях поэта сравнение также выражается лексически, с помощью слов *сравнить (сравнение), похожий, подобный (подобие), уподобляться* и т. п. Например: *В сравнение с штормом сим любая смерть – понос...* («Шторм»); *Ночной фонарик нелюдимый, на розу жёлтую похожий* («Рождественский романс»); *Ты, столь подобный мне, что это лестно мне...* («Прачечный мост»); *На прачечном мосту, где мы с тобой уподоблялись стрелкам циферблата* («Прачечный мост»).

Для выражения сравнения И. А. Бродский использует формы степеней сравнения прилагательных и наречий. Например: *Он (глаз коричневый) и зорче, он и нежней, чем синий* («Римские элегии»); *В деревянном городе крепче стихь* («Часть речи»).

Менее употребительны у поэта сравнительные конструкции, представленные сложноподчинёнными предложениями с придаточными сравнительными. Например: *Ибо там, наверху, тепло обжигает пространство, как здесь, внизу, обжигает чёрной оградой руку без перчатки* («Осенний крик ястреба»); *Твой Новый год по тёмно-синей волне средь моря городского плывёт в тоске необъяснимой, как будто жизнь начнётся снова* («Рождественский романс»).

Фонари загораются, точно глаза актриса окаймляет лиловой краской для красоты и жути («С натурь»).

В поэзии И. А. Бродского чаще всего один предмет сравнивается с другим. Например: *Под фонарём ваша тень, как дрогнувший карбонарий, отшатывается от вас и выдыхает пар* («Венецианские строфы»); сравниваются действия одного и того же предмета в разное время или в разных обстоятельствах, а также действия разных предметов. Например: *Вдалеке дребезжит трамвай, как во время оно* («Аделаида, Аделаида»); *И будильник тикает в тишине, Точно дом через десять минут взорвётся* («Элегия»); сравниваются ситуации. Например: *И внезапно в трубке завывло, загремело, захлопало, точно ставень бился о стенку, готовый сорваться с петель* («Памяти отца: Австралия»), а также сравнивается предмет с ситуацией. Например: *Рим, человек, бумага, хвост дописанной буквы – точно мелькнула крыса*.

Таким образом, в стихотворениях И. А. Бродского распространены сравнительные конструкции с союзами *как* (71,2%), *точно* (7,2%), *словно* (4,2%), *что* (1,9%), с остальными сравнительными союзами они представлены единичными примерами. Ценность сравнения заключается в том, что сближение разных предметов, свойств, явлений помогает раскрыть в объекте сравнения, кроме основного признака, ряд дополнительных, что обогащает художественное впечатление. Сравнения используются поэтом с целью создания более ярких, выразительных образов, выделения, подчёркивания тех или иных существенных признаков изображаемых предметов, явлений, а также для выражения авторской оценки.

Список литературы

1. Горбачевич К. С. Словарь сравнений и сравнительных оборотов в русском языке. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 285 с.

Сведения об авторе:

Ефимова Тамара Григорьевна; кандидат филологических наук, доцент, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, 302042,

Российская Федерация, Орёл, ул. Планерная, д. 67, кв. 46;
efimovat4m@yandex.ru; 89102063105.

Efimova Tamara Grigorievna; Candidate of Philology, Assistant Professor, Orel State University named after I. S. Turgenev, Planernaya Str., 67, Fl. 46, Orel, 302042, the Russian Federation; efimovat4m@yandex.ru; 89102063105.

УДК 81'25

Из опыта перевода на венгерский язык книги митрополита Илариона (Алфеева) «Иисус Христос. Биография»

Ирина Евгеньевна Зимони-Калинина

Член Международной Ассоциации паремиологов (AIP-IAP), Будапешт,
Венгрия, irina_zimonyi@hotmail.com

Аннотация. В данной статье мы делимся опытом и проблематикой перевода на венгерский язык научно-популярной православной литературы, а именно, книги митрополита Илариона (Алфеева) «Иисус Христос. Биография». Перевод православной литературы – особый вид переводческого труда, требующий определённых богословских и богослужбных знаний, а также владения православной лексикой как на языке оригинала, так и на языке перевода. Особое внимание в статье уделяется работе с венгерскими переводами Священного Писания.

Ключевые слова: венгерский язык, Иисус Христос, митрополит Иларион, перевод, православие

On the Experience of Translating into Hungarian the Book of Metropolitan Hilarion (Alfeyev) “Jesus Christ. Biography”

Irina Zimonyi-Kalinyina

Member of the International Association of Paremiology (AIP-IAP), Budapest,
Hungary, irina_zimonyi@hotmail.com

Abstract. In this article we share the experience and challenges of translating into Hungarian popular scientific Orthodox literature, namely the book of Metropolitan Hilarion (Alfeyev) „Jesus Christ. Biography”. Translation of Orthodox literature is a special kind of translation work that requires certain theological and liturgical knowledge, as well as knowledge of Orthodox vocabulary both in the original language and in the target language. Special attention in the article is paid to the work with the Hungarian translations of the Holy Scriptures.

Keywords: Hungarian, Jesus Christ, Metropolitan Hilarion, Orthodoxy, translation.

Вступление

В данной статье на примере перевода на венгерский язык книги митрополита Илариона (Алфеева) «Иисус Христос. Биография» [Митрополит Иларион (Алфеев) 2019] – Hilarion Alfejev „Jézus Krisztus. Életút” [Hilarion Alfejev 2022] мы делимся опытом и проблематикой перевода научно-популярной православной литературы. Однотомник, вышедший в России в серии «Жизнь замечательных людей», является сокращённым вариантом шеститомного издания «Иисус Христос. Жизнь и учение» [митрополит Иларион (Алфеев) 2016-2017] и предназначен для широкого круга читателей. Митрополит Иларион с 2003 по 2009 год был временным управляющим Венгерской Епархии Русской Православной Церкви, а в 2022 году был назначен правящим архиереем Будапештской и Венгерской епархии РПЦ. В Будапеште на венгерском языке было издано несколько книг митрополита, переведённых и/или отредактированных нами, в отдельных случаях в соавторстве: „Az imádságról. О молитве” [Hilarion metropolita 2017] (двуязычное издание), „Katekizmus” /букв. Катехизис/ [Hilarion Volokolámszki metropolita 2019], „A hit titka” /букв. Тайнство веры/ [Hilarion Alfejev 2019] (третье издание на венгерском языке).

Объём однотомника как на русском, так и на венгерском языке составляет порядка 600 страниц (630 на русском, 577 на венгерском). С точки зрения переводческой задачи текст можно разделить на следующие категории: авторский текст, цитаты из книг других авторов, цитаты из Священного Писания – Ветхого и Нового Завета. Рамки данной статьи не позволяют нам привести все моменты работы над переводом, ограничимся лишь некоторыми характерными примерами.

Подчеркнём, что для перевода мы не использовали лингвистического робота, однако время от времени, когда недоставало творческого вдохновения, пользовались сервисом Google Translate. Опыт показывает, что активный словарный запас переводчика ограничен, а Google, хотя нередко выдаёт неприемлемые варианты перевода, иногда предлагает интересные синонимы из области пассивного запаса слов переводчика.

Работа над переводом *Перевод авторского текста*

Уже само заглавие книги – «Иисус Христос. Биография» – в переводе на венгерский язык потребовало особого согласования с издательством. Предложенный нами однозначный перевод слова «биография» /букв. életrajz/, по-видимому, показался издательству недостаточно возвышенным, поэтому ими был предложен вариант „Élete és tanítása” /букв. жизнь и учение/, который, в свою очередь, не был принят переводчиком. В результате мы остановились на предложенном издательством третьем варианте „Életút” /букв. жизненный путь/.

Главная задача переводчика – точная передача содержания текста и максимальное сохранение стиля повествования. В интересах этого иногда приходится отходить от общепринятых правил переводческой практики. В

контексте данной книги было важно донести до венгерского читателя смысл названия упомянутой в тексте советской газеты «Безбожник», и, хотя названия газет и журналов принято передавать фонетической транскрипцией, издательство согласилось с предложением переводчика, и название газеты было напечатано с дословным переводом: *Bezbozsnnyik* („Istentelen”) [Hilarion Alfejev 2022, с. 7].

Дополнительных исследований потребовало изучение принятой на венгерском языке орфографии упомянутых в тексте исторических личностей и авторов, заглавий их произведений, а также географических названий, как широко-, так и малоизвестных. Например: «После смерти Ирода в 4 году до Р. Х. император Октавиан Август разделил власть между сыновьями Ирода: Архелай получил в управление Иудею, Идумею и Самарию; Ирод Антипа — Галилею и Перее; Филипп — ряд других областей; часть земель отошла к сестре Ирода Саломее» [митрополит Иларион (Алфеев) 2019, с. 29] „Heródes halála után Kr. e. 4-ben Augustus császár felosztotta a hatalmat Heródes fiai között: Arkhelaosz megkapta Júdeát, Idumeát és Szamáriát; Heródes Antipász – Galileát és Pereát; Fülöp – egy sor más területet; a földek egy része Heródes lánytestvéréhez, Saloméhoz került” [Hilarion Alfejev 2022, с. 27].

Крайняя мера, к которой прибегает переводчик, когда нет возможности выразить на языке перевода текст оригинала, это сноски «примечание переводчика». Такой случай в данном переводе встречается всего лишь один раз. «В ... 1929 году была введена пятидневная рабочая неделя, которую затем заменили на шестидневную: идея заключалась в том, чтобы отказаться от традиционного семидневного цикла, в котором главным выходным днем оказывалось **воскресенье**, а заодно отказаться и от самого названия этого дня, привязанного к событию **воскресения** Иисуса Христа.» [митрополит Иларион (Алфеев) 2019 с. 7]. „... az 1929-es évben ötnapos munkahetet vezettek be, amelyet később hatnaposra változtattak: az volt az ötlet, hogy eltöröljék a hagyományos hétnapos ciklust, melyben a fő pihenőnap **vasárnapra** esett, és egyúttal eltöröljék magának a napnak az elnevezését is, mely tükrözi Jézus Krisztus **feltámadásának** tényét.” [Hilarion Alfejev 2022, с. 7]. Выделенные жирным шрифтом существительные в русском тексте (в начальное форме) – «воскресенье» и «воскресение», а в венгерском – „vasárnap” и „feltámadás”. В буквальном переводе слово „vasárnap” означает «базарный день», поэтому в сноске нами был дан дословный перевод дня недели «воскресенье» – «день воскресения».

Перевод цитат из произведений других авторов

В книге немало цитат из произведений различных авторов. Чаще всего – 16 раз – цитируется древнееврейский историк Иосиф Флавий (ок. 37 – ок. 100), есть цитаты из произведений Иоанна Златоуста (ок. 347 – 407), Блаженного Августина (354 – 430) и т. д. При переводе таких цитат мы не прибегали к поиску уже существующих венгерских переводов, а создавали собственный вариант перевода. Мы стремились к тому, чтобы архаичные слова оригинала получили отражение и в венгерском переводе.

«Он (*Иосиф Флавий*) рассказывает о том, как Пилат решил «для надругания над иудейскими обычаями внести в город изображения императора на древках знамен», несмотря на то, что закон Моисеев запрещает всякие изображения. Узнав об этом, народ отправился в Кесарию и в течение нескольких дней умолял его не делать этого. На шестой день он «приказал своим воинам тайно вооружиться, поместил их в засаде в здании **ристалища**, а сам взшел на возвышение, там же сооруженное.» [митрополит Иларион (Алфеев) 2019, с. 545]. „Josephus Flavius...Arról mesél, hogy Pilátus úgy döntött, hogy „a zsidó szokások meggyalázása érdekében behozza a városba a zászlórudakon a császár képeit” annak ellenére, hogy Mózes törvénye tilt minden ábrázolást. Amikor ezt megtudták, az emberek Cézáréába mentek, és több napig könyörögtek, hogy ne tegye ezt. A hatodik napon „megparancsolta katonáinak, hogy titokban felfegyverkezzék magukat, lesbe helyezte őket a **bajvivótér** épületében, ő maga pedig felment az ott felállított emelvényre.” [Hilarion Alfejev 2022, с. 483].

В качестве подтверждения стилистической окраски перевода слова «ристалище» словом „bajvivótér” приводим пример из современной прессы: „A játszópark a királyi palota és a Duna közötti részen épül. „Természetesen folytattunk feltárást a területen és kiderült, hogy itt volt a 15. században a bajvivótér” – tájékoztatót Buzás Gergely, a múzeum régésze.” /букв. Детская площадка строится на участке между королевским дворцом и Дунаем. «Естественно, мы произвели на этой территории раскопки, и выяснилось, что в XV веке здесь находилось ристалище» - сообщил Гергей Бузаш, археолог музея/ [https://ng.24.hu/kultura/2010/04/26/jatszopark_epul_a_bajvivoter_helyen].

Перевод библейских текстов

Перевод библейских текстов нельзя назвать переводом в полном смысле этого слова, так как теоретически следует «просто» подобрать соответствующие цитаты на иностранном языке. Однако, если в русской православной церкви используется один, синодальный перевод Библии, то венгерских переводов существует несколько, и сделаны они были в разные периоды истории. Как правило, в венгерских православных приходах цитаты из Ветхого Завета приводятся в переводе товарищества Святого Иштвана [<https://szentiras.hu/SZIT>], а цитаты их Нового Завета – по переводу Magyar Bibliatársulat újfordítású Bibliája /букв. Библия в новом переводе Венгерского Библейского общества/ [<https://szentiras.hu/UF>]. Легко преодолимой трудностью при цитировании является разница в нумерации псалмов в Псалтири, переведённой на западноевропейские и церковно-славянский языки. Однако в некоторых случаях мы столкнулись с частичным отсутствием в венгерском переводе Писания некоторых слов или фраз, на которые ссылается или которые комментирует автор. В таких случаях мы обращались к другим, более ранним переводам, делая соответствующую пометку для издательства. Вот пример обращения переводчика к самому раннему (конец XVI века) венгерскому переводу Библии [<https://szentiras.hu/KG>], осуществлённому протестантским пастырем Гашпаром Кароли, поскольку в других переводах Деяний Апостолов текст, выделенный ниже жирным шрифтом, отсутствует.

«Исследователи могут верить или не верить в воскресение — это их право и, как говорится, личное дело. Но доказывать, что ранние христиане в него не верили, что существовала первоначально некая секта, которая сплотилась вокруг распятого на кресте учителя нравственности и лишь впоследствии обожествовала его и придумала миф о его воскресении, — значит, **«идти против рожна»** (Деян. 9:5), отменяя огромный массив свидетельских показаний.» [Митрополит Иларион (Алфеев) 2019, с. 625]. „A kutatók hihetnek vagy nem hihetnek a feltámadásban – ez az ő joguk, vagy ahogy mondani szokás, magánügyük. De azt bizonygatni, hogy az őskeresztények nem hittek benne, hogy eredetileg egyfajta szekta létezett, amely a kereszten megfeszített erkölcsstanító körül tömörült, és csak később istenítette meg Őt, és találta ki feltámadásának mítoszát, annyit jelent, **„az ösztön ellen rúgódozni”** (ApCsel 9,5), félresöpörve hatalmas mennyiségű bizonyítékot.” [Hilarion Alfejev 2022, с.555].

Подобных случаев в тексте перевода было немало, однако издательство не всегда прислушивалось к предложениям переводчика, как, например, в следующем случае, игнорируя предложение взять цитату из уже упоминавшегося нами перевода Гашпара Кароли, а использовало цитаты из общепринятого перевода Библии, из-за чего текст, на наш взгляд, частично потерял ясность. «Иисус сказал им в ответ: не знаете, чего просите. Можете ли пить чашу, которую Я буду пить, или креститься крещением, которым Я крещусь? Они отвечали: можем. И говорит им: чашу Мою будете пить, и крещением, которым Я крещусь, будете креститься, но дать сесть у Меня по правую сторону и по левую — не от Меня зависит, но кому уготовано Отцем Моим» (Мф. 20:22—23). Под крещением и чашей Иисус в данном случае понимает предстоящие Ему страдания и смерть. Однако от учеников полностью скрыт смысл слов Иисуса: они не знают, о каком крещении и о какой чаше Он говорит, а потому выражают немедленную готовность креститься этим крещением и пить эту чашу. К Его многочисленным предсказаниям о предстоящих страданиях они все еще остаются глухи.» [Митрополит Иларион (Алфеев) 2019, с. 83]. „Jézus így válaszolt: Nem tudjátok, mit kértek. Ki tudjátok-e inni azt a poharat, amelyet én fogok kiinni?” Ők így feleltek: „Ki tudjuk.” Erre ő ezt mondta nekik: „Az én poharamat kiisszátok ugyan, de hogy ki üljön jobb és bal kezem felől, azt nem az én dolgom megadni. Azok fogják megkapni, akiknek az én Atyám elkészítette” (Mt 20,22-23). A keresztség és a pohár alatt Jézus jelen esetben a Reá váró szenvedést és a halált érti. A tanítványok előtt azonban teljességgel rejtve marad Jézus szavainak értelme: nem tudják, Ő miféle keresztségről, milyen pohárról beszél, ezért azonnali készsége fejézik ki, hogy megkeresztelkejenek ezzel a keresztséggel és kiigyák ezt a poharat. Még mindig süketek maradnak jóslataihoz a közelgő szenvedésekről.” [Hilarion Alfejev 2022, с.74] /букв. «Иисус ответил так: вы не знаете, чего вы просите. Можете ли пить чашу, которую Я буду пить?» Они отвечали: можем. На это Он сказал им: чашу Мою будете пить, но дать сесть у Меня по правую сторону и по левую — не от Меня зависит, но кому уготовано Отцем Моим» (Мф. 20:22—23). Под крещением и чашей Иисус в данном случае понимает предстоящие Ему страдания и смерть. Однако от учеников полностью скрыт смысл слов Иисуса: они не знают, о каком

крещении и о какой чаше Он говорит, а потому выражают немедленную готовность креститься этим крещением и пить эту чашу. К Его многочисленным предсказаниям о предстоящих страданиях они все еще остаются глухи./ Как видим, упоминания о крещении нет в тексте цитаты на венгерском языке.

Заключение

Работа над переводом на венгерский язык книги митрополита Илариона (Алфеева) «Иисус Христос. Биография» стала на данном этапе наиболее объёмным опытом в нашей практике перевода православной литературы. Специфика данного произведения потребовала от переводчика гибкого подхода к правилам передачи названий периодических изданий, дополнительных исследований в сфере раннехристианской истории, а цитирование Священного Писания – сравнения существующих венгерских переводов Библии и отбор наиболее подходящего варианта перевода. За время работы над переводом нами был накоплен ценный опыт, который будет использован в дальнейшей работе.

Список литературы

1. Митрополит Иларион (Алфеев). Иисус Христос: жизнь и учение. в 6 кн. М., Изд-во Сретенского монастыря, Эксмо, 2016-2017.
2. Митрополит Иларион (Алфеев). Иисус Христос. Биография. М., Молодая Гвардия, 2019.
3. Hilarion Alfejev. Jézus Krisztus. Életút. Budapest, Bizánci Forrás Magyar Ortodox Egyesület – Kairosz Kiadó, 2022.
4. Hilarion metropolita. Az imádságról. Митрополит Иларион. О молитве. Budapest, Kairosz kiadó 2017.
5. Hilarion Volokolámszki metropolita. Katekizmus. Budapest, Kairosz Kiadó, 2019.
6. Károli Gáspár revideált fordítása. URL: <https://szentiras.hu/KG> (дата обращения: 30.08.2023)
7. Magyar Bibliatársulat újfordítású Bibliája (1990) URL : <https://szentiras.hu/UF> (дата обращения: 31.08.2023)
8. National Geographic URL: https://ng.24.hu/kultura/2010/04/26/jatszopark_epul_a_bajvivoter_helyen/ (дата обращения 31.08.2023)
9. Szent István Társulati Biblia URL: <https://szentiras.hu/SZIT> (дата обращения: 31.08.2023)

Сведения об авторе:

Ирина Евгеньевна Зимони-Калинина, переводчик, член Международной Ассоциации паремиеологов (AIP-IAP) (г. Тавира, Португалия); irina_zimonyi@hotmail.com; +36308213088.

Irina Zimonyi-Kalinyina, translator, member of the International Association of Paremiology (AIP-IAP) (Tavira, Portugal); irina_zimonyi@hotmail.com; +36308213088.

**Когнитивное моделирование концепта «время» в стихотворении “Time”
Percy Bysshe Shelley**

Лариса Валентиновна Калашникова

Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, профессор кафедры английского языка института иностранных языков, доктор филологических наук, Орел, Россия, lkalashnikova@inbox.ru

Аннотация В статье представлены результаты исследования стихотворения П.Б. Шелли “Time” с целью выявления процесса когнитивного моделирования концепта «время» и способа его вербальной репрезентации. Доказано, что метафорические модели «время – море» являются базовыми, в своем единстве формируют целостную структуру дискурса, являются составными элементами механизма метафорического моделирования в поэтическом произведении на уровне микросистемы, отражают уникальный авторский способ концептуализации действительности.

Ключевые слова: метафора, метафорическое моделирование, концепт, концептуальная метафора, когнитивная метафора, понятийная область

**Cognitive modeling of the concept “time” in the poem
by “Time” Percy Bysshe Shelley**

Larisa V. Kalashnikova

Oryol State University named after I. S. Turgenev, professor of the English Language Department, Foreign Language Institute, Professor of Philology, Oryol, Russia, lkalashnikova@inbox.ru

Abstract The article deals with the results of the study of P. B. Shelley's poem “Time” in order to identify the process of cognitive modeling of the concept “time” and the way of its verbal representation. It is proved that the metaphorical models “time – sea” are basic models, in their unity they form the integral structure of the discourse. They are considered to be the constituent elements of the metaphorical modeling mechanism in the poetic work at the microsystem level and reflect the author's unique way of reality conceptualization.

Keywords: metaphor, metaphorical modeling, concept, conceptual metaphor, cognitive metaphor, concept area

Категория «время» – очень специфическая категория, определяемая как нечто постоянное и изменяемое, физическое и психическое, и даже мистическое, преходящее и вечное, неразрывно связанное с движением, последовательностью событий в прошлом, настоящем и будущем, создающих

ощущение изменчивости. Восприятие времени субъективно, т. к. отсчет времени для каждого человека имеет свою ценность.

Достойное место в осмыслении этой категории в литературе занимает стихотворение П. Б. Шелли “Time”. Написанное в 1821 году, оно было опубликовано в 1824 году уже после смерти поэта [Shelley 1824]. Английский поэт-романтик создал необыкновенно глубокое и драматичное стихотворение, воплощающее мысли о беспощадности времени, бесконечности бытия.

Понятие времени находит разнообразное и неоднозначное толкование в разных лингвокультурах и эпохах. Вопрос о сути времени является одним из активно изучаемых в философии.

Это – особая воспринимаемая категория, живущая в нашем сознании и имеющая когнитивную основу. Благодаря модели личного времени мы можем выразить ощущения мимолетности счастья и вечность печали и горя. Познание людьми абсолютного времени позволяет определить длительность того или иного временного интервала.

Для определения понятия «время» существует множество теорий, например, когнитивные теории восприятия времени: теория Орнштейна Р. [Ornstein 1997], теория Канемана Д., теория Делонга А., Козна Дж. и многих других.

В основе теории Хогланда Х. [Hoagland 1934, p. 351] биологическое восприятие времени, связанное с понятием биологических часов. Непосредственное влияние типа мышления, особенностей нервной системы, интеллекта, целенаправленной осознанной активности, работы памяти на восприятие времени исследуется в психологии [Сеньгибская 2020, с. 264-267]. Время находит отражение в психических переживаниях субъекта, который обладает индивидуальной системой модальностей, связанных с приемом и переработкой информации об окружающем мире. В когнитивной лингвистике время может двигаться относительно статичного наблюдателя или наблюдатель перемещается относительно неподвижного времени. Делонгом А. [DeLong 1981, p. 681-683] была сформулирована гипотеза об экспериментальной относительности времени и пространства. Пространство играет важную роль для восприятия и фиксации времени. В свою очередь, восприятие времени, его ощущение, осмысление порождает пространственные образы.

П. Б. Шелли создается образ времени, который сравнивается с коварным и жестоким морем, страшной, темной сущностью. В стихотворении ощущается смятение чувств, страха, беспомощности перед временем и стихией.

Стихотворение “Time” начинается с обращения к морю: “*Unfathomable Sea! whose waves are years*” [Shelley 1824]. Для поэта время – изменчивое море, чьи волны как годы бесконечно сменяют друг друга. П. Б. Шелли, испытывая глубокое уважение, обращается к морю как к человеку. Персонификация – “*Sea*”, “*Ocean of Time*” – графически обозначена заглавными буквами. Риторическое обращение сопровождается на письме восклицательным знаком.

Состояние поэта, его эмоциональную нестабильность отражает яркая концептуальная метафора. Полагаем, что выбор такого динамического образа продиктован увлеченностью Шелли античной культурой, в которой море,

морские глубины рассматривались как нечто таинственное, загадочное и угрожающее жизни, связанное с опасностью кораблекрушения и смерти. Вода – очень мощный символ. Являясь одной из четырех земных стихий, она связывается со сторонами света, с цикличностью природы и человеческого бытия. Подвижность воды, ее нестабильность указывает на чувствительность, эмоциональность, пластичность, воображение поэта.

Определение “*Unfathomable*” используется метафорически. В древнеанглийском языке “*fæðmian*” значит «обнимать, окружать, обволакивать», от протогерманского глагола, образованного от “*fathom*” (n.) [Online Etymology Dictionary]. Появившись в языке в 1610 году, в 1620 году оно приобретает переносное значение «вникать в суть, проникать умом, понимать»; в результате добавления отрицательного префикса un- “*fathomable*” получает значение «непостижимое». Для поэта время – море, непостижимое разумом.

Нам трудно представить, как выглядит время, на что оно похоже в силу его абстрактного понятия. Создавая привязку в физическом мире, сознание отыскивает соответствующий образ [Vargas R., Just M. A. 2020]. Как считают ученые Варгас Р., Джаст М. А. (Университет Карнеги-Меллона, США), для обработки понятий мозг использует один и тот же алгоритм, так называемый нейронный шаблон активации, причем независимо от когнитивного опыта людей [Vargas R., Just M. A. 2020]. Обработка происходит по трем параметрам: степени вербальной презентации концепта; является ли концепт внешним или внутренним по отношению к субъекту; обладает ли концепт социальным содержанием. Перцептивные способности субъекта определяют выбор образа для сравнения.

Для Шелли время – море, загадка, тайна, которую нельзя постичь или разгадать. Метафора “*whose waves are years*” содержит информацию о признаке, объединяющем два концепта. Временная и пространственная периодичности взаимосвязаны. Как неумолимо движется время, так и море, динамично вздымаясь, гонит волны, бесконечно отмеряя жизнь приливами и отливами. Годы, сменяя друг друга с регулярной периодичностью, задают жизненный ритм.

П. Б. Шелли очень точно и живо вырисовывает образ моря: “*Ocean of Time, whose waters of deep woe*” [Shelley 1824]. Метафоры вскрывают оценочную характеристику, содержащую отрицательную коннотацию: море трагично. Определяя параметры времени, яркая метафора «океан времени» сравнивает время с океаном – безбрежным, необозримым, бездонным, чьи воды полны скорби неутешной, глубокой и безграничной. Слово “*woe*” относится к архаичным словам (XII в.). Оно было образовано от междометия в древнеанглийском языке “*wa!*”. Это – восклицание, причитание во многих языках (например, латинское “*væ*”) [Online Etymology Dictionary], возникшее как особый древнейший вид поэзии; своеобразный ритуал, культ, в котором выражается горе исполнительницы по поводу трагического события: смерти близкого человека, войны, стихийного бедствия.

Скорбные воды безбрежного океана наполнены человеческими слезами “*Are brackish with the salt of human tears!*” [Shelley 1824]. Шелли намеренно

прибегает к такому стилистическому приему, как семантический плеоназм. Семантическое значение «солёный» повторяется в “*brackish*” и “*salt of human tears*”. Архаическое “*brackish*” датируется серединой XVI века, “*brack – salty*”, т. е. «солёный», образовано от средне нидерландского “*brac*” [Online Etymology Dictionary]. Предложение приобретает особую эмоциональную окраску, что графически маркировано восклицательным знаком.

Метафора определяет следующий признак времени: море опасно и трагично. Забирая жизни, оно причиняет горе: сколько нужно выплакать слез, чтобы и без того солёный океан стал еще солонее.

Анализ ментальной модели «море» позволил дифференцировать семантические признаки-параметры соответствующей метафорической модели, которые являются лично-значимыми для поэта. Принимая во внимание когнитивную основу категории «время» и зависимость концептуализации понятия «время» от доминирующей модальности субъекта, выявленные параметры понятийной области «море» будут определяющими для формирования понятийной области «время» и установлению метафорических отношений между ними.

Когнитивная метафора «море» как способ познания, концептуализации, категоризации и оценивания знаний о мире использует потенциал структурирования понятийной области «море» для идентификации понятийной области «время». Соответственно, одна концептуальная область проецируется в другую.

П. Б. Шелли обращается через метафору моря ко времени как могущественному и безжалостному повелителю жизни, используя особую архаичную форму местоимения “*thou*” / “*thy*” [Oxford Learner’s Dictionaries]: “*Thou shoreless flood, which in thy ebb and flow. Vomitest thy wrecks on its inhospitable shore...*” [Shelley 1824].

Древнеанглийское “*thu*” германского происхождения; родственно немецкому “*du*” и имеет индоевропейский корень, общий с латинским “*tu*”. Оно соответствовало «ты» и применялось при общении с человеком равного или низшего сословия. Местоимение “*ye*” / “*you*” использовалось в отношении особ более высокого статуса и было аналогично «Вы». Местоимение “*thou*” сохранило функцию обращения к Богу в церковных писаниях, подчеркивая могущество и отдаленность Бога, служа знаком покорности и уважения [Online Etymology Dictionary].

Строки полны трагизма и преклонения перед могуществом времени и его беспристрастностью: “*Thou shoreless flood, which in thy ebb and flow. Claspeth the limits of mortality...*” [Shelley 1824]. Время, как безбрежный поток с его приливами и отливами, – метафора динамичности времени, которое год за годом, век за веком повелевает границами смертности, безжалостно определяя кому умирать, а кому продолжать жизненный путь.

В следующих строках Шелли создает образ дикого хищного зверя, пресытившегося добычей, воющего и требующего новые жертвы: “*And sick of prey, yet howling on for more...*” [Shelley 1824].

Метафора обнажает враждебность моря и опасность, которую оно таит. Далее, разворачивается ужасающая картина: “*Vomitest thy wrecks on its inhospitable shore*”. Стихия не щадит корабли, унося их в бездну, а после, когда наступает тишина, выбрасывает их безжизненные обломки на безлюдный берег. Смелая метафора вызывает образ ненасытного зверя-океана, пожирающего свои жертвы, а затем выплевывающего их останки. Глаголы “*Claspest*” и “*Vomitest*” придают динамику и эмоциональность создаваемой картине. Шелли сравнивает поведение океана (и времени соответственно) с поведением безумного и жестокого зверя.

Океан непредсказуем. Шелли наделяет его характером человека. Он коварен, вероломен в штиль и страшен в бурю: “*Treacherous in calm, and terrible in storm*”. Особую стилистическую окраску придает определение “*Treacherous*”, которое появилось в английском языке в XII веке из старофранцузского – “*trecheros, tricheros*” «коварный» [Online Etymology Dictionary].

Поэт, персонифицируя океан, создает метафорическую картину «время», проводит аналогию – алчное время принимает в жертву человеческие жизни. Ничто не бывает вечным, время беспощадно.

П. Б. Шелли завершает стихотворение так же, как и начинал, – риторическим обращением к непостижимому умом морю: “*Who shall put forth on thee, Unfathomable Sea?*” [Shelley 1824]. В вопросе звучит эмоциональное напряжение. Мы отметили одну деталь: персонификация моря осуществляется интересным способом. Наряду с заглавными буквами при обращении поэт использует объектное “*thee*” (форма от “*thou*” – «ты») вместо именительного “*thou*”. Оказывается, в средние века в Англии местоимение второго лица единственного числа намеренно использовалось по отношению к людям более высокого социального положения и гордецам для того, чтобы показать негативное отношение, неприятия их статуса или просто позлить. Полагаем, что в последних строках стихотворения П. Б. Шелли намеренно использует эти формы для выражения своего отношения к морю и восприятия времени. Море, океан вечны в своем движении, безграничны, и безжалостны. Создаваемый метафорический образ моря (океана) во всей совокупности выявленных признаков репрезентирует образ времени.

Поэт задает риторический вопрос, ответ на который не существует. Едва ли найдется тот, кто разгадает загадку времени. Блаженному Августину приписываются следующие слова: «Пока я не думаю о времени, я знаю, что есть время, но как только я задумываюсь о нем, я перестаю понимать, что такое время» [Шихобалов 2001, с. 3-5]. Бесспорно, так устроен мир: нельзя познать то, что непостижимо. Стихотворение пронизано трагическим оптимизмом: Шелли, не отрицая потери и страдания, пытается найти надежду и смысл в происходящем.

Начало стихотворения и его конец образуют смысловую петлю для акцентирования внимания на главной мысли: все в этом мире циклично, временное и водное пространство едины. Как волны с регулярным постоянством, одна за другой, коснувшись берега, отступают в непознанную глубину, так сменяют друг друга времена года, эпохи, поколения.

Непостижимое время, как море, обладает огромной властью над человеческой жизнью, а его непознаваемость делает его возвышенным, одновременно пленительным и страшным.

Стихотворение очень гармонично с точки зрения применения фоностилистических приемов, за счет звуковой инструментовки: аллитерации **Sea** [s-] – **whose** – **waves** – **years** – **tears** [-z]; **Ocean** – **brackish** – **shoreless** [ʃ] – **Claspest** [-s...-st] – **limits** [-ts] – **shore** [ʃ-] – **storm** [st-]; ассонанса **woe** – **flow** [ou]; **more** – **shore** – **storm** [o:], **thee** – **Sea** [-i:].

Немного воображения – и вот мы уже видим окаймленные белой ажурной пеной следы, которые оставляют на песке набегающие на берег волны. Периодичность созвучья рифм в строках имитирует звучащее море: **years** – **tears** [-z]; **woe** – **flow** [ou]; **more** – **shore** – **storm** [o:]; **thee** – **Sea** [-i:].

В ходе лингвостилистического анализа стихотворения “Time” выявлена ментальная модель «море», в основе которой – концептуальная метафорическая модель «море», инкорпорирующая частные метафорические модели. Они в своей совокупности образуют концептуальную матрицу с узлами-концептами, содержащими семантические признаки, которые характеризуют концепт «море». Метафорическая модель «море» является результатом переосмысления субъективного опыта и знаний об окружающем мире и средством представления абстрактного понятия «время». Понимая концепт как некое ассоциативное ментальное образование, активизируемое в формах мыслительной деятельности [Федулова 2017, с. 394-402], мы можем рассматривать концепт «море» как способ вербальной репрезентации концепта «время».

Моделирование концепта «время» в стихотворении происходит на основании выявленных концептуальных признаков концепта «море», с учетом личной значимости данного концепта для автора. Для П. Б. Шелли «время – это море/океан».

Метафорическая модель «море» характеризуется следующими семантическими признаками: “Sea – years” («море» – «годы»); “Ocean of time” – “deep woe” («океан времени» – «глубокая скорбь»); “Ocean of time” – “the salt of human tears” («океан времени» – «соль человеческих слез»); «море» – «дикий ненасытный зверь»; «море» – «коварное и ужасное существо». Выявленные семантические признаки могут быть классифицированы в соответствии с моделями.

1. Атрибутивные сочетания, выражающие оценочные характеристики и отношение субъекта к морю.

2. Именная часть составного именного сказуемого – прилагательные в сочетании с существительным, указывающие на состояние или характеристику.

3. Именные конструкции с предлогом «of», создающие картину чувственного восприятия.

4. В составе предикативных конструкций “Sea” используется с глаголами, которые употреблены метафорически, их семантика передает негативные эмоциональные переживания субъекта.

5. Персонификация моря, придание характеристик живого существа, человека, наделение характером.

Совокупность признаков-параметров метафорической модели «море» служит основой для моделирования понятийной системы «время» и установления ассоциативной взаимосвязи между концептами.

Таким образом, категория времени, являясь абстрактной, не имеет определенного трактования, так как не определена конкретная сенсорная система, отвечающая за его обработку. Понимание времени обусловлено множеством параметров: субъективного восприятия, эмоционального состояния, сенсорного и когнитивного опыта и т. д. Важную роль для восприятия времени играет пространство, которое рассматривается как физическая привязка или маркер. Для Шелли, поэта-романтика, таким пространством являлось море, водная стихия, к которой он питал особые неоднозначные чувства.

Выявленные семантические параметры позволили не только идентифицировать и категоризовать семантическое пространство «море», но и установить ассоциативную связь с понятийной сферой «время», обладающей аналогичным набором признаков, которые отражают значимую для субъекта информацию.

Лингвостилистический анализ стихотворения выявил мощный потенциал стилистических средств, придающих произведению изысканность, образность, романтичность на фоне глубокого драматичного сюжета. П. Б. Шелли использует кольцевую композицию, акцентируя внимание на бесконечности и цикличности времени. Эта характеристика времени для поэта является доминирующей, с ней он связывает глубокие переживания. Особая гармония достигается за счет фоностилистических приемов, стихотворение «говорит» на языке моря.

Восприятие времени, его ощущение, осмысление порождает пространственные образы, в стихотворении это – образ моря. Созданная метафора «море» является когнитивной и отображает пространство, относительно которого воспринимается время. Система частных метафор метафорической модели «море», участвуя в концептуализации и категоризации опыта поэта и устанавливая соотношение между языком и мыслительными процессами, послужила ассоциативной основой для метафорического моделирования как способа репрезентации концепта «время». П. Б. Шелли в своем стихотворении создает концептуальную метафору «время», основанную на собственном понимании категории времени, отражающую значимую для него информацию.

Результаты исследования показали, что метафорические модели «время – море» являются базовыми, в своем единстве формируют целостную структуру дискурса, являются составными элементами механизма метафорического моделирования в поэтическом произведении “Time” на уровне микросистемы, отражают уникальный авторский способ концептуализации действительности.

Список литературы

1. Shelley P. Posthumous Poems (1824). John and Henry L. Hunt, 1824. URL: <https://oll.libertyfund.org/title/shelley-posthumous-poems-1824>. (дата обращения: 06.08.2023).
2. Ornstein R. E. (1969). The Experience of Time. Avalon Publishing, 1997. 128 p. URL: <https://books.google.ru/books?id=RagQAQAIAAJ>. (дата обращения: 06.09.2023).
3. Hoagland H., Oliver L. R. "The Chemistry of Time." Philosophy of Science, vol. 1, no. 3, 1934, pp. 351–53. JSTOR, URL: <http://www.jstor.org/stable/184595>. Accessed 15 Aug. 2023.
4. Сеньгибская Е. А. Понятие восприятия времени в психологии // Молодой ученый. 2020. №11 (301). С. 264-267. URL: <https://moluch.ru/archive/301/68083/> (дата обращения: 26.03.2023).
5. DeLong Alton J. Phenomenological Space-Time: Toward an Experiential Relativity. *Science* 213, 681-683 (1981). URL: <https://doi.org/10.1126/science.7256273>. (дата обращения: 26.08.2023).
6. Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/>. (дата обращения: 26.08.2023).
7. Vargas R., Just M. A. Neural Representations of Abstract Concepts: Identifying Underlying Neurosemantic Dimensions., Neural Representations of Abstract Concepts: Identifying Underlying Neurosemantic Dimensions, Cerebral Cortex, Volume 30, Issue 4, April 2020, Pp. 2157-2166. URL: <https://doi.org/10.1093/cercor/bhz229>. (дата обращения: 06.09.2023).
8. Oxford Learner's Dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>. (дата обращения: 26.08.2023).
9. Шихобалов Л. С. Время – загадка мироздания. // New Energy Technologies. № 3. 2001. p. 3-5. URL: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/shikhobalov_vremya-zagadka.htm. (дата обращения: 04.08.2023).
10. Федулова М. Н. Совокупность средств вербальной репрезентации концептов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. №2. С. 394-402. URL: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-2-394-402>. (дата обращения: 04.08.2023).

Сведения об авторе:

Калашникова Лариса Валентиновна; доктор филологических наук, профессор, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; ikalashnikova@inbox.ru; +9036374205.

Kalashnikova Larisa Valentinovna: Doctor of Philology, Professor, Oryol State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302028, Russian Federation; ikalashnikova@inbox.ru; +9036374205.

Структурно-семантические особенности несогласованных определений (на материале романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо»)

Колыханова Елена Григорьевна

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, доцент кафедры теории и методики начального общего образования, кандидат филологических наук, Орел, Россия, elena.kolyhanova@yandex.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются структурно-семантические особенности несогласованных определений, зафиксированных методом сплошной выборки в романе И.С. Тургенева «Дворянское гнездо»; обращается внимание на грамматическую природу данного члена предложения, разнообразии его смысловых оттенков, которые могут иметь как чисто атрибутивное значение, так и совмещать в своей семантике дополнительные объектные и обстоятельственные значения.

Ключевые слова: несогласованные определения, структура, семантика, синкретизм, И.С. Тургенев.

Structural and semantic features of uncoordinated definitions (based on the material of I.S. Turgenev's novel "The Noble Nest")

Elena G. Kolyhanova

Oryol State University named after I.S. Turgenev, Oryol, Russia,
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
elena.kolyhanova@yandex.ru

Abstract. This article discusses the structural and semantic features of uncoordinated definitions, fixed by the continuous sampling method in the novel by I.S. Turgenev "Noble Nest"; attention is drawn to the grammatical nature of this member of the sentence, the variety of its semantic shades, which can have both a purely attributive meaning and combine additional object and circumstantial significance in their semantics.

Keywords: uncoordinated definitions, structure, semantics, syncretism, I. S. Turgenev.

В русской отечественной синтаксической науке традиционно выделяются следующие разновидности определения как второстепенного члена предложения: согласованное определение, несогласованное определение и приложение. Известно, что несогласованное определение отличается разнообразием своей семантики, которая зависит от значения главного слова,

грамматической природы зависимого компонента, а также различных падежных форм и предлогов и т.п. В отличие от согласованных определений, которые связываются с главным словом по способу согласования, у несогласованных определений связь с опорным компонентом осуществляется на основе управления и примыкания, для данных синтаксических единиц свойственен неморфологический способ выражения и, как правило, в большинстве случаев постпозитивное положение по отношению к определяемому слову.

Как справедливо отмечает М.А. Тихомирова, несогласованные определения выступают одним из наиболее «ярких грамматических средств выражения сложной семантики. Они богаче согласованных определений и по строению, и по значению. Если согласованные определения однозначны по своей синтаксической функции, то несогласованные определения наряду с атрибутивным значением несут в себе и другие смыслы» [Тихомирова 2011, с. 8]. В отечественном языкознании несогласованные определения занимают особое место в парадигме атрибутивности, в лингвистической литературе выявлены их основные структурно-семантические разновидности и подробно описаны способы выражения, детально рассмотрены синкретичные случаи употребления этих синтаксических единиц. Но вследствие своей специфики, несогласованные определения вызывают много вопросов при их анализе в школьной и вузовской грамматике, что находит отражение в работах таких синтаксистов, как В.В. Виноградов, В.В. Бабайцева, Г.А. Золотова, А.К. Федоров, В.И. Фурашов, Л.Д. Чеснокова и др.

Однако необходимо подчеркнуть, что «в настоящее время недостаточно изучены особенности функционирования несогласованных определений в художественных текстах, их коммуникативная значимость; анализ этих структур в языке художественной прозы позволяет выделить многие частные особенности второстепенных членов, особенно в сфере синкретизма значений» [Эль-Султани Мисак Мохаммед Измаел 2019].

Предметом данного исследования являются структурно-семантические разновидности несогласованных определений, использованных в романе И. С. Тургенева «Дворянское гнездо».

Цель настоящей работы – проанализировать особенности употребления несогласованных определений в романе И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» [Тургенев 1988, с.123-268], рассмотреть специфику функционирования этого члена предложения в художественном тексте, выявить индивидуальные особенности языка писателя.

Сплошная выборка языковых примеров показала, что в произведении И.С. Тургенева встретились различные случаи употребления несогласованных определений, которые разнообразны по структуре и семантике. Рассматриваемые нами конструкции используются как в авторском повествовании, так и в речи персонажей.

Исследуемые структуры могут быть выражены субстантивом без предлога, предложно-падежным сочетанием, синтаксически нечленимыми словосочетаниями и фразеологическими единицами, а также представлять

собой необособленные или обособленные члены предложения. Например: *Наконец в окне показалась голова старика в колпаке. Звезды уже начинали бледнеть и небо серело, когда коляска подъехала к крыльцу домика в Васильевском. Случилось так, что в числе горничных Анны Павловны находилась одна очень хорошенькая девушка, с ясными, кроткими глазками и тонкими чертами лица, по имени Маланья, умница и скромница. Отец Панишина... не пропускал случая запустить словечко о своем «Володьке» какому-нибудь важному лицу.*

Зафиксированные нами примеры, встретившиеся в романе «Дворянское гнездо», отличаются своим семантическим разнообразием, они могут указывать на различные признаки: внешние черты человека или предмета, возраст, принадлежность, положение в пространстве; представлять собой пейзажное описание и т.д. Например: *Фигура Павла Петровича стала появляться в лучших московских гостиных. Его голый затылок, с косицами крашенных волос и засаленной анненской лентой на галстуке цвета воронова крыла, стал хорошо известен всем скучливым и бледным юношам. Немного вправо виднелся ветхий господский домик с закрытыми ставнями и кривым крыльчком. Этот Эрнест, этот любовник его жены, был белокурый, смазливый мальчик лет двадцати трех, со вздернутым носиком и тонкими усиками, едва ли не самый ничтожный из всех ее знакомых. Мысли его медленно бродили; очертания их были так же неясны и смутны, как очертания тех высоких, тоже как будто бы бродивших, тучек. Тонконогие белые диванчики в гостиной...живо напоминали екатерининские времена. Марья Дмитриевна не раз в душе пожалела о своем хорошеньком Покровском с веселой речкой, широкими лугами и зелеными рощами.*

Наша выборка показала, что в некоторых случаях несогласованные определения могут свободно трансформироваться в согласованные, но чаще всего такая замена осуществляться не может, что объясняется семантикой главного и зависимого слов, а также типом связи между компонентами в составе словосочетаний. Например: *Узнав о смерти отца, Иван Петрович решил вернуться в Россию* (Ср.: о смерти отца – об отцовской смерти). ... *раздается гуденье толстого шмеля* (Ср.: гуденье шмеля – шмелиное гуденье). *Чувство долга, торжества, чувство гордости наполнило душу* (Ср.: чувство долга – долговое чувство (такая замена не возможна)).

Анализируемые конструкции чаще всего связываются с главным словом по типу управления; частотны также несогласованные определения, связанные по типу примыкания, выраженные притяжательными местоимениями *его, ее, их*, которые могут быть как препозитивны, так и постпозитивны по отношению к определяемому слову. Например: *Ее трепетные губы едва сложились в беззвучный поцелуй. Вся душа его слилась в одно чувство. ... и как они тогда же приказали, чтоб все после их кончины, до сама-малейшей тряпичи, было представлено Федору Ивановичу.*

Малоупотребительными являются примеры, где в качестве несогласованного определения выступает инфинитив: *У Варвары Павловны*

была привычка во время разговора чуть-чуть *касаться* рукава своего собеседника.

Отмечено по одному примеру анализируемых структур, выраженных несклоняемым прилагательным и наречием. Например: *Антон поставил перед прибором почерневшую солонку **аплик** о трех ножках и граненый графинчик с круглой стеклянной пробкой и узким горлышком. – Приготовьте к завтрашнему дню серое платье **доверху**.*

Следует отметить, что несогласованные определения, используемые И.С. Тургеневым в «Дворянском гнезде», могут выражать атрибутивное значение как в «чистом виде», так и иметь дополнительные обстоятельственные и объектные оттенки. Как отмечает М. А. Тихомирова, чтобы выявить дополнительные значения у несогласованных определений, необходимо учитывать не только семантику отношений, но и семантику элементов, вступающих в синтаксические отношения [Тихомирова 2011, с. 23]. Выбранные нами примеры с дополнительным обстоятельным или объектным значением достаточно частотны на страницах романа и выражают различные смысловые оттенки.

По мнению академика В. В. Виноградова, «очень важны наблюдения над случаями переходными и «синкретичными» (то есть совмещающими значения разных членов предложения)» [Виноградов 1975, с.282]. Продолжая высказывание ученого, В. В. Бабайцева подчеркивает: «Синкретичные члены предложения характеризуются семантической емкостью, которая создается категориальной многозначностью. Во многих синкретичных образованиях совмещаются категориальные значения разных членов предложения» [Бабайцева 2011, с. 246] и выделяет основные факторы, которые обуславливают синкретизм членов предложения: «употребление слов в трансформационной функции; изменения синтаксических связей и отношений; эллипсис глагольных форм; синкретичные категориальные значения сочетающихся словоформ; лексико-грамматические свойства сочетающихся словоформ» [Бабайцева 2011, с. 250].

Если говорить о несогласованных определениях с дополнительным объектным значением, то необходимо обратить внимание, что преобладание атрибутивного значения в таких конструкциях наблюдается, как правило, в том случае, когда главный компонент выражен субстантивом с конкретно-предметной семантикой.

В романе И. С. Тургенева встретились группы объектных определений (наиболее частотны синкретичные несогласованные определения с дополнительной объектной семантикой, которые выражаются беспредложными формами существительных в родительном падеже), это существительные, которые обозначают:

1) принадлежность: *Ноги подкашивались у спартанца, когда Михалевич ввел его в довольно плохо убранную гостиную **Коробыных** и представил хозяевам. Панишин прочел хорошо, но слишком сознательно и с ненужными тонкостями, несколько стихотворений **Лермонтова**;*

2) субъект действия и носитель признака; здесь несогласованное определение с добавочным объектным значением указывает на носителя признака: Не *доверяя искусству русских врачей, он стал хлопотать о позволении отправиться за границу. Лемму советовали уехать; но он не хотел вернуться нищим из России, из великой России, этого золотого дна артистов.*

2) предмет, часть которого названа определяемым существительным: *Лаврецкий сидел на наклоненном стволе ракиты. Веселые клики сильнее прежнего раздавались в саду за зеленой сплошной стеной высоких лип;*

4) встретились случаи, когда сочетание существительное им.п.+ род.п. имеет метафоричное значение: - *Не мудрствуйте лукаво, не называйте слабостью крик вашего сердца. Облачко печали налетело на все молодые сердца.*

В тексте романа зафиксированы структуры, сочетающие в себе значение определения и дополнения, которые выражаются предложно-падежными формами и указывают:

1) на материал, из которого сделан предмет: *Туалетный столик (какой? из чего?) из штучного дерева, с медными бляхами и кривым зеркальцем, с почернелой позолотой, стоял у окна;*

2) на признак, указывающий на содержимое предмета: - *Шурочка, достань ему банку (какую? с чем?) с вареньем;*

3) на характеристику предмета по его национальной принадлежности: *Здесь у нас есть старик (какой? из кого?), из немцев, чудака, очень умный.*

Наша выборка показала, что в произведении И.С. Тургенева встретились атрибутивные дополнения, в которых объектное значение доминирует над определительным и в качестве главного слова выступают отглагольные существительные: *мысль, свидание, желание, рождение, объяснение, созерцание* и т. д. *Вся душа слилась в одно чувство, в одно желание (чего? какое?) счастья, обладания, любви, сладкой женской любви. Но она тотчас же изгнала из головы самую мысль (о чем? какую?) о Лаврецком;*

В романе «Дворянское гнездо» также отмечены примеры, где несогласованное определение с дополнительным объектным значением выражается присубстантивным инфинитивом: *Сухопарый мужичок получил рубль, попросил позволения повидаться с новой барыней, которой он доводился кумом.* Возможность инфинитива выполнять синтаксическую функцию несогласованного определения обусловлена грамматической природой этой глагольной формы, которая по своему происхождению является застывшей формой имени существительного.

Менее частотны в тексте романа несогласованные определения с добавочной обстоятельственной семантикой, где зависимый компонент обозначает признак предмета по положению в пространстве, по времени, по целевому назначению и, как правило, выражен предложно-падежной словоформой: *Со мной служанка (какая? откуда?) из Парижа. Лаврецкий вспомнил чувство, охватившее его душу на другой день (какое? когда?) после приезда (какого? куда?) в деревню.*

Встретился один пример, где несогласованное определение имеет дополнительный обстоятельственный целевой оттенок значения, здесь зависимый компонент выражен инфинитивом: *Нужно было подумать об устройстве имени, да и Феде, по письму Глафиры, минуло двенадцать лет, и наступило время (какое? для какой цели?) серьезно заняться его воспитанием.*

В.В. Бабайцева определяет факторы, которые способствуют образованию синкретичных обстоятельственных определений: «это экономия языковых средств (эллипсис причастия), употребление в ряду однородных согласованных определений». [Бабайцева 2011, с. 284]. Ср.: *Марью Дмитриевну посадили на кресло (какое? где?) возле берега ...* Ср.: *посадили на кресло, стоящее возле берега. Антон взял палку, поколотил по висючий, давно безмолвной доске у амбара.*

Таким образом, проанализированные примеры несогласованных определений, встретившихся в романе И.С. Тургенева «Дворянское гнездо», отличаются своей частотностью, разнообразием структуры, семантики и морфологическим выражением, могут быть как однозначными по значению, так и обладать дополнительной объектной и обстоятельственной семантикой, что свидетельствует об особенностях стиля писателя.

Список литературы

1. Бабайцева В. В. Система членов предложения в современном русском языке. – М.: Флинта: Наука, 2011. 496 с.
2. Виноградов В. В. Исследования по русской грамматике [Текст]: Избр. труды / [Предисл. Н. Шведовой]. – М.: Наука, 1975. 559 с.
3. Тихомирова М. А. Несогласованные определения в современном русском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2011. С. 52-53.
4. Эль-Султани Мисак Мохаммед Измаел. Несогласованные определения в пьесах А. Н. Островского: структурно-семантический аспект [Электронный ресурс]: [https:// www.researchgate.net/publication/](https://www.researchgate.net/publication/) (дата обращения: 22.08.2023).

Сведения о авторе:

Колыханова Елена Григорьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики начального общего образования Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева, 302001, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д.41, E-mail: elena.kolyhanova@yandex.ru, 8-953-472-16-63.

Elena G. Kolyhanova, candidate of Philology, associate professor of the Department of theory and methodology of primary General education, Oryol State University I.S. Turgenev, E -mail: elena.kolyhanova@yandex.ru, 8-953-472-16-63.

УДК 821.161.1.

Особенность рецепции творчества А.А.Фета в Чехии на фоне исторической и литературной обстановки с конца XIX века до начала XX века

Анастасия Анатольевна Корзинина

Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра славянской филологии, кандидат филологических наук, Санкт-Петербург, Россия, ankor07@inbox.ru

Аннотация.Статья посвящена судьбе творческого наследия А.А.Фета в Чехии в период с конца XIX века до начала XX века. Автор на фоне исторической и литературной обстановки анализирует причины сравнительно небольшого количества чешских переводов, отсутствия солидных изданий и специальных работ о творчестве Фета на чешском языке.

Ключевые слова: А.Фет, И.Славик, восприятие, русско-чешские литературные взаимосвязи, переводы Фета

Features of the perception of A.A. Fet's work in the Czech Republic against the background of the historical and literary situation from the end of the 19th century to the beginning of the 20th century

Anastasia A. Korzinina

Saint Petersburg State University, Department of Slavic Philology, Candidate of Philology, St. Petersburg, Russia, ankor07@inbox.ru

Abstract.The paper is devoted to the fate of the creative heritage of A.A. Fet in the Czech Republic in the period from the end of the 19th century to the beginning of the 20th century. The author, against the background of the historical and literary situation, analyzes the reasons for the relatively small number of Czech translations, the lack of reputable publications and special works on Fet's work in Czech.

Keywords: A. Fet, I. Slavik, perception, Russian-Czech literary relationships, Fet's translations

Восприятие крупного русского поэта А. А. Фета в Чехии с конца XIX в. и до сегодняшнего дня идет по возрастающей линии и имеет единую направленность: Афанасий Фет— классик русской поэзии XIXв., лирик, приверженец «чистого искусства» (или же тяготеющий к нему). Однако в разные периоды это восприятие имело свои особенности. К концу 1830-х — началу 1840-х гг., когда Фет начинает поэтическую карьеру, переводы с русского языка уже сыграли свою роль в обогащении чешского языка, и теперь, когда можно было доносить до читателя литературные новинки и идеи, изменились и требования к переводам. Таким образом, в этот период важным

становится вопрос о том, что именно переводить. Однако на поэтическое дарование Фета, которого два журнала («Москвитянин» и «Отечественные записки») открыли для русской читающей публики в 1842–1843 гг., чешские переводчики не обратили внимания, и переводов Фета начала 1840-х гг. нет.

Во второй половине 1840-х гг. в обстановке нарастания революционных настроений в чешском обществе возрождаются надежды на обретение национальной самостоятельности, в эти годы появляются переводы политической лирики. Главное внимание в 1840-е гг. у чехов отдано русской прозе — Гоголю и Пушкину. 1850-е гг. ознаменованы поражением Пражского восстания (1848 г.) и, как следствие, угрозой усугубления германизации чешского общества, когда было отменено равноправие чешского и немецкого языков. В этот момент чешская литература обращается к родному фольклору, и переводам с русского уделяется большое внимание. Именно в 1850-е гг. растет популярность русской поэзии: переводят прежде всего Пушкина и Лермонтова. Выходят в свет хрестоматии и антологии русской поэзии, широко распространяется публикация параллельных текстов — переводов вместе с оригиналами. Появляются обзорные статьи по русской литературе Ф. Б. Коржинека (1853 г.) и В. Ч. Бендла (1855 г.) (так, Ф. Б. Коржинек в «Часописе чешского музея» в 1853 г. публикует статью о Лермонтове «Лермонтов и крупнейшие поэты русские»; вслед за ним в 1855 г. в альманахе «Лада Ниола» выпускает обзорную статью о русской литературе «Судьба певца “Бахчисарайского фонтана” и других поэтов русских»). В. Ч. Бендл, крупнейший переводчик Пушкина [Жакова 2010, с. 19–21]), однако Фета они даже не упоминают — это начинающий поэт, который в 1850-е гг. не был еще широко известен и в России. Казалось, большую роль в ознакомлении с современной русской литературой должны были сыграть письма А. Н. Пыпина, напечатанные в «Журнале Чешского королевского музея» в 1858–1859 гг. [Ровда 1988, с. 237–273]. Но имя Фета у Пыпина звучит между прочим, наряду с другими крупными именами. Вместе с тем письма Пыпина были первыми сведениями о Фете в Чехии, которые были получены не из русских журналов, а обращались к чешскому читателю непосредственно через чешский журнал.

Во второй половине XIX в., особенно на рубеже XIX и XX вв., сама политическая и общественная обстановка в Чехии оказывала влияние на развитие литературного процесса. Чехи сосредоточили внимание на национальных проблемах, очевидно, что лирика Фета не отвечала их интересам. Уход Фета из жизни (1892 г.) прошел в Чехии незамеченным. Может быть, сказалось и прижизненное отношение к Фету его русских современников, известное чехам по русским журнальным публикациям. Появление отдельных переводов Й. Сладека и Ф. Халупы в 1881 и 1884 гг. [Fet 1881, s. 364; Fet 1884, s. 216, 592] говорит о том, что Фет присутствовал в литературном сознании тех чехов, которые интересовались современной им русской литературой и знали ее. Кроме того, в конце XIX в. в чешской литературе начинается массовое приобщение к европейской культуре, в Чехию проникают произведения французского натурализма, наряду с великим русским

романом появляются отдельные переводы произведений М. Горького и А. П. Чехова. Все эти факторы сказались на невнимании к фетовской поэзии и к его личности. Вместе с тем в 1895 г. выходит очередной том «Научной энциклопедии Отто»(крупнейшая универсальная энциклопедия на чешском языке, изданная в 1888–1909 гг., которая до сих пор остается актуальным источником информации по целому ряду направлений. Названа по имени инициатора ее создания и издателя — Яна Отто(1841–1916)со статьей о Фете[Otto 1895, s. 145]; таким образом, о русском поэте в чешской среде в конце XIX в., несомненно, знали, несмотря на то, что существовали лишь отдельные переводы.

В первые годы XX в., на которые в России приходится расцвет поэзии символизма, в Чехии публикаций переводов из А.А. Фета или же сведений о нем как о крупном русском поэте не было. Восприятие А. А. Фета в Чехии в первой половине XX в. сводилось к тому, что имя его было чехам знакомо (об этом свидетельствуют высказывание крупного чешского поэта О. Бржезины о русской поэзии, где среди крупных поэтических имен он называет Фета)[Каменская и др. 2012, с. 467–468, 469].А отсутствие переводов говорит о том, что Фет — предшественник русских символистов не интересовал чехов, так как истоки символизма они видели во Франции и увлекались переводами из французской поэзии. В этот же период сама чешская поэзия испытывала большое влияние со стороны поэзии польской. Из русской поэзии чехов в началеXX в. интересовали современные авторы: В. В. Маяковский, Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, К. Д.Бальмонт, В. Я. Брюсов и др. На восприятие А. А. Фета в Чехии в первой половине XX в. не повлияла и деятельность русских эмигрантов.

В 1940-е гг., отмеченные трагическими событиями Второй мировой войны, взгляды чехов вновь были обращены к русскому народу и к русской литературе (чуть ранее широко отмечались 100-летие со дня смерти А. С. Пушкина, 100-летие гибели М. Ю. Лермонтова). Главная тема чешской поэзии послевоенного периода — война и освобождение Чехословакии Советской Армией. Первые послевоенные годы (1945–1948 гг.) в Чехословакии характеризуются большой свободой слова, широкими дискуссиями о развитии литературы; русская литература по-прежнему остается в центре внимания, но переводов А. А. Фета опять-таки не появляется. В послевоенный период увеличилось количество переводов русской литературы на чешский язык, но первое книжное издание стихотворений А. А. Фета появляется лишь в 1964 г. в переводе Ивана Славика [Fet 1964].Вступительную статью к этому изданию написал Иржи Гонзик — известный чешский литературовед и русист. И. Славик был автором радиопередач об А. А. Фете, которые сыграли особую роль в восприятии его поэзии в Чехии уже в 1970–1980-е гг. — стихи А. А. Фета выходили к широкому кругу слушателей в обрамлении музыки П. И. Чайковского и В. В. Рахманинова.1960–1970-е гг. представляются наиболее важным и активным периодом восприятия А. А. Фета в Чехии не только за счет переводов, но и за счет литературоведческой работы: в это время на чешском выходят первые критические статьи, посвященные А. А. Фету. О нем писали

такие известные ученые, как Э. Германова и Р. Паролек [Hermanová 1964, s. 145–153; Parolek et al. 1977]. В 1974 г. в Праге вышел следующий сборник стихов А. А. Фета в переводе Ярослава Кабичека [Fet 1974]. Появление этой книги тесно связано со всплеском внимания к А. А. Фету в Советском Союзе, где переиздаются его сочинения, а литературоведы обращаются к исследованию его поэзии. Сборник дает представление о фетовской поэзии вне метафизической составляющей, которую в 1960-е гг. пытался представить в своих переводах И. Славик. Такое восприятие А. А. Фета в этот период определялось оценкой поэта в советском литературоведении 1960–1970-х гг.

В 1980-е гг., несмотря на то, что не выходят новые переводы стихов и не переиздаются уже известные, имя Фета все же присутствует в чешском восприятии русской литературы: два стихотворения в переводе Я. Кабичека включены в двухтомную «Хрестоматию русской литературы» [Žák 1983, s. 228–229].

Восприятие русской литературы в Чехии в 1990-е гг. определяется переводами Б. Пастернака, М. Булгакова, В. Шаламова, А. Солженицына, А. Платонова, И. Бунина, т. е. все внимание переводчиков обращено на ранее запрещенную русскую прозу. При этом большое влияние приобретают интернет-издания. На этом фоне знаменательно, что в 1996 г. в чешском журнале «Тексты», который имел электронный аналог, опубликованы переводы стихотворений А. А. Фета, сделанные молодым переводчиком Р. Кочиком. В самом чешском литературном процессе этого периода на многое оказывала влияние так называемая «возвращенная литература», а в стихах молодых авторов переплетались отголоски поэтики андеграунда, сюрреализма, экспериментальной и метафизической традиции. В чешской исследовательской литературе 1990-х гг. имя А. А. Фета характеризуется уже иначе: М. Задражилова в книге «Русская литература на переломе XIX и XX столетия» [Zadrazilová 1995] говорит о нем как о «чистом лирике», принадлежавшем к плеяде поэтов интимной, философской, космической направленности. Такое восприятие соотносится с переосмыслением творчества А. А. Фета и в России, где в 1990-е гг. его начинают исследовать с метафизической точки зрения. В чешских литературоведческих трудах 2000-х гг. имя А. А. Фета тоже звучит. Профессор М. Заградка в книге «Русская литература XIX века в контексте европейской литературы (личности и диалог литературы)» [Zahrádka 2005] представляет А. А. Фета прежде всего как переводчика европейских авторов, а затем уже как лирика «чистого искусства»; краткая справка об А. А. Фете с отсылками на известные издания переводов его стихов входит в состав «Словаря русско-чешских литературных взаимосвязей» [Zahrádka 2008]. В последние годы мы не находим имени А. А. Фета в работах по компаративистике в чешских университетах, но наличие сведений о нем на чешских интернет-порталах говорит о несомненном его присутствии в современном чешском литературном сознании. Для чешских исследователей творчество А. А. Фета представляет собой большой научный потенциал, однако ему уделяют недостаточное внимание.

Список литературы

1. Жакова Н. К. Из истории чешско-русских литературных взаимосвязей: учебное пособие. СПб., б.и., 2010. 144 с.
2. Ровда К. И. Письма А. Н. Пыпина о русской литературе в чешском журнале// Литературные связи славянских народов. Исследования. Публикации. Биография/ отв. ред. В. Н. Баскаков; АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). — Л., Наука, Ленинградское отделение, 1988. С. 237–273.
3. Fet A. Z rána. Věžeň // Lumír. 1881. Č. 23. S. 364.
4. Fet A. Rybka // Světozor. 1884. Č. 18. S. 216.
5. Fet A. Večer na stepi // Světozor. 1884. Č. 49. S. 592.
6. Otto J. Ottův slovník naučný: illustrovaná encyklopaedie obecných vědomostí. 9. díl. Falšování potravin a pochutin-genrista. Praga, J. Otto, 1895. 1037 s.
7. Каменская В., Малевич О. Отокар Бржезина и Россия // Бржезина О. Строители храма: Собрание сочинений / сост. О. М. Малевич. — СПб., Изд-во им. Н.И. Новикова, 2012. С. 449-489.
8. Fet A. Večery a noci. Praha, 1964. 178 s.
9. Hermanová E. Poezie A. Feta a umělecké směřování 40–50 let // Československá rusistika. 1964. № 3. S. 145–153.
10. Parolek R., Honzík J. Ruská klasická literatura. Praha, 1977. 629 s.
11. Fet A. Roční doby života. Praha, Lidové nakladatelství, 1974. 106 s.
12. Žák J. Čítanka ruské literatury. Praha, Albatros, 1983. 373 s.
13. Zdražilová M. Ruská literatura přelomu 19. a 20. století. Praha, Karolinum, 1995. 244s.
14. Zahrádka M. Ruská literatura XIX. století v kontextu evropských literatur: (osobnosti a dialog literatur). Olomouc, Periplum, 2005. 279 s.
15. Zahrádka M. Slovník rusko-českých literárních vztahů. Oftis, Ústí nad Orlicí, 2008. 318 s.

Сведения об авторе:

Корзинина Анастасия Анатольевна; кандидат филологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034 Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11; ankor07@inbox.ru, +7921337848.

Korzinina Anastasia Anatolyevna; Candidate of Philology, St. Petersburg State University, 199034 Russian Federation, St. Petersburg, Universitetskaya embankment, 11; ankor07@inbox.ru, +7921337848.

Функции пассива в структуре художественного текста (на примере повести Г. Гессе «Под колесом»)

Галина Васильевна Скрипкина

Орловский государственный университет, доцент кафедры немецкого языка, кандидат филологических наук, Орел, Россия, gws2000@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются коммуникативно-прагматические функции пассива в художественном тексте. Выявлена роль пассивных конструкций в порождении концептуальной семантики текста и в отражении индивидуально-авторских установок. Показана роль пассивных конструкций в создании композиционной целостности текста. Описан стилистический потенциал пассивных конструкций в художественном тексте.

Ключевые слова: процессуальный пассив и пассив состояния, художественный текст.

Functions of the Passive in the Structure of a Fiction Text (on the example of H. Hesse's story "Under the Wheel")

Galina W. Skripkina

Oryol State University, associate professor of the German language department, candidate of Philology, Orjol, Russia, gws2000@mail.ru

Abstract. The article deals with the communicative and pragmatic functions of the passive in a fiction text. The role of passive constructions in the generation of conceptual semantics of the text and in the reflection of individual-authorial attitudes is revealed. The role of passive constructions in creating the compositional integrity of the text is shown. The stylistic potential of passive constructions in the art text is described.

Key words: procedural passive and state passive, literary text.

В данной статье мы рассмотрим функции пассивных конструкций в порождении семантики художественного текста. Textoобразующие функции пассива в основном анализируются на примере публицистических, научных и официально-деловых текстов. Анализу функционирования пассива в художественном тексте посвящены немногочисленные работы О.К. Ирисхановой, Л.А. Козловой, С. А. Никифоровой, Ю.В. Новичковой, Т.Б. Старинновой.

Пассивные конструкции выделяются нами по формально-структурному критерию и включают такие модели как werden + Partizip II и sein + Partizip II. Первая конструкция традиционно называется в немецкой грамматике процессуальным пассивом, а вторая - результативным пассивом. В немецком

языке эти конструкции могут включать не только прямопереходные, но и непереходные глаголы.

В рамках данного исследования мы не рассматриваем иные лексические и синтаксические структуры, имеющие также залоговое значение (*sein + zu + Infinitiv, sich lassen + Infinitiv, -bar, -lich*), которое сочетается с модальным значением, а также пассив с глаголами *bekommen, erhalten, kriegen*. Этот пассив называют также „косвенным пассивом“, поскольку в этой конструкции в качестве грамматического субъекта выступает реципиент действия.

Описывая абстрактную (внетекстовую) значимость пассивных конструкций, ученые называют следующие значения пассива.

1) Выделение не активного действия, а процесса или состояния (О.И. Москальская). По мнению многих исследователей это первичная семантическая функция пассива. Фокусирование на процессе или результате действия является особенно явным в предложениях, в которых отсутствует как субъект, так и агенс.

2) По мнению Г. Хельбига, актив и пассив обозначают одно положение дел, но различаются точкой зрения на событие. Пассив имеет в этом смысле объектную (или центростремительную) ориентацию действия-предиката [Хельбиг 1988, с. 163].

3) Особенностью семантики пассива является элиминирование из высказывания первого аргумента — семантического субъекта действия и направленность высказывания на аргумент более низкого ранга — на объект (*täterabgewandt*). Если субъект действия сохраняется в структуре предложения, то он деградирует до факультативного члена предложения. По мнению О.И. Москальской, возможность элиминирования семантического субъекта является решающим фактором при выборе пассива. В это связи исследователи выделяют такие семантические типы пассива как субъектно-объектный, субъектно-объектно-агентивный, бессубъектно-агентивный и бессубъектно-безагентивный пассив. Первые два типа пассива образуются от переходных глаголов, а последующие от непереходных. В бессубъектно-агентивном и бессубъектно-безагентивном пассиве реализуется значение чистого процесса или действия и его обстоятельств [Москальская 1971, с.143-154].

В немецком языке пассив можно образовать не только от переходных, но и от непереходных глаголов с косвенным и предложным объектом, а также от субъектных глаголов с одной обязательной валентностью. Этим обусловлено более широкое распространение немецкого пассива в текстах различных функциональных стилей в сравнении с русским языком.

По мнению Л.Г. Бабенко и Ю.В. Казарина, «в принципах отбора языковых единиц и организации речевой структуры литературно-художественного произведения отражаются творческий замысел автора произведения, характер отображаемой действительности, индивидуально-авторские установки, особенности художественного мышления автора, а также осознанное или неосознанное отношение к языку и его потенциалу» [Бабенко 2005, с. 49].

В этой связи интересным представляется исследование роли пассивных конструкций в формировании концептуального семантического пространства

художественного текста. Под семантическим пространством текста мы будем понимать содержательно-фактуальную, содержательно-концептуальную и содержательно-подтекстовую информацию. В качестве материала анализа мы обратились к творчеству Г. Гессе, а конкретнее к его повести «Под колесом».

Главный герой повести - одаренный и хрупкий юноша, Ганс Гибенрат, который по воле своего отца, грубого и ограниченного филистера, «вкладывает свою впечатлительную душу в пустую погоню за школьными успехами, в истерию экзаменов и призрачные триумфы хороших отметок, пока не надламывается от этой противоестественной жизни» [Аверинцев 1999]. Отец вынужден забрать сына из школы. Ганс Гибенрат становится подмастерьем. Вначале приобщение к простой, народной жизни сказывается на Гансе положительно, однако нервный надрыв и панический страх перед перспективой «отстать», «опуститься» и «угодить под колесо» зашли слишком далеко. Повесть заканчивается смертью Ганса вследствие то ли самоубийства, то ли приступа физической слабости.

В повести преобладает речь аукториального повествователя с вкраплениями речи персонажей. Особенностью повествования является использование автором персонально-несобственно-авторской речи и несобственно-прямой речи. Эти архитектурно-речевые формы позволяют автору передать мысли, чувства, переживания героев повествования.

Проанализировав употребление пассива в повести, мы установили, что пассив используется в тексте неравномерно. В некоторых случаях он не встречается на нескольких страницах, а в других он настолько частотен, что представляет конкуренцию активным конструкциям.

С типологической точки зрения пассив представлен в основном двучленными (80%) и одночленными (18%) конструкциями, в семантическом плане это в основном субъектно-объектные безагентивные (90%) и бессубъектно-агентивные и бессубъектно-безагентивные конструкции (5%). В тексте повести доминирует процессуальный пассив над пассивом состояния.

Г. Г. Сильницкий связывает выбор пассива с «определенной тактикой фиксирования намерения говорящего для развертывания функциональной перспективы всего дискурса, обеспечивая его семантическую и тематическую целостность» [Сильницкий 1981, с. 46-47]. В соответствие с этим в позицию подлежащего попадает семантический компонент, который должен оказаться с точки зрения автора той исходной точкой, с которой начинается интерпретация фрагмента информации.

В активном предложении в фокусе оказывается агенс, представленный подлежащим, "его глазами интерпретатор обычно смотрит на развертывающиеся в тексте события до тех пор, пока не произойдет переключение этого фокуса эмпатии - т.е., пока одно текстовое событие не сменит другое. Подлежащее пассивной конструкции, представленное ролью-архетипом «пациенс», задает направление рассмотрения ситуации с аффицированного элемента. Глагол как ядро предикации «привязан» к фокусному статусу семантических ролей и соучаствует в репрезентации концепта «направленность действия», предоставляя свою обязательную и

факультативную валентность в распоряжение говорящего» [Ишмухаметова 2010, с. 10]. Под «фокусом эмпатии» здесь понимается тот субъект или объект коммуникации, с позиций которого автор смотрит на представленную в тексте ситуацию.

Одно из первых употреблений пассива состояния в тексте повести направляет наше внимание на судьбу главного героя повести. Его одаренность, неординарность и относительная бедность, интеллектуальная ограниченность отца и цели кайзеровской Германии в отношении одаренных детей предопределяют его судьбу, стать священником или верноподданным чиновником. Платой за это должен стать его полный отказ от друзей, увлечений и отдыха и посвящение себя учебе.

„...jedermann gab zu, der Bub sei ein feiner Kopf und überhaupt etwas Besonderes. Damit **war** seine Zukunft **bestimmt und festgelegt**“ [Hesse, 1986, S. 7].

В данном примере употребляется безагентивный пассив состояния, автор подчеркивает пассивность героя и предопределенность его судьбы. Вслед за этим предложением следует подробное объяснение будущего Ганса и цели, которые преследует государство таким «благодеянием».

Регулярно случаи употребления пассивных конструкций мы встречаем в повести при описании школьной системы кайзеровской Германии. Г. Гессе критикует эту систему, направленную на подавление личности подростка, и выступает в повести, по его словам, «адвокатом личности».

„Im Griechischen **wurde** nächst den unregelmäßigen Zeitwörtern hauptsächlich auf die in den Partikeln auszudrückende Mannigfaltigkeit der Satzverknüpfungen Wert **gelegt**, im Latein galt es klar und knapp im Stil zu sein und namentlich die vielen prosodischen Feinheiten zu kennen, in der Mathematik **wurde** der Hauptnachdruck auf komplizierte Schlußrechnungen **gelegt**“ [Hesse, 1986, S. 7].

Бессубъектный и безагентивный пассив в этом примере позволяет представить действие как комплекс. Интенция автора заключается в том, чтобы акцентировать внимание на процессе обучения, который не имеет ничего общего с развитием личности и интересами школьников и в котором не только ученики, но и педагоги лишаются субъектности.

В следующем примере в форме несобственно-прямой речи высказывается точка зрения директора школы на задачи школьного образования, которые состоят в том, чтобы сломить природное начало ребенка и «затушить опасное пламя мятежа и своенравия», воспитать верноподданных духовных лиц и чиновников. Фокус информации находится на пациенте, подростках, на которые направлено деструктивное действие некоторого неназванного коллективного субъекта.

„Seine Pflicht und sein ihm vom Staat verantworteter Beruf ist es, in dem jungen Knaben die rohen Kräfte und Begierden der Natur zu bändigen und auszurotten und an ihre Stelle stille, mäßige und staatlich anerkannte Ideale zu pflanzen. Wie mancher, der jetzt ein zufriedener Bürger und Beamter ist, wäre ohne diese Bemühungen der Schule zu einem haltlosstürmenden Neuerer oder unfruchtbar sinnenden Träumer geworden! Es war etwas in ihm, etwas Wildes, Regellooses, Kulturloses, das **musste erst zerbrochen werden**, eine gefährliche Flamme, die

musste erst **gelöscht und ausgetreten werden**. Der Mensch, wie ihn die Natur erschafft, ist etwas Unberechenbares, Undurchsichtiges, Gefährliches. Er ist ein von unbekanntem Berge herbrechender Strom und ist ein Urwald ohne Weg und Ordnung. Und wie **ein Urwald gelichtet und gereinigt und gewaltsam eingeschränkt werden muss**, so muss die Schule den natürlichen Menschen zerbrechen, besiegen und gewaltsam einschränken; ihre Aufgabe ist es, ihn nach obrigkeitlicherseits gebilligten Grundsätzen zu einem nützlichen Gliede der Gesellschaft zu machen und die Eigenschaften in ihm zu wecken, deren völlige Ausbildung alsdann die sorgfältige Zucht der Kaserne krönend beendet“ [Hesse, 1986, S. 19].

Обучение в семинарии мало отличается от обучения в школе Ганса. Только названия комнат, в которых жизни семинаристы, напоминают о свободном духе греков и латинян. Наука, которой «забивают» голову несчастного Ганса Гибенрата, схоластична, оторвана от жизни, мертва. И не потому, что она такова на самом деле, а потому, что машина воспитания губит все, к чему она прикасается: и к алгебраическим формулам, и к стихам Гомера. Вот как описывает эту «машину воспитания» один их персонажей повести, Германи Гейльнер.

„Zwei Verse in der Stunde, und dann **wird** Wort für Wort **wiedergekaut** und **untersucht**, bis es einem zum Ekel wird. Aber am Schluss der Stunde heißt es dann jedesmal: Sie sehen, wie fein der Dichter das gewendet hat, Sie haben hier einen Blick in das Geheimnis des dichterischen Schaffens getan! Sie sehen, wie fein der Dichter das gewendet hat, Sie haben hier einen Blick in das Geheimnis des dichterischen Schaffens getan! ... Auf die Art **kann** mir der ganze Homer **gestohlen werden**. (...) Wenn einer von uns einmal probieren wollte, ein bisschen griechisch zu leben, so **würde** er **rausgeschmissen**“ [Hesse, 1986, S. 64].

Фокус эмпатии здесь вначале на процессе обучения и его характере, а в последнем предложении на пациенте и процессе. Главный герой повести и его семинарские одноклассники часто представляются автором в качестве аффицированного объекта. Этим автор подчеркивает бесправность личности семинариста, ее подневольность.

Мир школы, монастыря, бюргерской семьи — мир чиновников и дельцов Г. Гессе противопоставляет чистому миру мальчика Гибенрата. В следующем примере повествование рассказчика накладывается на повествование персонажа, в данном случае Ганса. Наконец-то он может забыть тяжкий и изматывающий труд над учебниками и заняться своим любимым делом, рыбалкой. Интенция автора в использовании здесь пассивных конструкций заключается в том, чтобы акцентировать внимание читателя на процессе подготовки Ганса к рыбалке и к самой рыбалке. Этот процесс описывается субъектно-безагентивными конструкциями. В фокусе авторской эмпатии здесь то занятие, которое увлекает Ганса, которое дает ему возможность отдохнуть от постоянной зубрежки и школьного стресса. Смысловая позиция повествователя осуществляется здесь почти исключительно с позиции сознания и речи Ганса.

„Die weißen, braunen und grünen Schnüre **wurden sortiert**, peinlich **untersucht**, **geflickt** und von manchem alten Knoten und Wirtswart **befreit**.

Korkstücke und Federkiele in allen Formen und Größen **wurden probiert** oder neu **geschnitzt**, kleine Bleistücke von verschiedenem Gewicht in Kugeln **gehämmert** und mit Einschnitten **versehen**, zum Beschweren der Schnüre. Dann kamen die Angelhaken, von denen noch ein kleiner Vorrat da war. Sie **wurden** teils an vierfachem, schwarzem Nähfaden, teils an einem Rest Darmsaite, teils an zusammengedrehten Roßhaarschnüren **befestigt**....

Als Köder nahm er diesmal ein paar Stückchen Käse mit; der schmeckt den Fischen und **kann** in der Dämmerung gut von ihnen **gesehen werden**.

Freilich diese Art zu fischen **will verstanden sein**, man muß geschickte Finger haben und aufpassen wie ein Spion“ [Hesse, 1986, S. 74-75].

Одной из особенностей употребления пассива в повести является «наличие в тексте своеобразных микроситуаций, которые в обязательном порядке включая в свой состав пассивную конструкцию, модулируют определенный фрагмент текстового содержания, который в качестве ячейки входит в совокупное содержание текста, соответствующим образом воздействуя на него» [Новичкова 2006, с. 30]. В повести нами отмечены две подобные микроситуации.

Первая микроситуация связана с трагической смертью ученика Гиндингера, а вторая с побегом из семинарии школьного друга Ганса, Германна Гейльнера. Частотность пассивных конструкций в описании этих двух событий объясняется стремлением автора к максимально объективному, незмоциональному и достоверному изложению, характерному для текстов публицистического стиля.

Помимо этого пассивные конструкции создают в описании этих эпизодов композиционную целостность текста. В первом эпизоде они выполняют следующие структурные функции.

Зачина события

„Erfahrungsgemäß pflegen sich aus jeder Seminaristenpromotion einer oder mehrere Knaben im Laufe der vier Klosterjahre zu verlieren. Zuweilen stirbt einer weg und **wird** mit Gesang **beerdigt** oder mit **Freundesgeleite** in seine Heimat **überführt**. Zuweilen macht sich einer gewaltsam los oder **wird** besonderer Sünden wegen **entfernt**“ [Hesse, 1986, S. 75].

В данном зачине наблюдается стремление автора сохранить фокус эмпатии, что проявляется в смене активных конструкций пассивными, грамматический субъект-деятель активных конструкций, становится грамматическим субъектом- пациенсом пассивных конструкций. Таким образом, обеспечивается тематическая прогрессия текста и его коммуникативная связанность. Эта коммуникативная функция пассива регулярно реализуется в тексте повести.

Вычленения поворотного этапа в поисках пропавшего ученика и реакции на смерть его товарищей и учителей:

„Und als endlich der kleine steife Körper des Knaben **gefunden war** und in den verschneiten Binsen auf eine Trage **gelegt wurde**, war schon tiefe Dämmerung. Die Seminaristen standen wie scheue Vögel ängstlich umher, starrten auf die Leiche und rieben sich ihre blauen, steifgewordenen Finger. Und erst als der ertrunkene Kamerad

vor ihnen **hergetragen ward** und sie ihm schweigend über die Schneefelder nachfolgten, **wurden** plötzlich ihre beklommenen Seelen von einem Schauder **berührt** und witterten den grimmigen Tod wie Rehe den Feind“.

„Inzwischen war man auf die Landstraße gelangt und kam rasch vollends ins Kloster, wo alle Lehrer, den Ephorus an der Spitze, den toten Hindinger empfingen, der im Leben vor dem bloßen Gedanken an eine solche Ehre davongelaufen wäre. Einen toten Schüler blicken die Lehrer stets mit ganz ändern Augen an als einen lebenden, sie **werden** dann für einen Augenblick vom Wert und von der Unwiederbringlichkeit jedes Lebens und jeder Jugend **überzeugt**, an denen sie sich sonst so häufig sorglos versündigen“ [Hesse, 1986, S. 76].

Заключение

„Im Kloster **war** der Bann bald wieder **gebrochen**. Die Lehrer schalten wieder, die Türen **wurden** wieder **zugeschlagen**, und dem verschwundenen Hellenen **wurde** wenig **nachgedacht**“ [Hesse, 1986, S. 76].

В следующем примере описывается побег из семинарии, друга Ганса Гибенрата, Германна Гейльнера.

В **зачине** автор использует активные конструкции.

Для поворотного этапа используются бессубъектные и безагентивные пассивные конструкции и их синонимы с местоимением *man*. Синтаксический и морфологический параллелизм придает тексту динамику.

„Um fünf Uhr **wurde** an alle Polizeistellen der Gegend **telegraphiert** und abends ein Eilbrief an Heilners Vater **abgeschickt**. Am späten Abend hatte man noch keinerlei Spur gefunden und bis in die Nacht hinein **wurde** in allen Schlafsälen **geflüstert und gewispert**.

Hans **wurde angesehen**, als müsse er um die Sache wissen.“ [Hesse, 1986, S. 92].

Заключение

„Andern Tages holte ihn sein inzwischen herzugereister Vater ab. Die Aufregung im Kloster war groß, als der **Ausreißer eingebracht wurde**. Er trug aber den Kopf hoch und schien seine kleine Geniereise gar nicht zu bereuen. Man verlangte, er solle Abbitte tun, doch weigerte er sich und trat dem Femegericht des Lehrerkonvents durchaus nicht zaghaft oder ehrerbietig gegenüber. Man hatte ihn halten wollen, nun war aber das Maß voll. Er **wurde** in Schanden **entlassen** und reiste abends mit seinem Vater auf Nichtwiederkommen ab“ [Hesse, 1986, S. 93].

Завершение ситуации для семинаристов

„Den Seminaristen **wurde** der Briefwechsel mit dem abgegangenen Ungeheuer **verboten**, wozu Hans Giebenrath freilich nur lächelte. Wochenlang **wurde** von nichts soviel **geredet** wie von Heilner und seiner Flucht. Die Entfernung und die entschwindende Zeit veränderten das allgemeine Urteil, und manche sahen dem seinerzeit ängstlich gemiedenen Flüchtling später nach wie einem entflohenen Adler“ [Hesse, 1986, S. 94].

Прагматическая функция пассива в приведенных примерах заключается в демонстрации максимальной объективизации или отстраненности агенса от происходящих событий. Элиминация агенса связана с прагматическо-семантическими факторами очевидности и обобщенности деятеля.

Таким образом, в результате проведенного анализа, мы приходим к следующим выводам. Пассивные конструкции относятся в проанализированной нами повести к грамматическим доминантам текста. Пассивные конструкции выделяются не только благодаря своей частотности, но и их значимости в актуализации семантики текста. В тексте наблюдаются смысловые приращения пассива. Пассив начинает функционировать как своеобразное средство акцентуации описываемых событий и/или аффицированных элементов. Выбор пассива маркирует на авторскую эмпатию.

Пассивные конструкции в проанализированном нами тексте позволяют автору раскрыть тему подавления личности в кайзеровской системе обучения Германии, выделить авторскую или персональную смысловую позицию или авторское отношение на цели школьного обучения Германии и на главного героя повествования и его трагичную судьбу.

Используя пассивные конструкции, автор показывает, как кайзеровская школа подавляет личность, лишая ее активности, желания принимать решения и нести ответственность за их выполнение. Пассивные конструкции являются также одним из эффективных способов создания образа безвольной, пассивной личности.

Особенностью использования пассивных конструкций в повести является их употребление для композиционной целостности изложения определенных фрагментов текста и стилизации публицистического стиля: события излагаются сухо, динамично, максимально достоверно и объективно.

Список литературы

1. Аверинцев С. Путь Германа Гессе. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/articles-germaniya/averincev-put-germana-gesse.htm> Дата доступа: 20.05.23.
2. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник; Практикум / Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. – М.: Флинта: Наука, 2005. – С 49.
3. Ишмухаметова, А. З. Пассивные конструкции со значением процесса в немецком языке: семантика, текстовые и дискурсивные функции : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Ишмухаметова Алия Зуфаровна; [Место защиты: Поволж. гос. соц.-гуманитар. акад.]. - Самара, 2010. - 23 с.
4. Moskalskaja O.I. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache Учебник для студ. высш. учеб. заведений. — М.: Высшая школа, 1971. – с.143-154.
5. Новичкова Ю. В. Типологические особенности использования пассивных конструкций при моделировании текстовой семантики. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://refdb.ru/look/2708096-pall.html> - Дата доступа: 20.05.23.
6. Сильницкий Г. Г. Предикативное отношение и его роль в пассивном преобразовании [Текст] / Г. Г. Сильницкий // Залоговые конструкции в разноструктурных языках. Л.: Наука, 1981. - С. 39–45.

7. Helbig, Gerhard Deutsche Grammatik: Handbuch für Ausländerunterricht / Gerhard Helbig, Joachim Buscha. – 11.unveränd. Aufl.- Leipzig: Verlag Enzyklopädie, 1988. – 737 S.

8. Hesse, Hermann Unterm Rad. Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun., 1986. – 145 S.

СЕКЦИЯ 5: СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ СМИ И ИНТЕРНЕТ КОММУНИКАЦИИ

УДК 811.112

Устные воспоминания-интервью как медиатекст (на примере немецкого языка)

Анищенко Алла Валерьевна¹, Диденко Виктория Дмитриевна²

¹ Московский государственный лингвистический университет, заведующая кафедрой лексикологии и стилистики немецкого языка, кандидат филологических наук, доцент, Москва, Россия, allan031@yandex.ru

² МГИМО МИД России, старший преподаватель кафедры немецкого языка, Москва, Россия, wikadidenko@gmail.com

Аннотация. Исследование посвящено немецкоязычным устным интервью, зафиксированным в рамках социального проекта для сохранения и трансляции воспоминаний свидетелей и участников исторических событий XX века с целью формирования культурной памяти лингвосоциума. Устное воспоминание-интервью анализируется как медиатекст, характеризующийся многоадресностью, субъективностью, ретроспективностью, аксиологичностью.

Ключевые слова: устная история, медиакоммуникация, культурная память, мемуарный дискурс, воспоминание-интервью, медиатекст

Oral Memoir-interviews as a Media Text (in German Language)

Alla V. Anishchenko ¹, Victoria D. Didenko ²

¹ Anishchenko Alla Valerjevna; Candidate of Philology, Associate Professor, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia allan031@yandex.ru

² Didenko Victoria Dmitrijevna; Senior Lecturer, MGIMO University, Russian Federation;

Abstract. The study is devoted to oral interviews in German language collected as part of a social project with the aim of preserving and broadcasting the memories of witnesses and participants in historical events of the twentieth century in order to form the cultural memory of the linguo-society. An oral memory-interview is analyzed as a media text characterized by its multicast, subjectivity, retrospectivity and axiological value.

Keywords: Oral History, media communication, cultural memory, memoir discourse, memory-interview, media text.

Структура современного информационного общества, развитие новых технологий трансляции информации, ускорение информационных потоков, с одной стороны, социокультурные и геополитические процессы, с другой, не могли не актуализировать вопросы достоверности и верифицируемости информации, прежде всего той, которая адресована массовому реципиенту. Особая роль при этом отводится медиакommunikации как процессу создания и трансляции по различным каналам особым образом обработанной информации адресату с целью воздействия на него. «В этом качестве дискурс СМИ отражает определенные структуры знания и оценок мира, ориентирующих адресата на определенное осмысление действительности и, главное, на последующие действия, поведение» [Кубрякова 2008, с. 184].

Актуальность вопроса достоверности исторических источников и их воздействия на реципиента коснулись таких общественно значимых процессов как сохранение, поддержание и трансляцию культурной идентичности и культурной памяти. Способы сохранения и передачи опыта от поколения к поколению дополняют друг друга, позволяя создавать различные образы мира внутри отдельных социальных групп.

Ценным источником информации о прошлом являются автобиографические тексты мемуарного дискурса: письмо, личный дневник, онлайн-блог, влог, воспоминание-интервью и др. Некоторые из них могут быть рассмотрены как медиатексты – адресованные массовой аудитории тексты, которые содержат не только вербальный текст, но и голос, интонацию, жесты и другие звуковые и визуальные элементы коммуникации и изложены в любом виде и жанре медиа [Мельник 2012]. Исследование мемуарных текстов как медиатекстов позволяет глубже понять взаимосвязь между медиа и нарративом, а также раскрыть значимость автобиографических текстов в сохранении и передаче культурной памяти.

Воспоминание-интервью, являющееся объектом предлагаемого исследования, предстает как реконструируемый через призму индивидуального восприятия фрагмент национальной истории и переходит из категории частного в категорию социального, становясь при этом частью культурной памяти нации [Анищенко, Диденко 2022, с. 14]. Рассмотрим характеристики немецкоязычного устного воспоминания-интервью как медиатекста, обеспечивающих успешную реализацию его прагматического потенциала.

К типичным свойствам медиатекстов относят их *«медийность»* (детерминация текста форматными и техническими возможностями канала), *семиотическую интегративность* текста (объединение в единое коммуникативное целое различных семиотических кодов), *массовость* (как в сфере создания, так и в сфере потребления медиапродуктов), *открытость* текста на содержательно-смысловом, композиционно-структурном и знаковом уровнях (массмедийная интертекстуальность, в широком понимании термина)» [Казак 2014, с. 68]. При переносе классического текста в сферу массмедиа текст получает новые смысловые оттенки и медийные добавки и выходит за пределы языковой системы [Добросклонская 2008], что усиливает прагматический потенциал вербального текста.

Устное воспоминание-интервью, совмещающее в себе два типа текста – интервью и мемуары, фиксируется на электронном носителе, что ставит его в обособленное положение среди других мемуарных текстов [Диденко, Анищенко 2023] и обуславливает его медийность.

Исследуемый архив устных воспоминаний-интервью, zeitzeugen-portal.de, является частью социально значимого проекта немецкого исторического фонда (die Stiftung Haus der Geschichte der Bundesrepublik Deutschland), призванного сохранить воспоминания о важных для немецкой истории событиях XX века в формате видеointервью с их непосредственными свидетелями. Подобные архивы стали появляться одновременно с развитием научной дисциплины «устная история» (Oral History), в центре исследований которой находятся воспоминания отдельных личностей, не опосредованные какими-либо институтами: в отличие от экспертных мнений и учебников истории такие воспоминания призваны показать исторические события как в свете субъективной оценки отдельного современника, так и всей совокупности воспоминаний, составляющих архив по данной тематике.

Особенностью устной истории как научной дисциплины является наличие особого метода создания корпусов, призванного обеспечить максимальную достоверность и детальность получаемой информации при сохранении психологического комфорта интервьюируемого. Для соблюдения данных принципов проводится тщательная подготовка к интервью: создаются списки потенциальных вопросов, проводятся тестовые беседы, обозначаются границы взаимодействия интервьюера и интервьюируемого, что создает общий коммуникативный фон будущего интервью. Во время интервью интервьюер лишь направляет интервьюируемого, а уже после беседы в составе коллектива ученых проекта отбирает наиболее релевантный для целей исследования материал.

Каналом распространения видео-интервью является как непосредственно сайт проекта, так и интернет-ресурс YouTube, достоинством которого является постоянное обновление материала. Процесс фиксации воспоминаний, таким образом, может осуществляться не только в прошлом, но и в настоящем, стирая границы между тем, что было и тем, что есть. Особенно интересен этот факт с точки зрения институциональности культурной памяти: с одной стороны воспоминания уже зафиксированы государственным проектом в своеобразном музее воспоминаний, с другой стороны отсутствует временной разрыв, необходимый для закрепления памяти о событиях прошлого в сознании лингвосоциума. Это также обусловлено типологическими характеристиками канала: портал представляет собой продолжение социального независимого проекта по сохранению воспоминаний и руководствуется определенными принципами сбора материала, такими как устранение наиболее эмоциональных и дискомфортных для интервьюируемого моментов в окончательной версии интервью, деление интервью на фрагменты, элиминация части реплик интервьюера.

Текст интервью, таким образом, является одновременно авторским и коллегиальным: в создании самого воспоминания текст позиционируется как

авторский, повествование идет от лица свидетеля и роль интервьюера носит не информативный, а вспомогательный характер. В доработке материалов интервью принимает участие коллектив государственного проекта, что указывает на коллегиальность создания конечной версии интервью.

Поскольку целью проекта является сохранение и трансляция памяти о событиях прошлого, тематической доминантой данного типа текста становится ретроспекция, находящая свое отражение в референциальной структуре текста, в его лингвокультурных маркерах (реалиях, прецедентных феноменах, особенностях языка, соотнесенных с периодом времени), его прагматике. Наряду с другими медиатекстами, первичной функцией которых является информирование населения и формирование общественного мнения [Варченко 2012], целью исследуемых воспоминаний-интервью является формирование памяти о событиях прошлого и их оценки в сознании лингвосоциума, что отражает его институциональный характер.

Отличительной характеристикой исследуемых текстов, являющейся следствием их медийности, является их многоадресность. Тогда как участниками внешнего дискурса исследуемых воспоминаний-интервью являются интервьюируемый и интервьюер непосредственно в процессе интервью, за рамками беседы возникает внутренний дискурс, в котором в роли адресата выступает потенциальный зритель, что также находит свое подтверждение на официальном сайте проекта: *Das Portal richtet sich an eine breite Zielgruppe: an Geschichtsinteressierte, an Schülerinnen und Schüler sowie ihre Lehrer, an Multiplikatoren, Studierende und Wissenschaftler (Портал ориентирован на широкую целевую группу: интересующихся историей, школьников и их учителей, методистов-популяризаторов, студентов и ученых)*. Несмотря на гипотетичность адресата, его роль в текстопорождении велика в том смысле, что она тесно связана с целью проекта.

Таким образом, устное воспоминание-интервью – это относительно новый вид исторического источника, обладающий медийными характеристиками: наличием звукового сопровождения, видеосъемки, иллюстрациями, графическими вставками, закадровыми комментариями и др. Такая медийная форма позволяет ему находиться в процессе перманентного самодополнения и реализовывать не только информативную, но и аксиологическую функции, транслируя информацию о событиях прошлого в его связи с настоящим.

Список литературы

1. Кубрякова Е. С., Цурикова Л. В. Вербальная деятельность СМИ как особый вид дискурсивной деятельности // Язык средств массовой информации. М., 2008. С. 183–209.
2. Мельник Г. С. Медиатекст как объект лингвистических исследований / Г. С. Мельник // Журналистский ежегодник. 2012. № 1. С. 27–29.
3. Анищенко А. В., Диденко В. Д. Вербализация эмоций в немецкоязычных интервью-воспоминаниях / А. В. Анищенко, В. Д. Диденко //

Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. № 11(866). С. 9–15.

4. Казак М. Ю. Современные медиатексты: проблемы идентификации, делимитации, типологии / М. Ю. Казак // Медиалингвистика. 2014. № 1(4). С. 65–76.

5. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М., 2008.

6. Диденко В. Д., Анищенко А. В. Устное воспоминание-интервью в свете теории прототипов // Когнитивные исследования языка / гл. ред. Н. Н. Болдырев; М-во науки и высш. обр. РФ, Рос. акад. наук, Ин-т языкознания РАН, Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина. Вып. № 4 (55): Когнитивная лингвистика в контексте современной науки: материалы Международной научной конференции. 19-21 сентября 2023 г. / отв. ред. вып. О. А. Турбина. Челябинск: Южно-Уральский государственный университет, 2023. С.204–207.

7. Варченко В. В. Цитатная речь в медиа-тексте. 2-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.

Сведения об авторах:

Анищенко Алла Валерьевна; кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный лингвистический университет, 119034, Российская Федерация, Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1; allan031@yandex.ru; +79161853409.

Anishchenko Alla Valerjevna; Candidate of Philology, Associate Professor, Moscow State Linguistic University, Ostozhenka st., 38/1, Moscow, 119034, Russian Federation; allan031@yandex.ru; +79161853409.

Диденко Виктория Дмитриевна; старший преподаватель кафедры немецкого языка, МГИМО МИД России, 119454, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, д. 76; wikadidenko@gmail.com; +79104665009

Didenko Victoria Dmitrijevna; Senior Lecturer, MGIMO University, Russian Federation; Prospect Vernadskogo Moscow, 76, Russia, 119454; wikadidenko@gmail.com; +79104665009

Особенности использования речевых средств в медийном дискурсе

Елена Викторовна Долгова¹, Анастасия Алексеевна Кравцова²

¹ Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации, сотрудник Академии ФСО, кандидат филологических наук, г. Орёл, ул. Приборостроительная, д. 35; г. Орёл, Россия, elenadolg76@mail.ru

² Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, старший преподаватель кафедры иностранных языков института иностранных языков, Орел, Россия, kravtsovastacy2012@yandex.ru

Аннотация: в статье рассматривается проблема формирования и реализации прагматических установок посредством лингвистических средств, в частности использования фразеологических единиц в медийном дискурсе, приводится определение данного понятия, затрагивается вопрос обусловленности употребления конкретного фразеологизма. Особое внимание уделяется рассмотрению фразеологизмов с точки зрения когнитивно-дискурсивного подхода, приводятся примеры встречающихся окказиональных трансформаций, идеологических клише.

Ключевые слова: медийный дискурс, фразеологизм, окказиональная трансформация, идеологическое клише

Aspects of the use of speech means in media discourse Elena V. Dolgova¹, Anastasiya A. Kravtsova²

¹ the Federal Guard Service Academy of the Russian Federation, Staff Member, PhD (Philology), Priborostroitelnaya st.,35, Oryol 302015, the Russian Federation, elenadolg76@mail.ru

² Oryol State University named after I. S. Turgenev, senior lecturer, Foreign Languages Department, Foreign Languages Institute, Oryol, Russia, kravtsovastacy2012@yandex.ru

Abstract: the article examines the problem of the formation and implementation of pragmatic attitudes through linguistic means, in particular the use of phraseological units, in media discourse, provides a definition of this concept and touches on the issue of the conditionality of the use of a specific phraseological unit. Particular attention is paid to the consideration of phraseological units from the point of view of the cognitive-discursive approach, and examples of encountered occasional transformations are given.

Key words: media discourse, phraseology, occasional transformation, ideological cliché

К одному из существенных факторов, играющих важную роль в процессе создания и реализации прагматических установок в медийном дискурсе, несомненно, следует отнести использование фразеологизмов в новостных и аналитических материалах медийного дискурса. Присутствие фразеологизмов в канве медиатекстов продиктовано, в первую очередь, наличием в их семантической структуре оценочной модальности и экспрессии, а также способностью формировать образы на метафорической и метонимической основе, тем самым реализовывать целую палитру специфических прагматических функций. Однако, следует отметить, что различные типы дискурса предоставляют неравнозначные возможности функционирования в них фразеологизмов. Наиболее гостеприимными, несомненно, являются устный разговорный дискурс, фразеология которого представляет наиболее обширный стилистический слой лексики, а также художественный дискурс, в котором наряду с фразеологизмами с яркой эмоционально-экспрессивной окраской можно встретить как книжные, так и просторечные фразеологизмы. Очевидно, что возможности функционирования фразеологических единиц в разных типах дискурса различны, что в свою очередь актуализирует вопрос о том, чем обусловлено употребление конкретного фразеологизма, является ли это спонтанным, интуитивным авторским выбором или конкретными характеристиками определённого типа дискурса.

Рассмотрение фразеологизмов с точки зрения когнитивно-дискурсивного подхода позволило расширить методологию исследования фразеологии с точки зрения смыслоформирования и оценочности. Сам процесс фразеологической номинации обуславливается той мыслительной информацией, которая является лингвокреативным продуктом когнитивной деятельности [Золотых 2008, с. 25].

На сегодняшний день существует несколько подходов к трактовке самого понятия *фразеологизм*, что послужило основой к разнообразию классификаций фразеологических единиц. На наш взгляд, к наиболее классической, не противоречащей сути фразеологизма трактовке можно отнести определение, предложенное А.В. Куниным «Фразеологическая единица – это устойчивое сочетание слов с полностью или частично переосмысленным значением» [Кунин 1970, с. 210].

Медийный дискурс в силу своей институциональности и стандартизированного характера, с одной стороны, и одновременно ориентированности на авторскую оригинальную подачу материала с другой, предоставляет возможность рассмотреть функционирование фразеологизмов во всем их разнообразии. В этой связи представляется весьма актуальным рассмотреть типы фразеологизмов, преобладающих в медийном пространстве и обусловленность их употребления в зависимости от функций.

Как правило к функциям медийного дискурса относят воздействующую, описательную, оценочную, прогнозирующую. Наибольший прагматический эффект при реализации данных функций достигается за счёт креативного использования окказиональных трансформаций, что придаёт большую выразительность и работает на привлечение внимания читателя. Окказиональные трансформации затрагивают различные лингвистические и

экстралингвистические факторы, обуславливающие регулярность преобразований фразеологических единиц в контексте. В частности, А. В. Кунин полагает, что одной из причин преобразований фразеологизмов «выступает их раздельнооформленность, образная семантика, прагматическая задача адресанта и контекст» [Кунин 2005, с. 243].

Окказиональные изменения формы и содержания фразеологических единиц наиболее очевидны в заголовках новостных материалов к выпускам программы «Время» и являются отличительной чертой данного продукта медиадискурса. Значительное присутствие окказиональных трансформаций говорит о легкости изменения морфологической структуры для создания дополнительных оттенков значения и придания наибольшей образности. Например, в выпуске программы «Время» от 27.08.2023 года сюжет о президентских выборах в США сопровождался заголовком «Концы в воду» о сбросе воды с аварийной атомной станции «Фукусима 1» в воды Тихого океана. В данном примере имеет смысл отметить частичную грамматическую трансформацию, редукцию и двойную актуализацию фразеологической единицы. С одной стороны, актуализируется узуальное значение фразеологизма «спрятать концы в воду» – скрывать улики, уничтожить свидетельства, с другой – реализуется прямое значение компонента фразеологизма. Двойная актуализация довольно частый приём в заголовках медиатекстов новостных выпусков программы «Время». Например: «свой среди чужих» – о назначении премьер-министра Великобритании, «школа жизни», «классная работа» – об открытии новой школы в Мариуполе, «Операция Ын и другие приключения Путина» («Коммерсант» 13 сентября 2023) о посещении Ким Чен Ыном Российской Федерации.

Трансформация аллюзии путем расширения компонентного состава, при которой изменяется оформленность и приобретает дополнительный оттенок значения также является одним из способов привлечения внимания реципиента и воздействия на восприятие подаваемой новости. Например, упоминание популярного в 80-е годы американского фильма «Назад в будущее» используется для описания новости о возвращении «Аэрофлота» к уровню перевозок прежних лет: «Полет назад в будущее» («Коммерсант» 14 сентября 2023). Автор актуализирует основную коннотацию данной аллюзии, т. е. возвращение к тому, что уже было, но теперь это произойдет в будущем, и расширяет компонентный состав, путем добавления слова “полет” в своем основном значении.

«Мячик-то совсем не на нашей стороне. Все мячики, а их много, уже на стороне киевского режима давным-давно» («Труд» 15 сентября 2023) – слова Сергея Лаврова о разрешении конфликта на Украине. Таким образом министр призывает противоположную сторону к принятию решения. В данном примере имеет место расширение аллюзивного смысла при помощи употребления уточняющих слов, а также грамматическая трансформация, добавляется отрицание, происходит усиление значения единицы.

«Под чужую дудку: Киев дотанцует до капитуляции» («Вести недели» 17 сентября 2023). В данном примере выражение “плясать под чужую дудку”

подвергается усечению через отказ от глагола, а далее происходит пояснение или расшифровка, где глагол “плясать” изменен на “дотанцуется” для придания обороту нового смыслового оттенка.

Следует отметить, что окказиональные трансформации языковых клише и аллюзии привлекаются с целью продемонстрировать иное, авторское, субъективное осмысление исходной формы фразеологизма. «Шагом демарш!» («Коммерсант» 14 сентября 2023) – о высылке из России двух американских дипломатов. «Налево – «Лексус» потеряешь, направо – часы отберут» («Труд» 15 сентября 2023) – после объявления странами ЕС запрета на въезд в личном автомобиле с российскими номерами и об опасности изъятия часов и телефонов. В данном примере, в отличие от прецедентного текста, отсутствует третий путь, который является самым благоприятным.

Лексическую трансформацию можно наблюдать в следующем примере, где местоимение “вам” заменяется на “им”: «Им и не снилось» («Коммерсант» 13 сентября 2023) – о принятии новых членов в Евросоюз. Здесь происходит отсылка к названию советского художественного фильма. Исходное значение утратило связь с прецедентным текстом, речь ведется о ком-то в третьем лице, тогда как в исходной фразе слова обращены ко второму лицу.

«Александр Лукашенко явился пред Сочи президента» («Коммерсант» 15 сентября 2023) – о встрече президентов двух стран. Данный заголовок звучит в ироническом ключе. «Предстать пред очи» трансформируется в «явился пред Сочи». Встреча происходила в Сочи. Некоторый оттенок негативности приобретает выражение “явился”.

«Детям – тетрадку, взрослым – кружку» («Коммерсант» 15 сентября 2023) – о работе депутатов от партии ЛДПР с населением. В статье звучит призыв дарить подарок обратившимся избирателям. В данном примере лексическая трансформация приобретает юмористический оттенок, так как автор отсылает к советской комедии «Бриллиантовая рука».

«Как зерно на рану» («Коммерсант» 15 сентября 2023) – об отмене эмбарго на поставки зерна с Украины. Лексическая замена не меняет узуального значения высказывания, являясь лишь дополнением к нему. Именно зерно является той солью, которая попадает на рану.

Различные виды фразеологических аллюзий также активно используются в новостных медиаматериалах программы «Время». Изначальная форма, закреплённая в слове, зачастую выступает опознавательным знаком при трансформации фразеологизма. «Африка уходит у Франции из-под ног» («Вести недели» 17 сентября 2023) – об уходе бывших французских колоний из-под влияния Парижа.

Иногда отличительным признаком фразеологизма может выступать всего одно, но легко узнаваемое в контексте слово: «Приморье – окно между Россией и Азией» («Ведомости» 13 сентября 2023) – о превращении региона в ключевой логистический хаб страны. Упоминание окна в качестве ключевого компонента фразеологизма “в Европу прорубил окно” делает данную отсылку узнаваемой.

«Черное море раздора» («Труд» 10 августа 2023) – об опасности возникновения конфликта в Черном море, выход к которому есть у России и

трех стран НАТО. В данных примерах происходит лексическая трансформация с целью переосмысления фразеологических единиц, которое подразумевает некоторое изменение смыслового содержания.

К одной из отличительных черт медийного дискурса следует отнести широкое использование клишированных средств языка, что, несомненно, культурно и политически обусловлено и вносит новые оттенки смысла в ранее свободные словосочетания. В зависимости от контекстно-коммуникативной соотнесенности клише можно выделить публицистические, официально-деловые, научные, поэтические, идеологические, литературно-разговорные [Беликова 2015, с.323]. К наиболее часто задействованным идеологическим как подтипу публицистических клише на сегодняшний день можно отнести следующие: «развитие новых центров силы», «новые регионы», «многополярный миропорядок», «однополярный мир». Данные клише определяются как шаблонные выражения, их понимание невозможно без знания социокультурного контекста.

В современном мире тесные взаимоотношения между странами расширяют границы языковых заимствований в различных сферах жизни. Фразеологизмы могут калькироваться из другого языка с уже существующей коннотацией. К примеру, так произошло с выражением «желтые жилеты» (“des gilets jaunes”), которое было позаимствовано из французского в разные языки, в том числе и в русский, для обозначения новой реалии. «Париж не простит Москве восстания «желтых жилетов»» («Свободная пресса» 15 сентября 2023).

Калька с английского языка “Captain Obvious” (Капитан очевидность) прочно вошла в обиход. «Без военно-воздушных сил они были обречены на провал. Многие из нас говорили об этом еще три месяца назад, а теперь Зеленский делает такое заявление. Спасибо, капитан очевидность» («Свободная пресса» 15 сентября 2023). «Новостной «Капитан Очевидность» на страже здоровья россиян» («Сенсаций. Нет» 12 октября 2021) – о передаче Александра Мясникова.

Фразеологизмы, ставшие архаизмами, обретают вторую жизнь в медиапространстве в результате происходящих в обществе изменений. ««Пушечное мясо»: Минобороны отчиталось об уничтожении 5000 наемников» («Труд» 10 июля 2023) – об успехах Российской армии в ходе военной операции. «Подполковник ЛНР в отставке рассказал о «живом щите» вокруг Кулянска» («Газета.ру» 15 августа 2023).

С целью максимальной точности и информативности представления текста в медийном дискурсе в текст вводится терминология описываемой сферы. Ориентируясь на массового реципиента, отправитель сообщения также использует клишированные выражения, относящиеся к политической, социально-экономической, спортивной и другим областям.

Свойства задействованной лексики обуславливают их функцию репрезентативности языковой картины мира, в том числе и на когнитивно-дискурсивном уровне отражения посредством медиатекстов. Медиаматериал непосредственно формирует национальную языковую картину мира и, в частности, политическую и информационную. Тем самым посредством

ассоциативных связей используемой лексики с определенными образами, чувствами, эмоциями, вызванными отражением тех или иных событий или явлений и складывается конкретный стереотип культурнообусловленной языковой общности.

На основании вышеуказанных примеров можно утверждать, что фразеологизмы, языковые клише и аллюзии выполняют не только аттрактивную функцию в медиапространстве, но также и играют роль национально-культурных особенностей политического дискурса в России.

Список литературы

1. Золотых Л.Г. Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики (на материале русского языка). Автореферат диссертации на соискание степени доктора филологических наук. Белгород, 2008.
2. Кунин А.В. Английская фразеология (теоретический курс). – М.: Высшая школа, 1970. – 344 с.
3. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. Дубна: Феникс+, 2005. – С. 243.
4. Беликова Г. В. Функционально-прагматическая семиотика клишированных языковых знаков / Г. В. Беликова // Преподаватель XXI век. – 2015. – №2. – С. 317-332.

УДК 81'33

Лексические и лексико-синтаксические средства оказания речевого воздействия в англоязычных СМИ

Дмитрий Александрович Иванишин¹, Мария Валерьевна Кононова²

¹ Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, доцент кафедры английской филологии института иностранных языков, кандидат филологических наук, Орел, Россия, ghostpanther@yandex.ru

² Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, аспирант 3 курса кафедры английской филологии института иностранных языков, Орел, Россия, kononova-mari-1996@mail.ru

Аннотация. В статье отмечается значение средств массовой информации в современном информационном пространстве с точки зрения оказания влияния на мнение аудитории. Исследование посвящено анализу зарубежных газетных новостных материалов с целью определения того, при помощи каких лексических и лексико-синтаксических единиц удается оказывать речевое воздействие.

Ключевые слова: речевое воздействие, вербальные знаковые системы, сферы применения речевого воздействия, публицистический стиль, лексические и лексико-синтаксические средства речевого воздействия

Lexical and Lexical-syntactical Means of Persuasion in the English-speaking Mass Media

Dmitry A. Ivanishin¹, Maria V. Kononova²

¹ Orel State University named after I. S. Turgenev, associate professor of the English Philology Department, candidate of Philology, Orel, Russia, ghostpanther@yandex.ru

² Orel State University named after I. S. Turgenev, 3rd year postgraduate student, English Philology Department, Foreign Languages Institute, Orel, Russia, kononovamari-1996@mail.ru

Abstract. The article notes mass media importance in the modern information ecosystem from the point of view of influencing audience's opinion. The research is devoted to the analysis of foreign news articles in order to determine what lexical and lexical-syntactic units assist in conveying a persuasive effect.

Keywords: persuasion, verbal sign systems, persuasion application spheres, journalistic style, lexical and lexical-syntactic means of persuasion

Результатом повсеместной информатизации современного мира стала возрастающая роль СМИ в жизни общества, что, в частности, нашло отражение в управлении общественным мнением. Связано это с ростом осведомленности населения, что проявляется в наличии возможности получать информацию из различных источников. Последнее, с одной стороны, позволяет аудитории анализировать и критически осмысливать поступающие сведения, поскольку в наличии имеется достаточное количество ресурсов для сравнения материала. С другой стороны, насыщенному информационному полю свойственно оказание значительного управленческого воздействия на общественное мнение [1, с. 87]. Подобное регулятивное значение СМИ реализуется посредством речевого воздействия (далее – РВ). Как отмечал французский лингвист Жозеф Вандриес, «... человек говорит не только для того, чтобы выразить мысль. Человек говорит также, чтобы подействовать на других и выразить свои собственные чувства» [2, с. 134]. Приведенный тезис, по нашему мнению, подтверждает, что процесс коммуникативного взаимодействия предполагает не только передачу информативного компонента сообщения, но также нацелен на достижение прагматического эффекта посредством речевого воздействия. Данное понятие трактуется как воздействие человека на другого человека или группу лиц при помощи речи и сопровождающих речь невербальных средств для достижения поставленной говорящим цели [3]. Кроме того, РВ зачастую осуществляется с применением паралингвистических систем, к которым относятся мимика, жесты, эстетические коды словотворчества и в том числе метаграфемика,

которая представлена средствами графического текстового оформления (цвет и шрифт) [4].

Речевое воздействие характерно для практически всех сфер человеческого взаимодействия с целью повлиять на мнение и вкусы аудитории, убедить собеседника сделать тот или иной выбор, принять определенное решение. Наиболее значимое отражение РВ обнаруживает в политической и рекламной деятельности [5, с. 27]. Первая подразумевает стремление управлять общественным мнением с целью реализации своих намерений и интересов. В свою очередь, рекламная отрасль предполагает внедрение речевого воздействия для того чтобы наиболее влиятельным образом проинформировать клиентов о том или ином бренде и его преимуществах, а также убедить аудиторию приобрести товар или услугу [6, с. 101].

В рамках воспитания и обучения (педагогический дискурс) применение РВ позволяет преподавателю влиять на эмоциональную, волевою и интеллектуальную сферу личности обучающегося с целью обеспечения его интеллектуального, эмоционального и нравственного развития [7, с. 231].

Процессуальная и судебная практики во многом также базируются на оказании речевого воздействия. При помощи различных языковых средств как сторона защиты, так и сторона обвинения могут представить одну и ту же ситуацию по-разному. Другими словами, РВ во многом позволяет направить ход ситуации в необходимое русло. Кроме того, речевое воздействие находит свое отражение не только в процессе непосредственного судебного заседания, но и также в более широком юридическом контексте. Например, зачастую для рассмотрения дел о защите чести и достоинства эксперты прибегают к проведению лингвистической экспертизы текста [8], [9].

Таким образом, РВ встречается и применяется в каждой сфере, где предполагается коммуникативное взаимодействие: от политики до повседневного бытового общения. Однако в проводимом исследовании мы обращаем внимание на речевое воздействие в СМИ, где на наш взгляд, данный тип влияния носит наиболее выраженный прагматико-ориентированный адресный характер.

СМИ, в частности, газетные статьи, приобретают на современном этапе развития общества все большую значимость, и определяются относительно недостаточной изученностью стилистических средств воздействия на получателя информации, которыми в данном случае являются люди, читающие газеты [10, с. 137]. Последние стремятся воздействовать на общественное мнение в политических и других вопросах. Элементы оценки могут наблюдаться в отборе и способе представления новостей; использовании специфической лексики; выражении сомнения в фактах; синтаксических конструкциях, указывающих на недостаточную уверенность репортера в сказанном или его желание избежать ответственности. Газетные статьи представляют собой разновидность публицистического стиля. Следовательно, черты, характерные для публицистического стиля, должны найти отражение в языке газетных статей. Однако, назначение газеты, а также круг читателей, на

которых эти статьи рассчитаны, накладывают особый отпечаток на языковые особенности стиля газетных статей [10, с. 137-138].

Одним из аспектов стилистики в целом и газетного стиля в частности являются лексические средства выражения. Слово, будучи основной единицей языка, играет одну из ключевых ролей в РВ, так как на основе выбранных слов и создаётся тот смысл текста, который призван оказать речевое воздействие на получателя. Учитывая вышесказанное, а также, что “принцип целостного восприятия текста не исключает пристального внимания к составляющим его элементам” [11, с.88], мы в данной работе методом индуктивного анализа проанализировали ряд газетных статей с целью проследить, как те или иные лексические и лексико-синтаксические средства влияют на построение речевого воздействия. Критерием отбора статей послужила острота представленного материала (российско-украинский конфликт), а также предполагаемая ангажированность издания (the Guardian), т.е. его стремление к представлению информации в одностороннем виде, когда выбор слов не оставляет читателям пространства для самостоятельного суждения. В силу формата данной статьи мы остановимся на 3 статьях и 9 абзацах из них, в которых нам встретились 46 лексических единиц, несущих отрицательную коннотацию, что в рамках контекста формирует восприятие новостного материала в одном направлении. За основу мы брали классификации стилистических средств И.Р. Гальперина [12] и И.В. Арнольд [11]. Теперь рассмотрим примеры подробнее:

1) **Vladimir Putin has signed a decree marking Saturday 30 September as “Reunification Day”**, commemorating Russia’s illegal annexation of Ukraine’s Luhansk, Donetsk, Zaporizhzhia and Kherson regions. In a video address the Russian president said their “accession” to the Russian Federation a year ago was “a defining, truly historic and life-changing event”. [13]

В данном примере нам представляется любопытным словосочетание *illegal annexation*, особенно употребление эпитета *illegal* по отношению к действию, которое а) имеет отрицательную коннотацию; б) уже само по себе считается незаконным [14]. Таким образом, можно заключить, что имеет место усиление отрицательной коннотации слова *annexation* за счёт эпитета с тоже отрицательной коннотацией, что вдвойне подчёркивает «вопиющность» и возмутительность действий одной из сторон. Второй случай, представляющий интерес, это заковыченное слово *accession*, что подчеркивает субъективность употребления данного термина и несогласие с ним авторов статьи.

2) **Russia’s former president Dmitry Medvedev marked the anniversary by suggesting Russia may annex more of Ukraine.** “Victory will be ours. And there will be more new regions within Russia,” said Medvedev, who is now deputy chair of Russia’s security council. [13]

В данном случае мы снова видим слово с тем же корнем – *annex*, однако предметный интерес представляет здесь тот факт, что данный глагол не употреблялся в прямой речи Дмитрия Медведева и является выбором журналистов The Guardian, что опять же подчёркивает их несогласие с

позицией бывшего президента и акцентирует внимание на, по их мнению, незаконности и «вопиющести» потенциальных действий российской стороны.

3) “Our response to the invasion was by the hour at first, now not to the same degree, but it is absolutely Europe’s top priority and we will stay supportive of Ukraine until the war is won and Ukraine has been rebuilt, and become a member of the European Union,” Vestager continued. [13]

В данном примере для оценки действий одной из сторон используется слово с отрицательной коннотацией – *invasion*. Помимо этого, как и в примере 1 используется эпитет, чтобы подчеркнуть важность для Евросоюза помощи Украине – *top priority*, когда слово *priority* уже имеющее значение чего-то приоритетного, того, на что необходимо бросить всё внимание и силы, дополняется прилагательным *top*, которое призвано подчеркнуть ещё более приоритетный характер поставленной цели. Также можно заметить ещё один эпитет – *supportive* – в функции обстоятельства, цель которого подчеркнуть правоту и благочестивость целей Евросоюза в отношении Украины, так как согласно дефиниции слово *support* указывает на поддержку и согласие между сторонами, демонстрирует союзнические настроения и мотивы.

4) “I think that is the crucial commitment that has been made, and that will be a better union when that is brought about – a more dynamic union and a more united union.” [15]

В данном случае развивается мысль, представленная в предыдущем абзаце, что помощь Украине является жизненно важной для Евросоюза (эпитет *crucial* к слову *commitment*), и поможет ему стать сильнее и лучше. Последняя мысль выражена эпитетами в сравнительной степени, что делает акцент на движении в правильном направлении и устойчивом развитии по мнению авторов *The Guardian*.

5) Indeed, in the immediate aftermath of the Russian invasion, Josep Borrell, the EU foreign and security chief, argued the EU had grown up, “making more progress in a week toward the objective of being a global security player than it had in the previous decade”. The example of the brave Ukrainian resistance sprang the EU into a newfound sense of purpose. [15]

Слово с отрицательной коннотацией – *invasion* [16] – сопровождается словосочетанием *immediate aftermath*, в котором эпитет *immediate* подчеркивает решительность Евросоюза в его намерениях, незамедлительность его ответной реакции на отрицательное действие, в то время как украинские силы представлены смелыми – за счёт эпитета *brave* и стоящими на страже правого дела – за счёт существительного с положительной коннотацией – *resistance* [17].

6) “Russia’s war had awakened a slumbering giant,” he claimed. Measures that were unthinkable just a few days earlier, such as barring leading Russian banks from the Swift international financial messaging system and freezing the Russian central bank’s assets, were imposed at an unprecedented pace. [15]

Примечательным в данном абзаце является употребление метафоры – *a slumbering giant*, что является довольно редким в публицистических текстах. Это единственный случай метафоры из всех проанализированных примеров. Данная метафора призвана создать у читателей иллюзию величий Евросоюза, а

его не слишком удачные до поры действия компенсировать тем, что в момент, когда гигант проснётся, никому мало не покажется. Помимо этого, интересными представляются два эпитета – *unthinkable* и *unprecedented* – которые подчеркивают, что “пробуждение” Евросоюза, по словам Борреля, произошло чрезвычайно быстро, а последующие шаги были невероятно решительными.

7) Human rights lawyers working with Ukraine’s public prosecutor are preparing a war crimes dossier to submit to the international criminal court (ICC) accusing Russia of deliberately causing starvation during the 18-month-long conflict, **Dan Sabbagh** reports. [18]

Словосочетание *war crime* является устоявшимся и в словаре [19] его значение даётся как единое целое. Тем не менее, если его разобрать на составные части, то получится, что слово *war*, служащее в данном сочетании эпитетом, не просто акцентирует внимание на времени, когда совершено преступление, но и подчёркивает масштабы злодеяний даже по меркам такого события как война. В данном контексте авторы англоязычной статьи пытаются представить действия России на фронте как раз в таком свете. Масштабы злодеяний подчеркивает слово *starvation*, которое согласно, своей дефиниции, означает не просто голод, а тот, что зачастую приводит к летальному исходу. В дополнение к этому, за счёт эпитета *deliberately* сообщается, что российская сторона вызывает такой голод намеренно.

8) The aim is to document instances where the Russian invaders used hunger as a weapon of war, providing evidence for the ICC to launch the first prosecution of its kind that could indict the Russian president, Vladimir Putin. [18]

Сочетание эпитета *Russian* со словом отрицательной коннотации *invaders* непрозрачно указывает, кто по мнению западных авторов является захватчиками. Помимо этого, используется сравнение *hunger as a weapon of war*, что подчеркивает тот факт, что даже такую базовую потребность как потребность в еде, российская сторона использует как оружие для достижения своих целей.

9) Yousuf Syed Khan, a senior lawyer with law firm Global Rights Compliance, said “the weaponisation of food has taken place in three phases,” starting with the initial invasion where Ukrainian cities were besieged and food supplies cut. [18]

Первое выделенное словосочетание в данном абзаце развивает мысль предыдущего об использовании базовых нужд человека и их нехватку в качестве оружия. Далее снова употребляется слово *invasion*, отрицательная коннотация которого уже была нами отмечена ранее. В данном случае оно сочетается с эпитетом *initial*, что использование продовольствия в качестве оружия началось ещё с начала боевых действий.

Таким образом, если говорить о том, в какую сторону направлено речевое воздействие статей издания *The Guardian*, то можно однозначно заключить, что РВ в данном случае является антироссийским и призвано сформировать у читателя картину о российской стороне как оккупанте, чьи действия незаконны, преступны, выходят за рамки человеческой морали и даже чудовищны, а вот

поддержка Украины Евросоюзом это положительное действие, направленное во благо. Данная пропаганда со стороны западного издания на лексическом уровне реализуется, главным образом, за счёт использования эпитетов в сочетании со словами с отрицательной коннотацией, которые направлены контекстуально на очернение России.

Говоря статистически, количество эпитетов из 46 выделенных нами лексических единиц составило 18. Помимо этого была выявлена 1 метафора и 1 сравнение. Остальные лексические единицы не имеют прямого отношения к тропам и непосредственно стилистическим средствам и оказывают воздействие за счёт своего лексического значения и коннотации. Из общего количества проанализированных лексических единиц выявлено 14 слов отрицательной коннотации, 9 слов положительной коннотации, остальные являются нейтральными и могут быть по-разному рассмотрены в зависимости от контекста и другого лексического окружения. В данном случае, можно проследить тенденцию, что явно негативно окрашенные слова использовались в отношении России, в то время как явно положительные слова – в отношении Украины, что контекстуально в сознании читателей создаёт представление об одной из сторон как однозначно плохой, а о второй как однозначно хорошей. Исходя из этого, можно сделать вывод в предвзятости газеты The Guardian и наличии в статьях уклона, т.е. принятии авторами определённой однобокой перспективы, о чём свидетельствует “черно-белый” выбор лексических единиц и их контекстуальная ориентированность.

Список литературы

1. Свекла, Т.П. Слоган как основной компонент рекламного сообщения и его влияние на массовое сознание / Т.П. Свекла // Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского: Коммуникативные исследования, 2015. – № 3 (2). – С. 87-95.
2. Вандриес, Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. Пер. с франц. и примеч. П.С. Кузнецова / Ж. Вандриес // М.: Государственное социаль-но-экономическое издательство, 1937. – 410 с.
3. Стернин, И.А. Введение в речевое воздействие: монография / И.А. Стернин. – М.: Российская государственная библиотека, 2001. – 252 с.
4. Паршин, П. Б. Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века / П. Б. Паршин // Вопр. языкознания. – 1996. – № 2. – С. 19–42.
5. Навасартян, Л.Г. Языковые средства и речевые приемы манипуляции информацией в СМИ (на материале российских газет): дис. ... канд. фил. наук: / Л.Г. Навасартян. – Саратов, 2017. – 172 с.
6. Кодзасова, О.М. Современные методы рекламы продукции / О.М. Кодзасова // Экономика и бизнес: теория и практика, 2021. – №2-1 – С. 101-103.
7. Десяева, Н.Д. Средства, формы, функции педагогического речевого воздействия / Н.Д. Десяева, Е.В. Айбяткова // Вестник Московского городского педагогического университета. – 2013. – № 18. – С. 231-236.

8. Баранов, А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие / А.Н. Баранов. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 592 с.

9. Кравцова, В.Ю. Вербальная манипуляция в аспекте проблемы судебной практики по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации / В.Ю. Кравцова // Философия права. – 2015. – № 2. – С. 27–30.

10. Чигина, Н.В. Специфика английского газетного стиля / Н.В. Чигина, Е.И. Петухова. – Самара, 2016. – № 11 (2). – С. 137-139.

11. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. Учебник для вузов. / И.В. Арнольд // М.: Флинта: Наука, 2002. – 384 с.

12. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка / И.Р. Гальперин // М.: Высшая школа, 1981. – 300 с.

13. Russia-Ukraine war at a glance: what we know on day 585 of the invasion. The Guardian. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2023/oct/01/russia-ukraine-war-at-a-glance-what-we-know-on-day-585-of-the-invasion>

14. Hofmann, Rainer (2013). "Annexation". Max Planck Encyclopedia of Public International Law. Oxford University Press

15. "No turning back": how the Ukraine war has profoundly changed the EU. The Guardian. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2023/sep/30/ukraine-russia-war-changed-eu>

16. The Cambridge Dictionary. Invasion. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/invasion?ysclid=ln98172g4v858425519>

17. The Cambridge Dictionary. Resistance. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/resistance>

18. What happened in the Russia-Ukraine war this week? The Guardian. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2023/sep/30/what-happened-in-the-russia-ukraine-war-this-week-catch-up-with-the-must-read-news-and-analysis>

19. The Cambridge Dictionary. War crime. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/war-crime>

Сведения об авторах:

Иванишин Дмитрий Александрович; кандидат филологических наук, доцент, Орловский государственный университет, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; ghostpanther@yandex.ru; +9004878919.

Кононова Мария Валерьевна; аспирант 3 курса кафедры английской филологии института иностранных языков, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; kononova-mari-1996@mail.ru; +9200801579.

Когнитивная метафора как средство создания комического образа в американском политическом медиадискурсе (на примере новостных статей)

Осипова Ольга Сергеевна

Южный Федеральный Университет, аспирант 3 курса кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Ростов-на-Дону, Россия, muse245@mail.ru

Аннотация. Актуальность работы обусловлена необходимостью в расширении представлений о функционировании метафоры в политическом медиадискурсе. Целью исследования является рассмотрение когнитивной метафоры как средства создания комического образа политика на материале американских новостных статей политической тематики. Особое внимание уделяется классификации образов политиков, создаваемых с помощью метафор в СМИ.

Ключевые слова: когнитивная метафора, политический образ, комический образ, медиадискурс, политическая модализация.

Metaphor as a means of creating a comic image in the American political media discourse (based on news articles)

Olga S. Osipova

Southern Federal University, 3-year postgraduate student of the Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Rostov-on-Don, Russia, muse245@mail.ru

Abstract. The relevance of the work is due to the need to expand the understanding of the functioning of metaphor in the political media discourse. The purpose of the study is to consider cognitive metaphors as a means of creating a comic image of a politician based on the material of American news articles of political topics. Particular attention is paid to the classification of the images of politicians, created in mass media through the metaphor.

Keywords: cognitive metaphor, comic image, political media discourse, political modalization.

За последние годы политический дискурс претерпел значительные изменения. С одной стороны, он приобрёл достаточно агрессивный характер, с другой, по своим характеристикам приближается к ток-шоу, цель которого – веселить и развлекать аудиторию [Горностаева, 2018, с. 109]. Следовательно, можно с уверенностью сказать, что в современный политический дискурс тесно вплетено комическое, которое призвано не только веселить аудиторию, но и

манипулировать ею для достижения определённых целей, в том числе для формирования в сознании масс негативного образа политика. Иными словами, юмор выступает «одним из способов мягкой модализации» [Краснова, 2015, с.132], под которой понимается «изложение событий, связанных с политической жизнью страны, под определённым углом зрения с целью формирования у аудитории позитивного / негативного отношения к ним в желаемом для автора изложения направлении в соответствии с его убеждениями и социальным заказом» [Боева-Омелечко и др., 2018].

Одним из эффективных средств создания указанных образов в политическом дискурсе выступают когнитивные метафоры, что отмечается в работах Г. А. Барышниковой и И. И. Дубининой [Барышникова, Дубинина, 2019], И. В. Ивановой [Иванова, 2004], В. Ю. Кузнецовой [Кузнецова, 2021], Е. С. Храбровой [Храброва, 2010].

В данной работе мы рассматриваем метафору с позиций когнитивистики, согласно которой метафора выходит за рамки тропа и является способом познания действительности. Создателями теории концептуальной метафоры являются Д. Лакофф и М. Джонсон, которые под концептуальной метафорой понимают когнитивный процесс взаимодействия между структурами знаний двух концептуальных доменов – сферы-источника и сферы-мишени [Лакофф, Джонсон, 2004]. Метафорические концепты, с одной стороны, связывают описываемую ситуацию с имеющейся системой знаний и, с другой стороны, оказывают эмоциональное воздействие на читателя, тем самым, формируя отношение читателя к описываемому политику [Иванова, 2004, с. 22].

В создании комического образа политика участвует богатый арсенал языковых и неязыковых средств, однако когнитивная метафора как способ создания такого образа ещё не служила объектом отдельного исследования, что и обуславливает актуальность и новизну данной работы. Целью исследования состоит в классификации комических образов политиков, создаваемых при участии когнитивной метафоры.

Материалом исследования послужили отобранные методом сплошной выборки новостные статьи электронных версий таких журналов, как «The New York Times» и «The Washington Post».

Итак, на основе проведённого исследования, нами были выделены следующие образы.

1. Образы, комичность которых основана на высмеивании нелепого внешнего вида политика.

(1) *After losing to an orange puffer clown fish who will go down as one of the most destructive forces in American history and flushing the Obama legacy down the drain, that's delusional* [The New York Times].

В данном примере целью журналистов стало высмеивание внешнего вида Д. Трампа. Комический эффект создается за счёт использования природоморфной и зооморфной метафоры: президент репрезентируется как рыба-клоун, цвет которой похож на цвет лица политика, появляющегося на людях с чересчур загорелым лицом жёлто-оранжевого оттенка (видимо, политик переборщил с автозагаром). Название рыбы подчёркивает нелепость

выступлений Д. Трампа, делающей его похожим на клоуна. В итоге, за счёт использования зооморфной метафоры в глазах читателей Д. Трамп предстаёт как человек, крайне мало подходящий для роли президента.

2. Образы, комичность которых основана на акцентуации непопулярности политика.

(2) *She carries herself with the air of a president in exile. Her consigliere, Philippe Reines, has prodded reporters on including her name when they write about 2020 candidates* [The New York Times].

Нападкам журналистов подвергается Х. Клинтон, которая с помощью социоморфной дигнитарной метафоры предстаёт в образе отправленного в ссылку президента, которым она никогда не была, хотя очень к этому стремилась. Во втором предложении Филипп Райнс, ближайший советник Х. Клинтон, благодаря социоморфной криминальной метафоре изображается как консилиери, советник главы итальянского мафиозного клана, который якобы оказывал давление на журналистов в плане упоминания своего «босса» (а именно Х. Клинтон), когда речь шла о кандидатах в президенты 2020 года. Таким образом высмеивается безуспешное стремление Х. Клинтон стать президентом США.

(3) *Bill was radioactive in the midterms and Hillary was the Ghost of Christmas Past. Her approval rating is at a record low of 36 percent* [The New York Times].

С помощью природоморфной химической метафоры Б. Клинтон предстаёт в роли человека, которого все избегают в силу его опасности для окружающих. Поводом для этого послужила статья из The New York Times “*No One Wants to Campaign With Bill Clinton Anymore*” [The New York Times], на которую ссылается автор настоящей статьи. В упоминаемой статье говорится о неспособности Б. Клинтон принимать какие-либо решения (“*Just days before the midterm elections, Mr. Clinton finds himself in a kind of political purgatory, unable to overcome past personal and policy choices now considered anathema within the rising liberal wing of his party*”),

Комический эффект усиливается за счёт использования социоморфной сказочной метафоры для изображения Х. Клинтон, являющейся аллюзией на произведение Ч. Диккенса «Рождественская история». Это позволяет создать образ политика, который в силу своей непопулярности в настоящий момент не может занять пост президента.

(4) *Sanders, the Windows 95 of Progressive Politics?* [The New York Times].

В данном заголовке с помощью артефактной технической метафоры, обозначающей устаревшую операционную систему, журналисты высмеивают Б. Сандерса, сенатора и американского независимого политика. Цель заголовка и самой статьи в целом – подвергнуть критике идеи политика относительно реформации демократической партии. В тексте статьи журналисты поясняют: “*His policy proposals were consistently out of step with the ideas that have been emerging from progressive think tanks like Demos or the Center for American Progress or championed by his own congressional colleagues*”. В итоге Б. Сандерс предстаёт в образе отставшего от жизни политика.

(5) *Sarah Palin is your old light-up sneakers. She is at that exact sweet spot of the songs of just-too-recently ago, where hearing them just bothers you instead of filling you with nostalgia. "Oh no," you think. "I was sick of this the last time I heard it, and, yup, the feeling has not faded."* [The Washington Post].

С помощью артефактной текстильной метафоры, сферой-источником которой выступают одежда и обувь, член республиканской партии С. Палин приравнивается к старым, вышедшим кроссовкам с подсветкой. Далее в тексте статьи автор раскрывает свою точку зрения путём отождествления политика с заезженной песней, которая скорее раздражает, нежели вызывает ностальгию. Таким образом, журналист убеждает аудиторию в том, что данный политик бесполезен для страны.

3. 2. Образы, комичность которых основана на акцентуации неискренности политика.

(6) *Hillary Clinton Is People. Instead, the video starts with a woman who is moving so her daughter can attend a better school. A bit later it features a woman who after staying home with her kids is going back to work.... the [usual] basis of the campaign announcement trailer is similar to movie trailers. The idea is to provide a tease that will get you excited about the product being sold — in this case, the candidate* [The New York Times].

В статье критике подвергается агитационное видео для предвыборной кампании Х. Клинтон, которое категорически не понравилось журналистам в силу его несоответствия действительности. СМИ сопоставляют агитационный рекламный ролик кандидата в президенты с трейлерами фильмов, что уже принижает значимость как самого ролика, так и кандидата. Журналисты идут дальше и, используя социоморфную финансовую метафору, представляют кандидата в президенты как выставленный на продажу продукт. Как следствие, политик предстает в глазах избирателей как неискренний человек, стремящийся выдать себя за того, кем он не является.

(7) *Looking directly at Trump can be dangerous. His voters used a piece of smoked glass, i.e., Fox News. The level of lying could be blinding, but apparently that was exactly what his voters liked best* [The Washington Post].

В данном примере Д. Трамп предстаёт в образе лжеца за счёт использования антропоморфной зрительной метафоры, гиперболизирующей степень лживости Д. Трампа, которая, однако, благожелательно воспринимается его избирателями.

Заключение

Результаты проведённого исследования позволяют прийти к выводу, что в американском политическом медиадискурсе создаются комические негативные образы политиков, которые можно разделить на три группы: образы, комичность которых основана на высмеивании нелепого внешнего вида политика, образы, комичность которых основана на акцентуации непопулярности политика или его неискренности. В создании данных образов участвуют антропоморфные (зрительные), природоморфные (зооморфные и химические), социоморфные (дигнитарные, криминальные, финансовые, сказочные) и артефактные (технические, текстильные) метафоры. В ряде

случаев метафоры сочетаются с аллюзиями. Как результат осуществляется политическая модализация образа политика в сторону его ухудшения с целью дискредитации политика в глазах избирателей.

Список литературы

1. Барышникова Г. В., Дубинина И. И. Метафорическое создание политического образа руководителя России в западных СМИ (на материале англо-американской и французской прессы) // Известия ВГПУ. 2019. №4 (137). С. 179 –185.
2. Боева-Омелечко Н. Б., Костенко Т. Ф., Володько В. Г. Контрастная репрезентация политических конфликтов в американском и российском президентских дискурсах // Известия ЮФУ. Филологические науки. 2016. № 3. С. 61 – 68.
3. Горностаева А. А. Иронические метафоры в политическом дискурсе // Вестник РУДН. Серия: ЛИНГВИСТИКА. 2018. Т. 22. № 1. С. 108 –125.
4. Краснова Т. И. Политический дискурс и модализация речи в медиатексте // Профессиональная речевая коммуникация и масс-медиа: сб. статей. Вып. 4. – СПб.: Высш. школа журналистики и массовых коммуникаций. 2015. С. 128 – 133.
5. Кузнецова В.Ю. Метафора как инструмент формирования образа политического лидера (на материале американских сми) // Russian Linguistic Bulletin. 2021. №3 (27). С. 57 – 60
6. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. — М.: Едиториал УРСС, 2004. —256 с.
7. Храброва Е. С. Роль и функции метафоры в создании портрета политического деятеля в российском и американском политическом дискурсе: автореф. дис....канд. филол. наук:10.02.01, Курск. 2010. – 20 с.
8. The New York Times URL: <https://www.nytimes.com> (дата обращения: 12.09.2023)
9. The Washington Post URL: <https://www.washingtonpost.com> (дата обращения: 09.09.2023)

Сведения об авторе:

Осипова Ольга Сергеевна; аспирант, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного Федерального Университета, 344006, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42; muse245@mail.ru; +79064199161.

Osipova Olga Sergeevna; postgraduate student, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication of Southern Federal University; 344006, Russian Federation, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya Str., 105/42; muse245@mail.ru; +79064199161.

УДК: 81:316.77

**Средства реализации стратегии дискредитации в выступлениях Х.
Клинтон и Д. Трампа 2016-го года**

Пакус Виктория Олеговна

Южный федеральный университет, аспирант 3 курса, Ростов-на-Дону, Россия,
vpakusv@gmail.com

Аннотация. Актуальность работы обусловлена интересом учёных к стратегии дискредитации в политическом предвыборном дискурсе. Цель исследования состоит в выявлении особенностей реализации стратегии дискредитации в выступлениях политиков, принадлежащих к противоборствующим партиям.

Ключевые слова: американский политический дискурс, предвыборный дискурс, партия власти, оппозиционная партия, дискредитация

**Means of implementing the discrediting strategy in the speeches of H. Clinton
and D. Trump of 2016**

Pakus O. Victoria

Southern Federal University, 3rd year postgraduate student, Rostov-on-Don, Russia,
vpakusv@gmail.com

Abstract. The relevance of the work is due to the interest of scientists in the strategy of discrediting in political pre-election discourse. The purpose of the study is to identify the features of the implementation of the discrediting strategy in the speeches of politicians belonging to opposing parties.

Keywords: american political discourse, election discourse, party of power, opposition party, discrediting

В XXI веке, в связи с развитием различных средств массовой информации, политика приобретает всё большую публичность. Как следствие, представители власти вынуждены оперативно реагировать на различные ситуации и явления. При этом в ходе формирования своего политического дискурса политик оказывается заложником тех политических устремлений, которые бы не только отвечали его интенциям, но и были бы положительно приняты избирателями [Рогожникова 2013, с. 3].

Однако политика не ограничивается диалогом представителя власти и нации. С распространением демократии активными участниками политического дискурса становятся и представители оппозиции. Так, в американском политическом дискурсе XXI века активно участвуют приверженцы оппозиционных движений, что позволяет говорить о наличии в

американской политике реальной политической конкуренции [Ахметова, Грандоян 2013, с. 273].

Наиболее ярко конкуренция между властью и оппозицией раскрывается в предвыборных кампаниях [Varasa, *et al.*, 2023, с. 45], превращающих политиков в экономические субъекты, реализующих свой политический «товар» [Вилков 2016, с. 310].

В условиях острой предвыборной конкуренции политики используют дискурс как «площадку для борьбы» [Алексеев, 2022, с. 166], что обуславливает высокую степень агрессивности продуцируемых ими дискурсов. Речевая агрессия в политическом дискурсе направлена, в первую очередь, на “понижение социального (политического) статуса объекта” [Шейгал 2004, с. 230-231], и чем жёстче конкуренция в развёртывающейся предвыборной гонке, тем более агрессивные и неподобающие с моральной точки зрения тактики используют кандидаты в своих политических дискурсах [Мишланов 2009, с. 6]. В политическом предвыборном дискурсе речевая агрессия чаще всего реализуется при помощи оскорблений, насмешек, обвинений, порицаний и др. [Закоян 2008]. Агрессивность предвыборного политического дискурса позволяет политику эффективно воздействовать на эмоциональную составляющую ментальности адресата-наблюдателя, отодвинув при этом информационный аспект сообщения на второй план [Громыко 2006, с. 89], так как «агон» в политическом дискурсе становится не только борьбой, но и «театральным представлением, немислимым без зрителя» [Михалева].

Так, в 2016 году в ходе предвыборной гонки кандидат от республиканской партии – Д. Трамп, и от демократической – Х. Клинтон, ведут ожесточённую борьбу за пост президента. В силу принадлежности к разным партиям и, как следствие, приверженности противоположным системам ценностей, кандидаты используют обширный арсенал языковых средств, призванный помочь им дискредитировать друг друга для достижения их главной интенции – захватить и перераспределить власть.

Так, Д. Трамп, характеризуя своего оппонента используют лексемы с отрицательной коннотацией. Так, говоря о Х. Клинтон, кандидат от республиканской партии употребляет лексему, в структуру значения которой входят семы «плохой», «неприятный»:

(1) «Such a **nasty** woman» (D. Trump, 19 October, 2016).

С помощью лексемы с отрицательной коннотацией Д. Трамп приписывает своему оппоненту такие черты как *нечестность*, *жуликоватость*, а акцентирует внимание на количестве ошибок, допущенных Х. Клинтон, что представляет её как некомпетентного политика:

(2) «**Crooked** Hillary no longer has credibility - too **much failure** in office» (D. Trump, 2 June, 2016).

Стремясь продемонстрировать некомпетентность своего оппонента, Д. Трамп заявляет о несоответствии Х. Клинтон для того, чтобы занять пост президента:

(3) «No, you are the one that's **unfit**» (D. Trump, 19 October, 2016).

Аргументируя свою позицию, Д. Трамп также даёт оценку её суждениям и последующим действия с помощью лексем в структуры которых входят семы «плохой», «неудачный», «ужасный»:

(4) «It's a **horrible** thing she's doing. She's got **bad** judgment, and honestly, so bad that she should never be president of the United States» (D. Trump, 9 October, 2016).

В связи с многолетним участием Х. Клинтон в политической жизни государства, Д. Трамп также акцентирует внимание на прошлых «заслугах» кандидата от демократической партии. Так, он возлагает ответственность за множество существующих в мире *проблем* на правящую демократическую партию, тем самым дискредитируя и действующую на тот момент власть и саму Х. Клинтон:

(5) «The biggest complaint they have—it's with all of the **problems** going on in the world, many of the **problems** caused by Hillary Clinton and by Barack Obama» (D. Trump, 19 October, 2016).

Говоря о решениях, принятых демократами по Ближнему Востоку, он характеризует их как *катастрофу*:

(6) «Well, President Obama and Secretary Clinton created a vacuum the way they got out of Iraq, because they got out—what, they shouldn't have been in, but once they got in, the way they got out was a **disaster**» (D. Trump, 26 September, 2016).

В следующем примере Д. Трамп описывает политическую деятельность Х. Клинтон с помощью фразеологизма, который представляет её саму и её деятельность как источник бед:

(7) «Clinton has **opened the Pandora's box** of radical Islam» (D. Trump, 22 June, 2016).

Как следствие, политическая деятельность Х. Клинтон представляется провальной. Стремясь эффективно воздействовать на аудиторию, Д. Трамп задаёт риторические вопросы, вынуждающие адресата задуматься о некомпетентности Х. Клинтон несмотря на её многолетний опыт и принять суждения Д. Трампа как верные. Так, Х. Клинтон представляется безразличной к самым важным проблемам населения – сферам здравоохранения и экономике, что подчёркивается риторическими вопросами, повторами и отрицанием действий со стороны оппонента:

(8) «She talks about health care. **Why didn't she do something about it?** She talks about taxes. **Why didn't she do something about it?** She doesn't do anything about anything other than talk. With her, it's all talk and **no action**» (D. Trump, 9 October, 2016)

При этом Д. Трамп отмечает, что Х. Клинтон не стремится что-либо менять в себе и, как следствие, в своей политической деятельности в то время как государство остро нуждается в изменениях. Эмоциональное воздействие также усиленно лексическим и синтаксическим повторами:

(9) «She **never changed**. And she **never will change**. She **never will change**» (D. Trump, 9 October, 2016).

Стремясь дискредитировать своего оппонента Д. Трамп часто употребляется в своей речи лексемы, принадлежащие к различным частям речи, в структуры значений которых входят семы «неправда», «ложь». Например, глаголы в различных временных формах, позволяющие продемонстрировать систематическую ложь в дискурсе Х. Клинтон:

(10) «And she's going after fact after fact, and she's **lying** again» (D. Trump, 9 October, 2016).

(11) «She **lied** when she said she didn't call it the gold standard in one of the debates. She totally **lied**» (D. Trump, 19 October, 2016).

В следующих примерах Д. Трамп открыто характеризует Х. Клинтон как опытного *лжеца*:

(12) «Look, she's been proven to be a **liar** on so many different ways» (D. Trump, 19 October, 2016).

(13) «Hillary Clinton who, as most people know, is a **world class liar**» (D. Trump, 22 June, 2016).

Так, с помощью своего предвыборного дискурса, Д. Трамп формирует отрицательный образ Х. Клинтон. Кандидат от демократической партии представляется некомпетентным политиком, который много лет принимает неверные решения и обманывает собственных сторонников, приносящим своей нации только беды и ничего нежелаящий менять. Для этого Д. Трамп использует лексемы, принадлежащие к разным частям речи, с отрицательной коннотацией, в структуры значений которых входят семы «плохой» «неприятный», «неудачный», «ужасный», «неподходящий», «неспособный», «неудача», «проблема», «катастрофа», «неправда», «ложь», «лгать», «обманывать», а также фразеологизм, риторические вопросы, синтаксические и лексические повторы.

Х. Клинтон, в свою очередь, также подвергает сомнению профпригодность Д. Трампа с помощью лексем с семами «неподходящий», «неспособный»:

(15) «Donald Trump is different. I said starting back in June that he was **not fit** to be president and commander-in-chief» (H. Clinton, 9 October, 2016).

Аргументируя свою позицию, Х. Клинтон использует лексемы, в структурах значений которых мы находим семы «ранимый», «уязвимый» и «раздражительный», «вспыльчивый»:

(16) «Do we want him making those calls – someone **thin-skinned** and **quick to anger**, who lashes out at the smallest criticism?» (H. Clinton, 2 June, 2016).

Х. Клинтон также обращает внимание аудитории на те неподобающие с нравственной точки зрения средства, которые использует Д. Трамп в ходе предвыборной гонки:

(17) «We all know the tools Donald Trump brings to the table – **bragging**, **mocking**, composing **nasty** tweets» (H. Clinton, 2 June, 2016).

Не остаётся без внимания и крайне успешная предпринимательская деятельность Д. Трампа. Так, Х. Клинтон обвиняет своего оппонента в уклонении от налогов, что несомненно вредит всем сферам государства и, как

следствие, его гражданам. Воздействие на адресата усиливается при помощи устойчивых словосочетаний и повтора:

(18) «People like Donald, who **paid zero** in taxes, **zero for** our vets, **zero for** our military, **zero for** health and education, that is **wrong**» (H. Clinton, 9 October, 2016).

(19) «But what is really troubling is that we learned in the last debate he **has not paid a penny** in federal income tax» (H. Clinton, 19 October, 2016).

С помощью фразеологизма в следующем примере Х. Клинтон подчёркивает лицемерность действий Д. Трампа:

(20) «So he goes around **with crocodile tears** about how terrible it is, but he has given jobs to Chinese steelworkers, not American steelworkers» (H. Clinton, 19 October, 2016).

Одной из наиболее животрепещущих тем, используемых для дискредитации Д. Трампа становится его неподобающее поведение по отношению к другим людям. Так, Х. Клинтон упоминает о множестве женщин, которые были оскорблены высказываниями и действиями Д. Трампа. В следующем примере также используется повтор:

(21) «**We have seen him insult** women. **We've seen him rate** women on their appearance, ranking them from one to ten. **We've seen him embarrass** women on TV and on Twitter. **We saw him** after the first debate spend nearly a week **denigrating** a former Miss Universe in the harshest, most personal terms» (H. Clinton, 9 October, 2016).

(22) «Donald thinks **belittling** women makes him bigger» (H. Clinton, 19 October, 2016).

Нападкам со стороны Д. Трампа подвергаются и представители других социальных групп. Например, инвалиды:

(23) «But he also **went after** a disabled reporter, **mocked** and **mimicked** him on national television» (H. Clinton, 19 October, 2016).

А также представители различных религий:

(24) «And Donald **insulted** and attacked them for weeks over their religion (H. Clinton, 9 October, 2016).

Такое поведение Д. Трампа, по мнению Х. Клинтон, подрывает демократические устои США, что несомненно не может оставлять равнодушным, ведь именно демократия выступает главным ориентиром и ценностью всех граждан США:

(26) «He is **denigrating**—he's **talking down** our democracy» (H. Clinton, 19 October, 2016).

Так, в предвыборном дискурсе Х. Клинтон формируется образ Д. Трампа как некомпетентного, лицемерного, нечестно ведущего бизнес в убыток государству и не заботящегося о гражданах кандидата на пост президента. Человека с неверными ценностными ориентирами и принципами, проявляющего неуважение к главным ценностям США. Для этого Х. Клинтон использует лексемы с отрицательной коннотацией, в структурах значений которых мы находим семы «лживый», «ранимый», «уязвимый», «раздражительный», «вспыльчивый», «неправильный», «хвастовство»,

«издевательство», «насмешка», «глумление», «принижать», «оскорблять», «унижать», «нападать», «стеснять», «клеветать», «очернять», а также фразеологизмы и различные повторы.

Подводя итоги, мы можем утверждать, что для реализации стратегии дискредитации в американском предвыборном политическом дискурсе несомненно полезны оказываются лексемы, принадлежащие к различным частям речи, и фразеологизмы с отрицательной коннотацией, риторические вопросы, лексические и синтаксические повторы.

Список литературы

1. Рогожникова Т. П. Политический текст начала XX века: дискурсивный аспект (на материале омских архивных документов) / Т. П. Рогожникова // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2013. – № 2(12). – С. 149-153.
2. Ахметова Д. И., Грандоян К. А. Политическая конкуренция и структура гражданского общества / Д. И. Ахметова, К. А. Грандоян // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. – 2013. – № 1 (22). – С. 273 – 275.
3. Barasa M. N. Conceptualising Nationalism, Revolution and Opposition in Political Discourse by Use of Metaphors: The Case of Raila Odinga in Kenya / M. N. Barasa, A. M. Moinani, V. Khasandi-Telewa // Journal of Languages and Linguistics. – 2023. – V. 2. Is. 1. – P. 44 – 53.
4. Вилков А. А. Предвыборная кампания как фактор политических конфликтов в современной России / А. А. Вилков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2016. – Т. 16, № 3. – С. 309-314.
5. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М., 2004.
6. Акопова Д. Р. Политический текст: понятие и жанровая специфика / Д. Р. Акопова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014б. – № 21 (32). – С. 22 – 24.
7. Мишланов В. А. Коммуникативные стратегии и тактики в современном политическом дискурсе (на материале политической рекламы предвыборных кампаний 2003, 2007, 2008 гг.) / В. А. Мишланов, Н. С. Нецветаева // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2009. – № 6. – С. 5-13.
8. Громыко С. А. "Дума народного гнева" (о речевой агрессии в Первой Государственной Думе) / С. А. Громыко // Русская речь. – 2006. – № 6. – С. 88-93.
9. Михалева О. Л. Политический дискурс: способы реализации агональности. URL : <http://www.rus-lang.com/about/group/mikhal-eva/state2>.
10. Закоян Л. М. Речевая агрессия как предмет лингвистических научных исследований / Л. М. Закоян // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. – 2008. – № 2. – С. 46 – 52.

Список источников фактического материала

1. The Commission on Presidential Debates [сайт] // – URL: <https://www.debates.org/> (дата обращения 21.09.2023).
2. Time [сайт] // – URL: <https://time.com/> (дата обращения 21.09.2023).

Сведения об авторе:

Пакус Виктория Олеговна; аспирант 3 курса, Южный федеральный университет, 344006, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, д. 105/42; vpakusv@gmail.com; +79185557588.

Pakus Victoria Olegovna; 3rd year postgraduate student, Southern Federal University, 344006, Russian Federation, Rostov-on-Don, B. Sadovaya str., 105/42; vpakusv@gmail.com; +79185557588.

УДК 811.511.113'373.21

Топонимы как средство вторичной номинации в испанских медиатекстах

Разворотнева Ирина Николаевна

Воронежский государственный университет, преподаватель кафедры романской филологии, аспирант, Воронеж, Россия, irasus@mail.ru

Аннотация. Предметом рассмотрения является функционирование топонимов в испанских медиатекстах, рассматриваются особенности использования топонимов как средства вторичной номинации.

Ключевые слова: топоним, вторичная номинация, испанский язык, заголовок, медиатекст.

Toponyms as Means of Secondary Nomination in Spanish Mediatexts

Razvorotneva Irina Nikolaevna

Voronezh State University, faculty member of the department of the Roman languages, post-graduate student, Voronezh, Russia, irasus@mail.ru

Abstract. Functioning of toponyms in the Spanish media texts are analyzed, distinguishing characteristics of toponyms as means of secondary nomination are analyzed.

Key words: toponym, secondary nomination, Spanish language, headline, mediatext.

В последние несколько десятилетий усилился интерес к изучению имен собственных, их прагматических функций, семантического потенциала и функционирования в разных дискурсивных условиях. Предметом нашего

изучения стали топонимы, а целью — выявление особенностей их функционирования в испанских медиатекстах из раздела *Internacional* ‘Международная политика и события в мире’ онлайн версий наиболее авторитетных испанских изданий (“ABC”, “El Mundo”, “El País”, “La Razón” и “La Vanguardia”).

Топонимы как индивидуализирующие знаки (в противоположность характеризующим и квантитативным) в силу своих характеристик занимают особое место среди прочих имен собственных, составляя отдельный класс онимов, которые определяются как «название природного объекта на Земле, а также объекта, созданного человеком на Земле, который четко зафиксирован в данном регионе» [Подольская, 1988, с. 127]. Общепризнанным является тот факт, что в случае «специализированной лексики (и особенно в именах собственных) предметная соотнесенность доминирует над понятийной стороной означаемого знака» [Уфимцева, 1977, с. 27].

Ученые выделяют у топонимов несколько планов значения: до-топонимический, собственно топонимический и от-топонимический [Никонов 2018, с. 60], тем самым подчеркивая тот факт, что в значении топонима содержится языковая, речевая и энциклопедическая (экстралингвистическая информация) [Суперанская, 1973, с. 259-260]. Важно при этом, что не все топонимы развивают от-топонимические значения (заклучают в себе экстралингвистическую информацию). В то же время, как отмечает В. А. Никонов, «от-топонимические производные бывают даже известнее топонима» [Никонов 2018, с. 60]. Очевидно, что разграничение нескольких планов значения у топонимов так или иначе связано с разграничением первичной и вторичной номинации.

Под вторичной номинацией, вслед за В. Н. Телия, мы понимаем «использование уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции наречения» [Телия, 1977, с. 129].

Как же функционируют топонимы в испанских медиатекстах? Обращает на себя внимание тот факт, что топонимы по-разному функционируют в разных дискурсивных условиях. В частности, в языке СМИ они встречаются гораздо чаще чем в других видах текстов. В этом отношении частотность их употребления сопоставима только с художественными тестами. Приведем в качестве примера утверждение А. В. Данильченко, который отмечает, что «в газете только топонимы составляет приблизительно такой же процент лексики, как все онимы в художественном произведении /имеется в виду число употреблений, а не количество разных топонимов/» [Данильченко, 1991, с. 8]. Медиатексты призваны, прежде всего, информировать читателей относительно актуальных событий общественно-политической и культурной жизни (информативная функция). В связи с чем необходимо упомянуть, что обязательными компонентами события, по мнению М. Ю. Кухарева, являются «пространственная локализация, объект, субъект и результат, а второстепенными – информация о времени, обстоятельствах, причине, средствах и цели (цит. по [Гришаева, 2014, с. 90]). Высокая частотность употребления топонимов в медиатекстах во многом объясняется тем, что

всякое событие происходит во времени и пространстве, и именно топонимы призваны информировать читателя о том, где именно происходят описываемые события.

Согласно нашим наблюдениям, разные классы топонимов имеют свои особенности функционирования. Согласно принципу частотности наибольший удельный вес в медиатекстах исследуемой тематики имеют названия стран и регионов (хоронимы), за ними следуют ойконимы (названия населенных пунктов), урбанонимы (названия внутригородских объектов), домонимы (названия отдельных зданий), гидронимы (названия водных объектов) и прочие виды топонимов. Следует, однако, учитывать тот факт, что медиатексты международной тематики неоднородны по своему составу: они включают в себя такие жанры, как новостные заметки, криминальная хроника, сообщения о событиях международной политики, что определяет особенности употребления в них определенных видов топонимов и их использование как средств первичной и вторичной номинации.

В частности, в новостных заметках и криминальной хронике, как и в других жанрах медиатекстов, частотным является употребление хоронимов (названий стран) и ойконимов (названий населенных пунктов), при этом они используются как средства первичной номинации и выполняют свою основную функцию.

Tres muertos, tres heridos y un detenido en tres incidentes relacionados en Nottingham (*El Mundo*, 13/06/2023) (1)

Uber cierra su negocio de reparto en Italia y sale de Israel, pero se expande en España (*La Razón*, 29/07/2023) (2)

В приведенных выше примерах (1) и (2) названия стран *Italia*, *Israel*, *España* и города *Nottingham* используются в своем прямом значении для указания на географический объект, реализуют свою основную адресную функцию.

Однако, как показывает анализ языкового материала, гораздо чаще используемые в медиатекстах топонимы являются средствами вторичной номинации.

Использование топонимов в функции вторичной номинации обусловлено видом топонима и степенью его известности публике (превалирование оттопонимического компонента значения у хорошо известных аудитории топонимов). Вторичные номинации чаще всего возникают на основе метонимии и метафоры. Метафора и метонимия — это универсальные в своей понятийной основе способы переосмысления... язык предпочитает метонимию в индикативной сфере, поскольку она исходит из того, что в самом деле имеет место, а метафора широко используется в поле действия экспрессивной функции языка [Телия, 1977, с. 211]. Ниже представлены примеры наиболее продуктивных видов метонимических переносов.

Europa imagina el día después de Putin (*La Vanguardia*, 14/06/2023) (3)

Ucrania afirma que su contraofensiva avanza y ha recuperado cinco localidades (*El Mundo*, 12/06/2023) (4)

Dubái quiere que las startups españolas crezcan desde su ciudad (La Razón, 16/06/2023) (5)

Хороним *Europa* в примере (3) используется не для обозначения территории или континента, а для указания на руководство экономического и политического объединения 27 европейских стран (ЕС), что подтверждается тем фактом, что далее по тексту упоминается председатель Еврокомиссии Урсула фон Дер Ляйен. В примере (4) хороним *Ucrania* используется для обозначения руководства страны, которое принимает решения о проведении контрнаступления и информирует об этом население и мировую общественность. В новостной заметке, посвященной визиту предпринимателей из Дубая (5), ойконим *Dubái* используется для указания на коллективный субъект, группу предпринимателей и представителей городских властей, которые посетили столицу Испании и заявили о желании инвестировать в стартапы Мадрида. Как видно из приведенных примеров, хорошо известные испанскому читателю топонимы используются для основанного на метонимическом переносе и персонификации именованного коллективного субъекта.

Топонимы как средства вторичной номинации могут использоваться и для указания на объект и адресат.

EE UU transmite su descontento a Cuba sobre la supuesta estación china

La Casa Blanca asegura que Biden quiere mantener abiertas las líneas de comunicación con Pekín (El País, 13/06/2023) (6)

Suecia acusa a Rusia de inflamar la crisis de la quema del Corán (La Razón, 27/07/2023) (7)

В примере (6) «США (*EE UU*)» выражают свою недовольство Кубе (*a Cuba*)» означает «руководство Соединенных Штатов недовольно действиями руководства Кубы». Аналогичным образом в примере (7) «Швеция (*Suecia*) обвиняет Россию (*Rusia*)» совершенно очевидно, что речь идет об официальных заявлениях властей соответствующих стран.

Среди наиболее частых видов метонимического переноса в медиатекстах можно выделить следующие:

• место (страна, столица, город местоположения, внутригородской объект) → руководство (коллективный орган власти, политическое руководство, законодательный орган, глава ведомства или организации):

Tarde o temprano, Europa tendrá que abrir un poco más la puerta (La Vanguardia, 21/01/2023) (8)

Bruselas no paga cambiadores de opinión (ABC, 23/07/2023) (9)

Fráncfort revisa al alza la previsión de inflación subyacente con consecuencias en los tipos y las compras de deuda (El Mundo, 15/06/2023) (10)

La Casa Blanca asegura que Biden quiere mantener abiertas las líneas de comunicación con Pekín (El País, 13/06/2023) (11)

В примерах (8), (9), (10) (11) хороним *Europa* используется для обозначения руководства ЕС, как и ойконим *Bruselas*; ойконим *Fráncfort* для указания на руководство Европейского центрального банка, штаб-квартира которого расположена в этом немецком городе; ойконим *Pekín* для указание на

руководство Китая, а урбаноним *la Casa Blanca* для именовании администрации президента США.

• место (страна, регион, город, внутригородской объект) → экономика страны, региона, отрасль:

Nigeria se hunde: su moneda alcanza mínimos históricos y la violencia se dispara (*La Razón*, 24/07/2023) (12)

• место (страна, город, регион) → народ, население, определенные группы населения:

La lucha de las mujeres iraníes alumbró el camino de las afganas: "Irán se ha levantado, ahora es nuestro turno" (*El País*, 24/01/23) (13)

• место (страна, регион, населенный пункт) → событие, происшествие, с этим местом связанное:

Miami se blinda ante la histórica imputación de Trump por los papeles de Mar-a-Lago (*El País*, 12/06/2023) (14)

В приведенном выше примере (14) использованный в составе атрибутивной конструкции урбаноним-название резиденции *Mar-a-Lago* используется для отсылки к изъятию конфиденциальных документов, которые в нарушение всех требований хранились в частной резиденции Дональда Трампа Мар-а-Лаго, чем, собственно, и вызвано предъявляемое бывшему президенту обвинение, оглашение которого потенциально может вызвать беспорядки в Майами.

• место (страна, город) → название команды (национальной сборной, представляющей город команды):

España conquista el bronce en waterpolo masculino tras derrotar a Serbia (*El Mundo*, 29/07/2023) (15)

El Valencia veta a un icono del fútbol: las pipas (*ABC*, 01/08/2023) (16)

Как уже отмечалось выше вторичная номинация может быть основана не только на явлении метонимии, но и на явлении метафоры.

El "Chernóbil de Ohio" pone en evidencia a las autoridades y los vecinos sufren ya mareos y dolores de cabeza

Ahora los habitantes se quejan de sufrir mareos y dolores de cabeza, aparecen animales muertos en los arroyos y las granjas y los medios hablan ya de "el Chernóbil de Ohio" (*ABC*, 18/02/2023) (17)

La Venezuela que no cabe en el barrio Salamanca (*El País*, 19/06/2023) (18)

Los Álamos, el Beverly Hills atómico (*La Vanguardia*, 23/07/2023) (19)

В приведенных выше примерах малоизвестный широкой публике до 1986 г. ойконим Чернобыль (*Chernóbil*) используется как метафора масштабной экологической катастрофы, возникшей в результате действия человеческого фактора, а урбанонимы *el barrio Salamanca* и *el Beverly Hills* является аналогами российского топонима Рублевка, обозначая не место, а скорее социальный класс и определенный образ жизни.

Таким образом, мы видим, что топонимы в медиатекстах, посвященных международным событиям, часто используются как средство вторичной номинации. Упомянутое использование возможно благодаря наличию у хорошо известного широкой публике топонима экстралингвистического компонента

значения, что позволяет использовать такой топоним в целях языковой компрессии для именованя коллективного субъекта, коллективного объекта, явления или события, связанного с тем или иным местом (на основе метонимического или метафорического переноса). Чаще всего в качестве средств вторичной номинации используются хоронимы (названия стран и регионов), ойконимы (названия городов и столиц) и урбанонимы (названия внутригородских объектов).

Список литературы

- Гришаева Л. И. Парадоксы медиалингвистики / Л. И. Гришаева. — Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. — 295 с.
- Данильченко А. В. Функционирование топонимов в русском газетном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Одесса, 1991. — 18 с.
- Никонов В. А. Введение в топонимику / В. А. Никонов. — М. : Наука, 1965. — 179 с.
- 4. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Наука, 1988. — 192 с.
- 5. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. / А. В. Суперанская; АН СССР, Ин-т языкознания. — М. : Наука, 1973. — 365 с.
- 6. Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация (Виды наименований). — М.: Наука, 1977. — С. 129-221
- 7. Уфимцева А. А. Лексическая номинация (первичная нейтральная) // Языковая номинация (Виды наименований). — М.: Наука, 1977. — С. 5 - 85

УДК 811.111

Символизм топонимов в англоязычном медийном дискурсе

Филичкина Татьяна Петровна — Академия ФСО России, кандидат филологических наук, доцент, сотрудник, г. Орёл, Россия.
E-Mail: filitchkina_orel@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются топонимы-символы, являющиеся ментальными репрезентациями событий в медиадискурсе. В современных СМИ расширяется семантика топонимов, представляющих собой вербализованные концепты. Как прецедентное явление символический топоним сохраняет образную и ценностную составляющие концепта, восходящие к первоисточнику, но под влиянием текущих экстралингвистических факторов происходит расширение понятийной составляющей концепта.

Ключевые слова: топоним-символ, прецедентный феномен, концепт, метафоризация, семантика, медиадискурс.

Symbolism of Toponyms in English-language Media Discourse

Filichkina Tatiana Petrovna

Academy of the Federal Guard Service of the Russian Federation, candidate of
Phylology, staffer, Orel, Russia.

E-Mail: filitchkina_orel@mail.ru

Abstract. The article deals with symbolic toponyms, which are mental representations of events in media discourse. The semantics of toponyms as verbalized concepts is expanding in modern mass media. Being a precedent phenomenon, the toponym-symbol retains the figurative (metaphorical) and axiological components of the concept associated with the origins of nomination, but under the influence of extralinguistic factors the notional side of the concept is expanding.

Keywords: toponym-symbol, precedent phenomenon, concept, metaphorization, semantics, media discourse.

Медийные ресурсы оказывают колоссальное влияние на картину мира современного человека. Они обуславливают взгляды и стереотипы поведения, формируют картину мира каждого индивида и общества в целом. В медиадискурсе как коммуникативном явлении происходит создание текста и восприятие его содержания. Медиатекст является продуктом дискурса.

В текстах СМИ используются различные выразительные средства языка, к которым с полным основанием относятся топонимы-символы. Истоки символизма топонимов связаны с прецедентными феноменами, которые отражают значимые события и явления прошлой эпохи, содержат субъективные модальности (эмотивные и аксиологические оценки).

Топонимы-символы, являясь концептами, представляют определенные события реального мира в сознании человека. В современном медийном дискурсе при актуализации символических топонимов наблюдается расширение их семантики, появление новых ассоциаций и смыслов.

Человек живет в мире образов и символов. Топонимы-символы выполняют не только номинативную, но и эмоционально-оценочную функцию. В топонимах фиксируется и передается социально-исторический опыт общества.

В статье исследуется расширение семантики топонимов-символов в современных англоязычных СМИ. Семантический анализ рассматривает исходное значение топонима на уровне диахронии и новые значения на синхроническом уровне. Когнитивный анализ определяет концептуальную сущность топонимов. При дискурс-анализе устанавливается связь символических топонимов с внеязыковой реальностью в процессе коммуникации.

Топонимы-символы являются прецедентными именами, восходящими к прецедентным ситуациям. По мнению А. Д. Васильева «прецедентные топонимы... способны не только аккумулировать важную культурно-исторические сведения, но и вызывать в сознании носителей различные ассоциации» [Васильев 2014, с. 164].

Теоретические основы исследования прецедентности заложены в работах Ю. Н. Караулова, В. Н. Телия, Д. Б. Гудкова, В. В. Красных и др. [Караулов 2007; Телия 1988; Гудков 1999; Красных 2003].

В. Н. Телия рассматривает прецедент как «стереотипный образно-ассоциативный комплекс», имевший место в прошлом ... и регулярно актуализирующийся в процессе коммуникации [Телия 1988].

В. В. Красных определяет прецедентные феномены как когнитивные явления, «хорошо известные всем представителям национально-лингвокультурной общности...; актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане, обращение к которым возобновляется в речи той или иной национально-лингвокультурной общности» [Красных 2003, с. 170].

Анализируемые прецедентные топонимы являются частью «универсального когнитивного пространства человечества» [Красных 2002, с. 45], поскольку связаны с событиями, повлиявшими и продолжающими влиять на современную действительность, имеют историческую значимость и часто используются в медийном дискурсе.

Как правило, семантика топонимов-символов основана на метафорической номинации. Метафора относится к одному из основных когнитивных процессов, который связывает в сознании индивида явления внешнего и внутреннего мира. Метафоризация как когнитивный механизм осмысления действительности способствует образованию новых понятий и новых ассоциаций на базе прежних знаний.

С точки зрения когнитивной лингвистики символические топонимы представляют собой продукты сознания (концепты). В. И. Карасик выделяет образную, понятийную (информационно-фактуальную) и ценностную составляющие концепта [Карасик 2004, с. 129]. Образная сторона является метафорическим представлением об окружающем мире и содержит характеристики событий или явлений. Понятийная сторона – это семантика словесно выраженного (вербализованного) концепта. Ценностный компонент топонимов-символов содержит ассоциации и оценки, связанные с диахронией концепта и актуализирующиеся в процессе коммуникации. Ценностный аспект интерпретирует понятийную сторону концепта.

Понятийная составляющая топонимов-символов формируется под влиянием экстралингвистического контекста. Этот компонент концепта расширяется и приобретает новые смыслы под влиянием текущих событий в медийном дискурсе.

В современном медиатексте вербализованные концепты вызывают новые ассоциации, возникающие в сознании при восприятии объективной реальности, исходя из опыта прошлого.

В качестве примера предлагается рассмотреть несколько топонимов-символов, семантика которых расширяется при актуализации в современном медиадискурсе.

Топоним «ржавый пояс», в прошлом известный как индустриальный пояс, охватывает ту часть Среднего Запада и Восточного побережья Соединенных Штатов, где в свое время располагались крупнейшие сталелитейные заводы.

Этот регион был центром экономической взлета и индустриального роста в США.

Регион стал называться «ржавым поясом» из-за экономического упадка, связанного с разрушением некогда мощного промышленного сектора, сталелитейного, автомобильного и угледобывающего. Закрытые цеха и конвейерные ленты начали стремительно ржаветь. Так в 1990-х годах возник термин, определяющий всю эту когда-то благополучную территорию как «ржавый пояс».

Изначально понятийный аспект концепта «ржавый пояс» представлял регион США, где после индустриального подъема начался резкий спад производства. С образностью метафорической номинации местности ассоциируется семантика топонима.

В современном медиадискурсе происходит изменение и расширение понятийной составляющей концепта «ржавый пояс».

В статье “*Rust Belt on the Rhine*” издания POLITICO Europe [Karnitschning 2023] рассматривается современная экономическая ситуация в Германии.

*To understand the long-term effects of deindustrialization, one needn't look further than America's **Rust Belt** or the U.K.'s Midlands, once thriving industrial corridors that fell victim to policy missteps and global competitive pressures and never fully recovered. Only with Germany, the consequences would play out on a continental scale.*

*Чтобы понять долгосрочные последствия деиндустриализации, достаточно посмотреть на «**ржавый пояс**» Америки или «Мидлендс» Великобритании – некогда процветающие промышленные регионы, ставшие жертвами ошибок в политике и глобального конкурентного давления и так и не сумевшие полностью восстановиться. Только в случае с Германией последствия будут иметь катастрофический мировой масштаб.*

Промышленные гиганты Германии из-за высоких цен на энергоносители, недостаток инвестиций и бюрократических барьеров сворачивают свою деятельность в стране и переносят производство в Северную Америку и Азию. Деиндустриализация промышленных районов сравнивается с ситуацией 90-х годов в США, когда в результате экономического спада на территории индустриального пояса страны остановилось промышленное производство, а заброшенные заводы и конвейеры стали ржаветь.

Топоним «ржавый пояс» в статье характеризует современное экономическое положение Германии, страны, из которой уходят ведущие компании и останавливаются заводы.

В данном примере топоним «ржавый пояс» сохраняет образность и оценочность исходного названия места, но наблюдается расширение понятийного компонента концепта «ржавый пояс» при сравнении индустриальной зоны Германии с промышленными районами США 90-х годов. Понятийная составляющая концепта в данном медиатексте приобретает значение как любого района в мире, в котором происходит деиндустриализация.

Символизм топонима «Перл-Харбор» связан с ситуацией 7 декабря 1941 года, когда Япония неожиданно без объявления войны нанесла удары по аэродромам на гавайском острове Оаху и по кораблям, стоявшим в гавани Перл-Харбор. В результате налетов были потоплены и повреждены ряд военных кораблей, выведено из строя 188 самолетов, было убито около 4 тыс. военных. Это стало причиной вступления США во Вторую мировую войну.

Основными причинами трагедии были неготовность военно-морской базы Перл-Харбор к отражению внезапного нападения врага, отсутствие должной организации системы ПВО и надежной связи радиолокационного оборудования непосредственно с командным пунктом ПВО базы. В апреле 1942 года в качестве возмездия за Перл-Харбор на столицу Японской империи Токио, ранее считавшуюся совершенно недосыгаемой для вражеских самолетов, впервые были сброшены бомбы с авианосца США. Эта бомбардировка имела мощный политико-пропагандистский эффект. После поражения 1941 года была восстановлена справедливость.

Топоним "Перл-Харбор" для американцев стал символом, означающим жестокое и неожиданное разгромное поражение, которое вызывает чувство сильной растерянности и незащитности.

В статье *"How the Space Force Will Avoid a 'Pearl Harbor' in Space, According to Its No. 2 Officer"* [Roza 2023] представлена точка зрения американского генерала, который считает, что согласно новой программе у Космических сил США есть все необходимое, чтобы не допустить «космического Перл-Харбора» и противостоять врагу на любом театре военных действий.

Thompson's remarks came in response to a question ... on how the Space Force plans to avoid a "space Pearl Harbor," where an adversary might attempt an operational or strategic surprise in the space domain, on the ground, or in cyberspace.

Высказывания Томпсона прозвучали в ответ на вопрос ... о том, как Космические силы планируют избежать «космического Перл-Харбора», когда противник может попытаться преподнести оперативный или стратегический сюрприз в космической области, на земле или в киберпространстве.

Понятийный аспект топонима-символа «Перл-Харбор» ассоциируется с неожиданной атакой японцев на американскую военную базу, в результате которой США понесли большие потери из-за своей неготовности противостоять агрессору. Образность и оценочность концепта «Перл-Харбор» сохраняется, но в современном контексте происходит расширение семантики, которая предполагает любое нападение врага на территорию или военные объекты, вызывающее серьезные последствия.

Великая Китайская стена представляет собой разделительную стену длиной около 9000 км. Стена была построена в древнем Китае, определяла границы китайской цивилизации и являлась непреодолимый барьером от набегов кочевников

В китайском культуре топоним приобрел образное значение как негибкая могущественная сила и как защитный рубеж. Топоним «Великая Китайская стена» символизирует стойкость и созидательный потенциал народа.

В статье *“Xi Jinping vows to make China’s military a ‘great wall of steel’ in first speech of new presidential term”* [Gan 2023] американского издания CNN представлено обещание китайского лидера превратить китайские вооруженные силы в «великую стальную стену».

China’s leader Xi Jinping ... vowed to bolster national security and build the military into a “great wall of steel”

Лидер Китая Си Цзиньпин ... пообещал укрепить национальную безопасность и создать «великую стальную стену»...

В первой речи нового президентского срока Си Цзиньпин пообещал превратить китайские вооруженные силы в «великую стальную стену».

В существующей геополитической обстановке топоним «Великая стена» в анализируемом медиатексте сохраняет образную и оценочную составляющие концепта, которые связаны с изначальной семантикой топонима как сооружения, являющегося препятствием для врагов и призванного защитить страну от нападений. Понятийный компонент концепта приобретает в современных реалиях новый смысл как ресурс для защиты интересов государства. Вооруженные силы Китая должны стать «Великой Китайской стеной», которая защитит национальный суверенитет и безопасность страны.

Таким образом, топонимы-символы как ментальные представления событий реализуются в дискурсе, который включает лингвистические и экстралингвистические факторы. Именно внелингвистический контекст оказывает влияние на актуальную семантику топонима.

В современном медиадискурсе наблюдается расширение семантики символических топонимов, которые представляют новые реалии, сохраняя при этом аксиологическую и образную природу базовых понятий.

Список литературы

1. Васильев А.Д. Некоторые прецедентные топонимы в языковом сознании красноярцев // Вестник Красноярского гос. пед. ун-та. 2014. № 3 (29). С. 164–166.
2. Гудков Д.Б. Прецедентные имена и проблемы прецедентности. М.: Изд-во МГУ, 1999. 152 с.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: URSS, 2007. 263 с.
5. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.
6. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 284 с.

7. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в языковой картине мира // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. М., Наука, 1988. 214 с.

8. Gan N. Xi Jinping vows to make China's military a 'great wall of steel' in first speech of new presidential term. 2023. URL: <https://edition.cnn.com/2023/03/13/china/china-xi-jinpong-first-speech-third-term-intl-hnk/index.html> (дата обращения 01.10.23).

9. Karnitschning M. *Rust Belt on the Rhine*. 2023. URL: <https://www.politico.eu/article/rust-belt-on-the-rhine-the-deindustrialization-of-germany> (дата обращения 01.10.23).

10. Roza D. How the Space Force Will Avoid a 'Pearl Harbor' in Space, According to Its No. 2 Officer. 2023. URL: <https://www.airandspaceforces.com/space-force-pearl-harbor> (дата обращения 01.10.23).

Сведения об авторе:

Филичкина Татьяна Петровна; кандидат филологических наук, доцент, Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации, 302034, Орел, ул. Приборостроительная, 35; filitchkina_orel@mail.ru; +79803674857.

Filichkina Tatiana Petrovna; Candidate of Phylology, Staffer, Academy of the Federal Guard Service of the Russian Federation, 35, Priborostroitelnaya St, Oryol, 302024, Russian Federation; filitchkina_orel@mail.ru; +79803674857.

СЕКЦИЯ 6: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФРАЗЕОЛОГИИ И ПАРЕМИОЛОГИИ

УДК 81'373

Лингвокогнитивная парадигма исследования библейской фразеологии

Анна Дмитриевна Бакина

Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, доцент, заведующий кафедрой английской филологии, кандидат филологических наук, Орёл, Россия, heart-anna@yandex.ru;

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, докторант кафедры перевода и прикладной лингвистики, Архангельск, Россия, heart-anna@yandex.ru

Аннотация. В статье обсуждается проблема исследования англоязычных фразеологизмов библейского происхождения с позиции лингвокогнитивного подхода. Актуальность исследования обусловлена, с одной стороны, недостаточной изученностью концептуального пространства библейской фразеологии, с другой, неугасаемым интересом к библейской фразеологической лексике в аспекте ее семантической интерпретации и функционирования. Результаты исследования позволили заключить, что библейская концептосфера – это сложный организованный конструкт, представляющий собой фрагмент картины мира, сформированной на основе библейских текстов. На основе разработанной тематической рубрикации фразеологических единиц библейской этимологии представлена структура библейской концептосферы, актуализированная фразеологическими единицами.

Ключевые слова: когнитивные исследования фразеологии, библейская фразеология, концепт, библейская картина мира, библейская концептосфера.

Linguocognitive Paradigm for the Study of Biblical Phraseological Units

Anna D. Bakina

Oryol State University named after I.S. Turgenev, Associate Professor, Head of the Chair of English Philology, candidate of philology, Oryol, Russia, heart-anna@yandex.ru;

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Doctoral student of the Department of Translation and Applied Linguistics, Arkhangelsk, Russia, heart-anna@yandex.ru

Abstract. The article outlines the problem of research of English phraseological units of biblical origin in terms of linguocognitive approach. The relevance of the study is conditioned, on the one hand, by the insufficient study of the conceptual space of

biblical phraseology, on the other hand, by the incessant interest in biblical phraseological lexicon in the aspect of its semantic interpretation and functioning. The results of the research allowed us to conclude that the biblical conceptsphere is a complex organised 'construct' representing a fragment of the world picture formed on the basis of biblical texts. On the basis of the developed thematic rubrication of phraseological units of biblical etymology the structure of the biblical conceptsphere actualised by phraseological units is presented.

Keywords: cognitive phraseology research, biblical phraseology, concept, biblical world picture, biblical conceptsphere.

Популяризация лингвокогнитивных исследований позволила сфокусироваться на изучении различных аспектов фразеологии в рамках когнитивного подхода (См. работы Н.Ф. Алефиренко; А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского, О.В. Гусельниковой, И.В. Зыковой и др.) Большой научный интерес получают исследования, связанные с рассмотрением библейских концептов, описанием фреймовой специфики фразеологизмов библейского истока, восприятием и интерпретацией концептуальной картины Библии, взаимовлиянием общекультурных концептов с библейскими (См., например, работы [Орлова, 2008], [Мжельская, 2008]).

В круг оперируемых нами понятий в ходе исследования библейской фразеологии с позиции лингвокогнитивного подхода входят следующие: когниция; категоризация; концепт; константы культуры; концептосфера; скрипт; сценарий; фрейм; языковая картина мира.

В основах концептуальной системы существуют первичные концепты, из которых образовались и нашли свое развитие последующие концепты национальной концептосферы. Концепты поддаются постоянному уточнению и модификации. Они являются частью системы и могут попадать под влияние других концептов, а также сами видоизменяться. Библейская концептосфера – сложноорганизованный конструкт, который, представляет собой, фрагмент картины мира, сформировавшегося на основе библейских текстов, а именно древнееврейского и древнегреческих языков, и включает в себе совокупность понятий, которые могут быть связаны отношениями взаимосвязи, оппозиции, иерархическими отношениями, а также быть тематически сгруппированными. Концептуальная ткань, сотканная из множества концептов, формирует единую концептосферу, способную отражать картину мира посредством использования библейских фразеологизмов, вербализующих библейские концепты.

Применение лингвокогнитивного подхода расширяет понимание особенностей концептуализации фразеологического пространства. Исследование фразеологии в лингвокогнитивном аспекте позволяет определять фразеологические единицы как «микротексты, в номинативное основание которых, связанное с ситуативным характером обозначаемого, втягиваются при его концептуализации все типы информации, характерные для отображения ситуации в тексте, но представленные во фразеологизмах в виде «свертки», готовой к употреблению как текст в тексте» [Телия, 1996: 8].

Если языковая картина мира представляет собой состав фрагментов картины мира в некотором семантическом пространстве, определяет объем входящих в них единиц, оценивает связи и отношения между отдельными фрагментами, то концептуальная картина мира, формирующаяся на основе знания как отражения познавательной деятельности человека, понимается как совокупность моделей, позволяющих структурировать знания о мире».

Общекультурная концептосфера включает целый пласт библейских концептов, основная часть которых формирует самостоятельную концептосферу библейской фразеологии.

Ввиду специфичности объекта, а именно фразеологических единиц, восходящих к библейским текстам и сюжетам, определение границ концептуального поля, а также всего многообразия концептов библейской фразеологии выступает одной из первостепенных задач. Определение того, что есть концепт оказывается непростой задачей в виду неоднозначной интерпретации данного термина и понятия различными лингвистами.

Так, концепт является более богатым по содержанию, чем понятие и «неразрывно связан с миром культуры, так как представляет собой как бы ступок культуры в сознании человека; способ представления культуры в ментальном мире человека...» [Степанов, 1997: 45].

В рамках логического подхода к изучению концептов последние могут определяться как понятия практической философии, возникающие «...в результате взаимодействия таких факторов, как национальная традиция и фольклор, религия и идеология, жизненный опыт и образы искусства, ощущения и системы ценностей» [Арутюнова, 1998: 3], тогда они образуют «...культурный слой, посредничающий между человеком и миром» [там же].

Преобладающая часть современных исследователей наиболее важным в понимании феномена *концепт* считает, что концепт заключает в себе отпечаток культуры. Важно понимать, что концепт представляет собой в первую очередь «единицу коллективного знания / сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям)», это единица, «имеющая языковое выражение и отмеченная лингвокультурной спецификой. Это культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих реализаций» [Кубрякова, 1997: 102].

В.И. Карасик определяет культурный концепт как «многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная сторона» [Карасик, 2002: 91]. Важным свойством концепта является высокая степень его абстрактности, на которое, в частности, указывает В.В. Красных, которая определяет его как «максимально абстрагированную идею *культурного предмета*, не имеющего визуального прототипического образа», «своего рода свернутый глубинный 'смысл' предмета» [Красных, 2003: 272].

Концепт является составляющей культурного кода. Данный тезис достаточно развернуто поясняется в работе А.В. Папшевой. Автор указывает, что «система концептов лингвокультуры (концептосфера) представляется как лингвокультурный код; концепты, десигнируемые языковыми единицами,

выступают как знаки – единицы лингвокультурного кода» [Папшева, 2010: 492].

Таким образом, в определение понятия «концепт» следует включить такие характеристики, как отнесенность к ментальной сфере человека, связь с национальной культурой, дискретность, лингвистическое (вербальное) выражение.

С учетом выжеизложенного поясним на примере рассмотрение концепта *хлеб* (англ. *bread*) в культуре и библейской концептосфере. Исследуемый концепт библейских текстах имеет отличное от содержания общекультурного концепта значение. Для представителя русского культурного сообщества, например, «хлеб» является главным исконно русским предметом пищи, основным продуктом питания наряду со «щами» и «кашей», то что делает русского человека РУССКИМ. Ср. коммуникативные фразеологизмы: «Хлеб всему голова», «Хлеб вскормит, а вода вспойт», «Там и рай, где хлеба край», «Хлеб – батюшка, кормилец», «Без хлеба куска везде тоска», «Хлебом люди не шутят». Помимо прямого значения, у «хлеба» имеется переосмысленное значение, в котором слово употребляется подчас даже чаще, чем в прямом. «Хлеб» – символ гостеприимства (Ср. «встречать хлебом-солью»); заработок, достаток, добро. В английской лингвокультуре ‘bread’ – важнейший элемент бытия, который способен утолить голод; символ жизни, роста и богатства. К фразеологизмам, актуализирующим концепт ‘bread’ относим следующие: “All bread is not baked in one oven” (Не все хлеба из одной печи); “Half a loaf is better than no bread” (Лучше полбуханки, чем ничего); “Hope is the poor man’s bread” (Надежда – хлеб бедняка); “To know on which side one’s bread is buttered” (Знать, с какой стороны твой хлеб маслом намазан).

Библейский концепт *хлеб* включает такие когнитивные признаки, как «духовная пища», «дар», «наивысший дар с небес», символ «священного таинства». Лексема «хлеб» входит в состав фразеологических единиц, и самая частотная библейская идиома «хлеб насущный». Уже здесь мы наблюдаем взаимопересечение концептов, общекультурного и библейского.

Среди фразеологизмов библейского истока, вербализующих концепт *хлеб/bread*, отметим следующие:

1) *Хлеб [наш] насущный*. Обозначает «средство, крайне необходимое для существования, для жизни; нечто исключительно важное». Восходит к евангельскому выражению «Хлеб наш насущный даждь нам днесь» (Евангелие от Матфея 6, 11). Англ. [our] *daily bread* (a person’s means of subsistence, necessities of life). Source: “Our Father which art in heaven, Hallowed be thy name. Thy kingdom come. Thy will be done in earth, as it is in heaven. Give us this day *our daily bread* (Mt 6, 9-13), (Lk 11, 2-4) [Адамия, 2019: 196].

2) *Попросить хлеба, а получить камень*. В источнике: Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба подал бы ему камень (От Матфея 7:9). Англ. Ask for bread and be given a stone. Source: Or what man is there of you, whom if his *son ask bread, will he give him a stone?* (Matthew VII, 9).

3) *Отпускать хлеб по водам*. В источнике: Отпускай хлеб твой по водам, потому что по прошествии многих дней опять найдешь его (Екклесиаст 11:1). Англ. cast one's bread upon the waters. Source: Cast thy bread upon the waters: for thou shalt find after many days (Ecclesiastes XI, 1).

4) *Есть (горький) хлеб унижения*. Означает «хлебнуть горя». Англ. eat the bread of affliction (humiliation, sorrows). Source: It is vain for you to rise up early, to sit up late, to eat the bread of sorrows: for so he giveth his beloved sleep (Psalms CXXVII, 2).

5) *Даром есть хлеб*. Означает «вести праздную жизнь, лодырничать, бездельничать». Англ. eat the bread of idleness. Source: She looketh well to the ways of her household, and eateth not the bread of idleness (Proverbs XXXI, 27).

6) *Не хлебом единым жив человек* (не о хлебе едином жив будет человек). Выражение означает: Человеку следует заботиться об удовлетворении не только материальных, но и духовных потребностей; человек не может обойтись без духовного начала; для человека духовные потребности не менее важны, чем материальные. Англ. Man cannot live by bread alone; Man shall not live by bread alone (prov.). Source: And he humbled thee, and suffered thee to hunger, and fed thee with manna, which thou knewest not, neither did thy fathers know; that he might make thee know that man doth not live by bread only, but by every word that proceedeth out of the mouth of the LORD doth man live (Deuteronomy 8, 3).

Таким образом, можно заключить, что концепты есть поликомпонентные ментальные структуры, они неоднородны и включают в себя концепты-представления, концепты-понятия, концепты-фреймы и т.п. Библейские концепты – это объективная информация и объективные знания, которые формируются в единое целое, то есть в единую концептосферу библейской фразеологии. Библейская фразеология того или иного национального языка представлена рядом концептов, которые формируются в некую концептосферу, обуславливающую специфику преломления и отражения информации о мире, действительности посредством использования фразеологических единиц библейской этимологии.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека/ Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 895 с.

2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

3. Красных В. В. Свой среди чужих: миф или реальность? – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.

4. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Т., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1997. 245 с.

5. Мжельская О.К. Семантическая специализация и концептуализация заимствований : на материале ономастических компонентов библейской фразеологии : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Мжельская Ольга Кировна; [Место защиты: Алт. гос. ун-т]. – Омск, 2008. 151 с.

6. Орлова Н.М. Библиейский текст как прецедентный феномен / Н. М. Орлова; под ред. Л. В. Балашовой. – Саратов : Саратовский гос. социально-экономический ун-т, 2008. 350 с.

7. Папшева А. В. Применение категории «код» в лингвокультурологии // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2010. – Т.12. – №3(2). – С. 492-494.

8. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.

9. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. - М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.

Список источников практического материала

1. Адамия З.К. Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках: в 2 т. Т. 1: А–О / авт.-сост.: З.К. Адамия [и др.]; под общ. ред. Е.Е. Иванова [и др.]. Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова. – 2019. – 288 с., Т. 2: П–Я / авт.-сост.: З.К. Адамия [и др.]; под общ. ред. Е.Е. Иванова [и др.]. Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова. 2019. 308 с.

2. Бакина А. Д. Англо-русский толковый словарь библейских фразеологизмов / А.Д. Бакина. – Орел, ОГУ имени И.С. Тургенева, издательство «Картуш», 2022. 126 с.

3. Соловьева Е. Е., Бакина А. Д. Краткий англо-русский учебный словарь библейской фразеологии / А.Д. Бакина, Е.Е. Соловьева. – Орел, ОГУ имени И.С. Тургенева, издательство «Картуш», 2022. 80 с.

4. Федуленкова Т.Н. Англо-немецко-шведский словарь библейской фразеологии / Т.Н. Федуленкова, Е.В. Мартюшова, М. Боннемарк ; Федер. агентство по образованию, Гос. образоват. учреждение высш. проф. образования «Помор. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова», Северодв. фил. – Архангельск : Поморский университет. 2008. 167 с.

5. King James Version Online [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.kingjamesbibleonline.org (Дата обращения 01.10.2022).

Сведения об авторе:

Бакина Анна Дмитриевна; кандидат филологических наук, доцент, зав. каф. английской филологии, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95, E-mail: Heart-anna@yandex.ru +79038804979

Bakina Anna Dmitrievna; PhD in philological sciences, the Head of the Chair of English Philology, Orel State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya st., 95, Oryol, 302028, Russian Federation; E-mail: Heart-anna@yandex.ru +79038804979

Заварить кашу – и кататься как сыр в масле: о гастрономическом коде культуры в языковых единицах (на материале фразеологизмов)

Василенко Анатолий Петрович¹, Рыбакина Виктория Сергеевна²

¹ Василенко Анатолий Петрович, доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка, Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского; Россия, г. Брянск; a.p.vasilenko@mail.ru

² Рыбакина Виктория Сергеевна, студентка 4 курса, кафедра французского языка, Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского; Россия, г. Брянск; rybakiny@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассматривается фразеологический фонд русского и французского языков с компонентами-гастрононимами *сыр*, *каша*. В ходе исследования приводятся фразеологические единицы с исследуемыми компонентами, анализируется коннотативное и денотативное значение оборотов, проводится лингвокультурный анализ составляющих устойчивых структур.

Ключевые слова: национальная кухня, фразеологизм, компоненты-гастрононимы: *сыр*, *каша*, коннотация, сема.

On the Gastronomic Code of Culture (Based on Phraseological Units)

Anatoly P. Vasilenko¹, Victoria S. Rybakina²

¹ Bryansk State University, doctor of Philology, professor of French language Department, Bryansk, Russia; a.p.vasilenko@mail.ru

² Bryansk State University, 4th year student of French language Department, Bryansk, Russia; rybakiny@gmail.com

Abstract. This article examines the phraseological fund of the Russian and French peoples with the components-the gastronym *cheese*, *porridge*. In the course of the study, the main phraseological units with the studied components are given, the basic semantics of each component is given. *Cheese* and *porridge* are well-known dairy products that are of particular value to each of the peoples and, there is reason to believe, should have a similar connotation.

Keywords: national cuisine, phraseology, components-gastronomies: *cheese*, *porridge*, connotation, seme.

Актуальность данной работы заключается в лингвокультурном анализе активного использования фразеологических компонентов, представляющие разные культурные коды. Целью исследования является сравнительный анализ компонентов-гастрононимов *сыр*, *каша*, находящихся во фразеологическом

фонде русского и французского языков. Материалом исследования становятся сведения о молочных продуктах в контексте лингвокультуры, а также фразеологические единицы исследуемых языков в толковых и фразеологических словарях. Методом данного исследования выступает лингвокультурологическая интерпретация образного основания устойчивых оборотов русского и французского языков.

На протяжении многих веков люди формировали собственную культуру, традиции, национальную кухню. Под национальной кухней понимаются гастрономические предпочтения, являющиеся характерными для отдельного народа [Андреева 2023].

Гастрономические особенности изучаемых народов отображают нравственные и бытовые устои, ценности и духовную культуру нации [Егорова 2012, с. 164]. Некоторые продукты настолько приживаются в народе, что становятся характерными атрибутами нации. Так, нетрудно догадаться, что французскому народу близки такие продукты, как *вино*, *сыр*, *багет*, а русскому – *пирожки*, *каша*, *водка*.

К тому же национальная кухня и её традиции представлены в народных сказках, легендах. Например, французская легенда о появлении *сыра* с плесенью или русская народная сказка о *каше* из топора. Исследуя фольклор, можно выстроить пищевую парадигму, сравнить отношение двух разных культур к пищевым продуктам, входящих в состав образа современных фразеологических единиц [Егорова 2012, с. 165].

Сыр и *каша* могут связываться с завтраком, а значит представляют собой сытную пищу, которая помогает человеку начать трудовой день – семантика инициальности. Однако привычки употребления данных продуктов у русского и французского народов различные, – что и находит своё отражение во фразеологии, в которой отражается креативный потенциал коннотативных значений [Шевелева 2023, с. 67].

Сыр (fromage)

Трудно представить современную кухню без *сыра*, молочного продукта, получаемого из молочной закваски. Он давно стал не только основным продуктом на столе, но и неотъемлемой частью многих всемирно известных блюд: пицца, сырные палочки, гамбургер, сендвич, бутерброды. Особую роль *сыр* приобрёл во Франции. Согласно легенде, пастух по неосторожности оставил кусочек *сыра* в пещере. Вернувшись через пару недель, он нашёл свой *сыр* заплесневевшим. Так появились знаменитые на весь мир голубые *сыры*. Своё распространение они получили около 1070 года и, соответственно, оставили свой след в языке [Roquefort 2023].

Так, французские фразеологизмы *entre la poire et le fromage* (букв.: между перцем и сыром) – ‘в конце обеда, когда обстановка становится непринуждённой’, *fromage et dessert* (букв.: сыр и десерт) – ‘изобилие’ (с пометой *шутл.*) показывают, что во французской культуре *сыр* является неотъемлемым блюдом любого стола. Другое французское устойчивое выражение *trouver un bon fromage* (букв.: найти хороший сыр) – ‘найти очень простую работу’ содержит метафору необременённости, лёгкой жизни

[Кумлева 2011, с. 88]. Значит, во фразеологическом фонде французского языка гастрономический компонент *сыр* отражает следующую семантику: ‘удовлетворение’, ‘изобилие’, ‘лёгкость жизни’.

Интересно то, что в русской культуре был выявлен похожий фразеологизм, а именно *бесплатный сыр только в мышеловке* – ‘уловка’, ‘подвох’ [Ларионова 2014, с. 18]. Данная фразеологическая единица отражает русский менталитет: в противовес французам русский человек скептически относится к вещам, которые достаются безвозмездно.

Другой пример из русской фразеологии *как сыр в масле кататься* – ‘жить легко и праздно’ совпадает с семьей французского языка ‘лёгкость’ [Ларионова 2014, с. 200]. Наконец, русский фразеологизм *откуда сыр-бор загорелся* – ‘о причине переполоха’ проводит аналогию со сложившейся ситуацией [Ларионова 2014, с. 280]. Таким образом, в русской культуре *сыр* выражает следующие значения: ‘уловка’, ‘лёгкость’, ‘беспорядок’, которые могут трактоваться как первооснова, упомянутая выше и связанная с образом инициальности в создавшемся условии.

Каша (bouillie)

Каша также является известным продуктом, однако сильно уступает *сыру*. Своё распространение и признание *каша* получила именно на Руси в поговорках и сказках, в которых основным мотивом проходит такая идея: *щи да каша – тщица наша; каша – мать наша*. За умение её готовить героев щедро награждали и одаривали подарками. Так было в сказке «Каша из топора», когда солдат хитростью – и каши поел, и топор унёс [Егорова 2021, с. 167].

Однако фразеологизмы русского языка выражают иную коннотацию. Рассмотрим следующие фразеологические единицы русского языка: *сам кашу заварил, сам её и расхлёбывай* – ‘о необходимости самостоятельно решать собственные проблемы’, *каша в голове* – ‘спутанность мыслей’, *каша во рту* – ‘о невнятной речи’ [Ларионова 2014, с. 354; 5, с. 432]. В образе данных фразеологизмов *каша* соотносится с проблемами и невнятностью. Итак, основной семантикой компонента-гастронома *каша* в русском языке является ‘непростая ситуация’, ‘неясность’.

Нужно сказать, что этимологически название самого блюда связано с объединением, фиксацией, сгустком чего-либо [Этимология 2023].

Следует полагать, что русская *каша* связана с коннотативной семантикой консолидации, общности, соборности.

Интересно то, что у русского фразеологизма *каша во рту* был выявлен французских аналог, а именно *avoir de la bouillie dans la boudin [la bouche]* (букв.: иметь кашу в колбасе [во рту]) – ‘невнятно говорить’ [Кумлева 2011, с. 88].

К слову, во французском языке *каша – bouillie* – происходит от глагола *bouillir* (букв.: кипятить), которая помимо очевидной и первостепенной термической семантики может реализовывать комплексность, смесь, коэкзистенциальность [Définition 2023].

Также были выявлены фразеологические единицы, непосредственно связанные с физическим состоянием человека или предмета. Например,

французские фразеологизмы *mettre quelqu'un en bouillie* (букв.: взбить кого-либо в кашу) – ‘жестоко избить кого-либо’, *nez en bouillie* (букв.: нос в кашу) – ‘расквашенный нос’, *s'en aller en bouillie* (букв.: превратиться в кашу) – ‘разваливаться’, ‘расползаться’ [Кумлева 2011, с. 89] и др.

Для обозначения слабого и неумеющего постоять за себя человека во французской культуре используется фразеологизм *âme de bouillie* (букв.: душа каши) – ‘человек-размазня’ [Кумлева 2011, с. 89]. Следовательно, компонент-гастрономим *каша* транслирует следующие квалифицирующие семы: ‘слабый’, ‘разваливающийся’, ‘невнятный’.

Таким образом, гастрономимы *сыр* и *каша* в образе французских и русских фразеологизмов обладают особой коннотацией.

Так, несмотря на очевидную в кулинарии значимость *сыра*, в русском языке сохраняется отрицательная сема ‘подвох’, а во французском языке присутствует только положительная коннотация ‘лёгкости’ и ‘удовлетворения’.

Каша выступает компонентом с исключительно отрицательной коннотацией ‘слабости’, ‘невнятности’ в языках русского и французского народов. Однако культурный смысл данного продукта противоположен: *кашу* едят и любят все слои населения, не даром она стала символом здоровья.

Такое различие объясняется первым впечатлением от предоставленных блюд. *Сыр* по своей структуре плотный, но, в зависимости от сорта, может таять во рту. Напротив, *каша* представляет собой неприглядную клейкую (неоформленную) массу, уступающую плотно структурированному (оформленному) сыру. Вследствие схожести впечатления возникают аналогии и общие смыслы в исследуемых языках.

В общем плане коннотативная семантика консолидации и инициации для компонентов *каша* и *сыр* становится очевидным в образном основании устойчивых оборотов французского и русского языков.

Список литературы

1. Андреева Л.А., Хопияйнен О.А., Филимонова Н.В. Национальная кухня как фрагмент этнической идентичности // Историческая и социально-образовательная мысль: том 9, №6/1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-kuhnya-kak-fragment-etnicheskoj-identichnosti> (дата обращения: 19.04.2023).
2. Егорова О.А. Парадигма кулинарии народа как важная составляющая материальной культуры (на материале русских сказок) // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. Нижний Новгород: «Открытое знание», 2021. №04 (72). С. 164-172.
3. Кумлева Т.М. Самая современная фразеология французского языка. Астрель, АСТ, 2011. 147 с.
4. Ларионова Ю.А. Фразеологический словарь современного русского языка. — М.: «Аделант», 2014. 512 с.
5. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка. М.: «Хит книга», 2020. 816 с.

6. Шевелёва И.А. Манифестация креативного потенциала английских фразеологических единиц // Цифровизация языкового образования и лингвокультурная идентичность: Монография / Амелина Л.В., Андриюшкина Ю.С., Анисимова К.А., Василенко А.П., Горностаева И.Н., Гришечкина А.М., Залипаева Ж.П., Изотова Н.В., Кирьянов В.А., Клименко М.В., Корытко И.В., Косарева И.В., Красоткина И.Н., Кузьмина Г.В., Матсон О.О., Митина О.А., Николаенко Е.М., Радченко Е.Н., Слепцова Л.А., Циколенко Л.И., Шевелёва И.А., Шипулин А.Г., Шлык Е.В., Ямщикова Н.Ю. / под общ. ред. Василенко А.П. Брянск: «Новый проект», 2023. С. 67.

7. Этимология слова каша. Образовательный форум LiveJournal. Режим доступа: <https://moya-lepta.livejournal.com/108322.html> (дата обращения: 25.04.2023).

8. Définition de BOUILLIE. Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales (CNRTL). URL: <https://www.cnrtl.fr/definition/bouillie> (дата обращения: 25.04.2023).

9. Roquefort. La revue «Androuet». URL: <https://androuet.com/Roquefort-15.html> (дата обращения: 25.04.2023).

Сведения об авторах:

Василенко Анатолий Петрович, доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка, Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского; Россия, г. Брянск; 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14. a.p.vasilenko@mail.ru

Рыбакина Виктория Сергеевна, студентка 4 курса, кафедра французского языка, Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского, Россия, г. Брянск; 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14.; rybakiny@gmail.com

Vasilenko Anatoly Petrovich, doctor of Philology, professor of French language Department Bryansk State Academician I.G. Petrovski University, Bezhitskaya str., 14., Bryansk; 241036, Russian Federation; a.p.vasilenko@mail.ru

Rybakina Victoria Sergeevna, 4th year student of French language Department, Bryansk State University, Bryansk, Russian Federation; rybakiny@gmail.com

УДК 81

Переводные эквиваленты пословиц о времени и концептуальные признаки пословичного концепта *Время*

Алена Александровна Загоруй

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, аспирант 3 курса кафедры английской филологии, Орел, Россия, zagoruy.alena@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается пословичный концепт Время в русском и английском языках. Пословицы анализируются в неактуализованном режиме, на уровне обобщенного значения. Цель проведенного исследования заключается в описании национальной специфики репрезентации концепта Время в пословицах данной тематической группы на основе анализа переводных эквивалентов пословичных единиц.

Ключевые слова: фразеологизм, пословица, пословичный концепт, время, перевод.

Translation Equivalents of Proverbs about Time and Conceptual Features of the Proverbial Concept of ‘Time’

Alyona A. Zagoruy

Turgenev Oryol State University, post-graduate student, Oryol, Russia,
zagoruy.alena@mail.ru

Abstract. The article deals with the proverbial concept Time in the Russian and English languages. Proverbs are analyzed in a non-actualized mode, at the level of generalized meaning. The purpose of the study is to describe the national characteristics of the representation of the concept Time in proverbs of this thematic group based on the analysis of the translation equivalents of proverbial units.

Keywords: phraseological unit, proverb, proverbial concept, time, translation

Целью данной работы было исследование пословиц и их переводческих эквивалентов в русском и английском языках, на примере паремических единиц тематической группы «Время» и реализуемого ими пословичного концепта. Вопрос адекватного перевода пословиц по сей день является актуальной и непростой задачей, так как требует более глубокого анализа значения тех или иных пословичных единиц.

Несмотря на то, что представление человека о времени входит в число культурных универсалий, поскольку данная бытийная категория входит в число основ любой культуры, восприятие этого феномена неодинаково для различных этносов.

Стоит отметить, что концепт «время» находится как бы на стыке объективной реальности и абстрактного представления, так как, с одной стороны, человек может наблюдать смену дня и ночи, смену времен года, рождение, рост и увядание живых организмов, что свидетельствует об объективном ходе времени, однако само это понятие не имеет конкретного предметного выражения и остается в поле абстрактных единиц.

Различия в восприятии концепта времени у разных народов отражаются и закрепляются в языке, поскольку язык одновременно является и когнитивным инструментом познания окружающей действительности, и средством проекции и передачи результатов такого познания. Особенно ярко результат данного

процесса прослеживается в единицах фразеологического фонда языка – в том числе в пословицах.

В истории развития фразеологии проблема определения положения пословицы являлась одним из проблемных вопросов, поскольку она может быть классифицирована одновременно и как единица языка, и как единица речи. Особый интерес в данном случае представляет позиция И.И. Чернышевой и А.В. Кунина, которые считают, что пословицы представляют собой коммуникативные фразеологические единицы [4]. Другими словами, они подчеркивают, что благодаря своей структуре простого или сложного предложения пословицы полностью реализуют свою коммуникативно-прагматическую функцию именно в речи.

В данной статье мы будем понимать пословицу как «гибридный языковой знак, фразеологизм со структурой предложения, с текстовыми характеристиками и прагматическими функциями» [1, с. 415]. Пословица как бы имеет два режима, и в своем актуализованном режиме она является «косвенным речевым актом, в котором проявляются заложенные в ней деонтические нормы социального поведения» [1, с. 415].

Одним из центральных понятий в исследовании культурно-маркированных единиц в языке является понятие концепта. По мнению В.И. Карасика, центром концепта всегда является ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно ценностный принцип. Лингвокультурные концепты принято классифицировать по различным основаниям. С точки зрения тематики концепты могут образовывать эмоциональную, образовательную, текстовую концептосферу. По своим носителям концепты подразделяются на индивидуальные, микрогрупповые, макрогрупповые, национальные, цивилизационные, общечеловеческие концептосферы. Могут выделяться концепты, функционирующие в том или ином виде дискурса, например, педагогическом, религиозном, политическом, медицинском [3, с. 228].

Пословицы, таким образом, также являются носителями определенных пословичных концептов, в зависимости от их тематической группы. Под тематической группой в данном случае понимаются пословичные единицы, объединяемые закрепленным в них знанием и передаваемым ими отношением к одному определенному явлению действительности.

При этом О.Б. Абакумова предлагает различать два вида пословичных концептов. Первый связан со смыслом, реализуемым индивидуальной пословицей в речи/дискурсе [2, с.7].

Второй тип пословичного концепта имеет обобщенную природу, он опирается на пословичный фонд культуры и определяется как «совокупность семантических ролей, выполняемых именем концепта в пословичных предложениях-высказываниях» [2, с.8].

Второй пословичный концепт при этом отражает культурно обусловленное представление о каком-либо абстрактном понятии, в то время как первый – индивидуальное представление говорящего, его видение ситуации и его коммуникативную стратегию [2, с.8].

В данном случае нами будет рассмотрен пословичный концепт *Время* в русском и английском языке. Для выявления сходств и различий в восприятии репрезентируемого пословицами концепта *Время* предлагается рассмотреть примеры пословичных эквивалентов.

I. «Time is the great healer» – «Время все лечит».

В данном случае аксиологическая функция пословиц в обеих лингвокультурах совпадает – на уровне обобщенного значения обе пословицы показывают, что для проживания каких-либо сложных ситуаций, наносящих человеку определенные душевные раны, важен аспект прощества какого-то количества времени до того момента, когда «боль» от данной ситуации станет меньше беспокоить человека.

В обоих вариантах наблюдается отраженное в пословице осмысление понятия времени с помощью онтологической метафоры-персонификации, т.е. с помощью представления понятия времени как некоего живого антропоморфного существа с присущими ему человеческими качествами и способностью к определенным действиям.

Однако здесь есть и отличия в том, что в английском варианте пословицы отсутствует компонент активного действия – активный глагол, в отличие от русского глагола «лечить». Таким образом получается, что в английской лингвокультуре, в данном случае, *Время* предстает как бы человекоподобным существом, наделенным определенными «целительными» силами и качествами. В то время как в русской лингвокультуре подчеркивается, скорее, способность *Времени* «совершать» конкретное активное действие, вне зависимости от его изначальных способностей.

II. «An hour in the morning is worth two in the evening» – «Утро вечера мудренее».

Аксиологическая направленность пословиц в этом примере также совпадает: подчеркивается ценность отсутствия спешки (например, при принятии решений), важность выделения определенного количества времени на обдумывание ситуации.

В данном примере в английском варианте мы можем увидеть представление *Времени* посредством онтологической метафоры-опредмечивания, а в русском же аналоге *Время* концептуализируется с помощью метафоры-персонификации.

При этом в английской лингвокультуре понятие времени, репрезентируемое в данном случае посредством лексической единицы «hour» (часть вместо целого), отождествляется с некой материальной субстанцией, имеющей определенную ценность и цену.

В русской же пословице мы наблюдаем, опять же, антропное представление о времени как о некоем живом существе, наделенным присущим человеку (в данном случае положительным) качеством – мудростью. При этом в русском аналоге понятие времени также выражается посредством лексических единиц «утро» и «вечер», что также является представлением части как целого.

Можно сказать, что данный пример показывает нам несколько более утилитарный характер представлений о времени в английской лингвокультуре в отличие от русской.

III. «The early bird catches the worm» – «Кто рано встает, тому Бог подает».

В данном случае мы уже наблюдаем несовпадение аксиологического аспекта двух пословиц. В английской пословице мы видим репрезентацию ценности активного действия для получения желаемого результата в жизни. В русском же аналоге скорее реализуется ценность выполнения определенных действий (правил) для того, чтобы получить одобрение и милость Высших сил, в данном случае – Бога, который уже способен даровать определенную награду за труды.

В обоих вариантах при этом сам концепт Время представлен в большей степени имплицитно, из эксплицитных средств здесь наблюдается только слово «early» в английском и слово «рано» в русском аналоге.

При этом английская пословица обладает большей образностью в сравнении с русским вариантом, в ней мы видим концептуальную структурную метафору – понятие времени концептуализируется в терминах другого концепта – Птица.

В русской пословице акцент сделан на приписывании времени некой «сакральности», ведь чтя Время посредством определенных ритуалов (таких как ранний подъем), можно заслужить покровительство Высших сил (Бога). То есть не праздное, бережливое отношение ко Времени показывается достойным поведением.

То есть мы можем увидеть, что в данном примере в английской лингвокультуре человек и Время как бы находятся на равных, Время – ресурс, который человек может направить себе во благо, если приложит достаточно усилий. В русской лингвокультуре отношение ко Времени представляется «сакральным», Время – это что-то, что должно почитать и беречь, чтобы выглядеть достойным человеком и получить награду от Бога, а не исключительно благодаря собственным усилиям.

Таким образом, рассмотренные нами примеры позволяют говорить о том, что пословичный концепт Время является важной частью английского и русского пословичного фонда. В осмыслении и репрезентации данного феномена в двух рассматриваемых нами языках наблюдается как общее, так и различное. Это может свидетельствовать о культурно обусловленных различиях в восприятии даже наиболее универсальных и общих концептов, одним из которых является концепт Времени. Данные различия находят отражение в пословичном фонде двух языков, что свидетельствует о значительной роли пословиц в сохранении, концептуализации и передаче ключевых знаний, полученных в ходе когнитивного познания тех или иных явлений окружающей действительности.

Список литературы

1. Абакумова О.Б. Метафоры в пословицах о любви: универсальное и специфическое //Когнитивные исследования языка. Вып.2 (45): Знаки языка и смыслы культуры: сборник научных трудов, посвященный памятному юбилею В.Н. Телия. М.-Тамбов: Издат. дом «Державинский», 2021. С.411-422.
2. Абакумова О.Б. Пословичные концепты Правда и Truth в паремическом микродискурсе // Россия и Запад: диалог культур. – М., 2008. – Ч. 3. – С. 3–11.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. - Волгоград: Перемена, 2002. - 477с.
4. Кунин А.В. О фразеологической дефиниции // Вопросы английской фразеологии (коммуникативный и фразеологический аспекты): сборник научных трудов. М., 1987.

Сведения об авторе:

Загоруй Алена Александровна, аспирант, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, кафедра английской филологии, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д.41, zagoruy.alena@mail.ru, +79102630089.

Zagoruy Alyona Aleksandrovna, post-graduate student, Turgenev Oryol State University, Komsomolskaya st., 41, Russian Federation, Oryol, zagoruy.alena@mail.ru, +79102630089.

УДК 811.111'38

Сравнительная динамическая референциальная типология пословиц и антипословиц английского языка, включающих в свою структуру гендерно-маркированный компонент

Надежда Владимировна Кирюхина

Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, старший преподаватель кафедры английской филологии института иностранных языков, Россия, Орёл, ул. Комсомольская 37, mila0870@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу наиболее паремиологически активных синтаксических моделей пословичного и антипословичного речения, составляющих его референцию. Кроме того, в статье также изучается гендерный фактор, имплицитно или эксплицитно заложенный в семантику традиционного и/или современного высказывания, что позволяет, в свою очередь, провести анализ социокультурного оценочного элемента антропометрических гендерно маркированных лексем. А также предлагается сравнительная динамическая референциальная типология английских пословиц и антипословиц с гендерным компонентом.

Ключевые слова: пословица, антипословица, гендерная лингвистика, гендерная роль, фемининность, маскулинность, референция.

Comparative Dynamic Referential Typology of Proverbs and Anti-proverbs of the English Language, Including a Gender-marked Component in their Structure

Nadezhda V. Kirjukhina

Oryol State University named after I.S. Turgenev, a senior lecturer at the chair of English philology, the Institute of foreign languages, 37 Komsomolskaya st., Oryol, Russia, mila0870@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the most paremiologically active syntactic models of proverbial and anti-proverbial sayings that constitute the reference. In addition, the article also studies the gender factor, implicitly or explicitly embedded in the semantics of traditional and modern sayings, which, in turn, allows us to analyze the sociocultural evaluative element of anthropometric gender-marked lexemes. A comparative dynamic referential typology of English proverbs and anti-proverbs with a gender component is also proposed.

Key words: proverb, anti-proverb, gender studies, gender role, femininity, masculinity, reference.

Гендерная лингвистика как отдельная научная дисциплина появилась в отечественном языкознании в конце XX века и по сей день продолжает активно развиваться, что подтверждается большим научным интересом к данной области исследования, возникшем отчасти благодаря методологии самой гендерной лингвистики, которая затрагивает ряд вопросов, исследуемых смежными научными отраслями, такими как социолингвистика, лингвокультурология, этнолингвистика и др. Под гендером предлагается понимать «совокупность норм поведения и позиций, которые обычно ассоциируются с лицами мужского и женского пола в данном обществе. В основе гендера лежит идея о том, что важны не биологические или физические различия между мужчинами и женщинами, а то культурное и социальное значение, которое общество придает этим различиям» [Зыкова 2003, с. 7]. Отмечается высокая значимость смысловозначительного компонента в двойственной структуре понятия о гендере, который может рассматриваться и как под биологическим, так и под социальным углом. «Биологический гендер, он же пол, предполагает бинарное деление людей на лица мужского или женского пола, т.е. на мужчин или женщин. Иначе выражаясь, биологический гендер – это изначальный набор физиологических и анатомических мужских или женских признаков, в то время как социальный гендер представляет собой более комплексное образование» [Кирюхина, Абакумова 2021, с.89].

Институционализация гендера осуществляется посредством постепенного вхождения индивида в социум, с последующим когнитивным наслаиванием

социально приемлемых гендерно ролевых моделей поведения. Необходимо заметить, что спектр тех или иных стереотипных характеристик и предписаний, соотносимых с полем «маскулинное» и полем «фемининное» может количественно и качественно варьироваться в разных культурах, что можно объяснить их различиями в природных, исторических, а также социальных и культурных условиях существования и развития, что привело к манифестации различных картин мира. Более того, «дихотомия «общество – группа – индивид» находится в постоянном и непрерывном взаимодействии, в процессе которого выстраиваются новые модели взаимоотношений, новые качества и роли мужчин и женщин, включаемые «по умолчанию» в акте коммуникации и находящие свое отражение в различии социальных отношений к лицам мужского и женского пола, а также в саморефлексии индивида» [Кирихина, Абакумова 2021, с.89]. Данные факторы позволяют А. В. Кирихиной заключить, что гендер «входит в привычку, получает общепринятые формы выражения, приобретает узнаваемый вид, становится необходимой частью внешней формы, типичной для всех членов данного общества составляющей поведения и не зависит от воли и намерений индивида» [Кирилина 1999, с. 6].

Гендерная референция пословиц и антипословиц рассматривается как частный случай общей референции пословиц и антипословиц соответственно. Предлагается исходить из того же понимания гендерной референции, что и исследователь И. В. Зыкова, а именно – отнесение пословицы к маскулинной, фемининной или интергендерной сферам. Под прямой гендерной референцией пословицы мы будем понимать непосредственное отнесение пословицы к референту-мужчине или/и к референту-женщине; к маскулинным или/и фемининным понятиям (сферам). Под косвенной – контекстно обусловленное установление отнесенности пословицы к референту-мужчине или/и к референту-женщине; к маскулинным или/и фемининным понятиям (сферам). Например, гендерная референция пословицы «*Яблоко от яблони недалеко падает*» является косвенной, ситуативной, поскольку она может быть установлена только на материале контекста ее употребления.

Для проведения исследования за основу была взята референциальная типология русских пословиц О.Е. Фроловой (Фролова 2007, с.45-52), которая была дополнена оценочным и сравнительно-сопоставительным аспектами, анализом ролевой семантики и прагматики паремнологических единиц о правде на материале английских, французских, чешских и испанских пословиц в работе (Абакумова 2013), а также еще раз использована для сравнительно-сопоставительного референциально-оценочного исследования на материале русских и английских пословиц о счастье (Абакумова 2021). Сопоставительная референциально-оценочная типология русских и английских традиционных пословиц с гендерным компонентом была представлена в статье Кирихина Н. В., Абакумова О. Б. 2021. В данной работе сравнительному референциальному анализу подвергаются английские пословицы и антипословицы, обладающие имплицитной или эксплицитной гендерной маркированностью. Предлагается выделять следующие категории английских пословиц:

I. Английские пословицы с заполненными актантными позициями (54%). В этом типе пословиц актантные позиции предиката заняты антропометрическими лексемами с указанием на мужчину или женщину. Представим структуру образа женщины по материалам английских пословиц как совокупность отдельных качеств (квалитативов): *Women are the snares of Satan* (квалитатив опасности), *A good wife and health is a man's best wealth* (квалитатив ценности), *Wife and children are bills of charges* (квалитатив жадности), *A good wife is a goodly prize, saith Solomon the wise* (квалитатив порядочности, высокой ценности), *The wife is a key to the house* (квалитатив хозяйственности), *An obedient wife commands her husband* (квалитатив доминантности), *A fair wife and a frontier castle breed quarrels* (квалитатив красоты и неверности) и др.;

II. Пословицы с незанятыми актантными позициями субъекта (20%). Пословицы этой группы в большей степени отражают соответствие норме, чем оценку ситуации:

- 1) Императивные конструкции: *Tell a woman she is fair, and she will soon turn fool* (квалитатив внешней привлекательности, глупости);
- 2) Пассивные конструкции: *Better be half hanged, than ill married* (квалитатив высокой значимости и опасности);
- 3) Назывные конструкции: *No war without a woman* (квалитатив опасности);
- 4) Инфинитивные конструкции: *No lack to lack a wife* (квалитатив ненужности, нежелательности);

III. Пословицы с формально занятыми, но семантически непроясненными или опустошенными позициями предиката (26%). Третья группа пословиц с точки зрения заполнения актантных позиций предиката обращается к пропозитивным и дейктическим средствам:

- 1) Структурное заполнение позиции субъекта при отсутствии семантического заполнения. Как правило, актанты предиката выражаются личными и относительными местоимениями в сложных предложениях приместоименно-соотносительного типа: *He that marries a widow and two children marries three thieves* (квалитатив меркантильности и расточительности);
- 2) Актанты предиката выражены числительными в неопределенно-личных конструкциях: *Many a one for land takes a fool by hand* (квалитатив глупости);
- 3) Актантная позиция предиката заполняется местоимением *it* или *they* в безличных конструкциях: *It is better to marry a shrew than a sheep* (квалитатив наличия ума, хитрости, характера, умения постоять за себя);
- 4) Ядро группы составляют пословицы с актантами, выраженными отглагольными или отадективными существительными, обозначающими действие, состояние или абстрактное качество: *Prettiness dies first* (квалитатив эфемерности, внешней привлекательности).

Также выделяются следующие категории английских антипословиц:

I. Английские антипословицы с заполненными актантными позициями (81%): *A little woman is a dangerous thing* (квалитатив опасности), *A*

b

a

c **II. Антипословицы с незанятыми актантными позициями субъекта (6%):**

e 1) Императивные конструкции: *Beware of women bearing gifts: remember Eve* (квалитатив опасности);

r **III. Антипословицы с формально занятыми, но семантически непрямыми или опустошенными позициями предиката (13%):**

l 1) Структурное заполнение позиции субъекта при отсутствии семантического заполнения: *As she shows, so shall we peep* (квалитатив соблазнительности);

s 2) Актантная позиция предиката заполняется местоимением *it* или *they* в безличных конструкциях: *It's not easy for a beautiful girl to believe that love is* (квалитатив хитрости, осознания своей внешней привлекательности);

t 3) Эту группу составляют пословицы с актантами, выраженными ~~в~~ глагольными или отадективными существительными, обозначающими действие, состояние или абстрактное качество: *Early to bed and early to rise is wise* (квалитатив недостатка мудрости, опыта).

t

h По проведению сравнительного анализа пословиц и антипословиц английского языка удалось выявить следующие характеристики с наличием некоторых дихотомических сдвигов: 1) фемининные лексемы, обладают преимущественно отрицательной коннотацией, что подтверждает факт ~~(корреляция не отрицательная)~~ *of transmutation his character and his wife has the* характеристик и схем поведения через призму нужности/ненужности, ценности/антиценности, одобрения/неодобрения со стороны мужчины; 2) отмечается появление антипословиц, атрибутирующих традиционно маскулинные качества референту-женщине, такие как *конкурентоспособность, активная социальная позиция, независимость, самостоятельность, решительность, рассудительность, осторожность*, что позволяет сделать гипотетическое заключение о появлении антипословиц, созданных женщинами о женщинах для мужчин, обнаруживающих социальный взгляд на женщину сквозь призму фемининных ценностей; 3) гендерные роли женщины-жены и женщины-матери по-прежнему актуальны для англоязычного сообщества, что подтверждается наличием таких квалитативов как *хозяйственность, чувство необходимости мужа, домашнее пространство, материнство*, которые, однако, не выступают вершинными признаками Женщины, в отличие от традиционных пословиц, в которых в большей мере подчёркивалась ценность жены для мужа, раскрывающаяся в её добром нраве, умении следить за домом, надёжности, любви к детям и мудрости. Наиболее паремиологически активной референциальной синтаксической моделью выступает модель I (54% базовых, традиционных пословиц и 81% трансформированных антипословиц) с заполненными актантными позициями.

Список литературы

1. Абакумова О.Б. Пословичные концепты в паремическом дискурсе. Автореф...доктора филол. наук. Орел: ОГУ имени И.С. Тургенева, 2013. 45 с.
2. Абакумова О.Б. Анализ русских и английских пословиц о счастье: универсальное и специфическое// Фразеология в фокусе когнитивистики. М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2021. С.176-194.
3. Зыкова И.В. Способы конструирования гендера в английской фразеологии. М. : Едиториал УРСС, 2003. – 232 с.
4. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М. : Ин-т социологии РАН, 1999. – 189 с.
5. Кирюхина Н.В., Абакумова О.Б. Паремииологическая репрезентация стереотипного представления о роли женщины в семье (на материале русских и английских пословиц о браке) // Язык и культура. –2021. – № 55. – С. 87–102.
6. Фролова О.Е. Мир, стоящий за текстом: референциальные механизмы пословицы, анекдота, волшебной сказки и авторского повествовательного художественного текста. М. : URSS, 2007. – 317 с.
7. Fergusson R. The Penguin Dictionary of Proverbs. Penguin Books Ltd., 2000. 384p.
8. Mieder W., Litovkina A. T. Twisted Wisdom. Modern Anti-proverbs. Burlington: The University of Vermont, 2002. P. 254.

Сведения об авторе:

Кирюхина Надежда Владимировна – старший преподаватель кафедры английской филологии института иностранных языков, ОГУ им. И.С. Тургенева (Орёл, Россия). E-mail: mila0870@yandex.ru

Kirjukhina Nadezhda Vladimirovna – a senior lecturer n assistant lecturer at the chair of English philology, the Institute of foreign languages, Oryol State University named after I.S. Turgenev. E-mail: mila0870@yandex.ru

УДК 81

К вопросу о переводимости пословиц (на материале немецких, русских и японских пословиц о правде)

Анна Леонидовна Колесникова

Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, ассистент кафедры немецкого языка института иностранных языков, Орел, Россия, anna-perevod@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются способы перевода пословиц на материале пословиц немецкого, японского и русского языков семантического поля «Правда». Концепт «правда» отражает понятие, занимающее одно из важных мест в жизни этносов. Пословицы, выступая аккумуляторами культурных ценностей народов, представляют большой интерес для изучения с

лингвокультурологической точки зрения, а также с точки зрения способов их перевода на другой язык.

Ключевые слова: пословица, концепт, перевод пословиц, лингвокультурология, правда, die Wahrheit, 真、真実

On the Question of Translatability of Proverbs (on the Material of German, Russian and Japanese Proverbs about Truth)

Anna L. Kolesnikova

Oryol State University named after I. S. Turgenev, assistance lecturer of the German Department, Foreign Language Institute, Oryol, Russia, anna-perevod@yandex.ru

Abstract. The article deals with methods of translating proverbs using the material of proverbs from the German, Japanese and Russian languages of the semantic field “Truth”. The concept “truth” occupies one of the important places in the life of ethnic groups. Proverbs, acting as accumulators of cultural values of peoples, are of great interest for study from a linguocultural point of view, as well as from the point of view of ways of translating them into another language.

Keywords: proverb, concept, translation of proverbs, linguoculturology, truth, die Wahrheit, 真、真実

Важнейшим направлением лингвистических исследований в современной лингвистической науке является лингвокультурология. В соответствии с лингвокультурологическим подходом в фокусе исследователей-лингвокультурологов находятся феномены культуры народов, которые отразились и закрепились в языке. В связи с этим пословицы, выступая аккумуляторами культурных ценностей и жизненного опыта народов, представляют большой интерес для изучения с лингвокультурологической точки зрения. В соответствии с определением пословиц, предложенным В.С. Виноградовым, пословицы – это «закрепленные в языке устойчивые образные суждения, которые имеют назидательный смысл, выражают определенную мораль и часто обладают звукоритмической организацией» [Виноградов 2004, с. 192]. Вместе с тем в пословицах отражается своеобразное восприятие и видение мира разными народами. Все это обуславливает сложности перевода таких единиц на другой язык.

Чтобы правильно использовать пословицу в речи, нужно понимать смысл пословицы, а также знать те ситуации, в которых ее следует употреблять. Носители языка вместе со смыслом пословицы воспринимают и ее образ, метафору, сравнение, формирующие пословицу. Связанные с возникновением пословицы первоначальные реалии забываются, но дуплановость смысла пословиц сохраняется, т.е. их прямой и иносказательный смысл сосуществуют. «Смысл свободного сочетания, лежащего в основе пословицы, и ее иносказательное содержание актуализируются в речи. Поэтому переводчику

важно передать оба эти компонента: и смысл пословицы, и ее метафорическое содержание.» [Виноградов 2004: с. 192].

Согласно определению П.В. Жукова: «Пословица – краткое, устойчивое в речевом обиходе, как правило, ритмически организованное изречение назидательного характера, в котором зафиксирован многовековой опыт народа; имеет форму законченного предложения, выражает суждение или побуждение» [цит. по Абакумова 2022, с. 114].

Мы придерживаемся следующего определения пословицы: «Пословица представляет собой сложный знак гибридного типа с текстовыми характеристиками и прагматическими функциями, практическое оценочное суждение, функционирующее в речи как косвенный речевой акт чаще всего директивного типа, который используется как тактическое средство реализации коммуникативной стратегии говорящего. Взятые в совокупности своих интертекстуальных связей, образности и оценочности, они передают национально детерминированные представления об абстрактных сущностях и их видение в данной культуре» [Абакумова 2020, с. 56].

Как следует из приведенных определений, пословицы имеют смысловое, функционально-стилистическое, а также эмоционально-экспрессивное содержание, которое должен учитывать переводчик при переводе таких единиц. Столкнувшись с необходимостью перевода пословицы, переводчик должен уметь правильно воспринимать и интерпретировать значение пословицы. Только так станет возможной адекватная передача смысла пословицы на языке перевода.

В рамках исследования значения пословицы современные ученые-лингвисты применяют термин «концепт». В статье Т.В. Сухановой «Концепт как основное понятие современной когнитивной лингвистики» рассмотрены различные подходы к определению термина «концепт». На основе различных трактовок данного термина автор делает вывод, что «под концептом понимается дискретная комплексная единица человеческого мышления, которая содержит определенную совокупность знаний о том или ином явлении объективной или субъективной реальности, представленная в виде чувственных данных опыта, информационных данных, а также в виде мнений и представлений. Каждый концепт включает смысловое содержание и оценку, отношение человека к тому или иному отражаемому объекту. Кроме того концепты включают следующие компоненты: универсальный, национально-культурный, социальный, групповой, индивидуально-личностный.» [Суханова 2008, с. 110]

Концепт «правда» отражает понятие, занимающее одно из важных мест в жизни этносов, поэтому изучение данного концепта представляет большой интерес в рамках исследования культурно-концептуального содержания. По этой причине для нашего исследования мы отобрали пословицы семантического поля «правда» на немецком, японском и русском языках и на их примере рассмотрели проблемы переводимости пословиц.

В. С. Виноградов выделяет пять возможных способов перевода пословиц [Виноградов 2004, с. 193]:

1) Перевод полным пословичным соответствием (эквивалентом): в языке перевода подбирается пословица, равнозначная по смыслу, функции и стилистическим характеристикам пословице оригинала и совпадающая с ней полностью или в основном по образному содержанию. Например: Kindermund tut Wahrheit kund. - Устами младенца глаголет истина. Пример в контексте: «Eine weitere bemerkenswerte Wurzel für die Wertschätzung des Kindes ist die Wahrheit. Kindermund tut Wahrheit kund. Die „Wahrheit“ dieses Sprichworts fließt aus Unverdorbenheit, Arglosigkeit, Simplizität und Ränkelosigkeit.» [Wittmann 1999, с. 113] – *Еще одна примечательная основа, по которой можно оценить ребенка, - это истина. Устами младенца глаголет истина. «Правда» этой пословицы вытекает из неиспорченности, бесхитростности, простоты и непритязательности* (перевод наш).

Kinder und Narren sagen die Wahrheit. – Глупый да малый всегда говорят правду. Alles vergeht, Wahrheit besteht. - Все минётся, правда остается.

さけ なか まこと
,酒の ,中に ,真あり - Im Wein liegt die Wahrheit – Истина в вине.

Пример в контексте: «И что за оправдание, что он был пьян? Глупая отговорка, еще более его унижающая! В **вине** – **правда**, и правда-то вот вся и высказалась, то есть вся-то грязь его завистливого, грубого сердца

высказалась!» [6]- 「それがなんの ^い,言いわけになる? ^{よけいじぶん},余計自分の ^{おとこ},男

をさげる ^{おろ},愚かな ^{こうじつ},口実にすぎないではないか! . ^{さけなか},酒中に ^{まこと},真ありと

い ^{まこと},言うが、その ^{すがた},真の ^{ばくろ},姿がぜんぶ ^{ばくろ},暴露されてしまったわけだ。] [7]

2) частичным пословичным соответствием: пословица языка перевода эквивалентна пословице оригинала по смыслу, функции и стилистической окраске, но отличается своим образным содержанием. Например: Die Wahrheit kommt doch an den Tag. - Шила в мешке не утаишь. Wahrheit tut der Zunge weh. / Wahrheit bringt Haß. - Правда глаза колет.

Пример в контексте: „**Wahrheit bringt Haß hervor** . So lud der heilige Stephanus den ganzen Haß der Juden auf sich, weil er ihnen die Wahrheit gesagt hat . Es erkannten die Juden , daß die Aussagen des heiligen Stephan Wahrheit seien , und weil es Wahrheit war , deßhalb haßten sie ihn , steinigten sie ihn.“ [8] - *Правда порождает ненависть. Так, святой Стефан вызвал ненависть иудеев за то, что говорил им правду. Иудеи признали, что слова святого Стефана были истинной, а поскольку это была истина, то, ненавидя его, они публично его камнями* (перевод наш).

嘘から出た実 – досл.: *Правда, вышедшая из лжи*. Значение данной пословицы: истина, которая должна быть скрыта за ложью, в итоге раскрывается благодаря лжи. Русский эквивалент: *Бывает, и ложь помогает*.

3) при передаче пословиц нередко используется прием калькирования. Переводчик воспроизводит пословицу в почти дословном виде, и по контексту

читатель понимает, что имеет дело, с устойчивым оборотом, воспроизводимым по оригиналу. Чтобы проиллюстрировать этот способ, мы можем привести пример: Die Wahrheit hat nur eine Farbe, die Lüge mancherlei. У правды только один оттенок, а у лжи – множество (перевод наш); Правда – хорошо, а счастье –

лучше. Wahrheit ist gut, aber Glück ist besser. ^{うち} ,内に ^{まこと} ,誠あれば ^{そと} ,外に
あらわ

^形る – досл.: *Если внутри правда, то она проявится и снаружи* (перевод наш). Значение данной японской пословицы: Если в душе, в мыслях – правда, то она проявится и в поступках этого человека, в его отношении к другим людям.

4) «псевдопословичным» соответствием, когда переводчик считает нецелесообразным использовать имеющиеся в языке перевода соответствия или когда в нем вообще нет полного или частичного пословичного эквивалента. В этом случае переводчик «изобретает» пословицу, воспроизводя без модификаций или с некоторыми изменениями образное содержание оригинальной пословицы и, конечно, стараясь сохранить ее смысл. Например,

японской пословице ^{うそ} ,嘘つきは ^{どろぼう} ,泥棒の ^{はじ} ,始まり - досл.: *Ложь – начало воровства* могла бы соответствовать «псевдопословица» типа «Начнешь врать, начнешь и воровать» (перевод наш).

5) еще один переводческий прием - это пересказ пословицы, т. е. описательный перевод. Он сводится к толкованию, объяснению пословицы, которая в переводном тексте практически перестает существовать как самостоятельная языковая единица и словно растворяется в контексте. Например: «Правда – хорошо, а счастье – лучше» - Wenn es um das eigene Wohl geht, kann man auf die Wahrheit verzichten. досл.: *Когда речь идет о собственном благополучии, можно обойтись и без правды.*

Наибольшую трудность для перевода и интерес на наш взгляд представляют случаи, когда в языке перевода нет полного пословичного эквивалента, и переводчику приходится прибегать к приемам калькирования, создания «псевдопословицы» или пересказа пословицы. Это требует от переводчика не только хорошего владения иностранным языком, но и хорошего знания культуры и национальных особенностей, умения распознать пословицу в тексте и при переводе стараться сохранить ее основное значение, функцию, ее стилистическую и эмоционально-экспрессивную окраску, применять творческий подход к процессу перевода.

Список литературы

1. Виноградов В.С. Перевод: Общие и лексические вопросы: Учебное пособие. М.: КДУ, 2004, 240 с.
2. Абакумова О.Б., Сулица О.А. Тематическая группа «Счастье» в русской пословичной картине мира на фоне английского и японского языков // Русская

языковая картина мира в поговорах (на фоне других языков): коллективная монография. – СПб, 2022. С. 114-130.

3. Абакумова О.Б. Лингвокультурологические аспекты когнитивно-дискурсивной паремииологии // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение. Материалы IV Международной научно-практической конференции. - Орёл, 2020, с. 53-60

4. Суханова Т.В. Концепт как основное понятие современной когнитивной лингвистики // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-kak-osnovnoe-ponyatie-sovremennoy-kognitivnoy-lingvistiki> (дата обращения: 10.10.2023).

5. Wittmann, B. C. (1999). Verknüpfung und Umsetzung der Lehrplanziele Medienerziehung und Selbstfindung in der Hauptschule: (Lehrplan für die Hauptschule in Bayern 1997). Германия: Utz, Wiss. 297 стр. URL: https://books.google.ru/books/about/Verknüpfung_und_Umsetzung_der_Lehrplanz.html?id=PrbXJ77NdEC&redir_esc=y (дата обращения: 15.09.2023)

6. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание URL: <https://klassika.ru/read.html?proza/dostoevskij/prestup.txt&page=42> (дата обращения: 02.10.2023)

7. ドストエフスキー。罪と罰（中）URL: https://www.google.ru/books/edition/罪と罰_中/JRrkAAAAQBAJ?hl=ru&gbpv=0 (дата обращения: 02.10.2023)

8. Der katholische Volksfreund Wochenschrift für häusliche Erbauung und Belehrung des katholischen Volkes · Том 5, 1855 г., Издатель: Rieger URL: https://www.google.ru/books/edition/Der_katholische_Volksfreund/0zIAAAAcAAJ?hl=ru&gbpv=0 (дата обращения: 17.09.2023)

Сведения об авторе:

Колесникова Анна Леонидовна; ассистент кафедры немецкого языка, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302028, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 95; anna-perevod@yandex.ru; +79208183348.

Kolesnikova Anna Leonidovna, assistance lecturer of the German Department, Oryol State University named after I. S. Turgenev, Foreign Language Institute, Oryol, Russia, anna-perevod@yandex.ru; +79208183348.

Облик респондентов социолингвистического паремиологического опроса СПбГУ 2022 года

Марина Юрьевна Котова

Санкт-Петербургский государственный университет,
профессор кафедры славянской филологии филологического факультета,
доктор филологических наук, профессор, г. Санкт-Петербург, Россия,
m.kotova@spbu.ru

Аннотация. Рассматриваются характеристики респондентов-носителей русского языка, которые приняли участие в социолингвистическом паремиологическом опросе (гендерные, возрастные и др.). Указывается на значение этих характеристик для анализа вариантности ответов респондентов.

Ключевые слова: пословица, респондент, носитель русского языка, социолингвистический паремиологический эксперимент, вариантность пословицы.

The characteristics of respondents of the socio-linguistic paremiological survey of St. Petersburg State University in 2022

Marina Yu. Kotova,

Saint Petersburg State University, Professor at the Department of Slavonic Philology,
Faculty of Philology, Doctor of Philology, Professor, Saint Petersburg, Russia;
m.kotova@spbu.ru

Abstract. The characteristics of respondents (Russian native speakers), who took part in the sociolinguistic paremiological survey (gender, age, etc.) are described. The significance of these characteristics for the analysis of the variation of respondents' responses is indicated.

Key words: proverb, respondent, Russian native speaker, sociolinguistic paremiological experiment, variability.

Вступление

Природа вариантности пословиц постоянно находится в сфере внимания паремиологов и не раз освещалась в работах В. М. Мокиенко, Л. Б. Савенковой, Е. И. Зиновьевой, В. Мидера и др. Фиксация источников вариантности обычно сводится к ссылкам на употребление пословицы в том или ином художественном или публицистическом контексте. Исследования, в которых вариантность анализируется на основе результатов социолингвистического паремиологического опроса, пока крайне малочисленны (ср., например, работы Г. Л. Пермякова). Данный доклад в какой-то степени заполняет этот пробел.

В 2021-2022 гг. в качестве материала для анонимного опроса носителей русского языка был использован наш «Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями» (далее – РССПАС) [1].

Этот социолингвистический паремиологический эксперимент (далее – РЭ-22) был проведен на кафедре славянской филологии СПбГУ и был нацелен на то, чтобы скорректировать словник русских пословиц РССПАС, в который входит 500 русских пословиц [1]. В состав РССПАС, изданного в 2000 г., вошел паремиологический минимум Г. Л. Пермякова, выявленный в 70-х гг. прошлого века [2], а также небольшая часть пословиц из личной картотеки автора РССПАС.

Задачи РЭ-22 и его результаты изложены в наших предыдущих трудах [3; 4].

Респондентам при опросе предлагалось дописать укороченные пословицы, не обращаясь ни к каким посторонним источникам.

Характеристики респондентов РЭ-22

В анонимном РЭ-22 участвовало 340 респондентов-носителей русского языка. Результаты обработки РЭ-22 представлены в наших «Тетрадах паремиографа. Выпуск 8» [5].

Обобщим опубликованные там сведения о респондентах [5, с. 10-22]:

– возраст и пол респондентов – от 16 до 88 лет, в том числе 56 мужчин (то есть 16,5 % от общего числа информантов) и 284 женщины:

а) 16–25 лет – 124 человека: среди них 19 юношей (то есть 15,3 %) и 105 девушек;

б) 26–40 лет – 99 человек, в том числе 18 мужчин (то есть 18,2 %) и 81 женщина;

в) 41–59 лет – 86 человек, в том числе 13 мужчин (то есть 15,1 %) и 73 женщины;

г) 60–88 лет – 31 человек, в том числе 6 мужчин (то есть 19,4 %) и 25 женщин;

– до 16-летнего возраста информанты проживали в следующих городах и регионах: Амурская область, Архангельск, Астрахань, Белгород, Брянск, Вологодская область, Воронеж, Ижевск, Иркутск, Калуга, Киров, Комсомольск-на-Амуре, Костромская область, Краснодар, Красноярский край, Курган, Ленинград, Ленинградская область, Липецк, Москва, Мурманск, нефтеюганск, Нижний Новгород, Новосибирск, Норильск, Омск, Орел, Пермь, Петрозаводск, Псков, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Саранск, Саратов, Сахалинская область, Смоленск, Тамбов, Тверская область, Томск, Тюмень, Урал, Хабаровск, Челябинск, Череповец, Ярославль и др. В Ленинграде (Санкт-Петербурге) с детства проживает 28 % информантов, в Орле с самого рождения проживает 9 % информантов, в Москве - 4 %, в остальных городах и регионах меньшее количество;

– информанты являются представителями следующих занятий и профессий: администратор, актёр, аналитик, артист балета, архитектор, бухгалтер, водитель, врач, гид-переводчик, дизайнер, инженер, инженер-биотехнолог,

инженер-электронщик, искусствовед, историк, кондитер, маляр, маркетолог, математик, менеджер, музейный работник, официант, пенсионер, переводчик, предприниматель, преподаватель вуза, программист, продюсер, психолог, редактор, режиссер, системный аналитик, студент, теплоэнергетик, управляющий рестораном, учитель, художник-декоратор, школьник, экономист, электромонтер, юрист и др. [5, с. 10-22].

Богатая вариантность концовок русских пословиц РЭ-22

Приведем некоторые примеры вариантности русских пословиц из выявленного нами русского паремиологического минимума 2022 года [5, с. 23-46].

Именная вариантность лексическая и лексико-грамматическая фиксируется нами в пословицах *Знает кошка, чьё мясо (сало) съела* [5, с. 224-225]; *Назвался груздем, полезай в кузов (в кузовок)* [5, с. 139]; *На чужой каравай рот (роток, рта) не разевай* [5, с. 202-203] и др.

Глагольная вариантность установлена в пословицах русского паремиологического минимума 2022 года *Вот где собака зарыта (порылась)* [5, с. 384-385]; *Дома и стены помогают (лечат)* [5, с. 402-403]; *Не в свои сани не садись (не лезь)* [5, с. 360]; *Утопающий и за соломинку хватается (держится, ухватится, схватится)* [5, с. 393-394] и др.

Анализ региональных характеристик информантов, указавших варианты к некоторым пословицам, показывает, например, следующие результаты:

Знает кошка, чьё мясо (сало) съела (РССПАС 183) – 57,4 % [195] инф.

- *мясо съела* (162 инф.)

- *сало съела* (3, 31, 50, 67, 69, 78, 79, 86, 127, 151, 168, 180, 203, 206, 222, 248, 308, 329 – 18 инф.) Компонент *сало* указали информанты, которые провели детство в разных регионах и странах (в Санкт-Петербурге – 5 информантов, в Казахстане – 3 информанта, на Украине – 2 информанта, в Орле – 2 информанта, в Беларуси, в Иркутске, Канске, Липецке, Свердловске – по одному информанту);

Назвался груздем, полезай в кузов (в кузовок) (РССПАС 91) – 89,4 % [304] инф.

- *полезай в кузов* (267 инф.)

- *полезай в кузовок* (35, 54, 57, 66, 73, 96, 123, 132, 135, 145, 174, 175, 188, 192, 230, 237, 253, 255, 259, 261, 329 – 21 инф.) Диминутив *кузовок* указало 7 респондентов, выросших в Санкт-Петербурге, 2 – в Казахстане; из остальных городов, регионов и стран – по одному: из Архангельска, Беларуси, Калужской области, Курской области, Орла, Петрозаводска, Ростовской области, Свердловска, Украины и др.;

Вот где собака зарыта (порылась) (РССПАС 390) – 91,8 % [312] инф.

- *зарыта* (284 инф.)

- *порылась* (36, 39, 65, 78, 137, 169, 186, 198, 199, 204, 214, 215, 237, 269, 291, 318, 325, 329 – 18 инф.) Вариант *порылась* указали информанты, которые до 16-летнего возраста проживали в Санкт-Петербурге (10 человек), Москве и Московской области (2 человека), в остальных регионах по одному

информанту: в Алматы, Архангельске, Ижевске, Новосибирске, Ростове-на-Дону, Украине;

Не в свои сани не садись (не лезь) (РССПАС 356) – 52,6 % [179] инф.

- *не садись* (159 инф.)

- *не лезь* (2, 29, 58, 76, 77, 109, 114, 115, 117, 128, 131, 160, 189, 197, 226, 248, 285, 292, 308 – 19 инф.) Компонент *не лезь* указали информанты из Орла и Орловской области (5 человек), по 2 человека из Казахстана, Ленинграда и Ленинградской области, из Челябинской области; по одному респонденту из Архангельска, Кирова, Красноярска, Москвы, Нальчика, Омска, Томской области, Украины.

Как видно из приведенных примеров, объяснить указание того или иного варианта ареальными причинами происхождения респондента не представляется целесообразным.

Заключение

Социолингвистический облик респондента паремиологического опроса 2021-2022 гг., организованного кафедрой славянской филологии СПбГУ, включает в себя гендерные, возрастные, региональные и профессиональные параметры. Все эти параметры отличаются исключительным разнообразием и охватывают широкий диапазон спектров. Результаты социолингвистического паремиологического эксперимента, выявившего русский паремиологический минимум 2022 года, отражены в учебно-методическом пособии «Тетради паремиографа. Выпуск 8», опубликованном в Санкт-Петербурге под редакцией автора данного доклада осенью 2023 года. Зависимость вариантности русских пословиц, представленных в этой книге, от социолингвистического облика респондентов потребует углубленного анализа в будущих паремиологических и социологических исследованиях.

Список литературы

1. Котова М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями / Под ред. П. А. Дмитриева. - СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2000. – 360 с. (РССПАС)
2. Пермяков Г. Л. К вопросу о паремиологическом минимуме языка: 500 наиболее употребительных русских пословичных изречений // Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988. С. 143–166.
3. Котова М.Ю., Раина О. В. О корректировке паремиологического минимума русского языка // Наука СПбГУ — 2021. Сборник материалов Всероссийской конференции по естественным и гуманитарным наукам с международным участием. Санкт-Петербургский государственный университет / ответственный редактор: Быков Владимир Григорьевич. СПб.: Издательство: Свое издательство (Санкт-Петербург), 2022. С. 616–617.
4. Русская языковая картина мира в пословицах (на фоне других языков): коллективная монография / Под ред. М. Ю. Котовой. СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2022. - 164 с.

5. Котова М. Ю., Боева Н. Е., Гусева О. В., Мушинская В. В., Раина О. В., Сергиенко О. С. Тетради паремиографа. Выпуск 8. Паремиологический минимум русских пословиц 2022 года: Учебно-методическое пособие для студентов / Под ред. М. Ю. Котовой. – СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2023. – 560 с. (ТП8)

Сведения об авторе:

Котова Марина Юрьевна; доктор филологических наук, профессор, кафедра славянской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9; m.kotova@spbu.ru; +79119236346.

Kotova Marina Yurievna; Doctor of Philology, Professor, Department of Slavonic Philology, Saint Petersburg State University, Universitetskaya emb., 7-9, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation; m.kotova@spbu.ru; +79119236346.

УДК 81.37

Библейский фразеологизм в художественном тексте

Ольга Александровна Мещерякова

Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, главный научный сотрудник научно-образовательного центра русского языка и литературы, доктор филологических наук, доцент, Россия, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское ш., д. 10, lameo56@yandex.ru

Аннотация. В статье выявляются возможности библейского фразеологизма в организации семантического пространства художественного текста. Устанавливается, что выражение *Лето Господне*, взятое из Библии в качестве заглавия романа И. С. Шмелева, выполняет аллюзивную функцию. Ее реализация организует систему смыслов семантического пространства текста.

Ключевые слова: библейский фразеологизм, аллюзивная функция, семантическое пространство, художественный текст.

Biblical Phraseology in a Literary text

Olga A. Meshcheryakova

Pushkin Leningrad State University, Chief Researcher at the Center for the Russian Language and Literature, Doctor of Philology, Associate Professor, Russia, St. Petersburg, Pushkin, Peterburgskoye sh., no. 10

Abstract. The article reveals the possibilities of biblical phraseology in organizing the semantic space of a literary text. It is established that the expression Summer of

the Lord, taken from the Bible as the title of the novel by I. S. Shmelev, performs an allusive function. Its implementation organizes a system of meanings in the semantic space of the text.

Key words: biblical phraseology, allusive function, semantic space, literary text

Идиома как элемент художественного текста относится к числу тем, вызывающих особый исследовательский интерес. Но библейский фразеологизм, представляя собой особую «дискурсивную» разновидность устойчивых выражений, как бы стоит особняком и изучен недостаточно. В этом можно увидеть разные причины. Вероятнее всего то, что внимание к устойчивому выражению, отсылающему к тексту Священного Писания, было недостаточным по причине «гонения на Русскую православную церковь в XX в., изъятия из школьного и вузовского образования религиозных текстов (и прежде всего Библии)» [Сковородников 2016, с.6].

В XXI веке библейские фразеологизмы попадают в сферу внимания лингвистов как элементы газетно-публицистического стиля, обладающие мощной воздействующей силой [Maksimowicz 2023].

Однако в художественном тексте, где действуют законы концептуализации авторского познания на мир, употребление библейского фразеологизма не ограничивается функцией воздействия.

Считаем, что в художественном тексте предназначение библейского фразеологизма в первую очередь обусловлено этимологической связью такого выражения с «Книгой книг» – с Библией.

Отсылая к первоисточнику, то есть к текстам Ветхого и Нового Заветов, устойчивое выражение библейского происхождения выполняет **аллюзивную функцию**.

Как известно, аллюзией в литературоведении называют намек на широко известный факт или фразу.

Библейскому фразеологизму свойственно не просто «намекать», а представлять содержание религиозного текста или эксплицировать отсылку к нему, в результате чего устойчивое выражение, почерпнутое из Библии, дополняет новыми смыслами семантическое пространство художественного текста. Это происходит в силу влияния религиозного содержания отдельной фразы, а также контекста ее употребления в Священном Писании, на содержание художественного текста в целом. Смыслы, порождаемые компонентом библейского происхождения, касаются как вопросов веры, так и других проблем – добра и зла, жизни и смерти и т. п. Благодаря смысловому ориентиру, заключенному в библеизме, аллюзия выходит за рамки «украшательства» – сугубо формального стилистического приема.

Аллюзивная функция библейского фразеологизма особенно важна, если выражение, заимствованное из Библии, вынесено в заглавие, так как заглавие в качестве особого структурного элемента [Мещерякова 2022] «выступает некоей универсальной единицей авторского сознания, которая непосредственно

связана с культурной памятью личности и которая сопричастна её духовной жизни» [Мещерякова 2009, с. 273].

Так, роман И. С. Шмелева назван словосочетанием *Лето Господне*, которое посредством отсылки к библейскому тексту выражает авторское понимание религиозного содержания выражения.

Лето Господне можно назвать «дважды» библейским фразеологизмом. Он встречается в Евангелии от Луки: «*И пришел в Назарет, где был воспитан, и вошел, по обыкновению Своему, в день субботний в синагогу, и встал читать. Ему подали книгу пророка Исаии; и Он, раскрыв книгу, нашел место, где было написано: Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим, и послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу, проповедовать лето Господне благоприятное*» (Лк: 4, 16–19). Описанная в Евангелии проповедь Христа дается через указание на ее источник – Книгу пророка Исаии, где изначально присутствует выражение *Лето Господне*: «*Дух Господа Бога на Мне, ибо Господь помазал Меня благовествовать нищим, послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение и узникам открытие темницы, проповедовать лето Господне благоприятное и день мщениа Бога нашего, утешить всех сетующих*» (Кн. Ис.61, 1-2).

«В ветхозаветной книге пророка Исаии *лето Господне благоприятное* обозначало истинное лето отпущения (год), времена отрады и утешения для израильтян с пришествием Мессии. В новозаветной Церкви лето Господне обозначает не конкретный временной отрезок (год), а состояние души» [Коршунова 2013, с. 31].

На наш взгляд, использование выражения и в ветхозаветном тексте, и в новозаветном тексте определяет возможность многоплановой трактовки библейского выражения при его употреблении в художественном тексте, а вынесенное в заглавие, устойчивое сочетание влияет на семантическое пространство текста в целом. Это связано с аллюзивной функцией библейского выражения, которая заключается в эксплицировании авторского намерения связать в смысловом отношении создаваемый художественный текст и текст Священного Писания.

Рассмотрим, как работает аллюзивная функция библейского выражения *лето Господне*, взятое И. С. Шмелевым в качестве названия для его широко известного произведения.

При анализе влияния библеизма на организацию глубинной смысловой системы важно обратить внимание не только на церковно-религиозное значение компонентов выражения (*лето* – ‘время, год’; *Господне* – ‘данное, дарованное Господом’), но и на контекст употребления сочетания, в рамках которого обрисовывается особая коммуникативную ситуацию. Ее суть заключается в проповеди Христа, его диалоге с соотечественниками, которые не приняли Его: «Услышав это, все в синагоге исполнились ярости» (Лк: 4, 28). Иоанн Бухарев, протоирей, так трактует эти эмоции: «Речь И. Христа показалась очень оскорбительною для назаретян, потому что из нее они видели,

что Господь не сотворит для них чудес за неверие их, что Он подобно Или и Елисею охотнее обратится к другим со Своим словом и чудесами, чем к ним». Таким образом, с помощью выражения из Библии *лето Господне* формируется основная доминанта семантического пространства: **Христос и люди**. В тексте она становится той «осью», которая организует систему смыслов произведения и даже соотносится с системой персонажей.

В противовес «евангельской» коммуникативной ситуации, где люди не хотели принять проповедующего Христа, Шмелев вводит героя-ребенка, возраст которого позволяет воспринимать религиозные идеи так, как могут это делать только чистые сердцем дети. Также для автора важно, что его герой по социальному положению относится к особой группе детей – он сын священнослужителя. Поэтому ключевой для романа выступает идея постоянного внутреннего стремления героя и его родных, близких людей к осмыслению основных понятий жизни и смерти через призму православной веры.

Чтобы передать живой диалог своих героев с Богом, автор наполняет текст лексикой, отражающей процесс сакрального общения. Например, весьма распространенной единицей текста выступают лексемы с корнем *мол-*: *молиться, молитва, молитвочка, молитвенный*, и др.

Для семантического пространства текста в соответствии с заданной «осью» важно такое значение слова *молитва*, которое выявляет отношения между Богом и Церковью. В этом случае под молитвой понимается ‘принятый Церковью текст обращения к Богу, к святым, содержащий смиренную просьбу, благодарение или восхваление’ [Андреева, Баско 2012, с.131]. Текст изобилует такими примерами лексемы *молитва / молитвочка*: 1) *И я принимаюсь читать про себя недавно выученную постную молитву*; 2) *Радостная молитвочка! Она ласковым светом светит в эти грустные дни Поста*; 3) *Таинственные слова, священные. Что-то в них... Бог будто? Нравится мне и «яко кадило пред Тобою», и «непцевати вины о гресех», — это я выучил в молитвах* и т. д. Однако слова с этим корнем активно используются Шмелевым еще и для описания общения людей между собой, тем самым подчеркивается влияние сакрального диалога на повседневную жизнь людей: *Горкин поклонился низко и молитвенно так сказал: «Разогрелся малость, ваше преосвященство... от торжества»*; 2) *Отмолит нас Панкратыч... мы все за ним, как... за каменной горой... Скажи папашеньке... отмо... лит! всех отмолит!* Слова с корнем *мол-* активно входят в формирование сравнений, имплицитно возвращающих читателя к той же семантической «оси»: 1) *Я вижу взмокшие головы, ясные лысины на солнце, напряженные шеи, взвизгивающие глаза, в натуге, — в мольбе как будто*; 2) *Березки заглядывают в окна, словно хотят молиться*.

Соотнесение сочетания *лето Господне* из книги Исаии и из Нового Завета определяет особую темпоральную семантику романа. В Евангелии Христос, цитируя книгу Исаии, указывает на то, что пришло время исполнения пророчества. Тем самым в библейском тексте проводится идея вхождения прошлого в настоящее, но не в линейном понимании, а в сакральном,

связанном с идеей грехопадения и спасения. Именно этот смысл позволяет выражению *лето Господне* внести в описываемое Шмелевым реальное время христианскую перспективу, соотносящую жизнь человека на земле и жизнь вечную. Вот как, к примеру, эта тема представлена во фрагменте, описывающем день Радоницы:

Нашли один памятник, высокий, зеленой меди, будто большая пасха, и написано на нем, вылито, медными словами: «Девушка, Певушка и Музыканша», — мы даже подивились, уж так торжественно! <...> Антипушка пожалел-повоздыхал: молоденькая-то какая — и померла! «Ее, Михал Панкратыч, говорит, там уж, поди, в ангелы прямо приписали?» Неизвестно, какого поведения была, а так глядеться, очень подходит к ангелам, как они пишутся... и пеньем, может, заслужит чин. <...> Неподалеку от той «Девушки» — Домна Панферовна, с Анютой, на могилке дочки своей сидит <...> Спросили ее про ту ангельскую «Девушку», а она про нее все знает! «Не, не удостоится», — говорит, это уж ей известно. Антипушка стал спрашивать, а она губы поджала только, будто обиделась. Сказала только, подумавши: «певчий с театров застрелился от нее, а другой, суконщик-фабрикант, медный ей „мазoley“ воздвиг, — пасху эту; на Пасху она преставилась... а написал неправильно». А чего неправильно — не сказала.

Аллюзивная функция библейского фразеологизма позволяет высветить в семантическом пространстве текста в качестве концептуальной идею рая, греха и человеческого устремления к Богу. Это определяет активное использование религиозных, по своему содержанию относящихся к различным его видам – агнионимам, эортонимам, экклезионимам и т. п.:1) –*Верно. Завтра вся земля именинница. Потому – Господь ее посетит. У тебя Иван-Богослов ангел, а мой – Михаил-Архангел. У каждого свой. А земли-матушки сам Господь Бог, во Святой Троице... Троицын день. «Пойду, — скажет Господь, — погляжу во Святой Троице, навещу»;* 2) *Завтра у нас «Донская». Завтра Спас Нерукотворный пойдет из Кремля в Донской монастырь крестным великим ходом <...>*

Благодаря активному использованию религиозных, текст произведения вбирает в себя множество духовных смыслов, связанных с представлением о православных ценностях, их востребованности не только в жизни семьи священника, но и всей Москвы и – шире – всей России. *Колыхается-плывет сонм золотых хоругвей, благословляет нас всех, сияет Праздниками, Святыми, Угодниками, Мучениками, Преподобными...*

Таким образом, устойчивое словосочетание *лето Господне*, употребляемое в текстах Ветхого и Нового Заветов, формирует доминанту **Бог – человек** и определяет семантическое пространство романа Шмелева, в названии которого оно было использовано. Смысловая «ось» возникает как результат реализации аллюзивной функции библейского фразеологизма – компонента художественного текста.

Список литературы

1. Баско Н. В., Андреева И. И. Словарь православной лексики в русской литературе XIX-XX вв. 5—11-й классы: более 1000 слов и устойчивых сочетаний, употребительных в церковном обиходе. М.: АСТ-Пресс, 2012. 266 с.
2. Коршунова Е. А. Между классикой и модерном: традиция и интертекстуальность в поэтике прозы Ивана Шмелева. Харьков: ФОП Бровин А.В., 2013. 216 с.
3. Мещерякова О. А. Структурные элементы художественного текста в лингвокультурологическом аспекте // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение. Сборник научных трудов VI Международной научно-практической конференции. Орел, 2022. С. 48-54.
4. Мещерякова О. А. Слово И. Бунина в контексте русской культуры // Вестник ЮУрГГПУ. 2009. №9. С. 271-278.
5. Сковородников А. П. Судьба церковнославянского языкового наследия в современной русской речевой культуре // Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкознание. 2016. Т. 15. № 4. С. 6-17.
6. Maksimowicz E. Особенности библейских фразеологизмов в заголовках современных российских масс-медиа // Lingvodidaktika. № 23. 2019. P. 147-160.

УДК 81.81-22

Метод компаративизма в паремииграфии (на материале сборника И. Я. Франко «Галицько-руські народні приповідки»)

Мушинская Виктория Владиславовна

Санкт-Петербургский государственный университет, доцент кафедры славянской филологии, кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербург, Уверситетская наб., д. 11, Россия v.mushinskaya@spbu.ru

Аннотация. В статье рассматривается метод компаративизма, используемый И. Франко в сборнике «Галицько-руські народні приповідки». Данный метод позволил выявить польские и немецкие пословичные параллели украинских паремий, функционирующих в Галиции в конце XIX – начале XX вв., определить заимствования из польского и немецкого языков, продемонстрировать культурно-национальную специфику украинских паремий.

Ключевые слова: компаративизм, паремииология, паремииография, паремия, украинский язык

The Method of Comparativism in Paremiography (Based on the Collection of I. Ya. Franko «Galician-Russian Folk Pripovedki»)

Mushchinskaia Viktoriia V.

Saint Petersburg State University, docent of the department of slavic philology, candidate of philology sciences, Saint Petersburg, University embankment, 11, Russia, v.mushinskaya@spbu.ru

Abstract. The article discusses the method of comparativism used by I. Franko in the collection «Galician-Russian folk pripovedki». This method made it possible to identify Polish and German proverbial parallels of Ukrainian proverbs functioning in Galicia in the late XIX – early XX centuries, to identify borrowings from Polish and German, to demonstrate the cultural and national specifics of Ukrainian proverbs.

Keywords: компаративизм, paremiology, paremiography, paremia, Ukrainian language

В XIX в. на Украине произошло становление паремиологии и паремиографии как двух взаимодополняющих дисциплин фольклористики. В паремиографии были апробированы принципы систематизации и публикации паремиологического материала. Данный материал представлял собой рукописные сборники и печатные издания. Печатные издания можно охарактеризовать следующим образом:

1) по охвату материала: а) региональными «Галицькі приповідки і загадки» Г. Илькевич (Вена, 1841), б) национальные «Українські приказки, прислів'я і таке інше» Номыс (СПб, 1864), «Нова збірка народних малоруських приказок, прислів'їв, помовок, загадок і замовлянь» Н. Комаров (Одесса, 1890);

2) по принципу отбора материала: а) самостоятельные «Малороссийские пословицы и поговорки, собранные ВНС» В. Смирницкий (Харьков, 1834), б) сводные «Малороссийские пословицы, поговорки и загадки и галицкие приповедки» Н. Закревский (Москва, 1860);

3) по содержанию: а) тематические «Українсько-руські правничі системно впорядковані та юридично пояснені» В. Охримович (Львов, 1912), б) общие «Пословицы и загадки» П. Чубинский (СПб, 1878).

Помимо собирания и публикации паремиологического материала предпринимались попытки теоретического осмысления сущности данного жанра, выявления структурных и функциональных свойств присущих только паремиям; критерии отбора и дифференциации; анализ паремий; изучение стилистических особенностей; установление источников, путей проникновения и пополнения паремиологического фонда. Эти вопросы поднимались в предисловиях к паремиологическим изданиям, а также в отдельных исследованиях, напр. П. Иващенко «Религиозный культ южно-русского народа в его пословицах» (Киев, 1875), Н. Сумцов «Опыт исторического изучения малороссийских пословиц» (Харьков, 1896) и др.

Сборник И. Франко «Галицько-руські народні приповідки» представляет собой 3 тома, каждый том состоит из 2 выпусков. Издавались они во Львове с 1901 г. по 1910 г. научным обществом имени Шевченко в издании «Этнографический сборник». И. Франко собрал более 30 тысяч паремий, который начал собирать еще во время учебы в Дрогобычской гимназии. В это

время там работал известный диалектолог И. Верхратский. Далее И. Франко привлекает доступные опубликованные и неопубликованные материалы, проводит работу по разысканию рукописных коллекций, которые значительно обогатили будущее издание. С целью, как можно полнее представить паремиологическую традицию своего края, И. Франко устанавливает контакты с многочисленными корреспондентами, приглашает к работе всех желающих. Специально для фольклористов-любителей Франко в газете «Діло» поместил небольшое объявление с информацией, как правильно записывать материал. И. Франко также следит за паремиологическими изданиями как в России, так и в Европе.

Жанр паремий Франко трактовал очень широко, считая, что это не только «моральные, философские суждения, жизненные правила, но также определенные личные рефлексии, высказывания общечеловеческих чувств, проклятия, шутки, колкости, высмеивания, сравнения и фигуральные обороты, некоторые, если можно так сказать, формулы гадания – “заговоры”... самые разнообразные пародии (молитв, обрядов, заклятий и серьезные пословицы)... некоторые “устаревшие” загадки, значение которых стало со временем настолько прозрачным, что народ перестал их считать загадками и употребляет как пословицы» [Дей 1963, № 2, с. 94].

В исследованиях фольклора И. Франко считал, что одной из самых важных проблем является проблема соотношения национального и интернационального, т.е. выделения оригинальных этнических и заимствованных (по терминологии Франко «привозных», «мандрованных», «зайшлих»). В своих ранних работах исследователь подчеркивал доминирующую роль заимствований, отрицая существование оригинального пласта паремий. И. Франко считал, что все паремии являются интернациональным достоянием и делал вывод, что «сравнив соответствующие пословицы разных народов, легко прийти к выводу, что почти все они являются общими для почти всех культурных народов и не имеют ничего характерного для определенного народа» [Дей 1963, № 2, с. 95].

Позже он кардинально меняет свою точку зрения, проводя работу на выявление оригинального национального, отделяя его от «привозного добра».

Франко рассматривал фольклор как органическое единство двух составляющих: «местной разнородности» и «неместных, привозных, перенятых, международных» элементов, которые в совокупности образуют оригинальное целое, причем национализация «привозных» паремий связана прежде всего с национально-культурным осмыслением текстов.

Одним из важнейших достижений И. Франко при составлении сборника был принцип компаративного анализа. Учитывая достижения своих предшественников в области компаративных исследований, И. Франко отмечает, что «провел лучше всего сравнение наших припovedок с польскими (сб. Адальберга и Бжозовского), словацкими (Затурецкий), чешскими (Челаковский), белорусским (Носовича), старорусскими (Симони); намного меньше использовал сборник В. Даля, литовского Шлейхера, сербо-лужицким

Э. Мука и главным и самым богатым источником сравнений служил сборник Вандера» [Франко 1905, т. XVI, с. XX].

Франко высоко оценивал как словарь С. Адальберга «Księga przysłów przyrowieści i wyrażeń przysłowiowych» (Варшава, 1889-1891), так и словарь К. Ф. Вандера «Deusches Sprichwörter-Lexikon» (Лейпциг, 1867-1880). Он широко привлекал материалы словарей для компаративного анализа, «...чтобы показать, какой процент есть украинских оригинальных, а сколько взято от велико- и белорусов и поляков..» [Франко, 1986, т. 48, с. 383-384]. Нужно отметить, что И. Франко проанализировал паремиологическую концепцию С. Адальберга и перенял многое для своей собственной концепции построения словника. В частности это систематическое распределение паремий по опорному слову, размещение паремий по алфавиту.

Приведем несколько примеров словарных статей, в которых И. Франко обращается к этим словарям. Можно выделить две группы паремий. К первой группе относятся украинские паремии, которые по своему значению совпадают с польскими и немецкими. Паремии данной группы можно отнести к полным пословичным параллелям. На это указывают пометы «сравни», «тоже у поляков», «в том же духе у поляков», «почти также у поляков», «сравни Адальберг», «поляк говорит», «подобное у поляков», «сравни Вандер», «сравни немецкое». Следует отметить, что в сборнике не всегда дается польские и немецкие пословичные параллели, иногда дается отсылка к словарям.

To ci відвело, але ci не забуло. (Наг.) знач. Хотя и опоздало, но не пропало, ср. Польское *Co się odwlecze, to nie uciesze.* Адал. *Odwlec się 2.*

Голодних і муха повадить (Лльк). Голодный человек делается завистливым и когда кто-то составляет ему конкуренцию в утолении голода, то сразу готов к ссоре, и даже к драке. *Тоже у поляков, ср. Адал. Głodny 16.*

Як сам собі відпустиш, то ти Біг і люди відпустят (Гнідк.). Мысль не совсем правильная. Человек обычно отпускает (прощает) сам себе всякое злое дело намного быстрее, чем ему отпускают другие люди. В том же духе и польск. *Одпушчай лацно другему, не лацно собе самему.* (*Odpuszczaj łacno drugiemu, nie łacno sobie samemu*), Адал. *Odpuszczać 1.*

Без відваги й зиску нема (Бор.) Отвага здесь в значение риска. Ср. немецкое: *Muth gewinny Gut, Wand. III, (Muth 799).*

В війні хто дужчий, той ліпший (Кол.) Кто победит, тот обычно диктует условия побежденному. Ср. немецкое: *Im Kreige hat der Stärkere recht. Wand. II, 1621 (Kreig 90).*

Кому на язичі гірко, той гірким плює. (Збар.) У кого сердитый, злобный характер, тот и других оскорбляет. Ср. *Wand. I (Bitter 11).*

Ко второй группе относятся польские и немецкие паремии, отличающиеся по своему значению от украинских, сопровождаются следующими пометами: «у поляков не так», «у поляков наоборот», «у поляков проще», «поляк говорит», «немец говорит», «у немцев немного не так», «немец говорит короче», «что-то подобное у немцев». Паремии данной группы можно отнести в частичным пословичным параллелям или к аналогам.

З бабов би і біда кінця не урвала. «Беда» в значенні «черт»; «кінця урвати» - прийти к согласию. У Поляков проще: *З бабон чарт не пораdzi* (Z babą czart nie poradzi) (Adalb. Baba 37) (Там же).

Незваному гостю місце за дверми (Ільк). Его не просят в хату; у поляков его выносят из хаты, ср. Адалб *gość* 12.

Тягни за волоси, як пса до буди (Наг.) пес не любит идти в будку, где его сажают на цепь. Поляк сравнивает: як коня за гриву. Адал. *Włos* 1.

Без жида й торгу нема (Дрог.) Жида забрали по нашим городам торг в свои руки. У поляков наоборот, ср. Адал. *Żyd* 1.

Хто сі того не вчив, той того не вдасть (Наг.) Говорят крестьяне «ученому» городскому жителю, который берется за крестьянский труд и не получается. Поляк говорит: кто не учился, тот не научит другого, ср. Адал. *Uczyć*.

Волос сивіє, а голова шаліє. (Ільк.) Сивый волос - символический этап пожилого возраста. Немец говорит: *Graue Haare und Weisheitszähne kommen nicht stets miteinander*, Wand. II (Haar 46), у Поляков наоборот: *Gdy włos siwieje, to rosum dojrzeje*, Adalb. *Włos* 3.

Вітром жити. (Наг.) Знач. жить не из чего, без доходов. Ср. Wand. V (*Wind* 402), хотя немецкое 'vom Winde leben' имеет другое значение: жить обманом.

Заїв вовк кобилу, най ззість і лоша. (Кольб.) При большом уроне меньший не такой болезненный. Немец досаднее: *Nat der Wolf den Ochsen gefressen, so fress' er auch die Hörner*, Wand. V (*Wolf* 265, 266)/

Водов ситий не будеи. (Наг.) Ответил крестьянин, когда мещанин любовался, какая в селе хорошая вода. Немец говорит: Вода добра, але свиной не нагодуетш, пор. Wand. IV (*Wasser* 404).

Гусям ярмо. (Гнідк.) Знач. какая-то малоценная, мелкая вещь. Немного аналогично говорит немец о лишней, ненужной работе: *прибити гусям підкови*, ср. Wand. I, 189).

Часто И.Франко уточняет или поясняет происхождение украинских паремий:

Зійшли ся два Андрухи, єден темний, другий глухий. (Гнідк.)... *слітий.* (Дрог.). Приповідка переведена с польского, на что указывает несоответствующий русскому языку акцент последнего слова «глухий». Употребляется, когда два недотепы берутся вместе к какому-н. делу. Ср. Adalb. *Andrzej* 3.

Заробив, як Заблоцкий на милі. О бесполезном заработке. Пословица взята из польского, ср. Adalb. *Zabłocki* 1. (ГРНП, 1901, т 2, ч. 1. С. 156).

Як би цне та гідне, то би так не говорило (Наг.). – О ленивом, испорченном, лживом или сварливом человеке. Цне – из польского *спу* – честный.

Груба як фаса. (Дрог.) Говорят о грубой, толстой женщине. Фаса из немецкого *Fass* - бочка.

Моя хата не гургавс! (Яс. С.) Гургавс из немецкого *Hurenhaus*, дом терпимости.

Gwaltu rypit, аж хата ходит. (Наг.) Знач. кричит, просит спасения. Гвалту - от нем. Gewalt, знач: меня насилуют.

В результате исследования, можно сказать, что И. Франко внес весомый вклад в развитие украинской паремиологии и паремиографии. Метод компаративизма органично дополнил общую методологию обработки паремий, разработанную автором в сборнике «Галицько-руські народні приповідки». Данный метод позволил выявить польские и немецкие пословичные параллели к украинским паремиям, функционирующих в Галиции в конце XIX – начале XX вв., определить заимствования из польского языка и немецкого языков, продемонстрировать культурно-национальную специфику украинских паремий.

Список литературы

1. Денисюк І. Фольклористичні концепції М. Грушевського та І. Франка // Невичерпність атома. - Львів, 2001. С. 182-186.
2. З фольклористичної спадщини Івана Франка. Недрукована передмова до збірки прислів'їв, підготовка до друку, переклад і вступна замітка О. І Дея // Народна творчість і етнографія. 1963. № 2. С. 94-96.
3. Пилипчук С. М. «Галицько-руські народні приповідки»: пареміологічно-пареміографічна концепція Івана Франка. - Львів: Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка, 2008. - 219 с.
4. Франко І. Передмова до першого тому (видання «Галицько-руські народні приповідки») // Етнографічний збірник. – Львів, 1905. Т. XVI. С. XX.
5. Франко І. Зібрання творів в 50 томах. Київ, 1986, т. 48. С. 383-384.

УДК 81

Лингвокультурологические аспекты ФЕ-терминов современного делового английского языка в сопоставлении с русскими

Наталья Игоревна Прокопина

ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева», ст. преподаватель кафедры английской филологии, Орел, Россия, prokoninanatalie@mail.ru.

Аннотация. В данной научной статье исследуется вопрос лингвокультурологического наполнения ФЕ-терминов делового английского и русского языков, а также приведены практические примеры из обеих языковых систем, подтвержденные соответствующими кодами культуры и лингвокультурными контекстами.

Ключевые слова: Лингвокультурология, лингвокультура, лингвокогнитивное сообщество, ФЕ-термин, код культуры.

Linguoculturological Aspects of PU Terms of Modern Business English in Comparison with Russian Ones

Natalya I. Prokonina

Oryol State University named after I.S. Turgenev, senior teacher of the Department of English Philology, Orel, Russia, prokoninanatalie@mail.ru.

Abstract. This scientific article examines the issue of linguocultural content of PU terms in business English and Russian, and also provides practical examples from both language systems, confirmed by the corresponding cultural codes and linguocultural contexts.

Keywords: Linguoculturology, linguoculture, linguocognitive community, PU-term, cultural code.

Вопросы, связанные с исследованием культуры, не перестают быть актуальными по сей день. Изучение собственной и иноязычной культуры открывает возможность позитивной межкультурной коммуникации и способствует сближению и сплочению культур.

Лингвокультуроология – наука, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая вопросы их взаимодействия. Лингвокультуроология выступает как особая дисциплина, являющаяся преемником антропоцентрической лингвистики, – изучает язык как феномен культуры, формирующий национальное мировоззрение, и язык в данном контексте является носителем специфической ментальности.

Несомненно, язык и культура – неразрывные понятия как в жизни человека, так и целого общества. Язык – это проявление культуры и форма ее существования [Хроленко 2009, с. 4].

Кроме того, благодаря развитию лингвокультурологических исследований, стало возможным анализировать фразеологические единицы (ФЕ) не только с собственно языковых позиций, но и сквозь призму культураносных аспектов.

ФЕ-термины делового английского и русского языков оказываются привлекательной областью современных исследований. Состав подобных ФЕ-терминов вовсе не случаен: это символы, эталоны и устойчивые образы, характерные для определенного типа лингвокультуры, на пространстве которой «язык выполняет функцию означающего, а в роли означаемого выступают культураносные смыслы, образы культуры, сама культура» [Красных 2013, с. 59-60].

Согласно мнению В.Н. Телия, коды культуры являют собой совокупность окультуренных представлений о картине мира того или иного национального сообщества – о входящих в нее природных объектах, артефактах, явлениях, и присущих им различных пространственно-временных или качественно-количественных измерениях [Телия 1999, с. 20].

Культурное содержание ФЕ-термина придает ему особую образность, которая, в свою очередь, транслирует специфическое видение мира, присущее

определенному лингвокогнитивному сообществу. Так же как и другие ФЕ, ФЕ-термины «содержат в свой семантике эксплицитно или имплицитно представленные нормы социального поведения, характерные для данной культуры, и служат для рекомендации того, как следует поступать в типовых ситуациях общения и отражают своеобразные черты национального характера» [Абакумова 2021, с. 96].

Проиллюстрируем на примерах.

1) *Bear hug* – «an offer to take over a company in which more money is offered than the company is actually worth, and which people who own shares in the company will therefore find it hard to refuse: *The Schneider offer is considered a bear hug*» [Murphy 2004, p. 37].

«Медвежьих объятий» – предложение о поглощении компании, в котором предлагается больше денег, чем компания на самом деле стоит, и от которого людям, владеющим акциями компании, трудно отказаться: *Предложение Шнайдера считается медвежьими объятиями.*

В английском ФЕ-термине *bear hug* однозначно заложен зооморфный код культуры, что уже свидетельствует о культурной насыщенности терминологизма.

ФЕ-термин «медвежьих объятий» непроизвольно отсылает к фразеологическому обороту *to be in a bear's hug* – оказаться в медвежьих объятиях. Очевидно, что в англоязычном образе закладывается негативное отношение к медведям, граничащее с состоянием страха и безвыходности.

Другой также широко известный фразеологический оборот *to be like a bear with a sore head* (быть не в духе) снова доказывает тот факт, что в британской культуре медведя воспринимают как опасное животное.

Исходя из дефиниции рассматриваемого бизнес-терминологизма, номинация последнего полностью обуславливает его отрицательную эмоциональную маркированность. В русской же культуре, как известно, существует стереотип медведя как сильного, но добродушного животного, справедливого хозяина леса, то есть культурная коннотация скорее положительная, чем отрицательная. «Медведь — крупный, неуклюжий зверь, чем-то похожий на огромного человека. М. связывается у русских с представлением о большой физической силе, лени (всю зиму проводит в спячке в своей берлоге и сосет лапу), о неуклюжести и незлобивости в сочетании постоять за себя: рассерженный М. способен смести все преграды, одолеть любого противника» [Красных, с. 51].

2) Русскоязычный ФЕ-термин «денежная вуаль» подразумевает значимость денег как «ценностной оболочки реальных вещественных процессов» [Райзберг 2022, с. 97].

Очевидно, деньги всегда связаны с производством чего-либо и зависят от последнего, и соответственно, деньги и их ценность являются лишь внешним отражением происходящих экономических процессов.

За анализируемым терминологизмом стоит артефактно-вещный код культуры, который указывает на ценность определенных предметов/объектов.

В русской культуре вуаль имеет особое значение. Вуаль – элегантный элемент одежды, головной убор, как правило, состоятельных женщин. Как известно, мода на вуаль пришла в Россию из европейской культуры: прижилась белая вуаль как символ чистоты и непорочности и черная вуаль – символ траура и скорби.

Образ женщины в вуали был особенно воспет поэтами Серебряного века. В стихотворении А.А. Блока «Незнакомка» (1906 г.) представлен образ одинокой женщины с сомнительной репутацией – на ней «шляпа с траурными перьями» и «темная вуаль», за которой лирический герой сумел разглядеть самые совершенные черты и всю тонкость ее душевных терзаний и глубину [Кузнецова 1997, с. 760-761].

А.А. Ахматова в своем стихотворении «Сжала руки под темной вуалью…» (1911 г.) рисует образ героини, пребывающей во всепоглощающей печали из-за собственной вины в ссоре с возлюбленным. Черная вуаль дополняет трагичность описываемой сцены и контрастирует с бледностью и душевной тревогой девушки.

Вуаль в русской литературе – некий барьер между внешним и внутренним миром, за ним кроется тонкий психологизм и философия жизни героя.

Язык всегда закладывает фундамент народной мудрости и национального менталитета. И лингвокультурология, обладающая возможностью применять в процессе исследования собственно разработанные методы в совокупности со знаниями из смежных научных областей, способствует дальнейшему развитию научно-культурных мыслей о языке и его представителях.

Список литературы

1. Абакумова О. Б. Библиейские фразы и их трансформы – русские и английские пословицы как отражение лингвокультуры // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение: Сборник научных трудов V Международной научно-практической конференции, Орел, 14–15 октября 2021 года. Орел, 2021. С. 95-107.
2. Красных, В.В. Культура и лингвокультура в свете интегративного подхода // Пространство языка – пространство культуры. Материалы региональной научно-практической конференции. М., 2013. С. 72-75.
3. Красных В.В., Гудков Д.Б., Брилева И.С. Лингвокультурологический словарь «Русское культурное пространство». М., 2004. С. 120.
4. Кузнецова О. А. Комментарии. Незнакомка // Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем в двадцати томах / Минц З. Г., Лавров А. В. М., 1997. – Т. 2. – С. 759-764.
5. Райзберг Б.А. Современный экономический словарь. М., 2022. 512 с.
6. Деконструкция стереотипов окультуренного мировидения во фразеологических знаках // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. Материалы к коллективному исследованию. М., 1999.
7. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии. М., 2009 г. 182 с.
8. Murphy M. Longman Business English Dictionary. Pearson Education Limited, 2004. 533 p.

Сведения об авторе:

Проконина Наталья Игоревна; ст. преподаватель, ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева», 302026, Российская Федерация, Орел, ул. Комсомольская, д. 39-б; prokoninanatalie@mail.ru.

Prokonina Natalia Igorevna; senior teacher, Oryol State University named after I.S. Turgenev, 302026, Russian Federation, Orel, Komsomolskaya St., 39-b; prokoninanatalie@mail.ru.

ДЛЯ ЗАМЕТОК:

ДЛЯ ЗАМЕТОК:

Научное издание

16+

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. КОММУНИКАЦИЯ: ИЗУЧЕНИЕ И ОБУЧЕНИЕ

Сборник научных трудов

VII Международной научно-практической конференции
12-13 октября 2023 года, г. Орёл

Подписано в печать 01.12.2023 г. Формат 60×84 1/16
Печать цветная. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman
Объём 24,75 усл. печ. л. Тираж 100 экз. Заказ № 342

Лицензия ПД № 8-0023 от 25.09.2000 г.
Отпечатано с готового оригинал-макета в авторской редакции
в ООО Полиграфическая фирма «Картуш»
г. Орел, ул. 2-я Посадская, 26. Тел.: (4862) 44-51-46.
E-mail: kartush.orel@yandex.ru www.kartush-orel.ru